

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2018 Том 18 № 4

В номере: Большая стратегия (Grand Strategy) и сирийский кризис:
коалиционные войны великих и восходящих держав

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор
А.В. Шабазга, доктор
философских наук,
профессор, РУДН, Россия
ir@rudn.ru

Заместитель главного редактора
Д.А. Дегтерев, кандидат
экономических наук,
доцент, РУДН, Россия
degterevev-da@rudn.ru

Заместитель главного редактора
К.П. Курьлев, доктор
исторических наук,
доцент, РУДН, Россия
kurylev-kp@rudn.ru

Ответственный секретарь
О.С. Чикризова, кандидат
исторических наук
старший преподаватель,
РУДН, Россия
chikrizova-os@rudn.ru

Научные редакторы: кандидат политических наук Е.Н. Грачиков (политика), кандидат экономических наук Е.Ф. Черненко (экономика), кандидат исторических наук О.С. Чикризова (история)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, ректор Дипломатической академии МИД России
Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор Департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Масяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге

Фитунни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований

Адилханулы Нурлан Адилханович, кандидат политических наук, проректор Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылайхана, Казахстан

Азглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой факультета международных отношений Ереванского государственного университета, Армения

Акинер Ширин, профессор Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, Великобритания

Ван Гуанчжэнь, доктор исторических наук, профессор Школы истории и культуры Шаньдунского университета, Китай

Гутьеррес Дель Сид Ана Тереза, профессор международных отношений Столичного автономного университета, Мексика

Кёхлер Ханс, профессор философии Университета Инсбрука, Австрия

Моргунова Оксана, доктор философии, Центр по изучению России, Центральной и Восточной Европы Университета Глазго, Великобритания

Такахаси Мотоки, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, Япония

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям «История», «Политические науки», «Экономика».

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами «глобального Юга» (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «История международных отношений», «Прикладной анализ», «Политические портреты», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2019 г. следующий:

№ 2 2019	Наука о международных отношениях в странах СНГ, Азии, Африки и Лат. Америки	До 15 февраля 2019 г.
№ 3 2019	Энергетическое сотрудничество и международные транспортные проекты в развивающихся странах	До 15 мая 2019 г.
№ 4 2019	«Исламский фактор» в мировой политике	До 15 августа 2019 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Редактор *И.Л. Панкратова*
Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.university

Подписано в печать 25.12.2018. Выход в свет 29.12.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл.-печ. л. 29,3. Тираж 500 экз. Заказ № 1654. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2018

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2018 VOLUME 18 No. 4

**In this issue: Grand Strategy and Syrian Crisis:
Coalition Wars of the Great and Rising Powers**

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

**Professor Dr. Andrey
Shabaga**
RUDN University, Russia
ir@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

PhD Denis Degterev
RUDN University, Russia
degterev-da@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Doctor Konstantin Kurylev
RUDN University, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Chikrizova
RUDN University, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

Scientific Editors: PhD E.N. Grachikov (Politics), PhD E.F. Chernenko (Economics), PhD O.S. Chikrizova (History)

EDITORIAL BOARD

Bazhanov Eugene Petrovich, Doctor, Rector of the Diplomatic Academy, MFA of Russia

Larionova Marina Vladimirovna, Doctor, Head of the Center for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor of the Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics of the HSE

Mosyakov Dmitry Valentynovich, Doctor, Head of Department of Southeast Asia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Portyakov Vladimir Yakovlevich, Doctor, Deputy Director of the Institute for Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

Sapronova Marina Anatolievna, Doctor, Professor of the Department of Oriental Studies of MGIMO University, MFA of Russia

Heifetz Victor Lazarevich, Doctor, Professor of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

Fituni Leonid Leonidovich, Doctor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Global and International Studies

Adilhanuly Nurlan Adilkhonovich, PhD, Prorector of the Kazakh University of International Relations and World Languages named Abylaikhan, Kazakhstan

Aglyan Vahagn Robertovich, PhD, Head of the Department of International Relations of Yerevan State University, Armenia

Akiner Shirin, Professor of School of Oriental and African Studies (SOAS), University of London, UK

Wang Guangzhen, Doctor, Professor of the School of History and Culture in Shandong University, China

Gutierrez Del Cid Ana Teresa, Professor of International Relations at Metropolitan Autonomous University, Mexico

Kochler Hans, Professor of Philosophy at the University of Innsbruck, Austria

Morganova Oksana, PhD, Centre for Russian, Central and East European Studies, University of Glasgow, UK

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Japan

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Accessible at Academia.Edu and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow to elaborate a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "History of International Relations", "Applied Analysis", "Political Portraits", "International academic cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Research Schools".

Upcoming issues of the Vestnik RUDN for 2019 will deal with the following issues:

# 2 2019	International Studies in CIS, Asia, Africa and Latin America	By February, 15 2019
# 3 2019	International Energy Cooperation and Transport Mega-projects in Developing Countries	By May 15, 2019
# 4 2019	The Role of Islam in World Politics	By August 15, 2019

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Bulletin and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Editor I.L. Pankratova

Computer design E.P. Dovgolevskaya

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

Большая стратегия (Grand Strategy) и сирийский кризис: коалиционные войны великих и восходящих держав

- Бартенев В.И.** «Взаимно гарантированная обструкция»? Россия, страны Запада и политические дилеммы восстановления Сирии 755
- Косов А.П.** Сирийский фактор в российско-американских отношениях (2011—2018 гг.) 775
- Алиева А.И.** «Сирийская проблема» в турецко-американских отношениях 790
- Трунов Ф.О.** Использование бундесвера в борьбе с «Исламским государством» — в составе западной коалиции? 806
- Джаббари Насир Х., Бахриев Б.Х.** Антитеррористический подход Ирана на современном этапе: «жесткие» и «мягкие» элементы 823
- Саква Р.** Постевропейский мир, или Что нас ожидает после инволюции Европы? Монизм и отношения с Россией. Часть 1 837

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

- Gadzhiev K.S.** Essay on the Phenomenon of the Totalization of War (**Гаджиев К.С.** Эссе о феномене тотализации войны) 859
- Tijjani M.A.** United Nations Observer Mission and ECOMOG Intervention in Liberia's Peace Process (**Тижани М.А.** Наблюдательная миссия ООН и интервенция ЭКОМОГ в процессе установления мира в Либерии) 872

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Дегтерев Д.А., Ли Янь, Трусова А.А., Черняев М.С.** Приоритетные направления российской и китайской помощи в целях развития странам Азии и Африки: сравнительно-сопоставительный анализ 888
- Nguyen Thi Ngoc Lan, Chernenko E.F.** Russian-Vietnamese Cooperation in Energy Sector (**Нгуен Тхи Нгок Лан, Черненко Е.Ф.** Российско-вьетнамское сотрудничество в энергетике) 906
- Попова И.М.** Председательство Бразилии в БРИКС в 2019 г.: чего ожидать от начала нового десятилетия сотрудничества и администрации Ж. Болсонару 925

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Агазаде М.М.** «Конституция Каспия» и новые горизонты сотрудничества между Азербайджаном и Ираном 942

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

- R2P: Concept, Aspirational Norm or Principle? Interview with Professor **Alex J. Bellamy**, University of Queensland (Australia) (Ответственность по защите (R2P): концепция, желательная норма или принцип? Интервью с профессором **Алексом Дж. Беллами**, Университет Квинсленда (Австралия)) 955
- International Actors' Role in the Syrian Crisis. Interview with **Nourhan El Sheikh**, Professor of International Relations, Cairo University, Member of the Egyptian Council for Foreign Affairs (Роль международных акторов в сирийском кризисе. Интервью с **Нурхан Эль-Шейх**, профессором международных отношений Каирского университета, членом Египетского совета по иностранным делам) 965

РЕЦЕНЗИИ

- Пономаренко Л.В., Лукьянова Г.О.** Рецензия на монографию: Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. — М.: Центр-полиграф, 2018. — 670 с. 973
- Савичева Е.М.** Рецензия на коллективную монографию: Gulfization of the Arab World / Ed. by M. Owen Jones, R. Porter and M. Valeri. Centre for Gulf Studies, University of Exeter, Gerlach Press, 2018. 166 p. 977
- Кириченко В.П.** Рецензия на монографию: Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия. Глобальные тренды в региональном исполнении. — М.: Аспект Пресс, 2018. — 224 с. 981
- Хлопов О.А.** Рецензия на монографию: Prifti B. US Foreign Policy in the Middle East: The Case for Continuity. Palgrave Macmillan, 2017. 232 p. 984
- Чикризова О.С.** Рецензия на монографии: Non-State Armed Actors in the Middle East. Geopolitics, Ideology, and Strategy / Ed. by M. Yesiltas and T. Kardas. Palgrave Macmillan, 2018. 278 p.; Kapur S. Jihad as Grand Strategy. Islamist Militancy, National Security, and the Pakistani State. Oxford University Press, 2017. 185 p. 988
- Вольпе М.Л.** Рецензия на монографию: Ньгусие Кассасе В.М. Хайле Селасие I — император Эфиопии. — М.: РУДН, 2016. — 424 с. 992

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER:

Grand Strategy and Syrian Crisis: Coalition Wars of the Great and Rising Powers

Bartenev V.I. Mutually Assured Obstruction? Russia, the West and Political Dilemmas of Syria's Reconstruction	755
Kosov A.P. Syrian Factor in Russian-US Relations (2011—2018)	775
Alieva A.I. "Syrian Issue" in Turkish-US Relations	790
Trunov Ph.O. The Bundeswehr Usage in the Struggle against ISIS — A Part of Western Coalition?	806
Jabbari Nasir H., Bahriev B.Kh. Iran's Contemporary Anti-Terrorism Approach: "Hard" and "Soft" Elements	823
Sakwa R. Beyond the Involution of Europe? Monism and Relations with Russia. Part 1	837

PEACE AND SECURITY

Gadzhiev K.S. Essay on the Phenomenon of the Totalization of War	859
Tijjani M.A. United Nations Observer Mission and ECOMOG Intervention in Liberia's Peace Process	872

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Degterev D.A., Li Yan, Trusova A.A., Cherniaev M.S. Priorities of Russian and Chinese Development Cooperation to Asia and Africa: A Comparative Analysis	888
Nguyen Thi Ngoc Lan, Chernenko E.F. Russian-Vietnamese Cooperation in Energy Sector	906
Popova I.M. Brazil's 2019 BRICS Presidency: What to Expect from the Start of a New Decade of Cooperation and the J. Bolsonaro's Administration	925

BILATERIAL RELATIONS

Agazade M.M. "Caspian Constitution" and New Horizons of Cooperation between Azerbaijan and Iran	942
--	-----

SCIENTIFIC SCHOOLS

- R2P: Concept, Aspirational Norm or Principle? Interview with Professor **Alex J. Bellamy**, University of Queensland (Australia) 955
- International Actors' Role in the Syrian Crisis. Interview with **Nourhan El Sheikh**, Professor of International Relations, Cairo University, Member of the Egyptian Council for Foreign Affairs 965

REVIEWS

- Ponomarenko L.V., Lukianova G.O.** Book Review: Vasiliev, A.M. (2018). From Lenin to Putin. Russia in the Middle East. Moscow: Tsentrpoligraf publ., 670 p. (in Russian) 973
- Savicheva E.M.** Book Review: Owen Jones, M., Porter, R. & Valeri, M. (Eds.). (2018). Gulfization of the Arab World. Centre for Gulf Studies, University of Exeter, Gerlach Press, 166 p. 977
- Kirichenko V.P.** Book Review: Zvyagelskaya, I.D. (2018). Middle East and Central Asia. Global Trends in Regional Performance. Moscow: Aspect Press, 224 p. (in Russian) 981
- Khlopov O.A.** Book Review: Prifti, B. (2017). US Foreign Policy in the Middle East: The Case for Continuity. Palgrave Macmillan, 232 p. 984
- Chikrizova O.S.** Book Review: Yesiltas, M. & Kardas, T. (Eds.). (2018). Non-State Armed Actors in the Middle East. Geopolitics, Ideology, and Strategy. Palgrave Macmillan, 278 p.; Kapur, S. (2017). Jihad as Grand Strategy. Islamist Militancy, National Security, and the Pakistani State. Oxford University Press, 185 p. 988
- Volpe M.L.** Book Review: Nigusie Kassae V.M. (2016). Haile Selassie I — Emperor of Ethiopia. Moscow: RUDN University publ., 424 p. (in Russian) 992

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Большая стратегия (Grand Strategy) и сирийский кризис: коалиционные войны великих и восходящих держав

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-755-774

«Взаимно гарантированная обструкция»? Россия, страны Запада и политические дилеммы восстановления Сирии

В.И. Бартенев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

Зримое изменение соотношения сил в Сирии в 2017—2018 гг. вывело на первый план в международной повестке дня проблему восстановления территорий, затронутых долгим и разрушительным конфликтом. Масштабы материального ущерба, гуманитарного кризиса и дефицита средств, требующихся для ликвидации последствий войны и возвращения к нормальной жизни в Сирийской Арабской Республике (САР), указывают на неизбежность значимого участия внешних сил. В статье на основе открытых источников обозначены специфические особенности подходов России и стран Запада к восстановлению Сирии и их восприятия политических дилемм, связанных с этим процессом. Такого рода сопоставление не проводилось пока ни отечественными учеными, которые либо затрагивали проблемы реконструкции опосредованно, либо рассматривали отдельно только мотивы России, ни зарубежными авторами.

В первом разделе обобщена доступная информация о ходе российско-сирийского взаимодействия по вопросам реконструкции и основные направления усилий России, призванных обеспечить более активное участие третьих стран в восстановлении Сирии. Во втором разделе рассматриваются истоки и эволюция позиции представителей «Группы друзей сирийского народа», в первую очередь США и стран ЕС, по проблеме реконструкции Сирии. Особое внимание уделено сходствам и различиям между ситуацией вокруг восстановления Сирии и международным контекстом реализации других программ постконфликтного восстановления, в частности в Ираке и Афганистане.

Сделан вывод о том, что «взаимно гарантированная обструкция» и развитие параллельных процессов реконструкции к западу и востоку от Евфрата могут иметь крайне негативные последствия не только для Сирии, но и для всего ближневосточного региона. Противодействие воплощению в жизнь данного сценария сопряжено с рядом имиджевых, экономических и политико-стратегических рисков для каждого из акторов внутри Сирии и за ее пределами.

Ключевые слова: Сирия, восстановление, реконструкция, помощь, санкции, политическое урегулирование, Российская Федерация, «Группа друзей сирийского народа», США, Европейский союз

Сирийская Арабская Республика находится в центре внимания мировой общественности вот уже более семи лет. В результате уникального сочетания внутренних и внешних факторов здесь сформировался сложнейший конфликтный узел, в котором переплелись интересы множества государственных и негосударственных акторов — локальных, региональных и внерегиональных.

На фоне радикального изменения в соотношении сил в САР, произошедшего, в первую очередь, благодаря российскому военному вмешательству, на первый план выходит проблема восстановления пострадавших от войны территорий. Стоимость реконструкции была оценена специальным представителем Генерального секретаря ООН по Сирии С. де Мистурой в 250 млрд долл. США¹, в то время как, по словам президента САР Башара Асада, только для восстановления разрушенной инфраструктуры потребуется не менее 400 млрд долл. США и 10—15 лет². Некоторые эксперты, впрочем, полагают, что счет может идти на триллионы долларов, а сам процесс растянется на десятилетия. На это указывают бедственное экономическое положение страны (бюджет САР с 2010 г. сократился с 14 до 6,2 млрд долл. США³, золотовалютные резервы — с 21 млрд долл. США в 2010 г. до 1,3 млрд долл. США, а ВВП — на 63% с 2010 г. по 2016 г. — значительно больше, чем среднестатистические значения (–2% ВВП за каждый год конфликта), которыми привыкли оперировать ученые) [Gates et al. 2012]), а также масштабы гуманитарной катастрофы. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), до сих пор более 12 млн сирийцев — половина населения Сирии — являются беженцами или внутренне перемещенными лицами (ВПЛ) — 5,64 млн⁴ и 6,6 млн⁵ человек соответственно.

Говоря о восстановлении за счет собственных сил, руководство САР не скрывает заинтересованности в получении внешней помощи, обещая отдать приоритет «дружественным странам — России, а также Ирану и Китаю»⁶, в то время как европейские и американские компании, по словам министра экономики САР А. Майалеха, должны будут «сначала попросить свои правительства извиниться за поддержку оппозиции, прежде чем претендовать на какую-то роль в процессе восстановления»⁷. Россия, Иран и Китай, со своей стороны, проявляют устойчивый интерес к участию в восстановлении САР, тогда как страны Запада, «традиционные» доноры, которые исторически несли основное финансовое бремя по восста-

¹ См.: Help Assad or Leave Cities in Ruins? The Politics of Rebuilding Syria // The New-York Times. 03.12.2017.

² См.: Асад оценил восстановление инфраструктуры Сирии в \$400 млрд // Ведомости. 15.04.2018.

³ См.: Assad Wants \$400 Billion to Rebuild Syria: Russian Lawmaker // Rudaw. 15.04.2018.

⁴ The UN Refugee Agency (UNHCR) Syria Regional Refugee Response. Update 22.11.2018. URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/syria> (accessed: 25.11.2018).

⁵ UNHCR. Syria Emergency. URL: <https://www.unhcr.org/syria-emergency.html> (accessed: 25.11.2018).

⁶ Восстанавливать Сирию попросят Россию, Китай и Иран // Коммерсантъ. 30.03.2016.

⁷ Europe, U.S. to Apologize to Syria Before Getting Reconstruction Contracts — Government Official // The Syria Report. 15.02.2017.

новлению постконфликтных государств, а также ряд их партнеров в регионе заняли обструкционистскую позицию, поставив участие в реконструкции областей, подконтрольных Дамаску, в зависимость от хода политического процесса.

Более того, процесс реконструкции запускается в стране, находящейся под санкциями и переживающей период раскола внутри общества. В отсутствие мирного урегулирования в САР идет «восстановление инфраструктуры ad hoc по разным каналам» — как «сверху вниз», так и «снизу вверх» [Звягельская, Кузнецов, Наумкин 2018: 6].

Совокупность этих факторов делает ситуацию вокруг восстановления Сирии настолько нестандартной, что ценность обращения к богатому международному опыту постконфликтной реконструкции, описанному в научной литературе [см., например: Barakat 2013; Amara 2016; Girod 2015; Langer, Brown 2016], становится, скорее, условной.

Большая часть наиболее релевантных трудов российских авторов [Наумкин и др. 2016; Аксененок и др. 2017; Звягельская, Кузнецов, Наумкин 2018] затрагивает проблему реконструкции на уровне региона и «по касательной», а те немногие ученые, кто делает ее центральным сюжетом своих исследований, рассматривают российский подход вне связи с подходами других акторов [Агеев и др. 2017]. В зарубежной же библиографии имеется ряд материалов, посвященных восстановлению Сирии [Freear 2016; Asseburg, Oweis 2017; Daher 2018; Reconstruction Calling... 2018; Heydemann 2018a, 2018b, 2018c; Alaaldin et al. 2018; Brown 2018a, 2018b], но не рассматривающих детально российские инициативы и перспективы их реализации, которые мы обозначим в этой статье первыми.

ПОЗИЦИЯ РОССИИ: ПОМОГАТЬ ДАМАСКУ, НЕЛЬЗЯ ЖДАТЬ

Участие России в восстановлении Сирии выглядит вполне закономерным ввиду многократного усиления ее влияния в САР после 2011 г. и в особенности после организации военной кампании в поддержку режима Б. Асада в его борьбе с «Исламским государством» (ИГ)⁸ в 2015 г. Операция в САР при участии более 63 тыс. российских военнослужащих⁹ принесла Москве ощутимые политико-стратегические дивиденды. Во-первых, российское правительство нанесло сокрушительный удар по боевикам ИГ, среди которых было немало выходцев из самой России, а также из других стран бывшего СССР. Во-вторых, оно предотвратило повторение «ливийского сценария» в Сирии и обвальный крах правящего режима, который мог бы обернуться, по мнению наиболее авторитетных отечественных ученых-востоковедов, неконтролируемым распадом страны [Наумкин и др. 2016: 28]. В-третьих, Россия смогла заметно укрепить свои позиции в Восточном Средиземноморье. Сначала, в августе 2015 г., она получила право на размещение авиагруппы в районе аэродрома Хмеймим на бессрочной и безвозмездной основе,

⁸ Организация запрещена в РФ.

⁹ Как сирийская кампания стала главным полигоном российской армии // Ведомости. 22.08.2018.

а спустя полтора года подписала с САР соглашение о расширении территории пункта материально-технического обеспечения российского флота в районе порта Тартус до 24 га сроком на 49 лет. В-четвертых, Россия продемонстрировала верность отстаиваемым ею принципам территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела. В этом плане российская операция, по мнению ведущих специалистов Института востоковедения РАН, стала для России «демонстрацией гораздо более широких возможностей и заявкой на глобальную роль» [Звягельская, Кузнецов, Наумкин 2018: 14]. Наконец, в-пятых, как справедливо отмечает М.С. Ходынская-Голенищева, силовое вмешательство Москвы «стало катализатором создания принципиально новых многосторонних форматов сирийского урегулирования», которые «объективно отвечали тенденциям трансформации современного миропорядка» [Ходынская-Голенищева 2019: 700, 705].

Вместе с тем военная кампания обошлась российской казне достаточно дорого — только первые полгода пребывания российских войск в Сирии стоили бюджету 33 млрд руб.¹⁰ По этой причине Россия рассчитывает на получение в Сирии в том числе и экономических дивидендов. Как отметил вице-премьер России Д.О. Рогозин во время визита в Дамаск в декабре 2017 г., «российские компании имеют моральное право (тем более в присутствии наших военных) (курсив наш. — В.Б.) развить здесь крупные экономические проекты»¹¹.

За последние годы России удалось добиться существенных успехов на двустороннем треке. В их числе:

— заключение двух инвестиционных соглашений на общую сумму 850 млн долл. США, закрепивших участие российских компаний в восстановлении разрушенных электросетей, нефтедобывающих и нефтеперегонных станций в Сирии (апрель 2016 г.)¹²;

— восстановление при активном содействии российских специалистов участка железной дороги протяженностью 65 км из Тартуса в Джабли (осень 2016 г.);

— подписание компанией «Стройтрансгаз» (контрольный пакет акций принадлежит ООО «ОСХ», контролируемой, в свою очередь, владельцем ООО «Волга Групп» Г.Н. Тимченко) соглашения о восстановлении добычи фосфатов на двух месторождениях в окрестностях Пальмиры — Эш-Шаркия и Хнейфис, которые первоначально были «обещаны» иранцам (декабрь 2016 г.)¹³;

— участие специалистов «Стройтрансгаза» в достройке ГПЗ-2¹⁴ (декабрь 2017 г.);

¹⁰ См.: Владимир Путин: на военную операцию в Сирии потрачено 33 млрд рублей // Коммерсантъ. 17.03.2016.

¹¹ Асад и Рогозин подтвердили, что российские компании будут восстанавливать Сирию // Настоящее время. 18.12.2017.

¹² См.: Россия потратит €850 млн на восстановление Сирии // Коммерсантъ. 25.04.2016.

¹³ Damascus Signs New Contract with Russian Company to Extract Phosphate // Al-Watan. 26.03.2018.

¹⁴ Строительство ГПЗ-2 было начато в 2007 г. и заморожено в 2011 г. на фоне начала вооруженного противостояния в САР. Компания Тимченко начала достройку завода по переработке газа в Сирии // РБК. 20.12.2017.

— подписание дорожной карты сотрудничества в энергетике и электроэнергетике на 2018 г. и последующий период, предусматривающей восстановление, модернизацию и строительство новых энергообъектов в Сирии (январь 2018 г.)¹⁵;
 — подписание дорожной карты в нефтегазовой отрасли (апрель 2018 г.).

Правительство Сирии также предлагает ОАО «РЖД» участвовать в восстановлении одной из важнейших для экономики страны веток Пальмира — Тартус (длинной почти 300 км) через Хомс, что позволит доставлять продукцию, добытую на фосфатных месторождениях, на побережье с целью последующего экспорта; стоимость контракта оценивается в 2 млрд долл. США¹⁶. С учетом упомянутого участия в разработке этих месторождений «Стройстрансгаза» (чей опыт премьер Сирии В. аль-Халки называл «модельным» потому, что компания «работает даже на проектах, которые находятся в зоне опасности»¹⁷) вероятность заключения такого соглашения представляется крайне высокой.

По словам главы Минпромторга России Д.В. Мантурова, российские компании считают перспективными направлениями для инвестиций в Сирию также химическую промышленность, строительство и машиностроение¹⁸. Его заместитель Г.В. Каламанов включает в список основных отраслей также сельское хозяйство, поставки лекарственных средств (а в перспективе — их выпуск на территории Сирии), восстановление аэронавигационной инфраструктуры. Эти направления предполагается зафиксировать в дорожной карте восстановления Сирии, которую планируется согласовать на заседании российско-сирийской межправкомиссии в Дамаске в конце 2018 г.¹⁹

Весьма показательно, что в 2018 г. Россия заняла второе место после Ирана по числу компаний (37), представленных на юбилейной 60-й Дамасской международной ярмарке²⁰, и поделила с ним первое место по занятым площадям. Экспозиции в Дамаск привезли, в частности, «Алмаз-Антей» и «Уралвагонзавод», а официальная часть была представлена Минпромторгом России и Федеральным медико-биологическим агентством (ФМБА) России²¹. Российские компании приняли участие и в выставке Syria Rebuild в октябре 2018 г.

Следует отметить и активность представителей отдельных российских регионов, в частности крымских властей, которые организовали в рамках IV Ялтинского международного экономического форума, проходившего с 19 по 21 апреля 2018 г. впервые с участием сирийской делегации²², отдельную конференцию «Эко-

¹⁵ См.: «Технопромэкспорт» может реконструировать четыре ТЭС в Сирии // Ведомости. 02.02.2018.

¹⁶ См.: Россия поможет Сирии восстановить железные дороги // ТВЦ. 14.02.2018.

¹⁷ См.: Сирия предложила компании миллиардера Тимченко восстановить Пальмиру // РБК. 12.04.2016.

¹⁸ Международная ярмарка в Дамаске соберет компании из 48 стран, включая Россию // ТАСС. 06.09.2018.

¹⁹ Там же.

²⁰ Первая ярмарка была организована еще в 1954 г.

²¹ См.: После войны // Российская газета. 11.09.2018.

²² В Крыму обсудили, как Россия может помочь в восстановлении Сирии // РИА Крым. 21.04.2018.

номическое развитие Сирии». Власти Крыма заинтересованы в задействовании портовой инфраструктуры полуострова для организации сообщения с САР²³.

Сирийские власти, со своей стороны, изначально говорили о приоритетности российского участия в восстановлении страны. Эта мысль звучала и из уст самого Б. Асада, пообещавшего личную поддержку проектам по сотрудничеству с Россией²⁴. «Усилия сирийской стороны по предоставлению российским компаниям особых условий (Курсив наш. — В.Б.) при работе на местном рынке» были отмечены вице-премьером Ю.Н. Борисовым на встрече с вице-премьером и министром иностранных дел Сирии В. Муаллемом в конце августа 2018 г.²⁵ Основными конкурентами России в САР в экономической сфере являются на данный момент Иран и Китай, уже предпринявшие весьма серьезные усилия по закреплению своей роли в восстановлении Сирии, заслуживающие того, чтобы стать предметом самостоятельного исследования.

Вместе с тем российские власти не могут не осознавать отсутствие финансовых возможностей внести решающий вклад в восстановление Сирии. Любые заявления о том, что «по праву, добрая половина инвестиций будет из РФ»²⁶, представляются, скорее, попыткой выдать желаемое за действительное.

В сложившейся ситуации Россия вынуждена искать возможности мобилизации средств третьих стран на восстановление Сирии. Впервые о готовности России принять участие в совместной работе по реализации «своего рода „плана Маршалла“ для возрождения истерзанного войнами и конфликтами Ближнего Востока» президент России В.В. Путин заявил еще в конце 2016 г. на итоговой пленарной сессии XIII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай»²⁷. Однако первым публичным сигналом — приглашением других государств к диалогу непосредственно по проблеме реконструкции Сирии со стороны России — стало выступление В.В. Путина на открытии Ассамблеи Межпарламентского союза в октябре 2017 г. Вопрос обсуждался на переговорах с президентами Турции и Ирана в Сочи 22 ноября 2017 г., где президент России выступил с предложением «подумать о разработке комплексной программы возрождения Сирии»²⁸.

Новый поворот дискурс российских властей совершил летом 2018 г., когда Россия призвала мировое сообщество участвовать в восстановлении Сирии, дабы

²³ В Крыму обсудили, как Россия может помочь в восстановлении Сирии // РИА Крым. 21.04.2018.

²⁴ См.: Асад на встрече с российскими парламентариями оценил восстановление Сирии в \$400 миллиардов // БИЗНЕС Online. 15.04.2018. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/378972> (дата обращения: 15.09.2018).

²⁵ Юрий Борисов встретился с Заместителем Председателя Совета министров, Министром иностранных дел и по делам соотечественников Сирии Валидом Муаллемом // Правительство России. 31.08.2018. URL: <http://government.ru/news/33804/> (дата обращения: 15.09.2018).

²⁶ В Крыму обсудили, как Россия может помочь в восстановлении Сирии // РИА Крым. 21.04.2018.

²⁷ Путин: Россия все еще предлагает партнерам объединиться в борьбе с террором // РИА-Новости. 27.10.2016.

²⁸ Путин: Россия, Иран и Турция разработают план восстановления Сирии // REGNUM. 22.11.2017.

создать материальные условия для возвращения беженцев на родину. Пытаясь продвигать свою позицию, Россия действует сразу на нескольких направлениях.

Первое затрагивает непосредственно САР. 18 июля 2018 г. на территории Сирии был развернут Центр приема, распределения и размещения беженцев. Его «филиалы» открылись на пунктах пропуска беженцев на границе с Ливаном и Иорданией. Кроме того, 20 августа 2018 г. решением министра обороны России С.К. Шойгу создан Межведомственный координационный штаб по возвращению беженцев на территорию САР под руководством Национального центра управления обороной России. Среди его задач значилась и организация взаимодействия с сирийскими властями по вопросам восстановления социально значимых объектов — школ, больниц, хлебопекарен, объектов электро- и водоснабжения.

Второе направление — поддержка стремления других дружественных правительству Б. Асада государств вкладываться в восстановление САР. Вопрос о реконструкции Сирии стал, в частности, одной из тем переговоров В.В. Путина и председателя КНР Си Цзиньпина во Владивостоке в сентябре 2018 г. Показательно и недавнее заявление посла России в Китае А.И. Денисова: «Есть вопросы, в которых китайские коллеги особенно преуспели, например, строительство объектов инфраструктуры. Это просто конек наших китайских коллег. Если они смогут в этих вопросах оказать действенную помощь, ради Бога. Всем найдется работа»²⁹. О подключении к программам помощи в Сирии не только Китая, но и других стран БРИКС В.В. Путин говорил и на встрече лидеров объединения «на полях» саммита «Группы двадцати» в Аргентине 1 декабря 2018 г.

Третье направление работы — взаимодействие с США. В рамках подготовки к российско-американскому саммиту на высшем уровне в Хельсинки сирийская проблематика мыслилась Москвой одной из основных. После ее обсуждения на саммите 19 июля 2018 г. последовало направление главе Комитета начальников штабов ВС США генералу Дж. Данфорду по конфиденциальному каналу связи главой Генштаба ВС РФ В.В. Герасимовым предложения о восстановлении Сирии. Вскоре оно было описано Министерством обороны США в меморандуме, судя по всему, специально «слитом» в информационное агентство Reuters в целях преодоления негативного эффекта от крайне невразумительного выступления Д. Трампа в финской столице³⁰. В письме, отправка которого была подтверждена Минобороны России, предлагалось создать на базе мониторингового центра в Аммане совместную группу РФ — США — Иордания по сирийским беженцам и аналогичную структуру в Ливане, а также совместную группу по финансированию восстановления инфраструктуры Сирии³¹.

Четвертое направление — взаимодействие со странами ЕС. «Задачи ускорения процесса политического урегулирования, а также вопросы постконфликтного восстановления Сирии с акцентом на важность скорейшего возвращения беженцев

²⁹ Путин и Си Цзиньпин обсудят во Владивостоке восстановление Сирии // Вести: Приморье. 11.09.2018.

³⁰ Exclusive: Despite Tensions, Russia Seeks U.S. Help to Rebuild Syria // Reuters. 03.08.2018.

³¹ См.: Россия предложила США вместе восстанавливать Сирию // Коммерсантъ. 20.07.2018.

и временно перемещенных лиц в места своего первоначального проживания» стали темой отдельных переговоров министра иностранных дел С.В. Лаврова и начальника Генштаба В.В. Герасимова с лидерами Франции и Германии в конце июля³², а также переговоров В.В. Путина с А. Меркель в резиденции Мезеберг в конце августа 2018 г.

Пятое направление — взаимодействие РФ с соседями САР. Вопрос возвращения беженцев обсуждался в рамках турне спецпредставителя президента по сирийскому урегулированию А.Л. Лаврентьева и заместителя министра иностранных дел С.В. Вершинина по Сирии и соседним странам, принявшим наибольшее количество беженцев — Турции, Иордании и Ливану. Этому же были посвящены и переговоры С.В. Лаврова с его ливанским визави Дж. Басилем 20 августа 2018 г., по итогам которых Москва и Бейрут заявили, что условия для начала возвращения сирийских беженцев уже созданы³³.

Наконец, Россия активно продвигает свою инициативу и на различных международных площадках, в том числе в рамках астанинского формата. Так, на последней, 11-й Международной встрече по Сирии в Астане, представители России, Турции и Ирана, отметив «необходимость продолжения всех усилий по оказанию помощи всем сирийцам в восстановлении нормальной, мирной жизни и облегчении их страданий» и подчеркнув «важность создания условий для безопасного и добровольного возвращения беженцев и внутренне перемещенных лиц в места их проживания в Сирии», призвали «международное сообщество, особенно ООН и ее гуманитарные агентства, увеличить содействие Сирии, в том числе через наращивание гуманитарных поставок, восстановление объектов гуманитарной инфраструктуры — водо- и электроснабжения, школ, больниц»³⁴.

Россия взаимодействует с УВКБ ООН и другими международными организациями, в том числе в рамках оказания поддержки подготовке и созыву Международной конференции по возвращению сирийских беженцев и ВПЛ. Параллельно на площадке ООН Россия призывает к «деполитизации экономического и гуманитарного содействия Сирии»³⁵, выставляя в неприглядном свете позицию чиновников этой организации. Так, например, С.В. Лавровым 20 августа 2018 г. был предан огласке факт принятия в октябре 2017 г. Секретариатом ООН внутреннего документа «Параметры и принципы содействия Сирии со стороны ООН», запрещающего организации предоставлять помощь в восстановлении районов Сирии до осуществления подлинного и всеобъемлющего политического перехода³⁶.

³² См.: Лавров и Герасимов обсудили с Макроном ситуацию в Сирии и «нормандский формат» // ТАСС. 24.07.2018.

³³ См.: Власть инвестиций: почему Россия добивается возвращения беженцев в Сирию // РБК. 20.08.2018.

³⁴ Совместное заявление Ирана, России и Турции по итогам Международной встречи по Сирии в Астане (МВСА-11), 28—29 ноября 2018 года. 29.11.2018. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3424004 (дата обращения: 30.11.2018).

³⁵ См.: Небензя: Москва выступает за «деполитизацию экономического и гуманитарного содействия Сирии» // SANA. 22.09.2018.

³⁶ См.: «Реконструкция только после политических реформ» // Коммерсантъ. 02.09.2018.

Содержание этого документа, автором которого предположительно является американский дипломат, бывший заместитель Генерального секретаря ООН по политическим вопросам Дж. Фелтман, покинувший свой пост весной 2018 г., и о котором не был уведомлен Совет Безопасности (СБ ООН), глава российского МИД обсудил с Генеральным секретарем ООН А. Гуттеришем³⁷.

Вскрытие такого рода фактов, безусловно, придает вес призывам к деполитизации помощи Сирии. Однако насколько высока вероятность того, что такого рода шаги побудят страны Запада пересмотреть свою позицию? Для ответа на этот вопрос нужно выйти за рамки анализа событий последних полутора лет и рассмотреть специфику отношения «традиционных» доноров к восстановлению Сирии на более ранних стадиях конфликта.

ПОЗИЦИЯ СТРАН ЗАПАДА: ПОМОГАТЬ ДАМАСКУ НЕЛЬЗЯ, ЖДАТЬ

Западные страны, выступившие в сирийском конфликте на стороне оппозиции режиму Б. Асада и составившие костяк «Группы друзей сирийского народа», начали обсуждать проблемы восстановления Сирии очень давно. Еще в апреле 2012 г. была сформирована Рабочая группа по экономическому восстановлению и развитию Сирии под совместным председательством ФРГ и ОАЭ для подготовки превращения Сирии в либеральную рыночную экономику после свержения правительства Б. Асада. На ее первом заседании в Абу-Даби 24 мая 2012 г. с участием более 60 стран, а также представителей ЛАГ, ЕС, ССАГПЗ и ПРООН³⁸, представителей Сирийского национального совета (СНС), гражданского общества и бизнеса, СНС была представлена программа восстановления Сирии стоимостью 11,5 млрд долл. США.

2 сентября 2013 г. тремя участниками Рабочей группы, а также Национальной коалицией сирийских революционных и оппозиционных сил был учрежден Трастовый фонд восстановления Сирии (ТФВС), администрируемый немецким банком KfW. Целью фонда провозглашалось облегчение страданий сирийского народа и оказание помощи местным институтам в областях, контролируемых умеренной оппозицией, в предоставлении базовых функций в таких областях, как водоснабжение, здравоохранение, электроснабжение, образование, обеспечение продовольственной безопасности, уничтожение твердых отходов, а также обеспечение верховенства закона, развитие сельского хозяйства, транспорта, телекоммуникаций, развитие предприятий, строительство жилищного фонда³⁹. Предполагалось, что когда конфликт подойдет к концу, средства фонда будут использоваться для восстановления инфраструктуры Сирии в сотрудничестве с ООН и Всемирным банком. По состоянию на 15 марта 2018 г. взносы в ТФВС составили 212,72 млн евро, из них порядка 131 млн евро было доведено до бенефициаров (табл. 1).

³⁷ См.: Лавров раскрыл секрет ООН // Российская Газета. 20.08.2018.

³⁸ См.: Working Group on Economic Recovery and Development: 1st Conference // Carnegie Middle East Centre. 04.12.2012. URL: <http://carnegie-mec.org/diwan/50231?lang=en> (accessed: 15.09.2018).

³⁹ См.: Overview // Syria Recovery Trust Fund. URL: http://www.srtfund.org/articles/1_overview (accessed: 15.09.2018).

Таблица 1 / Table 1

**Распределение взносов стран — участниц Тростового фонда восстановления Сирии /
Distribution of contributions from countries participating in the Syria Recovery Trust Fund**

№ п/п	Страна	Объем взносов (млн евро)
1	США	49,66
2	Германия	38,68
3	Япония	31,25
4	Кувейт	21,77
5	Франция	20,00
6	Великобритания	10,22
7	ОАЭ	10,00
8	Дания	9,49
9	Швеция	6,16
10	Финляндия	6,00
11	Нидерланды	6,00
12	Италия	3,40
ВСЕГО		212,72

Источник: Contributions // Syria Recovery Trust Fund. URL: http://www.srtfund.org/articles/9_contributions (accessed: 15.09.2018).

Члены «Группы друзей сирийского народа» с самого начала планировали участвовать в восстановлении Сирии, ожидая скорого падения правительства Б. Асада. При этом они готовы были заниматься до окончания конфликта тем, что специалист Фонда Карнеги Ф.З. Браун назвала «проектом либерального контр-государствостроительства», а также «локализованным, превентивным восстановлением» [Brown 2018a: 8]. Речь шла об оказании помощи сформированным на «освобожденных» от власти Б. Асада территориях местным советам в восстановлении инфраструктуры и осуществлении элементарных функций управления.

В проекте «либерального контр-государствостроительства» участвовали многие «традиционные» доноры, которые, по оценкам той же Ф.З. Браун, с 2011 г. в общей сложности потратили на эти цели около 1 млрд долл. США [Brown 2018b: 1].

Наибольший интерес представляет мотивация США. Поддержав вооруженную оппозицию в конфликте с правительством Б. Асада, США стремились оказать давление на Дамаск через Совет Безопасности ООН, озвучивали и воплощали в жизнь угрозы нанесения ударов по позициям правительственных войск. Кроме того, операция России в Сирии заставила США активизировать действия против ИГ и разместить в САР достаточно крупный контингент (сегодня его численность составляет около 2 тыс. человек⁴⁰). В апреле 2018 г. Д. Трамп заявил о желании вывести войска из Сирии, но к осени 2018 г. от реализации этих планов до конца года Белый дом отказался.

При этом возможности США по взаимодействию с правительством Б. Асада ограничены законодательно. С 1979 г. Сирия включена в список стран — спонсоров терроризма, фигурантам которого Закон об иностранной помощи (ст. 620А) запрещает оказывать помощь за исключением случаев, когда президент сочтет это необходимым по соображениям национальной безопасности или в гуманитарных

⁴⁰ U.S. Setting up “Observation Posts” along Turkey — Syria Border // Reuters. November 21, 2018.

целях⁴¹. На гуманитарную помощь эти ограничения, впрочем, не распространяются. Это позволяло США с 2011 г. выделять средства на ее оказание на двусторонней основе в районах, которые не контролировались правительством Б. Асада, а также по линии ООН — в том числе и в интересах граждан, проживающих на территориях, подконтрольных Дамаску (суммарный объем помощи — около 8,6 млрд долл. США, первое место среди всех стран-доноров⁴²). По оценкам Ф.З. Браун, объемы американской негуманитарной помощи политического характера, выделенной местным советам в областях, контролируемых оппозиционными силами, составили 420,6 млн долл. США [Brown 2018b: 38]. Хотя со временем — в том числе под влиянием императивов противодействия ИГ — задачи программ все менее соответствовали общей логике сирийской политики США, эти средства играли достаточно значимую роль в осуществлении управленческих функций на указанных территориях.

В Консолидированном законе о бюджетных ассигнованиях на 2018 фин. год на реализацию программ стабилизации обстановки в Сирии, в том числе нацеленных на обеспечение репрезентативного, инклюзивного и подотчетного управления, развитие гражданского общества, обеспечение стабильности и экономического развития и противодействие терроризму (на территориях, освобожденных от боевиков ИГ и не подконтрольных правительству Б. Асада. — *прим. В.Б.*) было выделено 500 млн долл. США. Узнав об этом из СМИ, Д. Трамп решил в марте заморозить выделенные средства. Однако Минобороны США сохраняло право распоряжаться значительно бóльшими средствами (объемом 1,769 млрд долл. США) в рамках Фонда укрепления потенциала по противодействию ИГ, часть которых предназначается для Сирии⁴³.

Комитет по иностранным делам Палаты представителей, со своей стороны, в декабре 2017 г. запустил законопроект, который фиксирует, что помощь на цели восстановления и стабилизации обстановки может предоставляться только «демократической Сирии» или на территориях Сирии, не контролируемых правительством или связанными с ним силами⁴⁴. В 2019—2023 гг. средства могут тратиться на оказание помощи (на двусторонней либо многосторонней основе) областям, подконтрольным правительству Сирии, только в том случае, если президент заверит Конгресс в том, что оно: 1) прекратило атаки на гражданских лиц и гражданскую инфраструктуру; 2) предпринимает меры по освобождению политических заключенных; 3) предпринимает меры по увольнению высокопоставленных чиновников, замешанных в нарушении прав человека; 4) находится на пути организации свободных и конкурентных выборов; 5) добивается прогресса в деле обеспечения независимости судебной власти; 6) соблюдает права человека; 7) выполняет

⁴¹ Foreign Assistance Act of 1961, as amended through Pub. L. 115-141, March 23, 2018.

⁴² См.: Humud C.E., Blanchard C.M., Nikitin M.B.D. *Armed Conflict in Syria: Overview and U.S. Response*. Congressional Research Service Report #33487. Updated September 21, 2018.

⁴³ См.: Burchfield E. *Has the US Given Up on Stabilization Efforts in Syria?* // Atlantic Council. 10.09.2018.

⁴⁴ H.R.4681 — No Assistance for Assad Act // Library of Congress. 25.04.2018. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4681/text> (accessed: 15.09.2018).

обязательства, предусмотренные международными соглашениями, регулирующими распространение химического и ядерного оружия; 8) прекратило разработку и размещение баллистических и крылатых ракет; 9) предпринимает меры по увольнению чиновников, замешанных в пытках, внесудебных убийствах или использовании химического оружия; 10) реализует реформу вооруженных сил и служб безопасности с целью минимизации роли Ирана и его «прокси»; 11) обеспечивает добровольное возвращение беженцев и внутренне перемещенных лиц.

Члены Конгресса предусмотрели исключения только для проектов, нацеленных на удовлетворение гуманитарных нужд и уничтожение ОМУ, а также на удовлетворение потребностей местных общин и администрируемых местными властями, о реализации которых президент должен специально отчитываться перед Конгрессом. Кроме того, законопроект требовал от Госдепартамента и Агентства США по международному развитию (АМР США) информировать Конгресс и о поставках гуманитарной помощи в Сирию⁴⁵. 25 апреля 2018 г. законопроект был принят Палатой представителей и передан на рассмотрение в Комитет по международным отношениям Сената. Хотя на голосование он поставлен не был, позиция Конгресса не предрасполагала к изменению позиции исполнительной власти.

После саммита в Хельсинки Белый дом быстро дал понять, что никакого изменения не предвидится и утечка информации о письме В.В. Герасимова Дж. Данфорду была отнюдь не случайной. 16 августа 2018 г. в Вашингтоне госсекретарь США М. Помпео обсудил со С. де Мистурой процесс политического урегулирования в стране и возвращения беженцев. Было согласовано, что любое обсуждение вопроса о восстановлении в отсутствие политического решения и реализации положений резолюции СБ ООН № 2254 преждевременно⁴⁶. Д. Трамп также отменил выделение 230 млн долл. США на стабилизацию обстановки в Сирии, акцентировав стремление переложить финансовое бремя на союзников по коалиции, в частности, на Саудовскую Аравию, согласившуюся выделить 100 млн долл. США, и ОАЭ — 50 млн долл. США. 18 сентября спецпредставитель госсекретаря США по Сирии Дж. Джеффри в СБ ООН выразил позицию США еще более жестко: «Асад и его приспешники никогда не будут приняты в сообщество цивилизованных стран. Никакой помощи в восстановлении страны не будет, во всяком случае, с нашей стороны»⁴⁷. 22 сентября постоянный представитель США в ООН Н. Хейли сформулировала дополнительный набор условий: «Мы не будем платить за восстановление Сирии, пока в стране сохраняется иранское влияние. Мы не будем платить, пока ИГ не нанесено поражение. Мы не будем платить за восстановление, чтобы помочь России решить их собственную проблему»⁴⁸.

⁴⁵ H.R.4681 — No Assistance for Assad Act // Library of Congress. 25.04.2018. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4681/text> (accessed: 15.09.2018).

⁴⁶ Помпео и де Мистура обсудили урегулирование в Сирии // РИА Новости. 16.08.2018.

⁴⁷ Госдепартамент: США не помогут в восстановлении Сирии, пока Асад находится у власти // ТАСС. 18.09.2018.

⁴⁸ Haley: We're Not Going to Pay for Reconstruction of Syria as Long as There is Iranian Influence There // Free Beacon. 23.09.2018.

28 сентября Дж. Джеффри пошел еще дальше, пригрозив правительству Б. Асада дополнительными жесткими санкциями, аналогичными тем, которые были в свое время введены против Ирана, в случае, если оно будет продолжать блокировать политический процесс⁴⁹. В октябре появились сведения о том, что Белый дом прорабатывает возможность введения финансовых санкций в отношении российских и иранских компаний, участвующих в восстановлении Сирии, что вызвало резко негативную реакцию Москвы и Тегерана.

Единство позиции администрации и Конгресса подкрепляется и консенсусом в экспертном сообществе. Наиболее известные специалисты по Сирии в один голос говорят о контрпродуктивности участия в восстановлении западных областей. В понимании специалистов, аффилированных с Институтом Брукинга, это лишь «укрепит позиции режима Б. Асада и будет содействовать поощрению тех лояльных ему лиц и групп, которые извлекли выгоду из войны» [Alaaldin et al. 2018: 3]. Вместе с тем содействие восстановлению территорий, контролируемых курдами и Сирийскими демократическими силами, бенефициарами которого должны стать и арабские общины, должно продемонстрировать им наличие альтернативы взаимодействию с правительством Б. Асада, дать возможность усилить давление на Дамаск и расширить возможности по выстраиванию постконфликтного управления в Восточной Сирии. Эксперты считают целесообразным в том числе и обучение местных сил безопасности, реализацию точечных, а не общерегиональных проектов — для недопущения формирования единой сильной курдской зоны, воспринимаемого в качестве угрозы безопасности Турцией [Alaaldin et al. 2018: 1]. В целом такой подход призван не только улучшить условия жизни сирийцев, но и «побудить группы под властью Асада приобщиться к дивидендам восстановления, получаемым другими сирийцами, что усилит тягу к политическим изменениям даже внутри алавитских и христианских общин» [Alaaldin et al. 2018: 7].

Хотя вопрос о том, в какой степени республиканская администрация будет прислушиваться к этим рекомендациям, открыт, такой политизированный подход к проблеме восстановления Сирии в США отнюдь не является маргинальным.

Что касается европейских стран, то они, как и США, несмотря на введенные еще в 2011 г. санкции в отношении САР, предоставляли огромные объемы помощи в интересах Сирии и сирийских беженцев (более 10,8 млрд евро, из них по линии Еврокомиссии — 5,2 млрд евро⁵⁰), из которых 1,05 млрд были расходованы на территории Сирии, $\frac{2}{3}$ средств доведены в виде гуманитарной и $\frac{1}{3}$ — в виде негуманитарной помощи — на территориях, не подконтрольных правительству в Дамаске — преимущественно через Инструмент содействия стабильности и миру и Европейский инструмент демократии и прав человека. Негуманитарную помощь областям, контролируемым оппозицией, оказывали также с 2011—2012 гг. по двусторонним каналам отдельные страны — члены ЕС — Великобритания (около

⁴⁹ См.: Wroughton L. Syria could face tough sanctions if it blocks political process: U.S. diplomat // Reuters. 28.09.2018.

⁵⁰ European Commission. Fact Sheet. The EU and the Crisis in Syria. September 24, 2018. P. 3.

308 млн долл. США), Германия, Швеция (48,8 млн долл. США), Нидерланды [Brown 2018b: 38].

Отдельно стоит отметить «Региональный траст-фонд реагирования на сирийский кризис» (Фонд «Madad»), учрежденный в декабре 2014 г. для предоставления гуманитарной помощи и удовлетворения потребностей трех групп — беженцев, внутренне перемещенных лиц и возвращающихся в свои дома (returnees) — и предоставления помощи общинам и органам управления в странах пребывания в части укрепления стрессоустойчивости и раннего восстановления. Фонд должен был фокусироваться на удовлетворении текущих потребностей, но его средства могли быть по завершении конфликта мобилизованы для целей восстановления и государственностроительства. На данный момент средства Фонда, достигшие к июлю 2018 г. объема в 1,5 млрд долл. США (из них взносы от ЕС — 89,3%, 22 стран — членов ЕС — 9% и Турции — 1,7%), расходовались только на проекты вне Сирии⁵¹.

ЕС и отдельные страны-члены также изначально увязывали содействие восстановлению Сирии с ее политическим будущим. Вместе с тем для европейских стран, переживших масштабный миграционный кризис, вопрос о возвращении беженцев на родину приобретал все большую значимость, особенно в ФРГ, принявшей наибольшее их число. Наиболее откровенно отличную от общеевропейской позиции точку зрения на восстановление Сирии выражает партия «Альтернатива для Германии» (АдГ), которая еще в июле на партийном съезде в Аугсбурге приняла резолюцию, призывающую к снятию санкций ЕС в отношении Сирии⁵². 31 августа 2018 г. АдГ было объявлено о готовности внести в Бундестаг предложение об участии в восстановлении Сирии совместно с Россией в целях решения проблемы нелегальной иммиграции⁵³.

В последнее время в заявлениях представителей ФРГ наблюдаются признаки смягчения позиции. Так, в сентябре, в преддверии переговоров с С.В. Лавровым, глава МИД ФРГ Х. Маас положительно оценил стремление Москвы позволить жителям Сирии вернуться на родину, хотя и сделал оговорку, что «сейчас российская инициатива не обещает успех»⁵⁴. При этом он не назвал в качестве условия для участия в процессе восстановления страны уход Б. Асада, подтвердив готовность ФРГ взять на себя ответственность в вопросе восстановления, «если будет найдено политическое решение, которое в конечном итоге приведет к свободным выборам»⁵⁵. Готовность Берлина, а также Парижа к диалогу можно усмотреть и в факте проведения в Стамбуле четырехстороннего саммита с участием лидеров России, Германии, Франции и Турции, где вопросы восстановления обсуждались

⁵¹ European Commission. Fact Sheet. The EU and the Crisis in Syria. September 24, 2018. P. 5.

⁵² См.: Germany's AfD Party Passes Resolution to Lift EU Sanctions against Syria // Sputnik. 04.07.2018.

⁵³ См.: «Альтернатива для Германии» намерена помочь РФ в восстановлении Сирии // Известия. 31.08.2018.

⁵⁴ Глава МИД ФРГ: участие в восстановлении Сирии зависит от политического решения конфликта // ТАСС. 14.09.2018.

⁵⁵ Ibid.

в контексте выработки новых формул политического урегулирования конфликта. В итоговом заявлении лидеры четырех стран обозначили необходимость обеспечения возвращающимся в места проживания беженцам и ВПЛ как безопасности и защиты от политического преследования и произвольных арестов, так и гуманитарной инфраструктуры, включая водо- и электроснабжение, предоставление медицинского обслуживания и социальных услуг⁵⁶.

Пока, однако, публичная позиция представителей ЕС не претерпела каких-либо изменений под влиянием трансформации ситуации «на земле» или выдвижения инициатив по возвращению беженцев. 14 сентября 2018 г. на встрече со С. де Мистурой Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини подтвердила, что ЕС будет готов участвовать в восстановлении Сирии только после начала «всеобъемлющего, подлинного и инклюзивного политического транзита» на основе резолюции СБ ООН № 2254 и Женевского коммюнике 2012 г.⁵⁷ Схожая позиция была отражена и в организованной ЕС на полях Генассамблеи ООН встрече по Сирии 26 сентября, в которой принял участие заместитель министра иностранных дел России С.В. Вершинин. Ф. Могерини отметила, что видит «окно возможностей», если Конституционный комитет⁵⁸ начнет свою работу и если ситуация в Идлибе будет развиваться согласно тем договоренностям, которых достигли Россия и Турция⁵⁹.

Другими словами, Брюссель, как и Вашингтон, идет на откровенный шантаж, пытаясь воспользоваться заинтересованностью России в разделении бремени с «традиционными» донорами. Вместе с тем решающую роль сыграет позиция не Брюсселя, а ключевых доноров, и в первую очередь ФРГ и Франции.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: В ЛАБИРИНТЕ ЗАКОНОМЕРНЫХ РАЗНОГЛАСИЙ

Восстановление Сирии вызывает в мировом сообществе настолько же острые разногласия, как и любые другие политические или военные аспекты развития обстановки в данной стране. Главными участниками баталий вполне закономерно являются Россия и государства Запада.

Предпринимая трудозатратные и зачастую рискованные усилия в целях содействия восстановлению Сирии, будь то на двусторонней основе или посредством попыток мобилизации средств других доноров, Россия действует в той же логике, что и на более ранних стадиях сирийского конфликта. Содействие рекон-

⁵⁶ Совместное заявление Президентов Турецкой Республики, Французской Республики, Российской Федерации и Канцлера Федеративной Республики Германия. 27.10.2018. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5351> (дата обращения: 30.11.2018)

⁵⁷ Federica Mogherini met with United Nations Special Envoy for Syria, Staffan de Mistura // European Union External Action. 15.09.2018.

⁵⁸ Конституционный комитет — орган, формируемый в соответствии с решениями Конгресса сирийского национального диалога в Сочи, который должен подготовить предложение по разработке новой Конституции САР.

⁵⁹ ЕС готов участвовать в восстановлении Сирии при наличии политического процесса // Коммерсантъ. 26.09.2018.

струкции она рассматривает, в первую очередь, как способ поддержки сирийского правительства в борьбе с внутренними и внешними оппонентами. Усилия в этом направлении должны одновременно помочь России зафиксировать уже достигнутые политико-стратегические дивиденды и создать возможности для подкрепления их материальными бонусами.

Такие установки невольно вызывают ассоциации с опытом реализации самых крупных в XXI в. программ постконфликтного восстановления в Афганистане и Ираке. США, равно как и некоторые их союзники, участвуя в реконструкции этих стран, решали одновременно и политическую задачу — укрепление позиций лояльных Западу правительств в Кабуле и Багдаде соответственно, и экономическую — содействие обогащению национальных компаний через механизмы «связанной» помощи. Иракский кейс представляется релевантным еще и по той причине, что Соединенным Штатам в 2003 г. также пришлось столкнуться с нежеланием ряда влиятельных стран (России, Франции, Германии) участвовать в восстановлении Ирака. Последние были принципиально не согласны с выбранным Вашингтоном методом решения «иракской проблемы» и не хотели содействовать восстановлению, перечисляя средства Коалиционной временной администрации и тем самым косвенно поддерживая оккупацию. Их сопротивление было преодолено только после обозначения ясного порядка передачи власти иракцам и запуска механизма финансирования восстановления через многосторонние организации.

Однако между приведенными примерами есть и принципиальные различия. Во-первых, США и их союзники в указанных случаях обладали достаточными ресурсами для финансирования реконструкции стран, восстановление которых они — в силу тех или иных причин — считали своим внешнеполитическим приоритетом, а электорат, по крайней мере, на первых порах в целом готов был их в этом поддержать, даже если речь шла о выделении средств на безвозмездной основе. России же вряд ли суждено внести решающий финансовый вклад в процесс восстановления Сирии, и распространяется это не только на гранты и кредиты, но и на инвестиции.

Во-вторых, в случае с Афганистаном и Ираком речь шла об оказании помощи новым правительствам, пришедшим к власти соответственно после свержения режима талибов и режима С. Хусейна, девиантность поведения которых в той или иной степени была признана международным сообществом. В случае с Сирией легитимность правительства Б. Асада оспаривается не только внутри страны, но и многими государствами, введшими против него жесткие международные санкции. Наконец, в-третьих, правительства в Ираке или Афганистане могли не контролировать полностью территорию своих стран, но они не сталкивались с ситуацией, когда добрая половина мирового сообщества предпочитала их обструкцию реконструкции и открыто готова была восстанавливать только территории, контролируемые их оппонентами.

Все это ставит перед российской дипломатией задачи, сложность которых невозможно переоценить. Для США и стран ЕС вопрос участия в восстановлении Сирии напрямую затрагивает их международную репутацию. Как и Россия, они

прекрасно осознают политическую составляющую процесса реконструкции и воспринимают их в контексте развития сирийской государственности, будущее которой видится из Вашингтона или Брюсселя иначе, чем из Москвы.

Нельзя исключать и того, что в отсутствие каких-либо подвижек в политическом процессе западные страны и монархии Персидского залива начнут выделять действительно серьезные средства на восстановление территорий к востоку от Евфрата. Это может привести к развитию полномасштабных параллельных процессов реконструкции, что будет противоречить российским национальным интересам и может создать реальный риск дестабилизации обстановки в западных областях, что может повлечь негативные последствия не только для САР, но и для региона в целом.

Противодействие воплощению в жизнь данного сценария представляется нетривиальной задачей, сопряженной с рядом имиджевых, экономических и политико-стратегических рисков для каждого из акторов внутри Сирии и за ее пределами. То, какие стратегии минимизации многочисленных рисков окажутся наиболее эффективными, покажет время. Ясно одно: полноценное подключение к процессу реконструкции САР государственных учреждений и негосударственных акторов из стран Запада, Турции и монархий Персидского залива будет неразрывно связано с прогрессом в деле политического урегулирования. События осени 2018 г. указывают на то, что решающую роль в обеспечении такого прогресса должны сыграть страны — гаранты астанинского процесса, и в первую очередь Российская Федерация.

Благодарности: Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-37-01018-ОГН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агеев А.И., Логинов Е.Л., Зоидов К.Х., Медков А.А.* Восстановление экономики Сирии: формирование российского инфраструктурного ядра в ближневосточном узле мировых стратегических проектов // *Экономические стратегии*. 2017. Т. 19. № 1 (143). С. 6—23.
- Аксененок А.Г., Звягельская И.Д., Кузнецов В.А., Наушкин В.В., Сухов Н.В.* Ближний Восток: тьма перед новым рассветом? Региональные конфликты и будущее глобального мира // *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. Июнь 2017.
- Звягельская И.Д., Кузнецов В.А., Наушкин В.В.* Россия на Ближнем Востоке: гармония полифонии // *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. Май 2018.
- Наушкин В.В., Кузнецов В.А., Сухов Н.В., Звягельская И.Д.* Ближний Восток в эпоху испытаний: травмы прошлого и вызовы будущего // *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. Август 2016.
- Ходынская-Голенищева М.С.* Сирия: трудный путь от войны к миру. Многосторонняя дипломатия сирийского урегулирования. М.: Абрис, 2019.
- Alaaldin R., Fritz J., Heydemann S., Jones B., O'Hanlon M.* A 10-degree Shift in Syria Strategy. Brookings Institution. Policy Brief. September 2018.
- Amara J.* Economic Development and Post Conflict Reconstruction. Routledge, 2016.
- Asseburg M., Oweis K.Y.* Syria's Reconstruction Scramble: in a Game Fraught with Political Risk, Europe Should Aim for Long-Term Stabilization // *SWP Comments*. 2017. N 51.
- Barakat S.* Reconstructing Post-Saddam Iraq. Hoboken: Taylor and Francis, 2013.
- Brown F.Z.* Dilemmas of Stabilization Assistance: The Case of Syria. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2018a.

- Brown F.Z.* Seeing Like a State-BUILDER: Replication of Donor Reconstruction Dilemmas in Syria // Politics of Post-Conflict Reconstruction. Beirut: Carnegie Middle East Center. 2018b. P. 8—13.
- Daher J.* The Syrian Reconstruction Question, Issues and Dynamics // Fondation pour la Recherche Stratégique. 2018. Avril.
- Freear M.* Syrian Stabilization and Reconstruction. Lessons Learned for a Post-Conflict Syria. White Paper. American Security Project. June 2016.
- Gates S., Hegre H., Nygård H.M., Strand H.* 2012. Development Consequences of Armed Conflict // World Development. Vol. 40, Issue 9, September 2012. P. 1713—1722. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2012.04.031>
- Girod D.M.* Explaining Post-Conflict Reconstruction. NY: Oxford University Press, 2015.
- Heydemann S.* Beyond Fragility: Syria and the Challenges of Reconstruction in Fierce States // Brookings Institution. June 2018.
- Heydemann S.* Civil War, Economic Governance & State Reconstruction in the Arab Middle East // Daedalus. 2018. Vol. 147. No 1. P. 48—63. DOI: https://doi.org/10.1162/DAED_a_00473.
- Heydemann S.* Reconstructing Authoritarianism: The Politics and Political Economy of Post-Conflict Reconstruction in Syria // Politics of Post-Conflict Reconstruction. Beirut: Carnegie Middle East Center, 2018. P. 4—21.
- Langer A., Graham K.B.* Building Sustainable Peace: Timing and Sequencing of Post-Conflict Reconstruction and Peacebuilding. NY: Oxford University Press, 2016.
- Reconstruction Calling? Towards a Different EU Role in Rebuilding Syria.* 11.Report. 11.11.11. March 2018. URL: <https://www.11.be/item/syria-reconstruction-calling> (accessed: 12.11.2018).

Дата поступления: 01.12.2018

Для цитирования: Бартенеv В.И. «Взаимно гарантированная обструкция»? Россия, страны Запада и политические дилеммы восстановления Сирии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 755—774. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-755-774.

Сведения об авторе: Бартенеv Владимир Игоревич — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, директор Центра проблем безопасности и развития факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова (e-mail: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-755-774

‘Mutually Assured Obstruction’? Russia, the West and Political Dilemmas of Syria’s Reconstruction

V.I. Bartenev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. In the view of an apparent change in balance of power in Syria in 2017—2018 the challenges of reconstruction of the territories affected by a durable and highly destructive conflict have quickly risen to the forefront of the international agenda. A sheer scope of physical damage and humanitarian crisis in the country and a catastrophic lack of financial resources needed to mitigate consequences of a military

confrontation and come back to normal life leave no doubt that the reconstruction process will imply a considerable external support. This paper identifies the particularities of Russia's and the Western countries' approaches to Syria's reconstruction based on available public sources and their respective perceptions of related political dilemmas. Such a comparison has been made neither by Russian scholars who have touched upon the reconstruction agenda only sporadically or examined only the Russian motives, nor by foreign experts who have not studied the Russia's initiatives scrupulously yet.

The first section summarizes publicly available information about the bilateral Russian-Syrian dialogue on reconstruction and the main dimensions of the Russian efforts aimed at ensuring a more active engagement of the established donors in reconstruction of Syria. The second section examines the origins and a subsequent evolution of the key representatives of the 'Group of Friends of the Syrian People' (primarily, the U.S. and the EU countries) positions on rebuilding Syria. Special attention is paid to identifying similarities and differences between the circumstances surrounding Syria's reconstruction and the international context around implementation of other large post-conflict reconstruction programs, primarily in Iraq and Afghanistan. The conclusion is drawn that 'mutually assured obstruction' and the development of two parallel reconstruction processes to the west and to the east of the Euphrates River will have an extremely negative impact on both Syria and a wider region. Prevention of this scenario entails a wide range of reputational, economic and political-strategic risks for all actors inside and outside Syria.

Key words: Syria, reconstruction, assistance, sanctions, political settlement, Russian Federation, Group of Friends of the Syrian People, United States, European Union

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project 17-37-01018-OGN.

REFERENCES

- Ageev, A.I., Loginov, E.L., Zoidov, K.Kh. & Medkov, A.A. (2017). Restoring Syrian Economy: Formation of Russian Infrastructural Nucleus in the Middle East Node of the World Strategic Projects. *Economic Strategies*, 19(1), 6—23. (in Russian).
- Aksenenok, A.G., Kuznetsov, V.A., Naumkin, V.V., Soukhov, N.V. & Zvyagelskaya, I.D. (2017). *The Middle East: Darkness before the New Dawn? Regional Conflicts and the Future of the Global Community* // Valdai Discussion Club, June. (in Russian).
- Alaaldin R. et al. (2018). *A 10-degree Shift in Syria Strategy*. Brookings Institution. Policy Brief. September.
- Amara, J. (2016). *Economic Development and Post Conflict Reconstruction*. Routledge.
- Asseburg, M. & Oweis, K.Y. (2017). *Syria's Reconstruction Scramble: in a Game Fraught with Political Risk, Europe Should Aim for Long-Term Stabilization*. SWP Comments, 51.
- Barakat, S. (2013). *Reconstructing Post-Saddam Iraq*. Hoboken, Taylor and Francis.
- Brown, F.Z. (2018a). Seeing Like a State-builder: Replication of Donor Reconstruction Dilemmas in Syria. *Politics of Post-Conflict Reconstruction*. Beirut, Carnegie Middle East Center, 8—13.
- Brown, F.Z. (2018b). *Dilemmas of Stabilization Assistance: The Case of Syria*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.
- Daher, J. (2018). *The Syrian Reconstruction Question, Issues and Dynamics*. Fondation pour la Recherche Stratégique, Avril.
- Freear, M. (2016). *Syrian Stabilization and Reconstruction. Lessons Learned for a Post-Conflict Syria*. White Paper. American Security Project, June.
- Gates, S., Hegre, H., Nygård, H.M. & Strand, H. (2012). Development Consequences of Armed Conflict. *World Development*, 40(9), 1713—1722. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2012.04.031>.
- Girod, D.M. (2015). *Explaining Post-Conflict Reconstruction*. NY, Oxford University Press.
- Heydemann, S. (2018a). *Beyond Fragility: Syria and the Challenges of Reconstruction in Fierce States*. Brookings Institution, June.

- Heydemann, S. (2018b). Civil War, Economic Governance & State Reconstruction in the Arab Middle East. *Daedalus*, 147(1), 48—63. DOI: https://doi.org/10.1162/DAED_a_00473.
- Heydemann, S. (2018c). Reconstructing Authoritarianism: the Politics and Political Economy of Post-Conflict Reconstruction in Syria. *Politics of Post-Conflict Reconstruction*. Beirut: Carnegie Middle East Center, 4—21.
- Khodynskaya-Golenishcheva, M.S. (2019). Syria: Long Road from War to Peace. Multilateral Diplomacy of the Syrian Conflict Resolution. Moscow: Abris. (in Russian).
- Kuznetsov, V.A., Naumkin, V.V. & Zvyagelskaya, I.D. (2018). *Russia in the Middle East: The Harmony of Polyphony*. Valdai Discussion Club, May. (in Russian).
- Langer, A. & Graham, K.B. (2016). *Building Sustainable Peace: Timing and Sequencing of Post-Conflict Reconstruction and Peacebuilding*. NY, Oxford University Press.
- Naumkin, V.V., Soukhov, N.V., Kuznetsov, V.A. & Zvyagelskaya, I.D. (2016). *The Middle East in a Time of Troubles: Traumas of the Past and Challenges of the Future*. Valdai Discussion Club, August. (in Russian).
- Reconstruction Calling? Towards a Different EU Role in Rebuilding Syria*. (2018). 11.Report. 11.11.11. March. URL: <https://www.11.be/item/syria-reconstruction-calling> (accessed: 12.11.2018).

Received: 01.12.2018

For citations: Bartenev, V.I. (2018). ‘Mutually Assured Obstruction’? Russia, the West and Political Dilemmas of Syria’s Reconstruction. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 755—774. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-755-774.

About the author: *Bartenev Vladimir Igorevich* — PhD in History, Associate Professor, Director for Center for Security and Development Studies at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vladimir.bartenev@fmp.msu.ru).

© Баргенов В.И., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-775-789

Сирийский фактор в российско-американских отношениях (2011–2018 гг.)

А.П. Косов

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
Витебск, Беларусь

Начавшиеся в 2011 г. на волне событий «арабской весны» протестные выступления в Сирийской Арабской Республике (САР) переросли в масштабное политическое противостояние режима Б. Асада и оппозиции, в том числе радикальной, с участием внешних сил (Ирана, Турции, ливанской «Хезболлы»). Преследуя собственные национальные интересы на Ближнем Востоке, в сирийский конфликт оказались вовлечены Россия и США. В результате Сирия наряду с Украиной стала одним из раздражителей в российско-американских отношениях. Ситуация усугубилась после начала в Сирии операции российских ВКС, которая дала повод Соединенным Штатам выдвигать голословные обвинения в адрес России в нанесении ракетных ударов по мирным сирийцам.

В статье на основе материалов средств массовой информации, органов государственного управления, экспертно-аналитических структур, публикаций российских и западных исследователей с использованием общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение) и специально-исторических методов (историко-сравнительного, историко-генетического, историко-типологического) рассмотрено влияние сирийского конфликта на развитие российско-американских отношений.

Автор анализирует реакцию США и России на события в САР, выявив их подходы к событиям в этой ближневосточной стране. Преследуя свои цели, Соединенные Штаты поддержали противников президента Б. Асада, а Российская Федерация — официальный Дамаск, что сделало Россию и США участниками сирийского конфликта.

Сделан вывод о том, что отличающееся видение Москвой и Вашингтоном ситуации в Сирии является на настоящий момент непреодолимой преградой на пути дипломатического урегулирования сирийской проблемы. Даже наличие общей угрозы в лице террористической организации «Исламское государство» (ИГ)¹ не сделало Россию и США полноценными партнерами на Ближнем Востоке. Это объясняется тем, что сирийское урегулирование стало заложником общей атмосферы российско-американских отношений, особенно после их существенного ухудшения в связи с украинским кризисом.

Ключевые слова: Россия, США, Сирия, российско-американские отношения, режим Б. Асада, сирийский конфликт

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, кризис в Сирии начался в середине марта 2011 г. Поводом для дестабилизации внутривнутриполитической обстановки стал арест подростков, писавших антиправительственные лозунги на стенах домов в городе Дераа под влиянием событий «арабской весны» в соседних странах. Местные силы правопорядка отреагировали на их действия достаточно жестко, что вызвало недовольство

¹ Организация запрещена в РФ.

местных жителей. Тем самым Дамаск допустил ошибку, приведшую к тому, что протестные выступления в стране приобрели массовый характер и переросли в вооруженные столкновения с полицией и армией [Звягельская 2014: 92—93].

С самого начала развития сирийского конфликта Россия и США кардинально разошлись в оценках происходящего в этой ближневосточной стране. Для Вашингтона режим Б. Асада уже довольно долго является одним из неугодных в регионе. Москва, наоборот, рассматривает САР как одну из площадок полноценного возвращения на Ближний Восток. По мере эскалации напряженности противоречия в российско-американских отношениях относительно Сирии лишь усиливались. Основной причиной разногласий стал вопрос о способе разрешения конфликта.

Методологически статья основана на принципах объективности, ценностного подхода и системности с использованием общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение) и специально-исторических (историко-сравнительный, историко-генетический, историко-типологический) методов.

Ниже рассмотрим подходы Вашингтона и Москвы к ситуации в Сирии и влияние сирийского конфликта на российско-американские отношения.

РЕАКЦИЯ США НА СИРИЙСКИЙ КОНФЛИКТ

В начале сирийского кризиса США вели себя достаточно осторожно. Несмотря на неприятие режима Б. Асада и наличие среди американского истеблишмента сторонников жесткой линии в лице неоконсерваторов и либералов-интервенционистов, мечтавших «демократизировать» Ближний Восток, администрация Б. Обамы проявляла определенную сдержанность. Лишь 30 марта 2011 г. представитель Госдепартамента США М. Тонер сделал заявление о том, что Б. Асад должен пойти навстречу требованиям сирийского народа. В этот же день сенаторы Дж. Маккейн и Дж. Либерман заявили Б. Обаме, что нужно поддержать сирийцев, выступивших против режима Б. Асада. Нарастание напряженности в САР вынудило администрацию Б. Обамы ужесточить свой подход. Так, 12 апреля 2011 г. ее представители официально осудили действия сирийского руководства по подавлению выступлений оппозиции, а 23 апреля с публичным осуждением действий Дамаска выступил сам Б. Обама. Спустя несколько дней Белый дом ввел санкции против членов семьи Б. Асада [Политическое цунами... 2011: 199—201, 203—204].

Ухудшение ситуации в стране подвигло сирийский режим в апреле 2011 г. пойти на некоторые уступки протестующим, в частности, отменить действовавшее в стране с 1963 г. чрезвычайное положение, что вызвало одобрение Госдепартамента США. Но одновременно Дамаск вольно или невольно провоцировал Запад своим внешнеполитическим курсом. Так, 16 мая 2011 г. функционеры партии «Баас» срежиссировали волнения палестинских беженцев, которые попытались пересечь границу Израиля, но были встречены огнем израильских солдат. Неудивительно, что на следующий день после этого инцидента госсекретарь США Х. Клинтон заявила о поддержке требований сирийской оппозиции, сравнив режим Б. Асада с иранским [Терентьев 2012: 282—283].

Такое поведение официального Дамаска было на руку тем представителям американского истеблишмента, которые стремились взять под контроль весь ближ-

невосточный регион. Упразднение режима Б. Асада, являющегося главным союзником Тегерана, существенно ослабило бы иранское влияние на Ближнем Востоке. Кроме того, жесткая позиция США по Сирии объяснялась антиасадовской политикой региональных союзников Вашингтона и фактором «выплескивания» сирийского конфликта вовне, что угрожает стабильности ближневосточного региона в целом [Шумилин 2015: 315—316]. Так, правящие круги Израиля, Саудовской Аравии и Катара, заинтересованные в свержении режима Б. Асада, выступали за ужесточение политики США в отношении Дамаска в целях ослабления иранского влияния на Ближнем Востоке.

Белый дом, аргументируя свою позицию тем, что Б. Асад пошел на применение силы против протестующих, стал однозначно настаивать на уходе сирийского лидера, «замаравшего свои руки в крови»². Однако Б. Обама не спешил проводить военную операцию в Сирии, зная, что силовое решение конфликта не пользуется поддержкой большинства американской общественности и Конгресса [Шумилин 2015: 318]. В действительности мало кто в Америке считал Б. Асада угрозой для национальной безопасности США [Simes, Saunders 2015]. Тем не менее, такая позиция администрации подвергалась нападкам со стороны вашингтонских «ястребов», особенно сенаторов-республиканцев Дж. Маккейна и Л. Грэма. Так, Дж. Маккейн говорил о необходимости нанести удары по позициям сирийской армии, а также предпринять иные военные меры против Б. Асада³. Оправдываясь, Б. Обама был вынужден заявить о возможности военной операции в Сирии, но только после пересечения Дамаском установленной «красной черты» — использования химического оружия [Мирзаян 2016: 274].

В целом в сирийской политике Вашингтона выделяют два этапа: до химической атаки 21 августа 2013 г., когда администрация Б. Обамы стремилась избежать излишней вовлеченности в конфликт, и после нее, когда в Белом доме возобладало намерение нанести ракетно-бомбовый удар по Сирии⁴, поскольку Б. Асад пересек «красную черту» [Шумилин 2015: 317—318].

СИРИЙСКИЙ КОНФЛИКТ И ПОЗИЦИЯ РОССИИ

Ливийские события, в результате которых российское руководство убедилось в истинных намерениях Запада, предопределили отношение России к ситуации в Сирии. Ведь резолюция Совета Безопасности ООН № 1973, открывшая путь военной интервенции Запада, привела в этой североафриканской стране к ситуации, не отвечавшей российским интересам, в том числе и в экономической сфере.

² Statement by President Obama on the Situation in Syria. The White House. Office of Press Secretary. For Immediate Release. August 18, 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/08/18/statement-president-obama-situation-syria> (accessed: 06.08.2018).

³ Remarks by Senator John McCain at the Brookings Institution on U.S. Policy in Syria and the Broader Middle East. Washington, D.C. June 6, 2013. URL: <https://www.mccain.senate.gov/public/index.cfm/2013/6/post-1ad6cfa7-d60b-3429-4c05-05f255ffbad2> (accessed: 06.08.2018).

⁴ Weekly Address: Calling for Limited Military Action in Syria. The White House. Office of Press Secretary. For Immediate Release. September 07, 2013. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/09/07/weekly-address-calling-limited-military-action-syria> (accessed: 06.08.2018).

Но главным для Москвы все же стало другое: не дать военным вмешательствам превратиться в универсальный инструмент борьбы Запада с неугодными режимами в мире [Звягельская 2014: 92]. Как заявил президент России В.В. Путин, «нельзя допустить, чтобы „ливийский сценарий“ кто-то попытался реализовать в Сирии. Усилия международного сообщества должны быть направлены, прежде всего, на достижение межсирийского примирения. Важно добиться скорейшего прекращения насилия, откуда бы оно ни исходило, запустить наконец общенациональный диалог — без предварительных условий, без иностранного вмешательства и при уважении суверенитета страны... Очень рассчитываю, что США и другие страны учтут печальный опыт и не попытаются задействовать без санкции СБ ООН силовой сценарий в Сирии»⁵. Тем самым, выступив в поддержку официального Дамаска, Россия стала защищать не режим Б. Асада, а «существующий международный порядок, основанный на принципах международного права», поскольку «если с ним будет покончено, мир действительно погрузится в хаос, где доминирует только право силы» [Торкунов 2015]. Поэтому Россия активно включилась в процесс урегулирования сирийского кризиса. Видя отношение Запада и ряда государств региона (Турции, Катара, Саудовской Аравии и др.) к развитию ситуации в САР, Россия вместе с КНР четыре раза (4 октября 2011 г., 4 февраля 2012 г., 19 июля 2012 г. и 22 мая 2014 г.) блокировала в СБ ООН проекты резолюций, в которых неадекватно отражались сложившиеся в Сирии реалии. При этом Москва продолжала добиваться выработки решения, которое было бы объективным и содействовало бы политическому урегулированию сирийского конфликта [Звягельская 2014: 98]. МИД России призывал страны Запада и Ближнего Востока «действовать в соответствии с буквой и духом Женевского коммюнике от 30 июня 2012 г., резолюции 2042 и 2043 СБ ООН, исключить вмешательство извне, уважать суверенитет и территориальную целостность САР, всех других государств региона»⁶.

Однако призывы России не всегда находили понимание у зарубежных партнеров. Российская позиция вызвала негативную реакцию не только у политических элит Запада и Ближнего Востока, но и широкой общественности ряда стран. Кроме того, в 2012 г. Россия понесла определенные репутационные издержки в ООН, так как подавляющее большинство членов Генассамблеи поддержало антиасадовскую резолюцию [Степанова 2012].

В целом в сирийской политике Москвы также можно выделить два этапа: до 30 сентября 2015 г. — когда Россия осуществляла дипломатическую поддержку САР на международной арене, и после 30 сентября 2015 г., когда Россия, продолжая поддерживать Дамаск дипломатическими средствами, начала на сирийской территории военную операцию. Согласимся с И.Д. Звягельской в том, что россий-

⁵ Путин В.В. Россия и меняющийся мир. 27.02.2012. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 07.08.2018).

⁶ Заявление официального представителя МИД России А.К. Лукашевича в связи с развитием событий в Сирии и вокруг нее. 6 мая 2013. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/sy/-/asset_publisher/9fcjSOwMERcf/content/id/111702 (дата обращения: 06.08.2018).

ская политика на сирийском направлении была обусловлена следующими соображениями. Во-первых, предотвратить повторение ливийского сценария. Во-вторых, не допустить краха режима Б. Асада, поскольку это могло иметь деструктивные последствия для всего региона: например, углубление суннитско-шиитских противоречий, обострение межэтнических трений, распространение радикального исламистского проекта на другие государства Ближнего Востока и за его пределы [Katz 2013; Звягельская 2014: 93—94].

ВЛИЯНИЕ ЭСКАЛАЦИИ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА НА РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Хотя и Россия, и США практически с самого начала эскалации сирийского конфликта выступили за его урегулирование, их подходы к достижению этого не совпадали, что объяснялось национальными интересами двух держав. Если для Вашингтона уход Б. Асада на каком-то этапе был обязательным условием, то Москва заявила, что судьбу сирийского президента может решить только сирийский народ на выборах, которые станут частью переходного периода [Дэвис, Доббинс и др. 2017: 65]. Поэтому конфликт интересов двух держав продолжал набирать обороты. Весной — летом 2013 г. США приняли решение о поставках вооружений умеренной сирийской оппозиции, противостоящей режиму Б. Асада [Шумилин 2015: 316]. Россия расценила этот шаг Вашингтона крайне негативно, поскольку американская помощь стала поступать не только умеренным, но и радикальным исламистам. Спустя несколько месяцев это привело к большим проблемам для самих американцев. Окрепшее на сирийской территории «Исламское государство» захватило значительную часть Сирии и Ирака, что создало угрозу национальным интересам США в регионе и вынудило их прибегнуть к военному вмешательству. По справедливому замечанию Е.М. Примакова, «такова уж логика американской позиции: решать свои противоречивые интересы других стран задачи, не думая о завтрашнем дне» [Примаков 2016: 213]. Тем самым для российско-американских отношений сирийский конфликт стал все больше напоминать «игру с нулевой суммой», во всяком случае до тех пор, пока Москва и Вашингтон не пришли к компромиссу относительно уничтожения химического оружия в Сирии [Звягельская 2014: 195].

Ликвидация сирийского химического оружия стала успешным примером ограниченного российско-американского сотрудничества в рамках конфликта в САР. После осуществленной 21 августа 2013 г. химической атаки, мнения о которой у России и США разошлись, поскольку одни обвиняли в этом оппозицию, а другие винули режим Б. Асада, перешедшего «красную черту». МИД России выдвинул предложение ликвидировать под международным контролем запасы сирийского химического оружия⁷. Российская инициатива позволила Белому дому избежать проведения

⁷ Заявление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова для СМИ в связи с ситуацией вокруг сирийского химического оружия. Москва, 9 сентября 2013 г. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/97430 (дата обращения: 25.08.2018).

боевой операции против Дамаска, переключив внимание американской общественности и конгрессменов с военной ситуации в Сирии на проблему ликвидации химического оружия [Шумилин 2015: 320], тем более что союзники Вашингтона по НАТО, в том числе Великобритания и Франция, отказались участвовать в военной операции против САР. В свою очередь, международный авторитет России как страны, спасшей регион от «большой» войны, значительно возрос.

12 сентября 2013 г. Б. Асад принял предложение Москвы, что позволило вывести переговоры по сирийской проблеме на новый уровень. Комментируя Женевские договоренности США и России по ликвидации сирийского химического оружия, министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров в одном из своих интервью подчеркнул, что «американцы, похоже, понимают важность нашего взаимодействия. Мы к этому готовы абсолютно настолько, насколько к этому готовы в Вашингтоне»⁸. Однако многие в политическом истеблишменте США были явно другого мнения. Так, после очередной порции американских обвинений в адрес России относительно якобы содействия дестабилизации ситуации в САР Москва в сентябре 2013 г. объявила о том, что предаст гласности все российско-американские соглашения по сирийскому конфликту, чтобы мировое сообщество узнало, какие обязательства брала на себя каждая сторона и как она их выполняла⁹. Действительно, в процессе российско-американского дипломатического диалога по Сирии Вашингтон не раз давал обещания по координации действий, а на практике, наоборот, часто противодействовал усилиям России по урегулированию ситуации в этой ближневосточной стране.

Следующей попыткой взаимодействия Российской Федерации и США по разрешению ситуации в Сирии стала начавшаяся в феврале 2014 г. конференция «Женева—2». 7 мая 2013 г. о ее проведении договорились С.В. Лавров и Дж. Керри, так как первая Женевская конференция по сирийскому урегулированию, прошедшая в июне 2012 г., оказалась безуспешной¹⁰. Новая конференция также не принесла существенных результатов, но была важна в том плане, что Москве и Вашингтону впервые удалось усадить конфликтующие стороны за стол переговоров. Сирийская оппозиция надеялась на давление США, которое позволило бы свергнуть Б. Асада. В свою очередь, администрация Б. Обамы стремилась добиться сплочения оппозиции и придания ей более привлекательного имиджа в борьбе за политическое будущее Сирии. Однако эти расчеты не оправдались [Звягельская 2014: 100—101]. Вашингтону оказалось не под силу контролировать все антиасадовские группировки, управляемые крупными региональными игроками —

⁸ «У наших партнеров были шараханья». Глава МИД РФ Сергей Лавров о резолюции по Сирии и отношениях с США. 30.09.2013. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2308493> (дата обращения: 08.08.2013).

⁹ Associated Press опубликовало текст соглашения России и США по Сирии. 23 сентября 2016. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/09/23/658233-associated-press-soglasheniya-sirii> (дата обращения: 07.08.2018).

¹⁰ Итоги международной конференции по Сирии «Женева—1». Досье. 14 октября 2013. URL: <http://tass.ru/politika/690267> (дата обращения: 14.08.2018).

Саудовской Аравией, Катаром, Турцией и др. Тем самым сирийский конфликт продолжил оказывать негативное воздействие на российско-американские отношения.

Вскоре на повестке дня для США и России оказалась борьба с ИГ на территории Сирии. Группировка, которую многие рассматривали как противовес «Аль-Каиде», в 2013 г. стала самостоятельным игроком. После того как террористы ИГ захватили значительную часть Ирака, а также казнили трех американцев, в интересах национальной безопасности Белый дом несколько сместил приоритеты в сирийском вопросе со свержения Б. Асада на разгром «Исламского государства» [Goldberg 2016]. Однако решение Вашингтона в рамках созданной им коалиции по борьбе с исламистами с 23 сентября 2014 г. наносить воздушные удары по сирийской территории без согласования своих действий с Дамаском вызвало у Москвы подозрения относительно стремления американцев таким образом ослабить позиции режима Б. Асада в его борьбе с антиправительственной оппозицией, пользующейся поддержкой США.

30 сентября 2015 г. по просьбе сирийского правительства и заручившись поддержкой Ирана свою антитеррористическую операцию на территории Сирии начала Москва. Действия России принципиальным образом отличались от поведения западной коалиции. Конечно, относительно мотивов проведения Россией боевой операции в Сирии существует множество точек зрения. На наш взгляд, Москва встала на защиту своих национальных интересов безопасности, преградив путь радикальному исламу в Центральную Азию и на Северный Кавказ. Однако кроме борьбы с терроризмом российское военное вмешательство в Сирии стало ответом на давление Запада в связи с украинским кризисом, оказавшимся к тому моменту основным раздражителем в отношениях России с Западом. Успех сирийской операции мог значительно усилить позиции России на украинском направлении. Согласимся с А. Стент, что своими действиями в Сирии Москва решила добиться признания международным сообществом статуса глобального игрока [Stent 2016].

Реакция администрации Б. Обамы на военную кампанию России была неоднозначной. Сначала Вашингтон попытался проигнорировать данный факт, заявив о продолжении своей контртеррористической операции без каких-либо изменений. Но вскоре масштаб действий России заставил руководство США встревожиться: американцы стали опасаться утраты политической инициативы в Сирии. Тем не менее, администрация Б. Обамы была вынуждена согласиться с военной ролью России. При этом госсекретарь США Дж. Керри добивался военной координации действий Москвы и Вашингтона¹¹.

Очевидно, что военное вмешательство России трансформировало ситуацию в САР в опосредованный российско-американский конфликт и повысило ставки в противостоянии России и США [Stent 2016]. Своими действиями в Сирии, поста-

¹¹ См.: Crooke A. Russia's Aim in Syria Is to Strategically Defeat ISIS and Al Qaeda. 10.09.2015. URL: https://www.huffingtonpost.com/alastair-crooke/russia-syria-isis-al-qaeda_b_8259870.html (accessed: 08.08.2018).

вив США перед свершившимся фактом, Кремль вызвал сильнейшее раздражение американского истеблишмента. Как отмечал Г. Киссинджер, активизация России в САР в целях отведения террористической угрозы от российской территории стала самым серьезным за последние четыре десятилетия геополитическим вызовом ближневосточной политике США¹². Наиболее распространенным мнением среди политического истеблишмента Соединенных Штатов относительно действий России в Сирии стала точка зрения о том, что Москва просто хочет «насолить» Вашингтону, а борьба с ИГ — просто ширма¹³. Глава Пентагона Э. Картер обвинил российское руководство в том, что оно «подливает масло в огонь» сирийского кризиса. С.В. Лавров парировал обвинения, заявив, что Россия полностью соблюдает международное право¹⁴. 1 октября 2015 г. глава российского МИД в интервью журналистам опроверг все домыслы о том, что Россия якобы начала борьбу не с ИГ, а с антиасадовской оппозицией: «Мы не поддерживаем стороны, которые борются со своим собственным народом, мы боремся против террористов. Насколько я понимаю, коалиция объявила своим противником ИГ и другие террористические группировки. То же самое делает и российская сторона. То же, что и коалиция»¹⁵.

Российское вмешательство в сирийский конфликт продемонстрировало США, что Москва больше не будет мириться с американской политикой смены режимов на Ближнем Востоке [Charap 2013; Charap, Shapiro 2016: 150—151]. Успешные операции российских ВКС позволили сирийским правительственным войскам значительно укрепить свои позиции, что, по признанию американских экспертов, поставило под сомнения планы Вашингтона по отстранению Б. Асада от власти¹⁶. Неудивительно, что отдельные американские политики, пытаясь «заработать политические очки», призвали к большей жесткости по отношению к военным действиям России в Сирии. Например, стали предлагать создать над САР бесполетную зону [Simes, Saunders 2015].

Жесткой реакцией на поведение России Соединенные Штаты попытались заставить Москву заплатить высокую цену за военное вмешательство. В определенной мере это способствовало нарастанию напряженности в российско-американских отношениях, включая возможность прямой конфронтации между двумя

¹² Kissinger H. A Path Out of the Middle East Collapse // The Wall Street Journal. 2015. October 16. P. 2.

¹³ См.: Krastev I. Is Vladimir Putin Trying to Teach the West a Lesson in Syria? October 7, 2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/10/08/opinion/ivan-krastev-is-putin-trying-to-teach-us-a-lesson.html> (accessed: 08.08.2018).

¹⁴ МИД: Россия не согласна с оценкой Пентагона ее действий в Сирии. 01.10.2015. URL: <https://ria.ru/world/20151001/1294747720.html?injj=1> (дата обращения: 06.08.2018).

¹⁵ Лавров в ООН рассказал о задачах в Сирии, беженцах и работе «квартета». 01.10.2015. URL: <https://ria.ru/world/20151001/1294868725.html#ixzz3ooY6UltV> (дата обращения: 06.08.2018).

¹⁶ См.: Sly L. Russian airstrikes are working in Syria — enough to put peace talks in doubt. January 19, 2016. URL: https://www.washingtonpost.com/world/russian-airstrikes-are-working-in-syria--enough-to-put-peace-talks-in-doubt/2016/01/19/64127084-beb2-11e5-98c8-7fab78677d51_story.html?utm_term=.1d13b0046884 (accessed: 06.08.2018).

державами [Charap, Shapiro 2016: 151]. По мере возрастания успехов российских ВКС в Сирии США, по сути, развернули против России информационную войну с целью дискредитации ее успехов. Представители Госдепартамента, Пентагона, а также СМИ существенно увеличили количество фейковых заявлений о якобы имеющих место бомбардировках российской авиацией мирного населения. При этом сами американцы неоднократно, якобы по ошибке, наносили удары по правительственным войскам и мирным жителям, впоследствии обвиняя в ошибках российские ВКС, долгое время «не замечали» нефтяных караванов ИГ в Турцию. Кстати, последняя, преследуя свои собственные интересы, стала одним из важнейших игроков в сирийском конфликте. Анкара приложила немало усилий по свержению режима Б. Асада, но все турецкие попытки потерпели крах после начала контртеррористической операции России в САР. В качестве ответа турки пошли на крайний шаг — сбили российский самолет, что привело к многомесячному серьезному кризису в отношениях между двумя странами. Одновременно у Турции проявились разногласия с США. Вашингтон оказался не готов поддерживать Р.Т. Эрдогана в его конфликте с Москвой. После захвата запрещенной в России группировкой ИГ северных регионов Ирака и Сирии американцы предъявили Анкаре претензии в утрате контроля над границей с этими территориями и неказании действенного противодействия боевикам. Но, в первую очередь, американо-турецкие противоречия касались курдского фактора, что было на руку России.

Заматерелые русофобы квалифицировали военную операцию России в Сирии как проявление «имперского экспансионизма» Москвы, неразрывно связанное с «агрессивными» действиями Кремля в других регионах, в том числе на Украине. Исходя из такого видения ситуации, они призвали страны Запада к сплочению в целях достойного ответа на «российский вызов» цивилизованному сообществу, разделяющему западные ценности. Подобные заявления можно квалифицировать как своеобразную политическую риторику. Реалистически мыслящая часть американского политико-академического сообщества и СМИ, видя военную мощь России, наоборот, выступила за прагматическое сотрудничество с Москвой в решении актуальных вопросов мировой политики и международной безопасности, конечно, не забывая про национальные интересы США, что, впрочем, находит понимание в Кремле. Многие действующие сотрудники администрации Б. Обамы, понимая необходимость борьбы с ИГ, все же придерживались более реалистичного взгляда на действия России¹⁷. Российское руководство открыто к подобному формату взаимодействия и само призывает именно к этому. На саммите G20 в ноябре 2015 г. В.В. Путину удалось «вовлечь» Б. Обаму в более тесное взаимодействие по Сирии [Stent 2016]. Однако разногласия сторон относительно путей урегулирования сирийского конфликта вновь не позволили России и США добиться успеха. Сотрудничество между Москвой и Вашингтоном в Сирии натолкнулось на имеющиеся противоречия.

¹⁷ См.: Syria: Why Russia Went In. 8 October, 2015. URL: <https://nationalinterest.org/feature/syria-why-russia-went-14030> (accessed: 07.08.2018).

Препятствия для налаживания российско-американского сотрудничества во многом обусловлены инерцией двусторонних отношений и отсутствием доверия, нежели столкновением стратегических интересов. Например, без участия России в сирийском конфликте США и их сторонники не смогли бы освободить те территории, которые были отвоеваны у ИГ [Шапиро 2017]. Так, 22 февраля 2016 г. Россия и США заключили соглашение о прекращении боевых действий в Сирии, что давало надежду на начало политического урегулирования сирийского конфликта. При этом администрации Б. Обамы пришлось преодолеть немало внутри- и межпартийных разногласий, а также согласовать массу межведомственных разночтений, чтобы договориться с Россией по вопросам, сделавшим сирийское перемирие возможным¹⁸. Как сказал В.В. Путин 24 марта 2016 г. во время встречи в Москве с госсекретарем Дж. Керри, «мы понимаем, что то, что нам удалось достигнуть на сирийском направлении, могло быть достигнуто только благодаря позиции высшего политического руководства Соединенных Штатов, позиции президента Обамы»¹⁹.

Однако в начале августа 2016 г. Вашингтон и Москва взяли паузу в переговорном процессе по Сирии. Правда, вскоре стороны вернулись к переговорам, но с тем же результатом. Выполнение договоренностей по прекращению огня в Сирии и началу политического диалога между противоборствующими сторонами, достигнутых 10 сентября 2016 г. в Женеве С.В. Лавровым и Дж. Керри, окончилось неудачей. В целом разъединить умеренную оппозицию и террористические группировки не удалось. 3 октября 2016 г. Вашингтон объявил о разрыве контактов с Москвой по сирийскому вопросу, что привело к возобновлению военных действий. ВКС России стали осуществлять поддержку наземной операции по взятию восточной части Алеппо, что вызвало яростную критику в Америке. Причиной стало отсутствие у России и США доверия. Администрация Б. Обамы была недовольна продолжением российских бомбардировок по группировкам, не признанным СБ ООН террористическими, и разочарована тем, что Россия, несмотря на договоренность, не смогла обеспечить последовательное соблюдение сирийским режимом прекращения огня [Дэвис, Доббинс и др. 2017: 63]. В свою очередь, Москва возложила главную ответственность за это на администрацию Б. Обамы, в первую очередь на руководство Пентагона, которое фактически саботировало договоренности и противопоставило себя Госдепартаменту [The Year In Review... 2016]. Действительно, в Америке хватает политических сил, не заинтересованных в сотрудничестве с Россией. Под конец своего президентства сам Б. Обама был уверен, что Россия потерпит крах в попытках закрепиться в ближневосточном регионе [Indyk 2016]. Вместе с тем абсолютно права И.Д. Звягельская в том, что «представлять весь американский истеблишмент и весь Запад как противника России нет оснований» [Звягельская 2016].

¹⁸ См.: Сучков М. Керри в Москве — атмосфера начала 2000-х. 28 марта 2016. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kerri-v-moskve-atmosfera-nachala-2000-kh/?sphrase_id=16566882 (дата обращения: 08.08.2018).

¹⁹ Путин: успеха в Сирии удалось достичь благодаря позиции властей США. 24.03.2016. URL: https://ria.ru/syria_peace/20160324/1396358584.html (дата обращения: 08.08.2018).

Сирийский конфликт стал одной из тем президентской кампании 2016 г. в США. Х. Клинтон разделяла позицию тех политических сил, которые выступают за свержение Б. Асада и рассматривают действия России как угрозу национальным интересам США на Ближнем Востоке. Ее соперник, Д. Трамп, напротив, заявлял, что Россия успешно борется с «Исламским государством», поэтому Вашингтону и Москве следует объединиться для борьбы с общим врагом. Он говорил о том, что нанесение Россией ударов по ИГ и «Джабхат ан-нусре» само по себе не противоречит интересам США в Сирии [Simes, Saunders 2015]. От возможности объединения усилий Москвы и Вашингтона в Сирии он не отказался и после прихода к власти. В конце марта 2017 г. постпред США в ООН Н. Хейли заявила, что цель свергнуть Б. Асада больше не является приоритетом Соединенных Штатов. Аналогичную мысль высказал и госсекретарь Р. Тиллерсон, отметив, что судьбу Б. Асада должен определить сам сирийский народ²⁰.

Однако, став президентом, Д. Трамп был готов сотрудничать с Москвой в Сирии на своих условиях. К тому же он оказался под давлением и критикой разных политических сил. Ярким примером подхода администрации Д. Трампа к взаимодействию с Россией в Сирии стала реакция Вашингтона на инцидент 4 апреля 2017 г. в пригороде Идлиба (на северо-западе Сирии), связанный с применением химического оружия. По традиции Вашингтон обвинил в химатаке режим Б. Асада и в целях возмездия нанес массированный ракетный удар по авиабазе сирийских ВВС Шайрат. В ответ С.В. Лавров заявил, что американский удар осуществлен под надуманным предлогом и Совет Безопасности ООН должен осудить действия США. Правда, официальная позиция Кремля оказалась более сдержанной²¹.

Спустя год ситуация повторилась. Поддавшись эмоциям и своему окружению якобы из-за осуществленной 7 апреля 2018 г. режимом Б. Асада химической атаки в г. Дума, Д. Трамп отдал приказ нанести удар по целям в Сирии. Москва вновь осудила действия Вашингтона, обвинив противостоящие Дамаску силы в желании обострить ситуацию. При этом следует отметить, что осуществленные США 14 апреля 2018 г. ракетные удары носили ограниченный характер и не затрагивали российских целей в этой стране, поэтому они не привели к эскалации конфронтации между Москвой и Вашингтоном. Правда, некоторые американские политики выступали за удары, в том числе и по российским объектам в Сирии. Сам Д. Трамп тоже в какой-то степени поддавался искушению и стал пугать Россию возможными ударами в своем Твиттере²². К счастью, воинственной риторикой

²⁰ Эволюция позиции США по сирийскому кризису. Досье. 14 апреля 2018. URL: <http://tass.ru/info/5125589> (дата обращения: 15.04.2018).

²¹ См.: Трамп все понял: Россия — его главная проблема. 07 апреля 2017. URL: <http://planet-today.ru/geopolitika/item/67115-tramp-vse-ponyal-rossiya-ego-glavnaya-problema> (дата обращения: 30.04.2018).

²² См.: Nicholas P., Lubold G., Nissenbaum D. For Trump, a Hectic Week of Planning to Organize Syria Strike. President and Defense Secretary Jim Mattis differed on response to suspected Syrian chemical attack // *The Wall Street Journal*. April 13, 2018. URL: <https://www.wsj.com/articles/trump-seeks-large-strike-in-syria-mattis-urges-caution-1523651589> (accessed: 08.08.2018).

все и ограничилось. В Вашингтоне взял верх более осторожный подход, за который выступал глава Пентагона Дж. Мэттис [Ashford 2018]. Очевидно, что США по-прежнему не заинтересованы в прямом военном столкновении с Россией из-за Сирии. Вашингтон, как и Москва, не прочь завершить сирийский конфликт, но на своих условиях, что вызывает разногласия между государствами. Американская позиция по урегулированию сирийского кризиса чрезмерно идеологизирована. Идеологические соображения политического истеблишмента Америки зачастую отодвигают на второй план рационализм американцев. У Москвы, наоборот, в последние годы во внешней политике превалирует прагматизм. Отсюда и возникающая порой невозможность урегулирования имеющихся в российско-американских отношениях противоречий, в том числе и относительно ситуации вокруг Сирии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сирийский фактор стал существенным раздражителем в российско-американских отношениях. С момента обострения ситуации в Сирии Москва и Вашингтон разошлись в оценках происходящего, что привело стороны к взаимным обвинениям в содействии эскалации конфликта. Это стало непреодолимой преградой на пути дипломатического урегулирования сирийской проблемы. Однако, несмотря на российско-американские противоречия в Сирии, успехи боевиков «Исламского государства» в регионе заставили Россию и США сотрудничать в рамках борьбы с международным терроризмом. Правда, в ряде случаев их взаимодействие оказывалось заложником состояния общей атмосферы российско-американских отношений, особенно после существенного ухудшения в связи с украинским кризисом. Поэтому, несмотря на многочисленные заявления официальных лиц в Москве и Вашингтоне о необходимости сотрудничества в целях нормализации ситуации в Сирии, сирийский конфликт по-прежнему остается одной из серьезных сфер противоречий между двумя державами, хотя он и не является центральным в российско-американских отношениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Дэвис Л.Э., Доббинс Дж., Загорский А.В., Звягельская И.Д., Конли Х.А., Кортни У. и др.* Дорожная карта российско-американских отношений // Российский совет по международным делам (РСМД). 2017. № 30. URL: <http://russiancouncil.ru/papers/Russia-USA-Roadmap-Report30-Ru.pdf> (дата обращения: 06.08.2018).
- Звягельская И.Д.* Ближневосточный клинч: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект-Пресс, 2014.
- Звягельская И.Д.* Иллюзия перемирия? // Российский совет по международным делам (РСМД). 21 сентября 2016. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/illyuziya-peremiriya/?sphrase_id=16566882 (дата обращения: 08.08.2018).
- Мирзаян Г.В.* Ближневосточный покер. Новый раунд Большой Игры. М.: Эксмо, 2016.
- Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке* / под ред. С.Е. Кургиняна. М.: ЭТЦ, 2011.
- Примаков Е.М.* Россия. Надежды и тревоги. М.: Центрполиграф, 2016.

- Степанова Е.А.* Сирийский кризис и формирование внешней политики России: аналитическая записка № 199 / ПОНАРС Евразия. Май 2012 г. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/perm199_russ_Stepanova_May2012.pdf (дата обращения: 25.08.2018).
- Терентьев А.А.* Эпоха Обамы: Наши интересы в Белом доме. М.: Алгоритм, 2012.
- Торкунов А.В.* За что мы воюем в Сирии? // Российский совет по международным делам. 09.12.2015. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/za-chto-my-vouem-v-sirii/> (дата обращения: 22.05.2016).
- Шаниро Дж.* Российско-американские отношения и будущее Сирии // Россия в глобальной политике. 12 сентября 2017. URL: <http://www.globalaffairs.ru/valday/Rossiisko-amerikanskie-otnosheniya-i-budushee-Sirii-18986> (дата обращения: 08.08.2018).
- Шумилин А.И.* Политика США на Ближнем Востоке в контексте «арабской весны». М.: Международные отношения, 2015.
- Ashford E.* How Reflexive Hostility To Russia Harms U.S. Interests. Washington Needs A More Realistic Approach // Foreign Affairs. April 20, 2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2018-04-20/how-reflexive-hostility-russia-harms-us-interests?cid=int-lea&pgtype=hpg> (accessed: 08.08.2018).
- Charap S.* Russia, Syria and the Doctrine of Intervention // Survival: Global Politics and Strategy. 2013. Vol. 55. N 1. P. 35—41. DOI: 10.1080/00396338.2013.767403
- Charap S., Shapiro J.* US-Russian Relations: The Middle Cannot Hold // Bulletin of the Atomic Scientists. 2016. Vol. 72, N 3. P. 150—155.
- Goldberg J.* The Obama Doctrine. The U.S. President Talks through his Hardest Decisions about America's Role in the World // The Atlantic. April 2016. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obamadocctrine/471525/> (accessed: 06.08.2018).
- Indyk M.S.* The End of the U.S. — Dominated Order in the Middle East. Obama Has Prioritized Global Goals over Regional Ones // The Atlantic. March 13, 2016. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2016/03/obama-middle-east-policy/473529/> (accessed: 07.08.2018).
- Katz M.N.* Russia and the Conflict in Syria: Four Myths // Middle East Policy. Vol. XX. N 2. Summer 2013. P. 38—46. DOI: 10.1111/mepo.12018.
- Simes D.K., Saunders P.J.* Obama's Dangerous "No War, No Peace" Strategy in Syria // The National Interest. October 15, 2015. URL: <https://nationalinterest.org/print/feature/obama's-dangerous-no-war-no-peace-strategy-syria-14092> (accessed: 08.08.2018).
- Stent A.* Putin's Power Play in Syria. How to Respond to Russia's Intervention // Foreign Affairs. 2016. January / February. Vol. 95, N 1. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2015-12-14/putins-power-play-syria> (accessed: 08.08.2018).
- The Year in Review. What Changed in 2016 and What to Expect in 2017.* Russia Direct Report. 2016. Vol. 4. Issue 12 / ed. by A.V. Kortunov. URL: http://www.russia-direct.org/system/files/journal/RussiaDirect_Report_TheYearInReview_December2016.pdf (accessed: 08.08.2018).

Дата поступления статьи: 19.11.2018

Для цитирования: *Косов А.П.* Сирийский фактор в российско-американских отношениях (2011—2018 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 775—789. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-775-789.

Сведения об авторе: *Косов Александр Петрович* — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (e-mail: alekos1979@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-775-789

Syrian Factor in Russian-US Relations (2011—2018)

A.P. Kosov

Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
Vitebsk, Belarus

Abstract. Russia and the United States, pursuing their national interests in the Middle East, were also involved in the Syrian conflict. As a result, in the second decade of the 21st century, Syria became one of the irritants in Russian-US relations.

The protests that began in Syria in 2011 within the framework of “the Arab Spring” led to a serious political confrontation between Assad’s regime and the opposition with the participation of external geopolitical players. Pursuing their national interests in the Middle East Russia and the USA were also involved into the conflict, which made Syria one of the irritators in the Russian-US relations.

The purpose of the article is to consider the impact of the Syrian conflict on the evolution of Russian-US relations. Employing general scientific and special historical methods the author uses the mass media materials and the documents published by the governmental and expert structures as well as publications of Russian and Western researchers to explore the impact that the Syrian conflict has on the Russian-US relations.

The author analyses the reaction of the US and Russia to the events in Syria and shows their approaches to them. The USA supports the opponents of President B. Assad while the Russian Federation defends the interests of the official Damascus, which made them participants in the Syrian conflict.

A conclusion is drawn that the opposing views of Moscow and Washington on the conflict in Syria remains an insurmountable obstacle to the diplomatic settlement of the Syrian issue. Even the common threat from ISIL has not made Russia and the US partners in the Middle East. The author explains this by the fact that the solution to the Syrian conflict has been held hostage to the tense Russian-US relations which have considerably deteriorated since the Ukrainian crisis.

Key words: Russia, USA, Syria, Russian-US Relations, Assad’s Regime, Syrian Conflict

REFERENCES

- Ashford, E. (2018). How Reflexive Hostility to Russia Harms U.S. Interests. Washington Needs a More Realistic Approach. *Foreign Affairs*. April 20. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2018-04-20/how-reflexive-hostility-russia-harms-us-interests?cid=int-lea&pgtype=hpg> (accessed: 08.08.2018).
- Charap, S. & Shapiro, J. (2016). US-Russian Relations: The Middle Cannot Hold. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 72(3), 150—155.
- Charap, S. (2013). Russia, Syria and the Doctrine of Intervention. *Survival: Global Politics and Strategy*, 55(1), 35—41. DOI: 10.1080/00396338.2013.767403
- Goldberg, J. (2016). The Obama Doctrine. The U.S. President Talks through His Hardest Decisions about America’s Role in the World. *The Atlantic*, April. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obamadocctrine/471525/> (accessed: 06.08.2018).
- Indyk, M.S. (2016). The End of the U.S. — Dominated Order in the Middle East. Obama Has Prioritized Global Goals over Regional Ones. *The Atlantic*, March 13. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2016/03/obama-middle-east-policy/473529/> (accessed: 07.08.2018).
- Ivanov, I.S. et al. (Eds.). (2017). *A Roadmap for U.S. — Russia Relations. Report, 30*. Moscow: Russian International Affairs Council. URL: <http://russiancouncil.ru/papers/Russia-USA-Roadmap-Report30-En.pdf> (accessed: 06.08.2018). (in Russian).

- Katz, M.N. (2013). Russia and the Conflict in Syria: Four Myths. *Middle East Policy*, XX(2), 38—46. DOI: 10.1111/mepo.12018.
- Kortunov, A.V. (Eds.). (2016). The Year in Review. What Changed in 2016 and What to Expect in 2017. *Russia Direct Report*, 4(12). URL: http://www.russia-direct.org/system/files/journal/RussiaDirect_Report_TheYearInReview_December2016.pdf (accessed: 08.08.2018).
- Kurginyan, S.E. (Eds.). (2011). *Political Tsunami. Event Analysis in North Africa and the Middle East*. Moscow: ETC publ. (in Russian).
- Mirzayan, G.V. (2016). *East Poker. New Round of the Great Game*. Moscow: Eksmo publ. (in Russian).
- Primakov, E.M. (2016). *Russia. Hopes and Worries*. Moscow: Centrpoligraf publ. (in Russian).
- Shapiro, J. (2017). Russia—US Relations and the Future of Syria. *Russia in Global Affairs*, September, 12. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/valday/RussiaUS-Relations-and-the-Future-of-Syria-18987> (accessed: 08.08.2018).
- Shumilin, A.I. (2015). *US Policy in the Middle East in the Context of “the Arab Spring”*. Moscow: International Relations publ. (in Russian).
- Simes, D.K. & Saunders, P.J. (2015). Obama’s Dangerous “No War, No Peace” Strategy in Syria. *The National Interest*, October 15. URL: <https://nationalinterest.org/print/feature/obama’s-dangerous-no-war-no-peace”-strategy-syria-14092> (accessed: 08.08.2018).
- Stent, A. (2016). Putin’s Power Play in Syria. How to Respond to Russia’s Intervention. *Foreign Affairs*, 95(1). URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2015-12-14/putins-power-play-syria> (accessed: 08.08.2018).
- Stepanova, E. (2012). *The Syrian Crisis and the Formation of Russia’s Foreign Policy*. Analytical Note N 199. PONARS Eurasia. May. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/pepm199_russ_Stepanova_May2012.pdf (accessed: 25.08.2018). (in Russian).
- Terentiev, A.A. (2012). *The Obama Age: Our Interests in the White House*. Moscow: Algorithm publ. (in Russian).
- Torkunov, A.V. (2015). *What Are We Fighting for in Syria?* Russian International Affairs Council. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/za-chto-my-voyuem-v-sirii/> (accessed: 22.05.2016). (in Russian).
- Zvyagelskaya, I.D. (2014). *The Middle East Clinch: Conflicts in the Middle East and Russia’s Policies*. Moscow: Aspect-press publ. (in Russian).
- Zvyagelskaya, I.D. (2016). *The Illusion of Truce?* Russian International Affairs Council, September, 21. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/illyuziya-peremiriya/?sphrase_id=16566882 (accessed: 08.08.2018). (in Russian).

Received: 19.11.2018

For citations: Kosov, A.P. (2018). Syrian Factor in Russian-US Relations (2011—2018) *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 775—789. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-775-789.

About the author: *Kosov Alexander Petrovich* — PhD in History, Associate Professor of the Department of General History and World Culture, Vitebsk State University named after P.M. Mashero (e-mail: alekos1979@mail.ru).

© Косов А.П., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-790-805

«Сирийская проблема» в турецко-американских отношениях

А.И. Алиева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

С начала гражданской войны на территории Сирийской Арабской Республики (САР) Соединенные Штаты Америки и Турецкая Республика выступили активными сторонниками смены правительства и отставки президента Б. Асада. Поиски путей политического урегулирования «сирийской проблемы» открыли широкие возможности для турецко-американского взаимодействия.

В статье рассматриваются наиболее важные направления двустороннего взаимодействия и предпринимается попытка объяснить усиление американо-турецких противоречий на фоне событий последних лет в Сирии. Двухчастная структура статьи отражает логику развития взаимоотношений Турецкой Республики и Соединенных Штатов Америки в условиях стремительного изменения расстановки сил в Сирии и регионе, и в этом развитии четко прослеживаются два этапа. Имевшее место на ранних этапах сирийского конфликта в 2011—2013 гг. американо-турецкое сотрудничество, включавшее в том числе и совместную работу по укреплению боевого потенциала сирийской оппозиции, к 2014 г. сменилось соперничеством этих государств за влияние на территории Сирийской Арабской Республики. Основной причиной углубления разногласий между союзниками выступил «курдский вопрос», который во многом стал определять линию поведения Анкары и Вашингтона в отношении участников конфликта в Сирии. Развертывание борьбы с терроризмом в САР выявило глубокие различия в подходах турецкого и американского правительств по отношению к ключевым участникам сирийского конфликта.

Автор приходит к выводу, что сегодня США и Турция действуют на сирийском направлении, исходя из безусловной приоритетности собственных национальных интересов, а не связывающих их формальных союзнических обязательств. При этом вопрос отстранения от власти в Сирии Б. Асада и для Вашингтона, и для Анкары отошел на второй план, уступив место борьбе с вызовами национальной безопасности в лице экстремистских и террористических организаций типа «Исламского государства»¹.

Ключевые слова: США, Турция, Сирия, сирийский конфликт, «Исламское государство», курдский вопрос, терроризм

Начавшаяся весной 2011 г. на волне «арабского пробуждения» гражданская война в Сирии достаточно быстро интернационализировалась. За столкновениями участников протестов и правительственных сил внимательно следили в Турции и Соединенных Штатах Америки. События в сирийском государстве и регионе в целом могли послужить позитивным фактором для сотрудничества и восстановления взаимного доверия [Turkey — USA Partnership... 2011: 27—28]. Однако эти ожидания не сбылись.

¹ Организация запрещена в РФ.

Взаимодействие двух стран сегодня можно определить как затрудненное или ограниченное сотрудничество, а аналитики из Исследовательской службы Конгресса США в своем последнем докладе и вовсе предположили, что современные турецко-американские отношения достигли своей низшей точки. Разногласия по Сирии наряду со многими непреодоленными трудностями послужили дополнительным раздражителем в двусторонних отношениях [Thomas, Zanotti 2018: 1], став фактором стратегической неопределенности.

Цель настоящей статьи — определить значение «сирийской проблемы» в современных турецко-американских отношениях. Данная работа не претендует на всеохватность и не предполагает изучение всех сюжетов, связанных с сотрудничеством стран в решении данной проблемы. В фокусе внимания находятся наиболее важные направления взаимодействия Турции и США в ходе сирийского конфликта. При этом в работе предложено объяснение усиления американо-турецких противоречий на фоне последних событий в Сирии.

СИРИЙСКИЙ КРИЗИС: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА?

Гражданская война в Сирии поставила совершенно новые вызовы как перед региональными, так и перед внерегиональными акторами. Особое внимание событиям в арабской стране уделяла соседняя Турецкая Республика. Еще в первые месяцы сирийских событий в академической и исследовательской среде Турции стали высказываться опасения относительно последствий противостояния антиправительственных сил и сторонников президента Б. Асада. Речь шла, главным образом, об активизации курдов, проживающих как в Сирии, так и в Турции. Так, например, известный турецкий журналист и специалист по ближневосточному региону Дж. Чандар в подготовленном летом 2011 г. для Турецкого фонда экономических и общественных исследований (TESEV) докладе прогнозировал, что события «арабского пробуждения», охватившие в том числе Сирию, неизбежно окажут влияние на курдское население самой Турецкой Республики [Çandar 2011: 7]. Схожего мнения придерживались и американские дипломаты М. Абрамовиц и Э. Эдельман. Они полагали, что внутривосточная дестабилизация в соседнем государстве повышала вероятность того, что курдское население Турции выступит с требованием предоставить ему автономию в приграничных областях Сирии [Abramowitz, Edelman 2013: 7].

«Курдская проблема» — достаточно болезненный вопрос для Турции. Уже более трех десятилетий страна ведет борьбу с Рабочей партией Курдистана (РПК) как на собственной земле, так и на территории Ирака. Появление нового «центра» курдского движения, но уже в Сирии, было нежелательно для Анкары. Еще в конце 2010 г. турецкие власти подписали с сирийским правительством соглашение о «сотрудничестве в противодействии террору и террористическим организациям», которое было направлено против Рабочей партии Курдистана и связанных с ней подразделений². Эта договоренность стала логическим продолжением про-

² См.: Kanun #B.02.0.KKG.0.10/101-277/463. T.C. Başbakanlık Kanunlar ve Kararlar Genel Müdürlüğü, 09.02.2011. URL: <http://www.tbmm.gov.tr/d23/1/1-1009.pdf> (accessed: 05.09.18).

цесса нормализации турецко-сирийских отношений, который был запущен после прихода к власти в 2002 г. в Турции Партии справедливости и развития (ПСР). Политика «ноль проблем с соседями» оживила политические и экономические контакты Турции с Сирией, способствовала налаживанию более тесного сотрудничества между правительствами [Akcan 2016: 2—3; D'Alema 2017: 4; Ari 2010: 151—155].

Соединенные Штаты Америки также не могли оставить без внимания урегулирование ситуации вокруг Сирии. Администрация Б. Обамы уделяла этой арабской стране большое внимание. Сирия рассматривалась как ключ к решению многих проблем в регионе: арабо-израильского конфликта, иранской ядерной программы, деятельности региональных экстремистских группировок и организаций, кризиса вокруг Ирака³. Долгие годы Сирия критиковалась американцами за поддержку организаций, которые в США признавались террористическими, например, движения ХАМАС и шиитской партии «Хезболла», а также за контакты с Ираном и вмешательство во внутренние дела Ливана. На Сирию накладывались санкции, а Государственный департамент США причислял страну к спонсорам международного терроризма. Этот далеко не полный список претензий к сирийскому руководству весной 2011 г. послужил американцам основанием для вовлечения в процесс интернационализации внутреннего противостояния в Сирии.

События весны 2011 г. и от Анкары требовали срочного пересмотра ее сирийской стратегии. Помимо политической дестабилизации, в которой руководители ПСР увидели потенциальную угрозу безопасности и территориальной целостности собственной страны, для этого появилась и другая причина. С первых дней гражданской войны в Сирии в Турцию хлынула волна беженцев. Страна столкнулась с небывалой по масштабам гуманитарной катастрофой. Турция как сосед, готовый «временно защитить» нуждающихся в убежище людей, позиционировала себя как региональный участник, обладающий правом обсуждать политическое будущее Сирии [Davutoğlu 2013: 70].

На ранних этапах сирийского кризиса президент США Б. Обама и турецкий премьер-министр Р.Т. Эрдоган согласились с тем, что сирийское правительство во главе с президентом Б. Асадом должно незамедлительно прекратить насилие в отношении собственного народа⁴. Турция, в свою очередь, призвала мировое сообщество дать руководителю Сирии шанс самостоятельно решить назревшие в стране проблемы. Однако добиться проведения глубоких реформ не удалось. В августе 2011 г. Анкара прекратила диалог с сирийским правительством [Balci 2013: 307—308; Yakış 2014: 99—105]. Вслед за этим Б. Обама официально

³ См.: Shipman T. Syria will be first rogue state to get Barack Obama charm offensive // The Telegraph. January 29, 2009. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/barackobama/4331776/Syria-will-be-first-rogue-state-to-get-Barack-Obama-charm-offensive.html> (accessed: 15.08.2018).

⁴ См.: Myers S.L. U.S. and Allies say Syria leader must step down // The New York Times. August 18, 2011. URL: <https://www.nytimes.com/2011/08/19/world/middleeast/19diplo.html> (accessed: 27.08.2018).

призвал президента Б. Асада уйти в отставку. Турецкий истеблишмент теперь также стал требовать ухода сирийского лидера. В конце сентября 2011 г. Р.Т. Эрдоган в ходе встречи с Б. Обамой в Нью-Йорке объявил о солидарности его страны с американской позицией по Сирии. «Наше доверие к сирийскому правительству подорвано... Мы не хотели бы доводить до такого, но руководство Сирии вынудило нас принять это решение», — пояснял турецкий лидер⁵.

США и Турция активно выступили за «интернационализацию сирийской проблемы» и поддержку оппозиции. Площадки Организации Объединенных Наций и Лиги арабских государств активно использовались для оказания максимального политического давления на правительство Б. Асада. После очередного использования Россией и Китаем в феврале 2012 г. права вето в ходе голосования по резолюции Совета Безопасности ООН о введении дополнительных санкций против Сирии Соединенные Штаты и Турция совместно с другими государствами, выступавшими против сирийского правительства и президента Б. Асада, сформировали группу «Друзья Сирии». Несмотря на узкий круг участников, встречи «друзей» оставались регулярными вплоть до 2014 г.⁶, став альтернативной ООН площадкой для турецко-американского взаимодействия по ситуации в Сирии.

Одновременно с начала 2012 г. Турция стала выступать с инициативой по созданию так называемой «зоны безопасности» на севере Сирии. Она предполагала установление некоего подобия демилитаризированной, бесполетной зоны по линии Азаз — Джераблус, но с постановкой более широкого спектра задач в социально-экономической и политической областях. В частности, размещение поселившихся в Турции беженцев и объединение сирийской оппозиции, в том числе вооруженной [Suriye'de güvenli... 2012: 9—12]. С учетом того, что на рассматриваемой территории проживали и курды, реализация плана позволила бы Анкаре пресечь их попытки укрепить свои позиции на севере Сирии. Но созданию «зоны безопасности» мешало отсутствие международной легитимности. Более того, проект Анкары не находил поддержки Вашингтона, поскольку риск таким образом нарушить суверенитет другого государства был велик. Соединенные Штаты не готовы были согласиться с установлением «бесполетной зоны», дабы избежать обвинений в нарушении международного права и столкновения с войсками правительства Б. Асада⁷. Несмотря на это, руководство Турции настаивало на реализации своего плана.

На фоне вооруженной конфронтации правительственных и неправительственных сил в Сирии усилилось сотрудничество США и Турции и в военной сфере. Однако открыто об этом партнеры не заявляли. Многого становилось известно

⁵ См.: Başbakan Erdoğan'ın Obama görüşmesi sonrası açıklamaları // Hürriyet. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/basbakan-erdoganin-obama-gorusmesi-sonrasi-aciklamalari-18786674> (дата обращения: 15.09.2018).

⁶ В совещаниях «Друзей Сирии» в разное время принимали участие представители 114 государств, а также международных организаций. К лету 2014 г. число участников сократилось до 11 (Великобритания, Германия, Египет, Иордания, Италия, Катар, ОАЭ, Саудовская Аравия, США, Турция, Франция).

⁷ См.: Brennan M. U.S. and Turkey mulling “safe zone” in northern Syria // CBS News. July 27, 2015. URL: <https://www.cbsnews.com/news/us-turkey-want-safe-zone-northwest-syria-border-us-rejects-no-fly-zone/> (accessed: 17.09.2018).

из анонимных источников или разведанных, которые попадали в прессу, чаще всего в западную. Так, например, американские СМИ летом 2012 г. опубликовали некоторые детали оказания Анкарой и Вашингтоном «неполитической» поддержки сирийской оппозиции. Газета *The New York Times*, ссылаясь на неназванных лиц в американском правительстве и данные разведки одной из арабских стран, сообщала, что небольшая группа сотрудников Центрального разведывательного управления (ЦРУ) вела тайную работу на юге Турецкой Республики. Офицеры спецслужб США консультировали партнеров — Турцию, а также Саудовскую Аравию и Катар — относительно того, кому из сирийских оппозиционеров следует предоставлять оружие. Автоматические винтовки, ракетные гранаты, боеприпасы и противотанковые орудия переправлялись в Сирию через посредников. Задача американских агентов заключалась в недопущении попадания вооружения в руки боевиков, аффилированных с «Аль-Каидой»⁸ и другими террористическими группировками⁹. В Госдепартаменте США и ЦРУ не комментировали информацию. В Анкаре также молчали.

Сенсацией стало заявление агентства CNN, сделанное в начале августа 2012 г. Сообщалось, что несколькими месяцами ранее президент Б. Обама подписал секретный приказ, позволявший ЦРУ и другим спецслужбам США оказывать поддержку сирийской оппозиции. Однако о какой именно помощи шла речь, из документа было неясно. Со слов анонимных источников в администрации Б. Обамы позднее выяснилось, что приказ позволял американским агентам сотрудничать с командным центром, базировавшимся на турецкой территории — в провинции Адана¹⁰. О том, что такой центр существует, писалось и в других средствах массовой информации. Так, например, в конце июля 2012 г. агентство Reuters сообщило о том, что Турция совместно с Саудовской Аравией и Катаром создала секретную базу приблизительно в 100 км от границы с Сирией. Связь между данной базой и американскими властями и спецслужбами облегчалась тем, в Адане располагалась авиабаза Инджирлик, уже многие годы служившая военно-стратегическим объектом США и НАТО. При этом американская разведка вела всю работу только через посредников. Именно они, как это было представлено, контролировали «доступ к оружию и маршрутам их поставок». На турецкую же сторону журналисты, в частности из газеты *The Los Angeles Times*, возлагали ответственность за осуществление военной координации¹¹.

Информация о тайных инициативах США и Турции появлялась и позднее и касалась подготовки американцами бойцов так называемой Сирийской свободной армии (ССА). Летом 2013 г. газета *The Los Angeles Times* писала, что опера-

⁸ Организация запрещена в РФ.

⁹ См.: Schmitt E. CIA said to aid in steering arms to Syrian opposition // *The New York Times*. June 21, 2012. URL: <https://www.nytimes.com/2012/06/21/world/middleeast/cia-said-to-aid-in-steering-arms-to-syrian-rebels.html> (accessed: 03.09.2018).

¹⁰ См.: Willis A. CIA authorized to offer intelligence support to Syrian rebels // *The Telegraph*. August 02, 2012. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/syria/9445649/CIA-authorized-to-offer-intelligence-support-to-Syrian-rebels.html> (accessed: 30.08.2018).

¹¹ См.: Bakr A., Doherty R. Exclusive: Secret Turkish nerve center leads aid to Syria rebels // *Reuters*. July 27, 2012. URL: <https://www.reuters.com/article/us-syria-crisis-centre/exclusive-secret-turkish-nerve-center-leads-aid-to-syria-rebels-idUSBRE86Q0JM20120727> (accessed: 17.08.2018).

тивники ЦРУ и американские спецподразделения еще с ноября 2012 г. тренировали сирийских мятежников, обучая их навыкам использования противотанковых и зенитных орудий¹². По данным эксперта Института Ближнего Востока С.С. Балмасова, программы военной подготовки сирийских бойцов были направлены на уничтожение или захват особо охраняемых объектов, в том числе и борьбу против спецназа сирийских ВВС, алавитского подразделения, считавшегося одним из самых лояльных режиму¹³. Ближневосточные партнеры американцев — Турция и Иордания — предоставляли тренировочные базы на своих территориях. Двухнедельные курсы включали в себя обучение 20—45 бойцов обращению с 14,5-миллиметровым противотанковыми винтовками российского производства, противотанковыми ракетами и 23-миллиметровыми зенитными орудиями¹⁴. Представители Белого дома не комментировали сообщения в прессе, а в турецких СМИ отсутствовала какая-либо информация о контактах с американской стороной.

Сотрудничество в рамках НАТО стало еще одним измерением американо-турецкого взаимодействия по Сирии. Осенью 2012 г. после нескольких инцидентов с разрывами артиллерийских снарядов, выпущенных с территории соседнего государства, Великое национальное собрание Турции на внеочередном заседании дало разрешение на ведение трансграничных военных операций в отношении Сирии. Турецкая армия начала сосредоточивать на границе свои авиационные, артиллерийские и бронетанковые части. Однако разворачивать вооруженную кампанию Турция не стала; она обратилась к союзникам по НАТО. Генеральный секретарь альянса А.Ф. Расмуссен заявил, что у организации имеется план военных действий по «защите Турции как члена НАТО» в соответствии со ст. 5 Вашингтонского договора. В то же время генсек потребовал от Сирии прекратить враждебные действия в отношении Турции. В декабре 2012 г. запрос Анкары о развертывании зенитно-ракетных комплексов Patriot был удовлетворен. В начале следующего года две американские батареи были размещены в Газиантепе¹⁵.

Ситуация вокруг Сирии осталась в центре внимания и с началом нового срока президентства Б. Обамы. В Турции надеялись, что Соединенные Штаты отныне станут действовать более решительно в отношении Сирии [Kanat, Üstün 2013: 89]. Встреча главы американского государства с премьер-министром Турции Р.Т. Эрдоганом в мае 2013 г. продемонстрировала обратное. Она завершилась пресс-конференцией, на которой кроме обещания добиться ухода Б. Асада не было дано четких пояснений, какие конкретные меры будут предприняты на сирийском направлении. Даже столь актуальный для Турции вопрос о создании «зоны безопасности»

¹² U.S. has secretly provided arms training to Syria rebels since 2012 // Los Angeles Times. June 21, 2013. URL: <http://articles.latimes.com/2013/jun/21/world/la-fg-cia-syria-20130622> (accessed: 21.08.2018).

¹³ Балмасов С.С. Работа иностранных спецслужб в Сирии // Институт Ближнего Востока. 03.10.2012. URL: <http://www.iimes.ru/?p=15713> (дата обращения: 04.09.2018).

¹⁴ Report: The CIA has been secretly training Syrian rebels for months // Business Insider. June 22, 2013. URL: <https://www.businessinsider.com.au/cia-secret-training-syrian-rebels-2013-6> (accessed: 23.08.2018).

¹⁵ По две батареи также разместили Германия и Нидерланды.

не был затронут. Сам Б. Обама признал, что «не существует магической формулы, которая помогла бы справиться с необычайно жестокой и трудной ситуацией, какая [сложилась] в Сирии». Турецкий премьер-министр согласился с необходимостью поиска приемлемого пути решения «сирийской проблемы»¹⁶. Вместе со словами о международном давлении, поддержке оппозиции и политическом будущем Сирии прозвучал тезис о «необходимости продолжить укрепление потенциала сирийской оппозиции, находящейся на местах и защищающей себя от режима Асада»¹⁷. Спустя месяц после этой встречи в прессе появилась информация о помощи со стороны Турции и США солдатам Свободной сирийской армии. Утверждалось, что в июне 2013 г. Б. Обама санкционировал передачу вооружения сирийским мятежникам, что случилось после того, как США получили «убедительные доказательства» применения правительством Б. Асада химического оружия против оппозиции¹⁸.

Опровергнуть или подтвердить те или иные сведения о турецко-американском военном сотрудничестве и тайной работе спецслужб на сегодняшний день сложно по объективным причинам. Однако дальнейшие события позволяют ясно судить о том, что турецко-американское партнерство оказалось неустойчивым и уязвимым.

Со второй половины 2013 г. разница в позициях США и Турции по «сирийской проблеме» стала более заметной. В числе разногласий, например, был уже упомянутый турецкий план по созданию «зоны безопасности».

Другим острым вопросом стало совместное участие в военной операции против сирийского правительства. Известие о применении в августе 2013 г. в окрестностях Дамаска химического оружия, в результате чего погибли мирные жители, это доказывало. Несмотря на противоречивые сведения об организаторах атаки и количестве жертв, сам факт ведения войны столь бесчеловечным способом стал для мировой общественности тревожным сигналом. Угроза повторного применения химического оружия была поставлена на повестку дня, как и вопрос о проведении военной операции в отношении Сирии. В Анкаре к этому были готовы: в конце лета 2013 г. турецкие вооруженные силы получили разрешение от парламента на проведение трансграничной военной операции на сирийской территории. Турция не намеревалась проводить операцию в одиночку, рассчитывая как минимум на совместные действия с Соединенными Штатами. Но и после того, как под наблюдением ООН Сирия ликвидировала запасы химического оружия, США продолжали, в глазах Анкары, «уживаться с сирийским режимом» [Иванова 2017: 337].

Своими решениями и действиями Вашингтон все больше разочаровывал Анкару. В октябре 2013 г. США раскритиковали Турцию за неумелую работу

¹⁶ Joint Press Conference by President Obama and Prime Minister Erdogan of Turkey. May 16, 2013. The White House. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/05/16/joint-press-conference-president-obama-and-prime-minister-erdogan-turkey> (accessed: 20.06.2018).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Madhani A., Michaels J., Vanden Brook T. Source: Obama approves arming Syrian rebels // USA Today. June 14, 2013. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2013/06/13/us-confirms-chemical-weapons-syria/2420763/> (accessed: 05.09.2018).

с сирийской оппозицией. Обвинения были адресованы, в первую очередь, главе Национальной разведывательной организации Турции Х. Фидану. В Вашингтоне полагали, что именно под его началом произошло то, чего так опасались американцы: оружие для сирийской оппозиции попадало в руки «не тех» боевиков. В результате, как считали в американском руководстве, вооружение получили группировки, вовсе не настроенные на сотрудничество с США¹⁹.

Однако для Анкары показателем дальнейшего углубления сирийского кризиса стало заявление курдов от 12 ноября 2013 г. об учреждении временной администрации в северо-восточной части Сирии. Министр иностранных дел Турции А. Давутоглу обвинил сирийскую партию «Демократический союз» в расколе страны. При этом глава МИД Турции заявил, что Турецкая Республика не преследует цель вмешательства во внутренние дела Сирии и отрицания прав курдского населения или любой другой этнической группы²⁰. Несмотря на эти заявления, для Анкары случившееся стало сигналом к дополнительному укреплению национальной безопасности и корректировке позиции в отношении соседней страны.

В 2014 г. идея недопущения образования курдской автономии на границе с соседней страной закрепились в качестве основы сирийской политики Турции. При этом Анкара продолжала настаивать на отстранении Б. Асада от власти. США оставались солидарными с турецким руководством в данном вопросе. Тем не менее, и американский подход к «сирийской проблеме» успел претерпеть изменения, что было связано с появлением новых угроз и рисков в Сирии, касавшихся отныне не только региональной, но и глобальной безопасности.

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ В СИРИИ: ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА К КОНФРОНТАЦИИ

К 2014 г. значительные территории Сирии перешли под контроль антиправительственных сил. Но вооруженные столкновения не прекращались. В результате наблюдалась беспрецедентная поляризация общества: раскол уже шел в том числе и по конфессиональному и этническому принципу. На этом фоне усилились экстремистские группировки и организации, в основном исламистского толка. Известная своей жестокостью организация «Исламское государство» (ИГ) летом 2014 г. даже провозгласила образование «халифата» на территории Сирии и Ирака.

Американская администрация во главе с президентом Б. Обамой, объявившая противодействие терроризму одной из главных задач своей региональной политики, столкнулась с необходимостью реагировать на изменившуюся расстановку сил в Сирии и на всем Ближнем Востоке. О «всеобъемлющей и устойчивой контртеррористической стратегии» США было объявлено в сентябре 2014 г. Ее целью

¹⁹ См.: Entous A., Parkinson J. Turkey's spymaster plots own course on Syria // *The Washington Post*. October 10, 2013. URL: <https://www.wsj.com/articles/turkey8217s-spymaster-plots-own-course-on-syria-1381373295> (accessed: 18.08.2018).

²⁰ См.: Davutoğlu Suriye'de özerk yönetim kurma çalışmaları // *Haberler*. 13 Kasım 2013. URL: <https://www.haberler.com/davutoglu-suriye-de-ozerk-yonetim-kurma-5304165-haberi/> (дата обращения: 20.08.2018).

стало «ослабление ИГ и его полное уничтожение». Относительно Сирии президент Б. Обама обозначил ключевую функцию США: оказание военной помощи сирийской оппозиции в борьбе с ИГ при одновременном поиске политического решения «сирийской проблемы»²¹. Таким образом, американское правительство определило своего основного врага в сирийской войне.

С усилением экстремистских организаций определилась и главная линия противоречий США и Турции на сирийском направлении. Конфликт интересов стал очевиден с объявлением в сентябре 2014 г. о формировании по инициативе американской администрации международной коалиции для противодействия террористической деятельности «Исламского государства»²². Участие в подобной коалиции не было приоритетным для Турции. Это означало, что американцы и их союзники лишались доступа к важным военным объектам на турецкой территории, в частности к авиабазе Инджирлик.

Нежелание Анкары участвовать в деятельности интернациональной коалиции было связано, главным образом, с отсутствием решения вопроса о «зоне безопасности» в Сирии. Американский истеблишмент не скрывал того, что обсуждение работы над созданием такой зоны не стояло на повестке дня [Zanotti 2014]. В американских политических кругах полагали, что нежелание Турции участвовать в деятельности коалиции было обусловлено, главным образом, беспокойством за свою безопасность и экономические интересы. В Вашингтоне считали, что угрозу могло представлять возмездие со стороны «Исламского государства» или усиление участников конфликта, которых турки воспринимали как этнических, религиозных или геополитических соперников, — а именно поддерживаемый Ираном режим Б. Асада и ряд курдских группировок [Zanotti 2015].

Турция усмотрела угрозу своей безопасности в усилении, в первую очередь, партии «Демократический союз» и боевых «Сил народной самообороны» (СНС)²³, определяемых Анкарой как подразделения Рабочей партии Курдистана [Barkey 2016: 28—32; Окуау 2017: 835—836; Cankurtaran Sunar, Genççaya 2017: 145—147]. Приоритетное значение для Турецкой Республики имело укрепление собственного влияния в северных районах Сирии, где активность вооруженных курдских формирований была высока. В то же время турецкое руководство не разделяло мнение Вашингтона относительно необходимости поддержки сирийских курдов и их боевых отрядов. Именно «Силы народной самообороны» со второй половины 2014 г. выступали ключевыми партнерами американцев в Сирии против «Исламского государства». В свою очередь, Турция в качестве основной оппозиционной

²¹ Statement by the President on ISIL. September 10, 2014. The White House. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/09/10/statement-president-isil-1> (accessed: 18.08.2018).

²² Transcript: President Obama's Speech on Combating ISIS and Terrorism // CNN. September 11, 2014. URL: <https://edition.cnn.com/2014/09/10/politics/transcript-obama-syria-isis-speech/index.html> (accessed: 17.08.2018).

²³ «Силы народной самообороны» — боевое крыло партии «Демократический союз», выступающей за широкую автономию курдов в составе Сирии. В Турции признана террористической организацией, аффилированной с Рабочей партией Курдистана.

силы видела Свободную сирийскую армию, в которую, наряду с дезертирами из ВС Сирии, входили туркоманы. Однако, по мнению старшего сотрудника сектора Ближнего Востока Российского института стратегических исследований И.А. Свистуновой, до того момента ССА не проявила такую высокую эффективность, которая позволила бы заменить курдов в качестве союзников Вашингтона «на земле» в Сирии [Свистунова 2018: 75].

Подход Анкары к ИГ претерпел изменения летом 2015 г. После терактов на юге Турции, в которых была обвинена эта организация, вопрос о национальной безопасности вновь встал на повестку дня. Одновременно за атаками на турецких военнослужащих последовало нанесение авиаударов по позициям Рабочей партии Курдистана в Северном Ираке. Мирные переговоры с РПК, которые турецкая сторона вела с 2013 г.²⁴, провалились; конфронтация с курдами возобновлялась. В результате трагических событий лета 2015 г. турецкое правительство развернуло борьбу на два фронта — против Рабочей партии Курдистана и связанных с ней «Сил народной самообороны», а также против «Исламского государства». Такое изменение одновременно открыло новые возможности и предопределило усложнение турецко-американских отношений [Kanat, Üstün 2015: 90]. Турецкое правительство согласилось предоставить США и антиигиловской коалиции доступ к авиабазе Инджирлик для размещения пилотируемых и беспилотных летательных аппаратов²⁵.

Однако действия Соединенных Штатов вновь внесли разлад в американо-турецкие отношения. В октябре 2015 г. администрация Б. Обамы поддержала создание на севере Сирии коалиции вооруженной оппозиции «Демократические силы Сирии» (ДСС), куда вошли «Силы народной самообороны», а также различные арабские группировки. Турция категорически отказалась сотрудничать с ДСС. Несмотря на это, США продолжали пользоваться авиабазой Инджирлик и другими объектами военно-стратегического назначения на турецкой территории. Однако предпринятая турецкими военными в ночь с 15 на 16 июля 2016 г. попытка государственного переворота резко понизила уровень сотрудничества Вашингтона и Анкары. Решение правительства Турции о временной блокировке авиабазы Инджирлик стало неожиданным известием для руководства США.

На фоне ухудшения отношений с американцами Анкара активизировалась на сирийском направлении. 24 августа 2016 г. при поддержке Свободной сирийской армии Турция развернула в Сирии масштабную боевую операцию «Щит Евфрата» против «Исламского государства», а также «террористических групп сирийских курдов». Прибывший в тот же день в Анкару вице-президент США

²⁴ 21 марта 2013 г. лидер курдской организации Рабочей партии Курдистана Абдулла Оджалан, с 1999 г. отбывающий пожизненное заключение в Турции, призвал курдов прекратить противостояние турецким властям, вывести боевые отряды с турецкой территории и начать мирные переговоры по урегулированию многолетнего конфликта.

²⁵ Turkey approves U.S.-led coalition's use of air bases against Islamic State // Reuters. July 24, 2015. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-turkey-airbase/turkey-approves-u-s-led-coalitions-use-of-air-bases-against-islamic-state-idUSKCN0PY20S20150724> (accessed: 15.08.2018).

Дж. Байден смог лишь констатировать факт развертывания военной кампании, заявив о поддержке действий турецкого руководства²⁶. ВС Турции получили от США помощь с воздуха, но исключительно для борьбы с ИГ. Стороны пришли к согласию, что сирийские курды не должны пересекать Евфрат. «Если они [курды] не выполняют это условие, то не смогут ни при каких обстоятельствах получать поддержку от США», — заверял американский политик²⁷. Операция «Щит Евфрата» позволила Анкаре решить задачу-минимум: Турция установила контроль над приграничным участком протяженностью около 100 км и глубиной до 50 км (между пограничными городами Джераблус и Аазаз). По мнению И.А. Свистуновой, это позволило турецким военным «разорвать» потенциальную «курдскую полосу» [Свистунова 2018: 81]. Таким образом, запуск военной кампании против ИГ стал важным показателем изменения политики Турции в отношении Сирии [Aktürk 2017: 94].

От новой республиканской администрации во главе с Д. Трампом турецкое руководство ожидало большей солидарности по «сирийской проблеме». В феврале 2017 г. в ходе телефонного разговора американский президент и его визави согласились координировать действия в стратегически важных городах — Ракке и Эль-Бабе — для борьбы с «Исламским государством». Президент США одобрил «общую приверженность двух стран борьбе с терроризмом во всех его формах» и оценил вклад Турции в противодействие ИГ²⁸. В Анкаре укрепилось мнение, что с новым главой Белого дома удастся наладить диалог. «Теперь все планирование будет вестись совместно», — резюмировал пресс-секретарь турецкого президента И. Калын²⁹. Однако эти ожидания не оправдались.

В начале мая 2017 г. администрация Д. Трампа и Министерство обороны США объявили о намерении вооружить действующие под эгидой «Демократических сил Сирии» бойцов «Сил народной самообороны» для противодействия «Исламскому государству»³⁰. Решение американского руководства последовало за собы-

²⁶ ABD Başkan Yardımcısı Joe Biden ve Erdoğan'dan önemli açıklamalar // Sözcü. URL: <https://www.sozcu.com.tr/2016/gundem/abd-baskan-yardimcisi-joe-biden-ve-erdogandan-onemli-aciklamalar-1364121/> (дата обращения: 03.09.2018).

²⁷ Remarks by Vice President Joe Biden and Turkish Prime Minister Binali Yildirim at a Press Availability. August 25, 2016. The White House. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/08/25/remarks-vice-president-joe-biden-and-turkish-prime-minister-binali> (accessed: 23.08.2018).

²⁸ Cumhurbaşkanı Erdoğan, ABD Başkanı Trump ile telefonda görüştü // Gazete Vatan. 07 Şubat 2017. URL: <http://www.gazetevatan.com/cumhurbaskani-erdogan-abd-baskani-trump-ile-telefonda-gorustu-1036488-gundem/> (дата обращения: 15.08.2018).

²⁹ Karadeniz T., Pamuk H. Erdogan, Trump agree joint action against Islamic State in Syria: Turkish sources // Reuters. February 8, 2017. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-turkey/erdogan-trump-agree-joint-action-against-islamic-state-in-syria-turkish-sources-idUSKBN15N02J> (accessed: 22.08.2018).

³⁰ Gordon M.R., Schmitt E. Trump to arm Syrian Kurds, even as Turkey strongly objects // The New York Times. May 9, 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/05/09/us/politics/trump-kurds-syria-army.html> (accessed: 11.08.2018).

тиями, произошедшими накануне в Астане. 4 мая 2017 г. Турция, Россия и Иран договорились о создании на территории Сирии четырех «зон деэскалации»³¹.

Инициатива Турции и ее партнеров по «астанинскому процессу» получила поддержку сирийского правительства и президента Б. Асада, который определил, что «цель этих зон — защитить гражданское население и дать возможность боевикам заключить перемирие с правительством»³². В итоге турецкая сторона оказывалась «ответственна» за установление и поддержание безопасности и стабильности в провинции Идлиб, а также в провинциях Латакия, Хама и Алеппо. Тем самым расширялась территория, которой Турция смогла бы отгородиться от враждебных группировок. Взаимодействие же с США в данном вопросе оказалось сведено к минимуму.

В 2018 г. неразрешенные противоречия Анкары и Вашингтона по «сирийской проблеме» продолжали вызывать трения в отношениях. Поставляя вооружения боевым группировкам сирийских курдов и затягивая с их выводом из приграничных районов, американское правительство постоянно навлекало на себя гнев турецкой стороны. Заявления США о формировании так называемых «сил безопасности границы» на основе отрядов «Сирийских демократических сил» усугубили ситуацию. 20 января 2018 г. турецкая армия начала операцию «Оливковая ветвь» против РПК, партии «Демократический союз», «Сил народной самообороны» и «Исламского государства» с целью «зачистки региона от террористов» в городе Африн. Призывы к сдержанности в отношении не только курдов, но и американских военных, ведущих службу в Сирии на стороне курдских боевых отрядов, не убеждали турецкое руководство. Африн был взят ВС Турции. Следующим этапом операции стал город Манбидж. В апреле 2018 г. отряды боевой коалиции «Силы демократической Сирии» стали покидать и этот город.

В июне этого же года шагом для возобновления американо-турецкого взаимодействия стало объявление Анкарой и Вашингтоном о принятии некоего документа по стабилизации ситуации в сирийском городе Манбидж, получившего название «Дорожная карта». Министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу и госсекретарь США М. Помпео заявили о готовности вести совместную борьбу с терроризмом «во всех его проявлениях»³³. Стороны достигли согласия о выводе из города «Отрядов народной самообороны»³⁴. Планировалось, что положения «Дорожной карты» будут распространены и на другие части Сирии. На сегодняшний день известно лишь о том, как Анкара будет действовать с Вашингтоном в Манбидже: город и его окрестности турецкие и американские военные будут патрулировать совместно.

³¹ Меморандум о создании зон деэскалации в Сирийской Арабской Республике. 5 мая 2017 г. // Министерство иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2746041 (дата обращения: 21.02.2018).

³² Эксклюзивное интервью президента Сирии Башара Асада телеканалу ОНТ. Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PlmjUrc7i4M> (дата обращения: 19.10.2018).

³³ No: 160, 4 June 2018, Joint Press Statement Regarding the Meeting of the Minister of Foreign Affairs of the Republic of Turkey Mevlüt Çavuşoğlu and U.S. Secretary of State Mike Pompeo. Ministry of Foreign Affairs, Republic of Turkey. URL: http://www.mfa.gov.tr/no_-160_-sayin-bakanimizin-abd-disisleri-bakaniyla-gorusmesi-hk_en.en.mfa (accessed: 02.09.2018).

³⁴ Ibid.

Сегодня турецко-американское взаимодействие по Сирии сложно характеризовать как сотрудничество двух партнеров, основанное на доверии и солидарности. Достаточно плотная работа Турции и США на ранних этапах сирийского кризиса резко контрастирует с тем, что происходило в последующие годы. Активизация экстремистских группировок и организаций внутри Сирии и в регионе только углубила турецко-американские разногласия. Первоначальная установка Анкары и Вашингтона на смену действующей сирийской власти постепенно отошла на второй план по отношению к вопросам безопасности. Противодействие политическим и вооруженным оппонентам внутри Сирии становилось той задачей, которая требовала от правительств двух стран оперативной и решительной реакции. По мере увеличения реальных и потенциальных угроз на «сирийском поле» мотивы участия США и Турции в вооруженном конфликте также претерпевали изменения. Борьба с угрозами безопасности, в первую очередь на национальном уровне, стала определяющим фактором в их взаимодействии. Именно потому проблема выстраивания взаимоотношений с курдским населением Сирии стала основным «камнем преткновения» и остается таковым до сих пор.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Иванова И.И.* Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923—2016). М.: Аспект-Пресс, 2017.
- Свистунова И.А.* Турция и сирийский кризис: вызовы и возможности для внешней политике Анкары // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 1(46). С. 74—96.
- Abramowitz M.I., Edelman E.S.* U.S.-Turkish Cooperation toward a Post-Assad Syria // Bipartisan Policy Center. 2013. April.
- Akcan M.* Türk dış politikasında “Davutoğlu etkisi” ve Suriye krizi // Toplumcu Düşünce Enstitüsü [Turkish Foreign Policy of “Davutoğlu effect” and Syrian Crisis. Socialist Thought Institute]. 2018. 23 Mayıs. (на тур. яз.).
- Aktürk Ş.* Turkey’s Role in the Arab Spring and the Syrian Conflict // Turkish Policy Quarterly. 2017. Vol. 15. No. 4. P. 87—96.
- Arı T.* Yükselen güç. Türkiye—ABD ilişkileri ve Orta Doğu [Rising power. Turkey—US Relations and the Middle East]. Bursa: Marmar Kitap Merkezi, 2010. (на тур. яз.).
- Balci A.* Türkiye dış politikası. Ülkeler, aktörler, uygulamalar [Turkey’s Foreign Policy. Countries, Actors, Applications]. İstanbul: Etkileşim, 2013. (на тур. яз.).
- Barkey H.J.* Syria’s Dark Shadow over US—Turkey Relations // Turkish Policy Quarterly. 2016. Vol. 14. No 4. P. 25—36.
- Çandar C.* Dağdan iniş — PKK nasıl silah bırakır? // TESEV Yayınları [Descent from the Mountain: How Does the PKK Lay Down Arms? // TESEV Publications]. 2011. Temmuz. İstanbul. S. 1—103. (на тур. яз.).
- Cankurtaran Sunar B., Gençkaya F.Y.* Suriye krizi bağlamında Obama dönemi Türkiye—ABD ilişkilerinde değişen güvenlik ortaklığı [Obama Term Turkey—US Relations and Changing Security Partnership in The Context of Syria Crisis] // International Journal of Academic Value Studies. 2017. Vol. 3. No. 11. P. 141—150. DOI: 0.23929/jav.216 (на тур. яз.).
- D’Alema F.* The evolution of Turkey’ Syria policy // IAI Working Papers. 2017. October. 17/28. P. 1—18.
- Davutoğlu A.* 2014 yılına girerken dış politikamız // Dışişleri Bakanlığı [Foreign Policy in 2014 // Ministry of Foreign Affairs]. 2013. Ankara. (на тур. яз.).

- Kanat K., Üstün K. US—Turkey Realignment on Syria // Middle East Policy. 2015. Vol. 22. No 4. Winter. P. 88—97.
- Kanat K., Üstün K. US-Turkish Relations: in Search of a New Paradigm // Mediterranean Quarterly. 2013. Vol. 24. No 4. P. 82—91.
- Okyay A. Turkey's post-2011 Approach to its Syrian Border and its Implications for Domestic Politics // International Affairs. 2017. Vol. 93. No 4. P. 829—846. DOI: 10.1093/ia/iix068.
- Suriye'de güvenli bölge tartışmaları: Türkiye açısından riskler, fırsatlar ve senaryolar [Safe zone regional debates in Syria: risks, oportunities and scenarios for Turkey] // ORSAM. 2012. Rapor No: 115. Nisan. (на тур. яз.).
- Thomas C., Zanotti J. Turkey: Background and U.S. Relations // CRS Report. August 31, 2018.
- Turkey — USA Partnership at the Dawn of a New Century // Global Relations Forum. Task Force Report. Istanbul, 2011.
- Yakış Y. Turkey after the Arab Spring: Policy Dilemmas // Middle East Policy. 2014. Vol. 21. No 1. Spring. P. 98—106. DOI: 10.1111/mepo.12060.
- Zanotti J. Turkey after June 2015 Elections: Erdogan and the AKP Fall Short // CRS Insights. 16.06.2015. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/IN10292.pdf> (accessed: 30.08.2018).
- Zanotti J. Turkey—U.S. Cooperation Against the “Islamic State”: A Unique Dynamic? // CRS Insights. 21.10.2014. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/IN10164.pdf> (accessed: 30.08.2018).

Дата поступления статьи: 25.10.2018

Для цитирования: Алиева А.И. «Сирийская проблема» в турецко-американских отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 790—805. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-790-805.

Сведения об авторе: Алиева Алтунай Илгар кызы — младший научный сотрудник факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник Центра проблем безопасности и развития факультета мировой политики МГУ (e-mail: alieva_altunay@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-790-805

“Syrian Issue” in Turkish-US Relations

A.I. Alieva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Since the beginning of the civil war in Syria, the United States of America and the Turkish Republic have been active supporters of a replacement of the Syrian government and the resignation of the President B. al-Assad. The search for a solution to the “Syrian issue” has opened up broad opportunities for Turkish-American cooperation.

The article observes the most important areas of this interaction and attempts to explain the intensification of the Turkish-American contradictions in the context of the events of recent years in Syria. The two-part structure of the article reflects the logic of Turkish-American relations development as a result of rapid change of the balance of power in Syria and the region. Two phases are clearly visible. American-Turkish cooperation, including joint work to strengthen the combat potential of the Syrian opposition, took place in the early stages of the Syrian conflict in 2011—2013. However, by 2014 it was replaced by the two states' rivalry for influence in the Syrian Arab Republic. The “Kurdish issue” became the main reason for the deepening differences between the allies. It started to determine Ankara and Washington's behavior

to all the participants of the conflict in Syria. Intensification of struggle against terrorism in the Syrian Arab Republic revealed deep differences in both Turkish and American governments' approaches towards the key participants of the Syrian conflict.

The author concludes that today the United States and Turkey are acting on the Syrian direction based on the unconditional priority of their own national interests, but not the formal allied obligations binding them.

Key words: USA, Turkey, Syria, Syrian conflict, Islamic State, Kurdish issue, terrorism

REFERENCES

- Abramowitz, M.I. & Edelman, E.S. (2013). *U.S.-Turkish Cooperation toward a post-Assad Syria*. Bipartisan Policy Center, April.
- Akcan, M. (2016). *Türk dış politikasında “Davutoğlu etkisi” ve Suriye krizi*. Toplumcu Düşünce Enstitüsü [Turkish Foreign Policy of “Davutoglu effect” and Syrian Crisis. Socialist Thought Institute]. 23.05.16. (in Turkish).
- Aktürk, Ş. (2017). Turkey's Role in the Arab Spring and the Syrian Conflict. *Turkish Policy Quarterly*, 15(4), 87—96.
- Arı, T. (2010). *Yükselen güç. Türkiye—ABD ilişkileri ve Orta Doğu* [Rising power. Turkey—US Relations and the Middle East]. Bursa: Marmar Kitap Merkezi. (in Turkish).
- Balcı, A. (2013). *Türkiye dış politikası. Ülkeler, aktörler, uygulamalar* [Turkey's Foreign Policy. Countries, Actors, Applications]. İstanbul: Etkileşim (in Turkish).
- Barkey, H.J. (2016). Syria's Dark Shadow over US—Turkey Relations. *Turkish Policy Quarterly*, 14(4), 25—36.
- Çandar, C. (2011). *Dağdan iniş — PKK nasıl silah bırakır?* [Descent from the Mountain: How Does the PKK Lay Down Arms?]. TESEV, July, İstanbul (in Turkish).
- Cankurtaran Sunar, B. & Gençkaya, F.Y. (2017). Suriye krizi bağlamında Obama dönemi Türkiye—ABD ilişkilerinde değişen güvenlik ortaklığı [Obama Term Turkey—US Relations and Changing Security Partnership in The Context of Syria Crisis]. *International Journal of Academic Value Studies*, 3(11), 141—150. DOI: 0.23929/javs.216 (in Turkish).
- D'Alema, F. (2017). *The evolution of Turkey's Syria policy*. IAI Working Papers, 17/28, October, 1—18.
- Davutoğlu, A. (2013). *2014 yılına girerken dış politikamız* [Foreign Policy in 2014]. Ankara: Ministry of Foreign Affairs. (in Turkish).
- Ivanova, I.I. (2017). *The evolution of the Middle East policy of the Republic of Turkey (1923—2016)*. Moscow: Aspekt-Press. (in Russian).
- Kanat K., Üstün K. (2013). US-Turkish Relations: in Search of a New Paradigm. *Mediterranean Quarterly*, 24(4), 82—91.
- Kanat, K., Üstün, K. (2015). US—Turkey realignment on Syria. *Middle East Policy*, 22(4), Winter, 88—97.
- Okyay A. (2017). Turkey's post-2011 Approach to its Syrian Border and its Implications for Domestic Politics. *International Affairs*, 93(4), 829—846. DOI: 10.1093/ia/iix068.
- ORSAM. (2012). *Suriye'de güvenli bölge tartışmaları: Türkiye açısından riskler, fırsatlar ve senaryolar*. ORSAM, 115, April. (in Turkish).
- Svistunova, I.A. (2018). Turkey and the Syrian Crisis: Challenges and Opportunities for Ankara's Foreign Policy. *National Strategy Issues*, 1(46), 74—96. (in Russian).
- Thomas, C. & Zanotti, J. (2018). *Turkey: Background and U.S. Relations*. CRS Report, August.
- Turkey — USA Partnership at the Dawn of a New Century*. (2011). İstanbul, Global Relations Forum: Task Force Report.
- Yakış, Y. (2014). Turkey after the Arab Spring: Policy Dilemmas. *Middle East Policy*, 21(1), Spring, 98—106. DOI: 10.1111/mepo.12060.

Zanotti, J. (2014). Turkey—U.S. Cooperation Against the “Islamic State”: A Unique Dynamic? *CRS Insights*, October 21. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/IN10164.pdf> (accessed: 30.08.2018).

Zanotti, J. (2015). Turkey after June 2015 Elections: Erdogan and the AKP Fall Short. *CRS Insights*, June 16. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/IN10292.pdf> (accessed: 30.08.2018).

Received: 25.10.2018

For citations: Alieva, A.I. (2018). “Syrian Issue” in Turkish-US Relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 790—805. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-790-805.

About the author: *Alieva Altunay Ilgar kyzy* — Junior Research Fellow, Expert of the Center for Security and Development Studies, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: alieva_altunay@mail.ru).

© Алиева А.И., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-806-822

Использование бундесвера в борьбе с «Исламским государством»¹ — в составе западной коалиции?

Ф.О. Трунов

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Российская Федерация

В середине — второй половине 2010-х гг. Евро-Атлантическое сообщество стоит перед необходимостью борьбы с международным терроризмом на огромной «дуге нестабильности», включающей территории Мали, Ливии, Сомали, Сирии, Ирака и Афганистана. При этом вновь созданная для противодействия запрещенной в России группировке «Исламское государство» (ИГ) западная коалиция, в отличие от своей предшественницы, предназначенной для разгрома «Аль-Каиды»² (2001—2014 гг.), не стала объединяющим механизмом для значительной части военных усилий антитеррористической направленности стран Запада. Причины этого раскрываются в статье на примере Федеративной Республики Германия как восходящей державы.

Основными методами работы выступает исследование значимых военных шагов (развертывание контингентов, изменение их задач, численности) посредством инвент-анализа, а также сравнительный анализ.

Задачей работы является исследование особенностей использования Германией своего военного инструментария для борьбы с международным терроризмом в привязке к деятельности второй западной коалиции. Рассматриваются причины запоздалого присоединения ФРГ к ее деятельности на иракском и сирийском театрах военных действий. В этой связи раскрываются основные формы преимущественно небоевого использования бундесвера в Месопотамии и фокусирование на сотрудничестве с Францией, изучается детерминированность этих тенденций.

Внимание уделяется вопросам наращивания Германией военных усилий под эгидой НАТО в Афганистане в контексте усиления позиций ИГ на севере страны и ошибок, допущенных Германией и ее партнерами по Международным силам содействия безопасности (МССБ) в деле создания афганских сил безопасности в 2002—2014 гг. Исследуются формы применения бундесвера для борьбы с международным терроризмом в Африке на фоне расширения зон данной деятельности Германии на континенте.

На основе полученных результатов предпринята попытка создать схему применения бундесвера для борьбы с ИГ и дружественными ему силами на «дуге нестабильности» от Мали до Афганистана. Делается также вывод о контурах перспективного военного присутствия Германии в странах, вступивших на путь стабилизации.

Ключевые слова: Германия, международный терроризм, западная коалиция, Ирак, Сирия, Афганистан, Африка

Парадоксом внешней политики стран Запада является наращивание их усилий по решению широкого спектра проблем безопасности в различных регионах мира и одновременный рост угроз, исходящих из этих территорий, для Евро-Атлантического сообщества.

¹ Организация запрещена на территории РФ.

² Организация запрещена на территории РФ.

Акты мегатеррора в Нью-Йорке в начале 2000-х гг. привели западные страны к масштабному проецированию военной мощи лишь на одном направлении (Афганистан). По линии МССБ (ISAF, с 2003 г. под эгидой НАТО) реализовывался в основном широкий спектр небоевых задач (в первую очередь, по поддержанию мира и порядка), в то время как силовые акции преимущественно осуществлялись в рамках операции «Несокрушимая свобода» («Enduring Freedom»). Проводившая ее первая западная антитеррористическая коалиция (октябрь 2001 г. — декабрь 2014 г.), имевшая своей целью разгром «Аль-Каиды», формально при этом имела весьма широкую в географическом плане зону ответственности, включавшую Африканский рог, акватории Аденского залива и Аравийского моря, Западную Сахару, Филиппины. Однако с учетом относительной слабости здесь сил международного терроризма на этих направлениях были задействованы небольшие группировки (в основном из числа ВМС и ССО), проводившие точечные операции.

Объектом борьбы второй западной антитеррористической коалиции (создана в сентябре 2014 г. по инициативе США) стало «Исламское государство» (ИГ). Его отличало наличие протогосударственной структуры (постоянно контролируемая населенная территория, наличие ведомств, вертикальная система построения военизированных формирований). При этом рост мощи ИГ в Месопотамии в 2013—2015 гг. являлся ключевой, но далеко не единственной составляющей общей тенденции усиления мощи структур международного терроризма в нестабильных государствах от Сахеля до Центральной Азии. В середине 2010-х гг. особое внимание обращало на себя усиление в Ливии и Афганистане самого ИГ, аффилированной с ним «Боко Харам» в Нигере, «Аль-Каиды в Исламском Магрибе» и «Ансар ад-дин» в Мали, «Аш-Шабаб» в Сомали и «Джабхат ан-нусры»³ в Сирии и Ираке. Суммарно к 2015 г. эти структуры (без учета «Талибана»⁴ в Афганистане) имели в своих рядах от 80 до 120 тысяч активных боевиков (не считая «резервистов», мобилизуемых периодически)⁵, то есть уже сопоставимые показатели с вооруженными силами ведущих европейских стран — участниц НАТО (от 180 до 220 тысяч)⁶. В этой связи логичным выступало бы использование формата второй западной коалиции для координации военных усилий государств Запада и их партнеров на всех (или как минимум большинстве) указанных географических направлений. Однако единственным вектором деятельности второй коалиции являются связанные воедино сирийский и иракский театры военных действий (ТВД).

В этой связи встает фундаментальный вопрос об отношении европейских держав — членов НАТО к формату временных (обычно для достижения одной конкретной цели) военных механизмов под эгидой США и готовности использовать свой военный инструментарий вне их. Интерес представляет изучение позиции ФРГ, учитывая одновременный рост ее ресурсной базы и удельного веса

³ Организация запрещена на территории РФ.

⁴ Организация запрещена на территории РФ.

⁵ Рассчитано автором на основе данных издания «Военно-промышленный курьер» и МИД России. URL: <https://vpk-news.ru>; <http://www.mid.ru/ru> (дата обращения: 12.08.2018).

⁶ Defense Expenditure of NATO Countries (2011—2018). Communiqué PR/CP(2018)091. Brussels, 2018. P. 9—10.

на региональном (Евро-Атлантическое сообщество) и глобальном уровнях. *Задача* данной статьи — изучить особенности применения бундесвера для борьбы с международным терроризмом в середине — второй половине 2010-х гг. в привязке к вопросам его использования в рамках второй западной коалиции. Методами работы выступает исследование значимых военных шагов (развертывание группировок, изменение их состава, численности, задач согласно мандату) как вид инвент-анализа, а также сравнительный анализ.

Проблематика применения бундесвера в интересах первой западной антитеррористической коалиции — особенно в Афганистане в 2002—2014 гг. — нашла достаточно широкое отражение в работах как отечественных [Власов 2016; Коргун 2004; Михайлин 2009; Новикова 2014], так и западных, в первую очередь германских [Von Bredow 2015; Hett 2005] и американо-британских [Hochwart 2009; Noetzel, Rid 2009; Paul 2009] специалистов. Существенно менее ограниченным было изучение (особенно российскими экспертами) вопросов противодействия Германии международному терроризму в Сирии и Ираке, Африке (особенно Мали) [Frankreich, Deutschland... 2015; Glatz, Hansen, Kaim 2018; Hanisch 2015] и Афганистане в середине — второй половине 2010-х гг. При этом отсутствовала попытка комплексного анализа применения ФРГ военных инструментов на всех данных направлениях.

ПРОБЛЕМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ ФРГ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВТОРОЙ ЗАПАДНОЙ КОАЛИЦИИ В ИРАКЕ И СИРИИ

Уже 2 октября 2001 г., еще до принятия Соединенными Штатами решения о создании первой западной антитеррористической коалиции, ФРГ заявила о своем стремлении принять в ее деятельности полноправное участие [The Bundeswehr... 2009: 76]. Так, правительство Г. Шредера / Й. Фишера даже изначально планировало задействовать наибольшие силы бундесвера в рамках операции «Несокрушимая свобода», а не деятельности МССБ [Михайлин 2009: 23—24]. Для участия в первой Бундестаг в начале 2002 г. санкционировал использование группировки до 3,9 тыс. военнослужащих, а МССБ — 1,2 тыс. Однако уже к 2003 г. предпочтение было отдано МССБ (уже к этому времени их численность была увеличена до 2,25 тыс. солдат и офицеров)⁷. При этом значимость участия в «Несокрушимой свободе» для ФРГ постепенно снижалась: уже к концу 2013 г., то есть за год до окончания операции, использование бундесвера в ее рамках было свернуто⁸.

В условиях создания второй западной антитеррористической коалиции в сентябре 2014 г. Германия ограничилась общей декларативной поддержкой, не проявив готовности войти в ее состав. Чем объяснялись эти различия? Во-первых, в реалиях осени 2014 г. — весны 2015 г. ключевое внимание официального

⁷ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz einer Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan. Deutscher Bundestag, 15. Wahlperiode. Drucksache 15/128, 03.12.2002. S. 1—2.

⁸ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung des Einsatzes bewaffneter deutscher Streitkräfte bei der Unterstützung der gemeinsamen Reaktion auf terroristische Angriffe gegen die USA. Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/11466, 14.11.2012. S. 3.

Берлина было обращено на урегулирование (или как минимум «подмораживание») вооруженного конфликта на востоке Украины. Его возможная неконтролируемая эскалация с переходом в стадию «горячего» противостояния Запада и России представлялась для ФРГ в тот момент существенно более опасной угрозой, чем риски, связанные с деятельностью «Исламского государства». Напротив, в реалиях начала 2000-х гг. ФРГ, добившись крупных успехов в деле поддержки создания независимых государств на постюгославском пространстве, могла использовать значительные внешнеполитические ресурсы на новых стратегических направлениях.

Во-вторых, созданию первой западной коалиции предшествовали события 11 сентября 2001 г., то есть реальное проявление террористической угрозы в США. В реалиях конца 2014 г. основным объектом для атак «Исламского государства» являлись уже страны — участницы ЕС, а потому возникал вопрос о правомерности инициирования именно Соединенными Штатами создания механизма борьбы с ИГ. Вместе с тем элиты стран — участниц ЕС до лета 2015 г., когда начался полномасштабный миграционный кризис и резкий рост активности на территории Союза боевиков «Исламского государства», недооценивали угрозу со стороны ИГ [Kamp 2016]. Ситуация качественно изменилась после терактов в Париже 13 ноября 2015 г. Это событие не только ускорило решение правительства ФРГ о присоединении к деятельности западной коалиции в Сирии и Ираке, но и дало веские аргументы в отстаивании данной позиции перед депутатским корпусом в Бундестаге и в значительной степени пацифистски настроенной германской общественностью. Уже 2 декабря 2015 г. кабинет «большой коалиции» вынес вопрос об использовании бундесвера для противодействия ИГ на обсуждение Бундестага⁹, получив санкцию.

При этом применение контингента германских войск («потолок» численности — 1,2 тыс. военнослужащих) в составе второй западной коалиции отличалось двумя особенностями. Одна из них — это неучастие в собственно боевых акциях по борьбе с ИГ: бундесвер был ответственен за осуществление космической и воздушной разведки (в интересах всей коалиции и особенно Франции), охранение и логистическую поддержку группировок ВВС и ВМС Пятой республики (во главе с авианосцем «Шарль де Голль»). Другой особенностью использования войск бундесвера уже в ее составе являлось ориентирование основной их массы (свыше 90%) на поддержку вооруженных сил Франции, но не США, сотрудничество с которыми осуществлялось лишь на штабном уровне¹⁰.

Поводом для этого являлось осуществление наиболее значительной акции ИГ в пределах Евро-Атлантического сообщества именно в Париже, ключевой причиной — стремление избежать чрезмерной опеки США в рамках антитеррористической борьбы. Так, попытки Белого дома навязать свою позицию партнеру проявились в случае с МССБ, когда официальный Вашингтон последовательно настаивал на непрерывном увеличении германского военного контингента в Афганистане, так и особенно операции «Несокрушимая свобода». В последнем случае

⁹ Rede von Ursula von der Leyen. Plenarprotokoll 18/142. Deutscher Bundestag, 18 Wahlperiode. Stenografischer Bericht 142. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 2. Dezember 2015. S. 13876C-13877A.

¹⁰ Ibid.

США «продавливали» боевое применение бундесвера в Афганистане. Согласившись, федеральное правительство было вынуждено направить в 2008—2010 гг. в провинцию Кундуз и на юг страны подразделения спецназа для «зачисток» территории [Schwarzbuch... 2016: 27].

Иллюстрацией стремления ФРГ избежать следования в фарватере политики США в рамках борьбы с ИГ служит следующий факт. Еще в ноябре 2014 г. на севере Ирака была развернута военно-тренировочная миссия бундесвера, однако в национальном качестве и на основании решения ЕС¹¹. Иными словами, на протяжении года деятельности второй западной коалиции официальный Берлин, не присоединяясь к ней, использовал в зоне ее ответственности свой военный потенциал.

Преимущественное использование бундесвера именно на иракском, а отнюдь не сирийском ТВД стало еще одной отличительной чертой военного участия Германии в борьбе с ИГ на Ближнем Востоке. Другой — являлась приверженность концепции «стратегической сдержанности», то есть минимизации силовых акций в пользу небоевых форм применения. Лишь дважды — для поддержки «умеренной» оппозиции в Алеппо (июнь 2016 г.)¹², а также для помощи иракским войскам в окончательном овладении Мосулом (в ноябре — декабре 2017 г.)¹³ — Германия пошла на использование спецназа (до 50 военнослужащих одновременно), отрицая это на официальном уровне.

В целом определяемый мандатом Бундестага (вновь утверждаемым обычно раз в год) список задач контингента бундесвера в 2015—2017 гг. не изменился существенно. Новым стало выделение германских экипажей для самолетов-разведчиков AWACS (с увеличением «потолка» контингента до 1,35 тыс.)¹⁴, формально находящихся в собственности НАТО. Германия поддержала формальное включение Альянса в деятельность второй коалиции на Варшавском саммите блока (8—9 июля 2016 г.), но выступила (совместно с Францией) против самой возможности использования его наземных войск в Сирии и Ираке¹⁵. Показательно также, что реальная численность контингента бундесвера в составе войск коалиции составляла не более 40% от его «потолка» (табл. 1). Это является достаточно редким явлением для заграничных миссий бундесвера, фактический их состав составлял обычно 70—95% от «потолка».

¹¹ Antrag der Bundesregierung. Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/3561, 17.12.2014. S. 1—6.

¹² См.: СМИ: немецкий спецназ переброшен на север Сирии. URL: <https://topwar.ru/96781-smi-nemeckiy-spesnaz-perebroshen-na-sever-sirii.html> (дата обращения: 15.08.2018).

¹³ См.: Иванов П. Битва за цитадели. 31.10.2016. URL: <http://www.vpk-news.ru/articles/33314> (дата обращения: 15.08.2018).

¹⁴ Antrag der Bundesregierung. Einsatz bewaffneter deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1093, 07.03.2018. S. 6—12.

¹⁵ См.: France, Germany resist US plan for bigger NATO role against ISIS. URL: <https://ewn.co.za/2017/05/18/france-germany-resist-us-plan-for-bigger-nato-role-against-isis> (accessed: 15.08.2018).

**Изменения численности группировок бундесвера
на ключевых направлениях борьбы с международным терроризмом /
Changes in the number of Bundeswehr groups in key areas of combating international terrorism***

Операция (страна проведения)	Фактическая численность контингента		Формальный «потолок» численности	
	На 09.02.2018	На 09.02.2018	На 13.08.2018	На 13.08.2018
Борьба с ИГ в составе коалиции + военно-тренировочная миссия (Ирак)	423	408	1 200	800
Resolute Support (Афганистан)	960	1 136	980	1 300
MINUSMA (Мали)	970	989	1 000	1 100
EUTM Mali (Мали)	150	142	300	350
EUTM Somali (Сомали)	5	—	20	—
UNSMIL (Ливия)	—	2	—	Не установлен

*Построено автором на основе: Einsatzzahlen — die Stärke der deutschen Kontingente (Stand 09.02.2018 und Stand 13.08.2018). URL: [Приведенные факты свидетельствуют о стремлении ФРГ избежать возможности боевого использования бундесвера \(как в национальном качестве, так и под эгидой НАТО\) в Сирии и Ираке. Одна из причин этого — недопущение инцидентов с антитеррористической коалицией в составе России, Ирана и официального Дамаска, легально действующей на сирийской земле по просьбе последнего, в отличие от второй западной коалиции. Начало операции российских ВКС в Сирийской Арабской Республике \(САР\) \(30 сентября 2015 г.\) стало «точкой перелома» в противодействии «Исламскому государству» в регионе. При этом если в 2015—2016 гг. удалось ослабить силы боевиков в тактической глубине \(за счет первоочередного уничтожения штабов, связников и наиболее ударных подразделений\), то в 2017 г. удары наносились на всю оперативную глубину расположения ИГ в САР, то есть до границы Ирака. Это вынуждало ИГ перебрасывать войска на сирийский ТВД с иракского, существенно облегчая продвижение там курдов, правительственных войск и поддерживающей их западной коалиции.](https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/einsaetze/ueberblick/zahlen/lut/p/p/z/1/hY4xD4lwFIR_iwNixwMR0a0qj8HEBlNqXRSoBVMpKYX6861hMtF427v33eWAQg60Y1MrmGIVx6S7Cxpel1FyTy17-_TldJFodZnJIAhyFc_gHUvFEPEQxpzaFwHaufHUcHAQV6ZxN7ol5pl7IBrHovhKJhXS35SWkNg5AhvTIPJ10ZRAJoJrfuOYajdrZJT H9sPGwh621SCgJEd69PC3RKMGA_kHCP0jtzhYyikhixelPvzq/dz/d5/L2dBISevZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922DSSC0A UE6UESA30M0 (accessed: 15.08.2018).</p>
</div>
<div data-bbox=)

Фокусирование России и Ирана на Сирии стало одной из причин уже отмеченного ограниченного использования здесь бундесвера: в Средиземном море находились 1—2 фрегата, охраняющих французскую авианосную группу, а в воздушном пространстве САР действовало не более 15—20 летчиков (экипажи самолетов-разведчиков Tornado и AWACS, авиамашин-заправщиков). Обслуживающий персонал этих войск размещался на военно-воздушной базе Инджирлик (Турция)¹⁶. Однако в условиях кризиса в отношениях с официальной Анкарой,

¹⁶ Antrag der Bundesregierung. Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/3561, 17.12.2014. S. 1—6.

выражением которого стал отказ в допуске германских парламентариев в Инджирлик, с августа 2017 г. ВВС ФРГ прекратили полеты с этого аэродрома. С октября 2017 г. выполнять задачи люфтваффе стала с аэродрома Аль-Ашрак в Иордании¹⁷.

Параллельно с осуществлением авиаразведки бундесвер на иракском ТВД активно занимался обучением частей как сил курдской самообороны, так и правительственных иракских войск. Их объединение в рамках одного военно-тренировочного процесса (в основном в районе Эрбиля) преследовало цели не только повышения эффективности борьбы с ИГ, но и должно было способствовать недопущению сецессии иракского Курдистана. Если изначально (2014 г.) Бундестаг санкционировал «потолок» миссии по обучению войск в Ираке в 100 солдат и офицеров, то уже в начале 2016 г. он был увеличен в 1,5 раза¹⁸. Фактически в 2016 — первой половине 2018 г. на севере Ирака находились порядка 130 военнослужащих бундесвера¹⁹. Их усилиями к январю 2016 г. (то есть за год) были подготовлены и переобучены свыше 4,8 тыс. «пешмерга» (бойцов отрядов самообороны Иракского Курдистана) и военнослужащих правительственных иракских войск. При этом часть военных (особенно командные кадры и спецназ) проходили подготовку *на территории самой ФРГ*²⁰. Кроме того, на север Ирака осуществлялись поставки партий стрелкового вооружения и средств противотанковой обороны, боеприпасов для распределения (примерно в равных пропорциях) между формированиями курдов и официального Багдада. Всего уже по состоянию на начало 2016 г. в Ирак было поставлено 1,8 тыс. тонн военных грузов²¹. Суммарно эти усилия, существенно повысив возможности курдских и правительственных иракских войск, позволили им (одновременно с борьбой за Мосул в Найнаве) начать контрнаступление в мухафазах Анбар и Салах эд-Дин. Однако в целом темпы продвижения к сирийско-иракской границе были крайне медленными на фоне возросшего сопротивления ИГ, перешедшего от линейной тактики к асимметричным действиям (в первую очередь, организации диверсий, засад, частных рейдов)²². Это привело к тому, что параллельно с сохранением значительных объемов обучения войск (4—6 тыс. человек в год), в 2017—2018 гг. миссия бундесвера приступила и к подготовке сил территориальной обороны (т.е. всеобщего

¹⁷ См.: Al-Asrak: Die Fakten zur neuen Luftwaffenbasis. URL: <http://www.haz.de/Nachrichten/Politik/Deutschland-Welt/Al-Asrak-Die-Fakten-zur-neuen-Luftwaffenbasis> (accessed: 15.08.2018).

¹⁸ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung deutscher Streitkräfte zur Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7207, 06.01.2016. S. 1.

¹⁹ См.: Al-Asrak: Die Fakten zur neuen Luftwaffenbasis. URL: <http://www.haz.de/Nachrichten/Politik/Deutschland-Welt/Al-Asrak-Die-Fakten-zur-neuen-Luftwaffenbasis> (accessed: 15.08.2018).

²⁰ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung deutscher Streitkräfte zur Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Kurdistan-Irak und der irakischen Streitkräfte. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7207, 06.01.2016. S. 5.

²¹ Ibid. S. 5—6.

²² Antrag der Bundesregierung. Einsatz bewaffneter deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1093, 07.03.2018. S. 4—6.

ополчения). В этой связи особое внимание уделялось подбору и дополнительным тренировкам инструкторов из иракской армии и курдских формирований, которые в свою очередь должны были обучать массы местного населения азам военной подготовки²³.

В марте 2018 г. правительство ФРГ существенно изменило формат военного участия в деятельности второй западной коалиции. Во-первых, из списка задач была исключена поддержка группировки ВМС Франции²⁴. Во-вторых, теперь уже официально усилия бундесвера в составе коалиции (верхний предел численности которого был уменьшен с 1,35 до 0,8 тыс.) сосредоточивались преимущественно в Ираке. Наконец, в-третьих, военно-тренировочная миссия бундесвера в этой стране была переведена под эгиду второй западной коалиции, что стало своеобразным инструментом компенсации снижения общей численности войск, задействованных в борьбе с ИГ. При этом новый мандат был выдан всего на 7 месяцев (а не на год и более, как это обычно происходит). Сам факт сохранения германского военного присутствия в Месопотамии вызвал серьезную критику как со стороны фланговых фракций в парламенте — «левых» — впервые прошедшей в Бундестаг (2017 г.) «Альтернативы для Германии», а также «Союза 90/„Зеленых“» и СвДП. Данные факты позволяют утверждать, что в ближайшей перспективе не будет как минимум наращивания военных усилий по борьбе с ИГ на Ближнем Востоке. В целом отмеченные шаги являются признанием ФРГ весьма ограниченных возможностей по влиянию на ситуацию в Сирии и стремлением сосредоточиться на иракском направлении.

Параллельно наблюдается наращивание антитеррористических усилий ФРГ в Афганистане и Африке (см. табл. 1) — тех направлений, где США не вносят определяющего вклада в проведении операций.

Это является одним из ответов германского истеблишмента на действия президента США Д. Трампа, отошедшего от традиционных правил поведения западных элит и осуществляющего де-факто переход США от лидерства к гегемонии в рамках евроатлантической региональной подсистемы. Реакцией ФРГ стало принятие повышенной ответственности за решение ключевых для стран — участниц ЕС и НАТО проблем безопасности — особенно международного терроризма.

АФГАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ АКТУАЛЬНОСТИ

С 2017 г. наблюдается наращивание военных усилий ФРГ в рамках операции «Resolute Support» («Решительная поддержка») в Афганистане, что де-факто является пересмотром линии официального Берлина на существенное сокращение военного присутствия в этой центральноазиатской стране после 2014 г. Чем это обусловлено?

²³ Antrag der Bundesregierung. Einsatz bewaffneter deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1093, 07.03.2018. S. 6—12.

²⁴ Ibid.

Думается, ключевая причина — стремление руководства Германии хотя бы частично сохранить те результаты в деле стабилизации страны, которые были достигнуты с 2002 г. Афганское направление для ФРГ являлось вторым (после Косово) по масштабу используемых на нем военных контингентов и первым по затратности военной миссии. В составе МССБ к 2011 г. было задействовано до 5 тыс. военнослужащих, а всего к 2014 г. на реализацию целей миссии Германия выделила 8,9 млрд евро. Кроме того, именно на Афганистан пришлось до трети всех расходов на участие бундесвера в операции «Enduring Freedom» (всего 1076,6 млн евро). Наконец, уже на проведение под эгидой НАТО «Resolute Support» было потрачено еще 315 млн евро²⁵. Суммарно это составляло более 50% от расходов на деятельность *всех* заграничных миссий бундесвера.

Контингент ФРГ в составе МССБ был сосредоточен на севере Афганистана, параллельно выполняя несколько основных задач. Германские военные отвечали за подготовку вновь формируемых частей и подразделений афганской армии (большинство из них вошли в 6-й (позднее переименованный в 209-й) армейский корпус) в Кундузе и Бадахшане. В основном эта деятельность осуществлялась под эгидой развернутых в них при ведущем участии ФРГ провинциальных восстановительных команд [Five years... 2009: 2—5; Hett 2005]. Одновременно бундесвер участвовал в реализации мер по поддержанию мира в Кабуле, а также провинциях Бадахшан, Балх и Кундуз, а германские офицеры составляли «ядро» штаба «Север» (дислокация в г. Мазари-Шариф) [The Bundeswehr... 2009: 81—82].

Однако ФРГ и ее партнерами по МССБ был допущен ряд весьма серьезных ошибок военного характера. Во-первых, это запоздалое решение о развертывании крупномасштабных (240 тыс. в армии (и 160 тыс. в полиции) вместо 60 тыс.) национальных сил безопасности²⁶. Подготовка основной массы их частей началась лишь с конца 2000-х гг. в условиях растущего давления со стороны «Талибана». При этом наиболее эффективный вид подготовки — двусторонние учения (когда с одной стороны выступали германские, а другой — афганские войска) на уровне батальонов — стали проводиться только с 2012—2013 гг. При этом уже в это время стала сворачиваться незавершенная работа ПВК [Werner 2014]. Во-вторых, в отличие от Мали, в Афганистане не были отделены друг от друга миссии по поддержанию мира и военно-тренировочная. Их смешивание в рамках одной не всегда позволяло командованию правильно распределять ресурсы на месте. Наконец, в-третьих, даже на пике успехов борьбы с «Аль-Каидой» и «Талибаном» (к середине 2000-х гг.) германские миротворцы лишь «демонстрировали флаг», перемещаясь в основном по дорогам и населенным пунктам и не прочесывая гористую местность на предмет наличия там боевиков и складов [Hochwart 2009: 9].

²⁵ Auslandseinsätze der Bundeswehr. URL: <https://www.bpb.de/politik/grundfragen/deutsche-verteidigungspolitik/243585/weltkarte-auslandseinsaetze> (accessed: 15.08.2018).

²⁶ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz der Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan (International Security Assistance Force, ISAF). Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/4402, 13.01.2011. S. 3, 5—6.

Это объяснялось как опасениями потерь, так и нехваткой личного состава — тем более что волна серьезного увеличения (до уровня в 5 тыс.) контингента была осуществлена лишь в 2009—2010 гг.²⁷

Соответственно, с одной стороны, рост военного присутствия ФРГ в Афганистане во второй половине 2010-х гг. являлся «работой над ошибками», с другой — объяснялся резким нарастанием напряженности в фокусных для официального Берлина северных провинциях страны. Остатки «ядра» боевиков «Исламского государства» в Месопотамии, опасаясь полного разгрома, стали «перетекать» в субрегионы, где давление на ИГ, аффилированные с ним и дружественные структуры было меньшим, — особенно в Ливию, Чад и Афганистан. В последнем численность действующих комбатантов ИГ возросла с конца 2016 г. на начало 2018 г. с 3 до 7 тыс. (не считая периодически привлекаемых «резервистов») ²⁸. Причем на юге страны ключевой антиправительственной силой остается «Талибан», комплектуемый живущими в этой части Афганистана пуштунами. Напротив, относительно плохо восприимчивые к пропаганде «Талибана» североафганские народности (таджики, узбеки, хазарейцы), дотоле демонстрировавшие в целом лояльность официальному Кабулу, стали массово вливаться в «Исламское государство». И если в 2016 г. «Талибану» удалось лишь на несколько дней захватить Кундуз (что стало шоком для германского командования), то ИГ удастся прочно закрепиться в североафганских провинциях. Это делегитимизирует власти на центральном и местном уровне и подрывает боеспособность дотоле лучших сил (из числа бойцов «Северного альянса») афганской армии (209-го корпуса).

Главной задачей германских военных в Афганистане с 2015 г. является консультирование и дообучение местных сил безопасности. Для изменения ситуации германская сторона открыла для афганских военных саперно-минную школу в Мазари-Шарифе, дополнительные курсы для переподготовки высших чинов в Кабуле, а также интенсифицировала процесс обучения спецназа ²⁹. Особое внимание уделяется помощи в организации тактической разведки, в том числе за счет дронов, основная масса которых базируется на военной базе Мармаль под Мазари-Шарифом ³⁰. Кроме того, германскому контингенту разрешено оказывать поддержку

²⁷ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz der Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan (International Security Assistance Force, ISAF). Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/8166, 14.12.2011. S. 1—4.

²⁸ В Афганистане действуют около семи тысяч боевиков ИГ, заявили в МИД России. URL: <https://ria.ru/world/20180201/1513783880.html> (дата обращения: 15.08.2018).

²⁹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support für die Ausbildung, Beratung und Unterstützung der afghanischen nationalen Verteidigungs- und Sicherheitskräfte in Afghanistan. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1094, 07.03.2018. S. 6—7.

³⁰ Resolute Support — der Einsatz am Hindukusch. URL: https://www.bundeswehr.de/portal/a/bwde/start/aktuelles/aus_dem_einsatz!/ut/p/zl/hY_LCoMwEEX_yBIT1HSp9CUNttS-zKYEDdZiEwmpdNGPb6TgTjqlCzPnzh0GOFyBK9E3tbCNVqJ1fcHDW0LZkZE5IexEEVOW0V1A0Md1CGe4_LNwh3GiYoS8klC4jGgygoZcOCV9EqtpB3USmUbp7URVhuv08a2A3kZ44jXVFCgv0j8aDzlf-JNvtzOgggXaXIYAh-iF-9xV5TD01Dchapaudl_Bt0zxXNsQD-AhGLbo4!/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922LU800ILN8O5201080 (accessed: 15.08.2018).

афганских силам безопасности (особенно в случае нападения на них)³¹. В условиях усиления ИГ в «подотчетных» ФРГ северных провинциях Афганистана это с очень высокой долей вероятности приведет к достаточно активному точечному боевому использованию бундесвера (особенно сил специальных операций).

В целом между Сциллой риска нового «увязания» в Афганистане и Харибдой потери достигнутых там ограниченных результатов германская сторона сохраняет свое военное присутствие в Центральной Азии (под эгидой НАТО). В целом североафганские провинции, исходя из особенностей и активности использования в них бундесвера, выступают для ФРГ «поясом», сдерживающим как новый рост потенциала ИГ, так и возможность дальнейшей активизации его боевиков в ЕС. Аналогичную схему Германия стремится осуществить и в северной части африканского континента.

АФРИКАНСКИЙ ВЕКТОР БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ: ИМПУЛЬС К ДАЛЬНЕЙШЕМУ НАРАЩИВАНИЮ УСИЛИЙ

Если обрушение нормально функционировавшего института государственной власти в Ливии после военно-воздушной операции стран — участниц НАТО (2011 г.) открыло «коридор» для потоков нелегальных мигрантов (и маскирующихся под них террористов) из северной части Африки в ЕС, то стремительное превращение Мали (2012—2013 гг.) в зону нестабильности стало мощным «двигателем» ускорения и увеличения масштаба данных процессов.

Власти Мали, особенно на фоне военного переворота (2012 г.), оказались не в состоянии противостоять масштабному сепаратистскому восстанию туарегов, провозгласивших образование непризнанного международным сообществом Азавада (апрель 2012 г.) [Klute 2013]. Ситуация резко осложнялась радикализацией антиправительственных сил: резко усилились позиции террористических структур «Ансар ад-дин» и «Аль-Каида в Исламском Магрибе» [Мезенцев 2014: 4—9], стремившихся к координации усилий с ИГ — в первую очередь, его «филиалом» в лице «Боко Харам» в Нигере и сопредельных странах. В ответ на просьбу официального Бамако к ЕС и непосредственно Франции последняя в январе 2013 г. начала боевую операцию «Сервал» («Serval»). Декларируя активную помощь партнеру, Германия приняла активное участие в деятельности двух параллельных миссий в Мали.

Первая из них — MINUSMA (МИНУСМА) под эгидой ООН (до мая 2013 г. AFISMA (АФИСМА)) своей главной целью имела поддержание мира на освобожденных от повстанцев-туарегов и боевиков территориях Мали. Если в 2013—2014 гг. вклад ФРГ в деятельность миссии в основном ограничивался логистической и медицинской поддержкой, то с 2015 г. он был расширен за счет развертывания мотопехотных и разведывательных подразделений бундесвера. В январе

³¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte am NATO-geführten Einsatz Resolute Support für die Ausbildung, Beratung und Unterstützung der afghanischen nationalen Verteidigungs- und Sicherheitskräfte in Afghanistan. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1094, 07.03.2018. S. 3.

2016 г. «потолок» его контингента в составе миссии ООН был увеличен со 150 до 650 военнослужащих³². В октябре 2015 г. министр обороны ФРГ объявила о расширении зоны ответственности германского контингента в составе MINUSMA на северные провинции Мали (Гао, Кидаль и Томбукту). Последние являлись основной зоной расселения туарегов, лидеры «умеренных» из числа которых начали достаточно успешный переговорный процесс о сохранении в составе Мали в обмен на предоставление широкой автономии. Главная проблема состояла в том, что именно в северомалийских провинциях располагались остатки сил группировок «Ансар ад-дин» и «Аль-Каида в Исламском Магрибе», которые могли перегруппироваться и повести новое наступление.

Сменив Нидерланды в качестве «рамочной» нации по осуществлению разведки в интересах всей миссии MINUSMA [Hanisch 2015: 1—3], Германия окончательно стала играть одну из ключевых ролей в стабилизации обстановки в Мали. В 2015—2016 гг. в г. Гао (столице одноименной провинции) на военной базе Кэмп Кастро была развернута группировка разведывательных дронов армейской авиации ФРГ. Она имела в своем составе до 40 аппаратов БПЛА типа «LUNA» (10 команд)³³. Они использовались для отслеживания перемещения боевиков в провинциях Гао и Кидаль, что резко затруднило вооруженным группировкам осуществление внезапных налетов на войска MINUSMA. Для повышения эффективности разведки в наиболее обширной провинции Томбукту бундесвер также стал привлекать крупногабаритные дроны люфтваффе («Heron 1»), а также спутники («SAR-Lupe») из состава орбитальной группировки. Параллельно происходило увеличение «потолка» контингента бундесвера в составе миссии MINUSMA: в январе 2017 г. он возрос до отметки в 1 тыс., в марте 2018 г. — до 1,1 тыс. солдат и офицеров³⁴. При этом реальное число германских военных очень близко подошло к этому показателю (см. табл. 1). В среднесрочной перспективе следует ожидать дальнейшего увеличения миротворческого присутствия ФРГ в Мали, учитывая стремление Германии к превращению этой африканской страны в «бастион стабильности», останавливающий потоки мигрантов (и боевиков) из глубинных районов континента в ЕС.

³² Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung und Erweiterung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7206, 06.01.2016. S. 4—5.

³³ “LUNA“ in Mali — Der Mond, der Fotos macht. URL: http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw/start/aktuelle_einsaetze!/ut/p/z1/hVBBbsIwEHwLH8jabiDk6JASIQVaEVqwL8iNrWAINrJM2kMfX1tVe4vYw0gzszsaLXA4ADdi0J3w2hrRB8747FjM611NckLK3RtFq-cpemkW5VOFMniH_aMVHmw0MhRBIxWwkJGNZIQYGuDAPz5Jr80FWGvNoJxXMqpSJYErH9Er43XAZglvXXKzZvfRuTsXnERLYAiXBc7SvwL4m-Z1nq4JzstVsY2BZZGlr_9b0cZXADsJI3v1alv6K9yuy_lmMx3WdDL5Afy51_0!/dz/d5/L2dBISeVz0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922DTUA0IE50OSCD3GG1 (accessed: 15.08.2018).

³⁴ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1098, 07.03.2018. S. 3—4.

На достижение этой цели направлены и усилия бундесвера в рамках военно-тренировочной миссии ЕС EUTM Mali. Ее целью является боевая переподготовка (с проведением предварительного реформирования батальонов для увеличения в них числа «активных штыков») армии Мали с целью переложения на нее основной ответственности по защите от сепаратистов и международного терроризма. К маю 2014 г. при ведущем участии военных из ФРГ было завершено переобучение первых четырех батальонов армии Мали, а к концу 2016 г. количество переподготовленных частей было доведено до 16 (общей численностью 9,3 тыс. солдат и офицеров), что составляло практически все вооруженные силы официального Бамако. Если в феврале 2014 г. «потолок» личного состава бундесвера в составе EUTM Mali был установлен в 250 человек, то с января 2015 г. — в 350 человек (временно сократившись в 2016—2017 гг. до 300 человек)³⁵. С конца 2016 г. германские военные приступили к принятию батальонов малийской армии на повторное обучение: это было обусловлено как их естественным обновлением за счет новобранцев, так и низкой боеспособностью отдельных частей даже после процесса обучения.

Необходимо подчеркнуть, что масштабное участие ФРГ в вопросах поддержания мира и реформирования сектора безопасности Мали рассматривается как основополагающая составляющая антитеррористической деятельности в так называемой G5 (Буркина-Фасо, Мали, Мавритания, Нигер, Чад) в целом³⁶. При этом бундесвер действует параллельно (то есть де-факто конкурирует) с США, в национальном качестве также ведущими борьбу с терроризмом (особенно с «Боко Харам») в странах G5.

В марте 2018 г. правительство ФРГ приняло решение о направлении первой группы военных советников (2 человека) в войска, создаваемые под эгидой парламента Ливии, в Бенгази. Почему ФРГ столь поздно и пока столь ограниченными силами включилась в процесс стабилизации в Ливии? Во-первых, Германия единственная из числа европейских держав НАТО не согласилась на использование своего потенциала в военной кампании против войск М. Каддафи (2011 г.) [Арзаманова 2011: 11—12] и тем самым проиллюстрировала свою непричастность к вступлению Ливии в полосу нестабильности. Во-вторых, Германия готова использовать своих военных лишь в небоевых миссиях. Однако с учетом слабости властей в Бенгази, к сотрудничеству с которыми стремится Запад, им в первую очередь требуется прямая, притом наземная, боевая поддержка. При этом Германия, равно как и ее партнеры, не стремится к координации усилий с войсками генерала Х. Хафтара, расположенными преимущественно в Триполитании и являющимися наиболее мощной силой в стране в борьбе с «Исламским государством».

Вместе с тем сам факт начала использования бундесвера в Ливии для опосредованной борьбы с ИГ показателен, указывая на постепенное повышение интереса

³⁵ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali). Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1597, 11.04.2018. S. 3—6.

³⁶ Ibid. S. 5.

ФРГ к участию в стабилизации обстановки не только в Сахеле, но и Северной Африке. При этом бундесвер используется на данных направлениях исключительно под эгидой ЕС и ООН, но отнюдь не НАТО и тем более второй западной антитеррористической коалиции.

В деятельности бундесвера прослеживается отчетливая тенденция наращивания военных усилий на двух *флангах* огромной дуги нестабильности, созданной усилиями структур международного терроризма (особенно ИГ): в Афганистане и Африке, особенно в зоне Сахеля. Это обусловлено как объективными причинами — постепенной перегруппировкой большей части оставшихся лучших сил ИГ в эти субрегионы из Месопотамии, так и субъективными. Это, во-первых, невозможность конкурировать по эффективности использования как военных, так и политико-дипломатических инструментов с коалицией России, Ирана и официального Дамаска в Сирии, а следовательно, и сложность создания здесь прочных позиций на перспективу. Во-вторых, это стремление избежать попадания в подчиненное Белому дому положение в деле борьбы с международным терроризмом в случае полномасштабного включения в деятельность западной коалиции во главе с США. Иллюстрацией подобного сценария является использование бундесвера в рамках операции «Несокрушимая свобода» (2001—2013 гг.), ставшее (с учетом постоянных претензий официального Вашингтона) в итоге «раздражителем» двусторонних отношений, эффект от которого мог стать как минимум вдвое больше на фоне трудностей диалога с администрацией Д. Трампа на современном этапе.

В перспективе в рамках усилий бундесвера по борьбе с международным терроризмом будет сохраняться преобладание небоевой деятельности — особенно по поддержанию мира и военно-тренировочной. При этом объем нагрузки (в том числе географический диапазон деятельности) одного отдельно взятого подразделения (части и соединения) будет постепенно возрастать — как за счет накопления опыта (в том числе в тропических, полупустынных и гористых условиях), так и оснащения новой техникой (в первую очередь, дронами). Это положение обуславливает и постепенное увеличение точечных боевых операций, преимущественно проводимых спецназом при поддержке БПЛА.

Во второй половине 2010-х гг. обозначились контуры перспективного облика военного присутствия ФРГ в странах Азии и Африки, сумевших добиться перелома в борьбе с международным терроризмом на своей территории, что включает в себя два основных элемента. Первый — это крупные военные базы (по образцу Кэмп Кастро в Мали или Мармаль в Афганистане). Группировки на этих объектах будут предназначены для нанесения точечных ударов как по организованным крупным силам боевиков, так и по отдельным комбатантам. Второй элемент — это наличие института военных и гражданских советников в переобученных (и вновь обучаемых) частях национальных сил безопасности, что позволит не только осуществлять контроль над ситуацией в них, но и оперативно получать информацию. Особую роль будет играть наличие специалистов из ФРГ в штабных структурах, что позволит Германии играть одну из определяющих ролей в военном планировании стран, на территории которых идет борьба с международным терроризмом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арзаманова Т.В. Позиция Германии во время ливийского кризиса—2011: Новая внешнеполитическая стратегия или предвыборный маневр? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2011. № 26 (42). С. 11—15.
- Власов Н.А. Уроки Гиндукуша: миссия бундесвера в Афганистане и политика безопасности ФРГ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2016. № 3. С. 108—121. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.309.
- Корзун В.Г. История Афганистана. М.: Крафт +, 2004.
- Мезенцев С.В. Внутренние и международно-политические аспекты кризиса в Мали и французская операция «Сервал» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 1. С. 3—28.
- Михайлин К.Н. ФРГ и НАТО в Афганистане (2001—2008 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. Вып. 101. С. 22—27.
- Новикова О.Н. «Жесткая» и «мягкая» сила Запада в современном Афганистане // Актуальные проблемы Европы. 2014. № 3. С. 38—58.
- Five Years of German PRTs in Afghanistan: an Interim Stocktaking from the Angle of the German Aid Organizations.* Berlin, VENRO (Association of German Development NGOs), 2009.
- Frankreich, Deutschland und die EU in Mali. Chancen, Risiken und Herausforderungen.* Brüne St. (Hrsg.). Baden-Baden: Nomos, 2015.
- Glatz R., Hansen W., Kaim M., Votrath J. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr im Wandel. Stiftung Wissenschaft und Politik. Berlin: 2018.
- Hanisch M. A New Quality of Engagement Germany's Extended Military Operation in Northern Mali. Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper, N 8/2015.
- Hett J. Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan. Das amerikanische, britische und deutsche Modell. Zentrum für Internationale Friedenseinsätze. Berlin, 2005.
- Hochwart M.A. The Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan — a Model for Future Nation-Building Operations. Kansas: United States Army Command and General Staff College Fort Leavenworth, School of Advanced Military Studies, 2009.
- Kamp K.-H. Attack on the West: What is the Strategy of ISIL? Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper, No. 21/2016.
- Klute G. Tuareg-Aufstand in der Wüste. Ein Beitrag zur Anthropologie des Krieges und der Gewalt. Mit einem Geleitwort von Trutz von Trotha. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2013.
- Noetzel T., Rid Th. Germany's Options in Afghanistan // Survival. 2009. N 51. P. 71—90. DOI: 10.1080/00396330903309865.
- Paul M. CIMIC in the ISAF Mission. Stiftung Wissenschaft und Politik. Berlin, 2009.
- Schwarzbuch. *Kritisches Handbuch zur Aufrüstung und Einsatzorientierung der Bundeswehr.* Berlin: Rosa-Luxemburg-Stiftung und Fraktion die LINKE, 2016.
- The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad.* Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009.
- Von Bredow W. Sicherheit, Sicherheitspolitik und Militär. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2015.
- Werner L. The PRT Kunduz: An Unsuccessful Command Structure // Combating Terrorism Exchange Journal. Vol. 4. N 2. May 2014. URL: <https://globalecco.org/the-prt-kunduz-an-unsuccessful-command-structure> (accessed: 15.08.2018).

Дата поступления статьи: 12.09.2018

Для цитирования: Трунов Ф.О. Использование бундесвера в борьбе с «Исламским государством» — в составе западной коалиции? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 806—822. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-806-822.

Сведения об авторах: Трунов Филипп Олегович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам РАН (e-mail: ltrunov@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-806-822

The Bundeswehr Usage in the Struggle against ISIS — A Part of Western Coalition?

Ph.O. Trunov

Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Science,
Moscow, Russian Federation

Abstract. In the middle — second half of 2010s the Euro-Atlantic community faces with the necessity to struggle against international terrorism at the huge arc of unstable states including Mali, Libya, Syria, Iraq and Afghanistan. Unlike the first Western coalition (2001—2014) designed to fight al-Qaeda, focused on the struggle against ISIS the second Western coalition does not become the unifying mechanism of a significant part of anti-terrorist military efforts by Western countries. The article covers the reasons of this tendency on the example of Germany as the emerging power.

The key methods of the investigation are the exploration of the important military steps (contingents' deployment, the change of their tasks and the number of troops) in the format of event-analysis and comparative analysis.

The paper aims at exploration of the features of military tools' usage by Germany in the struggle against international terrorism in conjunction with the activity of the second Western coalition. The article considers the reasons of the late German joining the activity of the second coalition at the Syrian and Iraqi theatres of war. In this regard the scientific research covers the main forms of mostly non-military Bundeswehr usage in Mesopotamia and focuses on the cooperation with France. The article also explores the determination of these tendencies. The paper pays attention to German military build-up under NATO activity in Afghanistan and shows that the reasons of it are the strengthening ISIS positions in the country and the failures of Germany and its ISAF partners in the process of Afghan security forces creation in 2002—2014.

The scientific research explores the forms of Bundeswehr usage for the struggle against international terrorism at the phone of extension of the areas of this activity at the continent.

The author tries to create the scheme of Bundeswehr usage for the struggle against ISIS and its friendly oriented forces at the arc of unstable states from Mali to Afghanistan. The article concludes about the contours of German perspective military presence in the countries which are going on the road of internal stabilization.

Key words: Germany, international terrorism, Western coalition, Iraq, Syria, Afghanistan, Africa

REFERENCES

- Arzamanova, T.V. (2011). Germany's Position during the Libyan Crisis—2011: A New Foreign Policy Strategy or pre-Election Maneuver? *European Security: Events, Assessments, Forecasts*, 26(42), 11—15. (in Russian).
- Five Years of German PRTs in Afghanistan: an Interim Stocktaking from the Angle of the German Aid Organizations* (2009). Berlin, VENRO (Association of German development NGOs).
- Frankreich, Deutschland und die EU in Mali. Chancen, Risiken und Herausforderungen* (2015). Brüne St. (Hrsg.). Baden-Baden: Nomos.
- Glatz, R., Hansen W., Kaim M. & Votrath J. (2018). *Die Auslandseinsätze der Bundeswehr im Wandel*. Stiftung Wissenschaft und Politik. Berlin.

- Hanisch, M. (2015). A New Quality of Engagement Germany's Extended Military Operation in Northern Mali. *Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper*, N 8.
- Hett, J. (2005). *Provincial Reconstruction Teams in Afghanistan. Das amerikanische, britische und deutsche Modell*. Berlin, Zentrum für Internationale Friedenseinsätze.
- Hochwart, M. A. (2009). *The provincial reconstruction teams in Afghanistan — a model for future nation-building operations*. Kansas: United States Army Command and General Staff College Fort Leavenworth, School of Advanced Military Studies.
- Kamp, K.-H. (2016). *Attack on the West: What is the Strategy of ISIL? Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper*. N 21.
- Klute, G. (2013). *Tuareg-Aufstand in der Wüste. Ein Beitrag zur Anthropologie des Krieges und der Gewalt. Mit einem Geleitwort von Trutz von Trotha*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.
- Korgun, V.G. (2004). *History of Afghanistan*. Moscow: Kraft +. (in Russian).
- Mezentsev, S.V. (2014). Domestic and International Political Aspects of Crisis in Mali and French Military Operation "Serval". *Moscow University Journal of World Politics*, 1, 3—28. (in Russian).
- Mikhaylin, K.N. (2009). FRG and NATO in Afghanistan (2001—2008). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, 101, 22—27. (in Russian).
- Noetzel, T. & Rid, Th. (2009). Germany's Options in Afghanistan. *Survival*, 51, 71—90. DOI: 10.1080/00396330903309865.
- Novikova, O.N. (2014). "Hard" and "Soft" Power of the West in Today's Afghanistan. *Actual Problems of Europe*, 3, 38—58. (in Russian).
- Paul, M. (2009). *CIMIC in the ISAF Mission*. Berlin, Stiftung Wissenschaft und Politik.
- Schwarzbuch. Kritisches Handbuch zur Aufrüstung und Einsatzorientierung der Bundeswehr* (2016). Berlin: Rosa-Luxemburg-Stiftung und Fraktion die LINKE.
- The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad* (2009). Berlin, Federal Ministry of Defense.
- Vlasov, N.A. (2016). Lessons of the Hindu Kush: the Mission of the Bundeswehr in Afghanistan and its Impact on German Security Policy. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6. Political science. International relations*, 3, 108—121. (in Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.309.
- Von Bredow, W. (2015). *Sicherheit, Sicherheitspolitik und Militär*. Wiesbaden: Springer Fachmedien.
- Werner, L. (2014). The PRT Kunduz: An Unsuccessful Command Structure. *Combating Terrorism Exchange Journal*, 4(2), May. URL: <https://globalecco.org/the-prt-kunduz-an-unsuccessful-command-structure> (accessed: 15.08.2018).

Received: 12.09.2018

For citations: Trunov, Ph.O. (2018). The Bundeswehr Usage in the Struggle against ISIS — A Part of Western Coalition? *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 806—822. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-806-822.

About the author: *Trunov Philipp Olegovich* — PhD in Political Science, Senior Researcher, Department of Europe and America, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Science (e-mail: 1trunov@mail.ru).

© Трунов Ф.О., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-823-836

Антитеррористический подход Ирана на современном этапе: «жесткие» и «мягкие» элементы

Х. Джаббари Насир, Б.Х. Бахриев

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Москва, Российская Федерация

Статья посвящена анализу силовых и несиловых элементов в антитеррористическом подходе Ирана на современном этапе. Авторы утверждают, что борьба с терроризмом сегодня требует комплексного подхода, и хотя силовой подход всегда преобладал над «мягкими» инструментами в реализации антитеррористических стратегий государств, в реалиях нынешнего мира без учета психолого-идеологического элемента борьба с террористами не может быть успешной. Универсальной модели соотношения этих двух компонентов не существует, поскольку в данном контексте все зависит от специфики страны или региона, но необходимость учета несиловых аспектов становится все актуальнее.

Иран является активным игроком в борьбе с международным терроризмом, но у этой страны нет единого документа или конкретной стратегии, где определялись бы особенности использования жестких и мягких инструментов в данной борьбе. Силовой элемент антитеррористического подхода Ирана на современном этапе явно преобладает над несиловым компонентом, о чем говорит активное силовое участие в решении сирийского кризиса, поддержка различных военных группировок, которые борются с радикальными течениями в регионе и жесткая политика в отношении наркоторговли, которая является важным источником доходов для экстремистских формирований.

«Жесткий» подход к борьбе с терроризмом приводит к физическому уничтожению террористов, но их идеи оказываются живучими, что в нынешнем веке развития инфокоммуникационных технологий актуализирует вопрос использования «мягких» инструментов в антитеррористической стратегии. В борьбе с терроризмом в данном измерении Иран прибегает к своей «мягкой силе» и публичной дипломатии. Активно используются потенциал культурных, духовных, научно-образовательных институтов и возможности информационных ресурсов, чтобы сформировать правильное понимание ислама и его позитивный образ, делегитимировать и деконструировать нарративы радикальных исламистов.

Ключевые слова: терроризм, религиозный экстремизм, борьба с терроризмом, инструменты борьбы с терроризмом, «мягкая сила» и публичная дипломатия, «мягкая сила» в борьбе с терроризмом, публичная дипломатия в борьбе с терроризмом, публичная дипломатия Ирана, «мягкая сила» Ирана

ВВЕДЕНИЕ

Современный терроризм стал серьезным вызовом не только для глобальной безопасности, но и, можно сказать, для человеческой цивилизации в целом. Этот сложный социально-политический феномен пока не поддается должному теоретическому осмыслению ввиду своей гибкости, постоянной трансформации своих методов, идеологических мотивов и деструктивных практик. Названные факторы

наряду с рядом других причин приводят и к определенным трудностям в практической борьбе с данным явлением, что делает выработку комплексной антитеррористической стратегии со стороны государств мира и международного сообщества в целом архиважной задачей.

Большой набор современных антитеррористических средств и методов, так или иначе, связан с жестким, силовым противодействием. Однако остается еще один важнейший фронт антитеррористической борьбы, как должным образом не освещаемый на теоретическом уровне, так и не особо выделяемый в практической работе. Его профессор МГИМО М.М. Лебедева называет психолого-идеологическим компонентом антитеррористической деятельности, «мягкой» борьбой «за умы и сердца тех, кто оказался среди сочувствующих террористам или может еще начать симпатизировать им»¹. Другими словами, если представить терроризм в виде пирамиды, то на ее вершине будут располагаться лидеры террористов и относительно небольшое число их сподвижников — группа людей, которая в принципе не откажется от пути насилия. Но по мере того как мы «спускаемся ниже», картина меняется: мы встречаем большую массу людей, не особо склонных к насильственным действиям, но недовольных и потому уязвимых перед идеологией экстремистов. Именно с этими людьми, которые в основном представлены молодым поколением, надо работать с помощью «мягких» инструментов для предотвращения их радикализации.

Универсальной практической модели наилучшего сочетания «жесткого» и «мягкого» подходов в антитеррористической борьбе, конечно, не существует; все зависит от страновой или региональной специфики. И особенно остро данная проблема стоит перед странами, находящимися в регионах террористической активности и регулярно сталкивающимися с этими деструктивными элементами.

Одной из таких стран является Иран, который расположен в регионе, непосредственно граничащем с зоной активных действий террористов. Иран сталкивается с растущими вызовами со стороны экстремистов и их вредной идеологии на своей территории. Являясь одним из активных игроков в борьбе с названными вызовами, Иран в этом деле пытается использовать не только классические силовые методы, но и «мягкие» инструменты, например, свою «мягкую силу» и публичную дипломатию. Это делает потенциал и опыт Исламской Республики в борьбе с терроризмом, особенности соотношения «жесткого» и «мягкого» компонентов ее антитеррористического подхода на современном этапе актуальной темой исследовательского анализа.

Говоря об *антитеррористическом подходе Ирана*, авторы исходят из специфики иранского понимания феномена *терроризм*. Наряду со многими странами мусульманского мира Иран не признает в качестве террористических военизированные палестинские и некоторые другие формирования в регионе, считая их освободительными движениями и борцами за справедливость.

¹ Лебедева М.М. Три элемента борьбы с терроризмом // Портал МГИМО. 21.12.15. URL: <http://mgimo.ru/about/news/experts/tri-elementa-borby-s-terrorizmom/> (дата обращения: 21.06.2018).

«ЖЕСТКИЙ» КОМПОНЕНТ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА ИРАНА

Иран, обладая рядом геополитических преимуществ, исторической, культурно-религиозной специфики, является одним из ключевых государств региона Ближнего и Среднего Востока. Соседство этого государства с очагами нестабильности — такими государствами, как Ирак, Сирия, Афганистан, Пакистан и близость к зоне активной деятельности таких транснациональных террористических групп, как ИГ², «Аль-Каида»³, «Талибан»⁴, ставит Иран в авангарде международной антитеррористической борьбы [Джаббари Насир 2016]. Несмотря на вызовы со стороны деструктивных нетрадиционных акторов, Ираном еще не принят специальный документ, стратегия или доктрина, четко определяющий рамки борьбы с терроризмом или обеспечения безопасности в целом. Такое состояние дел часто критикуется как иранскими исследователями, так и практиками [Хаджиюсефи, Багири 2011].

Антитеррористический подход Ирана на современном этапе представляется классическим государствоцентристским подходом с сильной ролью государства и преобладанием *жестких силовых* компонентов. Это можно объяснить стремлением Ирана к предотвращению влияния религиозного экстремизма на своей территории, которая, по мнению исследователей, в идеологии современных террористов на Ближнем Востоке рассматривается как часть будущего *халифата*⁵. В этом же утверждении можно найти и исламское обоснование применения «жесткой силы» против террористов. В исламском праве применение *силы/насилия* одобряется только против преступников, в случае самообороны и защиты своего отечества [Джаббари Насир 2017].

Репрессивными методами борьба ведется не только с самими террористами, но и с теми преступными элементами, которые так или иначе с ними связаны. Так, одним из важных направлений иранского подхода является борьба с наркоторговлей, значительная часть прибыли от которой направляется на финансирование терроризма и незаконного оборота оружия. Данную связь в контексте Ирана выявило исследование иранских специалистов, показавшее, что огромный объем денежных средств, полученных от продажи наркотиков, легализуется на территории Ирана, потом разными путями попадает к экстремистским группировкам [Сахраян 2004]. На этом фоне логично, что антинаркотическая политика Ирана как часть более широкой антитеррористической стратегии отличается крайней жесткостью в отношении наркоторговцев. Такая политика, с одной стороны, критикуется международными правозащитными организациями за применение смертной казни в качестве наказания, а с другой — объясняет высокую эффектив-

² Организация запрещена в РФ.

³ Организация запрещена в РФ.

⁴ Организация запрещена в РФ.

⁵ См.: Crowley M. Khorasan: Behind the Mysterious Name of the Newest Terrorist Threat // Time. September 25, 2014. URL: <http://time.com/3430960/obama-isis-khorasan-terrorism/> (accessed: 21.09.2018).

ность антинаркотической деятельности Ирана, который стабильно занимает лидирующее место в мире по конфискации наркотиков. По статистике ООН, эта страна ценой жизни большого числа личного состава своих силовых органов ежегодно пресекает трафик и конфискует более 75% мирового оборота опиума, более 25% героина и морфина⁶.

Проблему терроризма и экстремизма Иран пытается решить и в сотрудничестве с другими государствами. Так, первое соглашение по вопросам безопасности и борьбы с терроризмом Иран заключил с Грецией еще в 1994 г. Аналогичные договоры в разное время были заключены с некоторыми странами Европы и региональными соседями Ирана — с Саудовской Аравией (2001 г.), Турцией (2008 г.), Афганистаном (2009 г.), Таджикистаном и Пакистаном (2014 г.), Россией (2015 г.) и другими [Джаббари Насир 2016].

В концептуальном отношении важным представляется соглашение о сотрудничестве в сфере борьбы с оборотом наркотиков, организованной преступностью и терроризмом между Ираном и Турцией. Соглашение стало первым международным договором Ирана, в котором термину *терроризм* дается четкое определение. Ранее в иранском внутреннем законодательстве, правовом и уголовном лексиконе использовалось понятие *мухарибе*. Названное соглашение определяет *терроризм* как «угрозу насилия или его применения для оказания давления на государства или его органы в целях создания атмосферы всеобщего страха, достижения политических, также экономических целей»⁷.

В рамках соглашения стороны договариваются об обмене информацией по террористическим группировкам, их методам деятельности, о гармонизации внутреннего законодательства в названной сфере для повышения эффективности совместной антитеррористической деятельности и улучшения координации в этой области.

С соседним Афганистаном антитеррористическое сотрудничество Ирана опирается на соответствующее ирано-афганское соглашение от 2007 г., которое обязывает стороны бороться с терроризмом и его финансовыми источниками⁸. В аналогичном ирано-пакистанском договоре от 2015 г. помимо названных в ирано-афганском соглашении направлений сотрудничества предполагается развитие сотрудничества по линии международной полиции Интерпол и правоохранительных органов двух стран в определении, преследовании и уничтожении группировок, деятельность которых сторонами признана террористической⁹.

⁶ UNODC World Drug Report 2014. URL: <http://www.unodc.org/wdr2014/> (accessed: 18.06.2018).

⁷ Соглашение о сотрудничестве в сфере борьбы с оборотом наркотиков, организованной преступностью и терроризмом между Ираном и Турцией от 2008 г. (на перс. яз.). URL: <http://rc.majlis.ir/fa/law/show/790230> (дата обращения: 15.09.2017).

⁸ Соглашение между Ираном и Афганистаном о сотрудничестве в борьбе с наркотрагвлей, организованной преступностью и терроризмом от 29.12.2009. (на перс. яз.). URL: <http://rc.majlis.ir/fa/law/show/788979> (дата обращения: 15.06.2018).

⁹ Соглашение о сотрудничестве в области безопасности между Ираном и Пакистаном от 05.05.2014. (на перс. яз.). URL: <http://rc.majlis.ir/fa/law/show/886141> (дата обращения: 18.06.2018).

С Россией Исламская Республика Иран в январе 2015 г. заключила еще одно соглашение о военном сотрудничестве. Представляется, что на фоне развития правовой основы взаимодействия между сторонами развивается и практическое сотрудничество между ними, что особенно заметно в решении сирийского кризиса и антитеррористической деятельности.

Возникновение феномена ИГИЛ в непосредственной близости от границы Ирана и создание этой террористической группировкой своего квазигосударства на территории ближайших союзников Ирана — Сирии и Ирака, потребовало от Исламской Республики активного участия в борьбе с терроризмом на сопредельных территориях. Иран сотрудничает с Ираком и оказывает значительную помощь сирийским правительственным войскам в борьбе с террористами. По мнению иранцев, до начала бомбардировок ВКС России позиций ИГИЛ именно помощь Ирана спасала сирийскую правительственную армию от катастрофических поражений¹⁰. В мае 2017 г. Иран заявил о своем намерении увеличить свое военное присутствие в лице военных советников в Сирии, хотя специалисты утверждают, что иранцы в Сирии представлены не только военными советниками. Там работают армейские спецподразделения и спецназ Корпуса стражей Исламской революции (КСИР) — знаменитый отряд «Аль-Кудс», «которые помогали и помогают сирийским военным непосредственно на поле боя, но Иран всегда отрицал их участие в войне»¹¹.

В контексте «жесткого» компонента следует рассматривать и антитеррористические аспекты Ирана в его взаимодействии с некоторыми региональными организациями, например, ОДКБ и ШОС. В ШОС Иран имеет статус наблюдателя, что не препятствует развитию сотрудничества с ней в борьбе с терроризмом. На фоне активизации ИГ в Афганистане Иран начал сотрудничать с РАТС — главным антитеррористическим органом ШОС. Полноценное членство Ирана в ШОС, которое специалисты считают вопросом времени, может поспособствовать активизации совместных действий Ирана с членами этой организации в урегулировании афганского конфликта и уменьшении террористической угрозы¹².

Взаимодействие Ирана с ОДКБ, которое раньше ограничивалось совместными антинаркотическими операциями, сегодня больше тяготеет к «мягкому» измерению. С повышением угрозы распространения экстремистской идеологии и чрезвычайной киберактивности террористов стороны взаимодействуют в борьбе против распространения деструктивной идеологии, с каналами вербовки террористов и маршрутами передвижения боевиков. В 2015 г. Иран совместно с ОДКБ и Китаем договорились выработать совместные согласованные подходы на этом направлении [Джаббари Насир 2016].

¹⁰ Иран продолжит помогать Сирии и Ираку в борьбе с терроризмом. URL: <https://rg.ru/2016/05/30/iran-prodolzhit-pomogat-sirii-i-iraku-v-borbe-s-terrorizmom.html> (дата обращения: 25.08.2017).

¹¹ Вместо бомб — советники. Зачем Иран отправляет в Сирию своих военных // РИА Новости. 03.05.2017. URL: https://ria.ru/defense_safety/20170503/1493601540.html (дата обращения: 15.12.2017).

¹² Членство Ирана в ШОС — лишь вопрос времени // ParsToday, 27.02. 2016. URL: <http://parstoday.com/ru/news/iran-i13414> (дата обращения: 12.06.2018).

Таким образом, можно сказать, что использование силовых или преимущественно силовых методов воздействия на терроризм остается важным элементом иранского подхода к борьбе с терроризмом на современном этапе. Данный аспект иранского подхода к борьбе с терроризмом реализуется как на основе односторонних шагов Ирана (внутренняя борьба с терроризмом и его финансовыми источниками), так и на уровне двустороннем и в рамках международных организаций. В этом контексте мы становимся свидетелями не только активной, но и открытой вовлеченности Ирана в борьбу с международным терроризмом за пределами иранской территории. В перспективе такая вовлеченность требует и использования «мягких» инструментов. Хотя соотношение между этими двумя аспектами не определено каким-нибудь единым документом, на основе анализа практических шагов Ирана можно говорить об активном использовании этим государством и несиловых методов в борьбе с терроризмом.

НЕСИЛОВЫЕ АСПЕКТЫ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА ИРАНА: «МЯГКАЯ СИЛА» И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Иран, как отмечалось, в борьбе с терроризмом помимо компонентов «жесткой силы» прибегает к использованию «мягких» инструментов, которые направлены на подрыв привлекательности идеологии террористов, на *делегитимацию* и *деконструирование* экстремистских нарративов. В настоящей статье авторы рассматривают в качестве несилового компонента антитеррористического подхода Ирана «мягкую силу» и публичную дипломатию. Под «мягкой силой» понимается привлекательность страны, опирающаяся на культуру, политические ценности, принципы внешней политики [Нуе 2008]. Публичная дипломатия рассматривается как инструмент «мягкой силы», как система взаимодействий одного государства с использованием культурных, научно-образовательных, информационных и других инструментов для формирования поддержки своей внешней политики в обществе другого государства.

Говоря о совокупном потенциале «мягкой силы» Ирана на современном этапе, можно выделить следующие факторы:

— региональное влияние Ирана с учетом геополитических и геоэкономических факторов;

— распространение языка и литературы на территории Ближнего Востока и Центральной Азии [Курылев, Никулин, Гончарова 2017];

— идеология Исламской революции и институционализированный бренд политического ислама;

— постоянно декларируемая готовность к защите «обездоленных» всего мира и апеллирование к принципу справедливости, который, по мнению некоторых специалистов, в шиитском исламе «стоит выше любого разделения мира на мусульман и немусульман» [Чикризова 2017];

— авторитет и влияние иранских богословов среди шиитов региона и мира [Малекзаде 2015];

— независимая внешняя политика, провозглашение политики борьбы за справедливость и права угнетенных народов мира [Юртаев 2018; Леонова 2014].

Однако в контексте нашей темы важен именно тот потенциал «мягкой силы» Ирана, который при помощи публичной дипломатии можно задействовать в качестве инструмента антитеррористической борьбы. И здесь речь идет об определенном переосмыслении стратегии классической публичной дипломатии с меньшим акцентом на принцип «*любите нас*» и большим — на проекты, которые напрямую конструируют индивидуальное мышление людей и затрагивают их жизни¹³. Публичная дипломатия в таком контексте, выражаясь языком известного британского специалиста М. Леонарда, отходит от *конкурентной* модели и становится инструментом *кооперации*, средством достижения общей цели [Leonard et al. 2002], если в качестве таковой мы рассматриваем победу над идеологией экстремизма и терроризма. Но о такой *общности цели* в контексте ближневосточного региона говорить, к сожалению, не приходится. Механизмы публичной дипломатии всех вовлеченных акторов в регионе функционируют в условиях жесткой конкурентной борьбы — не с терроризмом, а в большей степени друг с другом. Видимо, не до конца осознается опасность современных террористов, которых Дж. Най называет «новыми варварами», сравнивая их с теми варварами, которые когда-то разрушили Римскую империю [Nye 2004]. И, конечно, в таких условиях выиграть битву с радикалами за «*умы и сердца*» населения региона становится крайне сложным как Ирану, так и другим вовлеченным в региональные дела государствам [Torfeh 2017].

В этом контексте отметим и концепцию «экспорта Исламской революции», устаревшее внешнее представление о которой до сих пор не только ограничивает возможности публичной дипломатии Ирана — в том числе в ее антитеррористическом измерении, но и дает противникам Ирана повод обвинять его в покровительстве терроризму и насильственном распространении идей исламской революции. Действительно, политика «экспорта Исламской революции» является одним из главных направлений иранской внешней политики, но такой экспорт, как призывал основатель Исламской Республики Р.М. Хомейни, должен осуществляться с помощью *слов* (пропаганда), а не *меча* [Бахриев, Джаббари Насир 2017: 194—216]. Аналогичную идею недавно высказал и нынешний президент Ирана Х. Рухани в своем выступлении на 72-й сессии Генассамблеи ООН¹⁴. Несмотря на важность названной концепции во внешней политике Ирана, сегодня эта страна больше руководствуется соображениями прагматизма. Да и сама концепция во многом стала интерпретироваться как «экспорт исламской *культурной* революции». Р.М. Хомейни говорил, что политику «экспорта революции» не стоит воспринимать как покорение стран; такая политика всего лишь «ставит перед собой цель довести до сведения всех людей на земле правду о революции Ирана и ознакомить с ее принципами» [Дружиловский 2017]. К реализации данной

¹³ Seib P. Public Diplomacy and Counterterrorism // Huffington Post. URL: http://www.huffingtonpost.com/philip-seib/public-diplomacy-and-cout_b_719242.html (accessed: 21.06.2018).

¹⁴ Выступление президента Ирана Х. Рухани на 72-й сессии Генассамблеи ООН, 20.09.2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=by0PXLspbhA> (дата обращения: 15.05.2018).

политики Иран сегодня подключает различные религиозные и духовные сети трансграничного характера. На практике они не только служат для формирования общественной поддержки иранской внешней политики в сопредельных государствах, но и являются потенциалом «мягкой силы» Ирана, который может быть задействован в борьбе с религиозным терроризмом и экстремизмом.

Так, одним из важных «мягких» инструментов Ирана в борьбе с радикальными идеологиями в регионе является авторитет и влияние известных шиитских богословов. Специалисты часто называют имя видного иракского теолога иранского происхождения аятоллы Али Систани, последователи которого проживают не только в Ираке и Иране, но и в других странах региона. Его относят к тем религиозным деятелям, которые «могут найти спасительный баланс в тяжелой современной ближневосточной ситуации и деятельность которых может привести к возвращению в этот регион стабильности и необходимого развития» [Филин, Пилоян 2015]. Пользуясь большим авторитетом в обществе, религиозных и политических кругах Ирака, А. Систани регулярно выступает за единство мусульман, предупреждая об опасности экстремистской идеологии. Его фетвы обладают значительным мобилизационным эффектом. Например, в 2014 г. изданная им фетва, в которой тот призвал к джихаду против ИГ, снял многие политические и военные противоречия борьбы с терроризмом в Ираке, способствуя формированию более надежного фронта против террористов. Авторитетные богословы вроде А. Систани, которые связаны с Ираном происхождением или образованием, дают Ирану хороший «мягкий» инструмент в борьбе с радикальной идеологией террористов [Никравеш, Джафари 2016].

Потенциал и практическое применение Ираном своих культурных, религиозных и научно-образовательных институтов в борьбе с терроризмом тоже вызывает интерес. В этом деле большую роль играет Организация исламской культуры и связей Ирана (ОИКС)¹⁵. В контексте борьбы с терроризмом отмечаем два направления ее деятельности:

1. Деятельность в сфере межрелигиозного и межкультурного диалога

В противовес идеологии такфиристских группировок, выступающих против любых межрелигиозных диалогов, ОИКС свою задачу видит в поддержании такого диалога, способного привести к взаимопониманию и формированию основы для предотвращения насильственных действий в отношении представителей иной религии и культуры. Созданный по инициативе ОИКС Центр диалога между религиями и цивилизациями выпускает научный журнал «Диалог» и организывает конференции по вопросам межрелигиозного взаимодействия. В 2017 г. данный центр провел в Сербии форум «Христианство, Ислам и мир без насилия» и две международных научные конференции в Ираке и Сирии на темы «Такфир и экстремизм» и «Воспитательные, образовательные, религиозные идеи в борьбе с террористической идеологией»¹⁶.

¹⁵ Цели и задачи ОИКС. URL: <http://icro.ir/index.aspx?fkeyid=&siteid=261&pageid=32272> (дата обращения: 15.05.2018).

¹⁶ ОИКС. URL: <http://www.icro.ir/> (дата обращения: 15.05.2018).

2. Деятельность по сближению течений ислама

Этим вопросам занимается созданная в 1990 г. ОИКС Всемирная ассамблея по сближению исламских мазхабов (течений). Ассамблея занимается организацией международных конференций и другими формами пропаганды примирения исламских мазхабов. Ежегодно проводится Международная конференция по исламскому единству. Ассамблея выпускает 4 журнала, имеет учебный Университет исламских мазхабов и свой научно-исследовательский центр, работающий над интеграцией различных мусульманских религиозно-правовых школ¹⁷.

Следует упомянуть и работу Всемирной ассамблеи исламского пробуждения. Данный формат диалога используется Ираном не только для позиционирования себя как защитника ценностей ислама, поборника угнетенных народов. Конференция собирает религиозных деятелей разных ветвей ислама, создает общую площадку для диалога и обмена мнениями в деле борьбы с деструктивной идеологией исламистских группировок. Тематика последних встреч была связана с событиями на Ближнем Востоке, участники мероприятия старались «показать истинное лицо ислама, к которому не относятся экстремисты»¹⁸.

Иран активно организывает международные конференции высокого уровня по проблематике терроризма. Такие диалоговые форматы действительно важны, поскольку в их рамках можно выработать концептуальную основу действенного механизма борьбы с терроризмом в нынешних инфокоммуникационных условиях, и террористы сами успешно пользуются таким форматом для распространения своих нарративов. Такой механизм должен опираться на активную контрпропаганду — на факты нестыковок в идеологии радикалов и массовых жертв среди мусульманского населения в результате терактов [Веселовский 2010].

Важной является и роль иранских образовательных структур — духовных школ и университетов — в борьбе с радикальной идеологией террористов. Самые влиятельные шиитские теологи в основном являются выпускниками иранских религиозных школ. Из образовательных институтов приведем пример Международного университета «Аль-Мустафа», который видит свою задачу в *интеллектуализации, иммунизации и социализации* ислама, и, как отмечают специалисты, благодаря такой постановке приоритетных целей в Иране практически преодолены проблемы, «порождающие терроризм, а именно проблемы, конкретно связанные с деинтеллектуализацией, радикализацией и политизацией Ислама»¹⁹. Имея филиалы в более 60 странах мира, в которых обучаются студенты примерно 100 национальностей, деятельность «Аль-Мустафа» способствует не только популяризации иранского образования (в основном философско-религиозного), но и борьбе с вредоносной идеологией радикального исламизма и политизацией данной религии.

¹⁷ Всемирная ассамблея по сближению исламских мазхабов. URL: <http://taghrib.com> (дата обращения: 12.03.2017).

¹⁸ Заседание Всемирной ассамблеи исламского пробуждения в Багдаде // Сайт Совета Муфтиев России. 24 октября 2016. URL: <http://muslim.ru/articles/287/16329/> (дата обращения: 12.03.2017).

¹⁹ Почему голос Ирана все громче звучит в суннитском мире // Фонд поддержки исламской культуры и образования. 03.04.2015. URL: <http://www.islamfund.ru/news-view-2545.html> (дата обращения: 23.02.2017).

В современных реалиях деятельность института публичной дипломатии сложно представить без информационных инструментов. Особенно, когда террористы научились так умело пользоваться этими инструментами, что даже ведущие страны, такие как США, временами уступают им по эффективности своей информационной деятельности [Цветкова 2017]. Иран в этом деле активно использует ресурсы медиа-дипломатии. Арабоязычный телеканал Al Kawthar TV, направленный на аудиторию Ближнего Востока и Северной Африки, предлагает религиозно-культурные программы и освещает политические дискуссии [Pahlavi 2012]. Телеканал Al-Alam больше направлен на противодействие политическому влиянию Саудовской Аравии в регионе, хотя изначально был создан в 2003 г. во время американской интервенции в Ираке и считался информационным инструментом в конкурентной борьбе с США за «умы и сердца» иракского общества, а также Ливана и Палестины²⁰.

В формировании положительного образа ислама и осуждении актов насилия от имени этой религии иранцы используют и возможности Интернета, где свои страницы имеют не только государственные ведомства, но и первые лица государства. Со своих страниц в неформальной форме они общаются с огромной внутренней и внешней аудиторией. Так, после террористической атаки в Париже в ноябре 2015 г. интернет-страница Высшего руководителя Ирана распространила его письмо, адресованное молодежи Запада, в котором тот называет терроризм «общей болью», подчеркивая страдание и мусульман от этой опасности. Задавая вопрос, «как могли из самой нравственной и гуманной религиозной школы мира, которая в своем основополагающем положении приравнивает убийство одного человека к уничтожению всего человечества, появиться такие отбросы, как ИГ?», он призывает молодежь западных стран к правильному пониманию ислама, к взаимоуважению, основанному на историческом опыте²¹.

Безусловно, «мягкие» инструменты в борьбе с терроризмом не могут привести к физической ликвидации данного явления, однако они способны подорвать поддержку терроризма, нивелировать привлекательность его идеологии и препятствовать физическому пополнению рядов террористических группировок. Названные нами несиловые аспекты антитеррористической стратегии Ирана сложно оценивать с точки зрения их эффективности, впрочем, как и в случае с аналогичными стратегиями других стран. Однако можно сказать с уверенностью, что эти инструменты не оказываются вне иранского арсенала борьбы с терроризмом, что является демонстрацией относительно комплексного подхода Ирана к борьбе с терроризмом.

²⁰ Dajani J. The Arab Media Revolution // PBS Frontline / World, 27.03.2007. URL: <http://www.jamaldajani.com/articles.html> (accessed: 21.06.2018).

²¹ Письмо Высшего руководителя ИРИ Али Хаменеи молодежи западных государств, 29.11.2015. URL: http://russian.khamenei.ir/index.php?option=com_content&task=view&id=1226&Itemid=66 (дата обращения: 24.04.2017).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для борьбы с международным терроризмом на современном этапе использования одной только «жесткой силы» недостаточно, а чрезмерное ее применение может обернуться мощной пропагандистской кампанией террористов против тех, кто такую силу использует. Все это при отсутствии контрмер и присутствии комплекса социально-экономических и политических проблем может привести к повышению привлекательности идеологии радикалов. На этом фоне актуальным становится вопрос использования несилowych инструментов на данном направлении.

Иран остается активным игроком на антитеррористическом фронте, однако говорить о четкой антитеррористической стратегии этой страны, где учитывались бы особенности использования «жестких» и «мягких» инструментов, пока не приходится. Силовой компонент антитеррористического подхода Ирана явно преобладает, как и в случае с другими странами. Активное силовое участие в решении сирийского кризиса и поддержка различных группировок, которые борются с терроризмом в Сирии и Ираке, говорит о решительности Ирана искоренить это опасное явление. В краткосрочной перспективе можно спрогнозировать еще большую силовую вовлеченность Ирана в антитеррористическую борьбу на сопредельных территориях, а также расширение форматов двустороннего и многостороннего сотрудничества на этом направлении.

Однако силой можно уничтожить террористов, а их идеи все равно будут «живы» и находить сторонников. Это требует активной работы в «мягком» измерении антитеррористической борьбы с использованием культуры, науки, образования и информационной работы. У Ирана такая работа в основном направлена на формирование позитивного образа ислама, нивелирование радикально-буквалистского понимания коранических догм, на демонстрацию опасности идеологии религиозного экстремизма и на межрелигиозный диалог. Можно полагать, что Иран будет еще активнее работать в этом деле, используя ресурсы своей публичной дипломатии. Однако здесь многое зависит от геополитических факторов, от отношения регионального окружения Ирана, инициативы и «мягкие» шаги которого часто наталкиваются на сопротивление региональных и внерегиональных геополитических соперников. В такой высококонкурентной среде борьба с терроризмом в ее «мягком» измерении часто отходит на второй план, а верх берет классическая пропаганда, направленная друг против друга. Таковы нынешние реалии турбулентного ближневосточного региона. Когда такая ситуация изменится — остается вопросом открытым, а террористы тем временем все это видят и пользуются.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бахриев Б.Х., Джаббари Насир Х.* Публичная дипломатия во внешней политике Исламской Республики Иран // Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. С. 194—216.
- Веселовский С.С.* Цели и идеологическое обоснование глобального терроризма // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6. С.152—159.

- Джаббари Насир Х. Отношение исламских институтов к борьбе с международным терроризмом // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 4. С. 42—59. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-42-59.
- Джаббари Насир Х. Потенциал Ирана в борьбе с международным терроризмом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 4. С. 665—676. DOI: 10.22363/2313-0660-2016-16-4-665-676.
- Дружиловский С. Трансформация внешнеполитического курса Ирана // Обозреватель — Observer. Март 2017. № 3 (326). С. 25—35.
- Курьев К.П., Никулин М.А., Гончарова А.А. «Мягкая сила» культурной дипломатии Исламской Республики Иран // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 46—55. DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-46-55.
- Леонова О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель—Observer. 2014. № 3. С. 18—28.
- Малекадзе М. «Мягкая сила» Ирана в региональном контексте // Сияате мотаалие. 2015. № 11. С. 133—154 (на перс. яз.).
- Никравеш М., Джафари А.А. Роль марджае таклид и иракских богословов в повышении «мягкой силы» ИРИ // Моталеате сиясие джахане ислам. 2016. № 18. С. 105—138 (на перс. яз.).
- Сахраян М. Исследование по отмыванию денежных средств в Иране // Маджлес ва рахборд. 2004. № 37. С. 337—368 (на перс. яз.).
- Филин Н.А., Пилоян М.Г. Аятолла Али Систани: новые возможности старой школы шиитского религиозного наставничества // Власть. 2015. № 2. С. 133—137.
- Хаджиюсефи А., Багери А. Вопросы выработки стратегии национальной безопасности ИРИ // Данеше сияси. 2011. № 2. С. 69—97 (на перс. яз.).
- Цветкова Н.А. США — ИГИЛ: информационное противостояние // Азия и Африка сегодня. 2017. № 2. С. 2—7.
- Чикризова О.С. Дихотомия «обездоленные — высокомерные» в шиитском восприятии международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 279—289. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-279-289.
- Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. М.: Аспект Пресс, 2018.
- Leonard M., Stead C., Smewing C. Public Diplomacy. London: The Foreign Policy Centre, 2002.
- Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. N 1. P. 94—109. DOI: 10.1177/0002716207311699.
- Nye J. Soft Power and the Struggle against Terrorism // Project Syndicate, Apr. 21, 2004. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/soft-power-and-the-struggle-against-terrorism> (accessed: 05.09.2018).
- Pahlavi P. Understanding Iran's Media Diplomacy // Israel Journal of Foreign Affairs. 2012. Vol. 6. N 2. P. 21—33.
- Torfeh M. The Role of Iran's Regional Media in its Soft War Policy. Al Jazeera Centre for Studies. 16 February 2017. URL: http://studies.aljazeera.net/mritems/Documents/2017/4/9/de4a4f02558e40a9ada8948554fec007_100.pdf (accessed: 21.09.2018).

Дата поступления статьи: 10.11.2018

Для цитирования: Джаббари Насир Х., Бахриев Б.Х. Антитеррористический подход Ирана на современном этапе: «жесткие» и «мягкие» элементы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 823—836. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-823-836.

Сведения об авторах: Джаббару Насир Хасан — кандидат политических наук, научный сотрудник Национального института социокультурных проблем ИРИ (e-mail: hjabbarinasir@gmail.com).

Бахриев Бахри Хуршедович — аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России (e-mail: mr.bahriev29@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-823-836

Iran's Contemporary Anti-Terrorism Approach: “Hard” and “Soft” Elements

H. Jabbari Nasir, B.Kh. Bahriev

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Moscow, Russian Federation

Abstract. The article deals with “hard” and “soft” elements of Iran's contemporary anti-terrorism approach. The authors state that fighting against terrorism today demands a comprehensive approach, and though force-based approach has always prevailed over “soft” tools in realization of anti-terrorist strategies of states, in modern world realities without a psycho-ideological component combating terrorism does not seem to succeed. A balanced universal model of using these two components does not exist, as everything in this context depends on specifics of a country or a region. But the need for considering “soft” aspects becomes more relevant.

Iran is an active player in combating international terrorism, though it does not have a unified document or specific strategy with defined “hard” and “soft” tools of anti-terrorism fight. The force-based element of Iran's counter-terrorism approach at the present stage obviously prevails over the non-power-based. The country's active military involvement in solution of the Syrian crisis, supporting military groups, which fight against radical element in the region and tough policy towards drug traffic is an important source of income for extremist factions, proves the matter.

“Hard power” approach in fighting against terrorism leads to physical extermination of terrorists, however, consideration of the survival of their ideas in modern info-communications century reveals the significance of the issue of “soft” instrument use in anti-terrorism strategy. In fight against terrorism in this dimension, Iran resorts to “soft power” and public diplomacy. The cultural, religious and scientific potentials as well as educational institutes and information resources are actively utilized to construct a correct understanding of Islam and its positive image, to delegitimize and deconstruct narratives of radical Islamists.

Key words: terrorism, religious extremism, fight against terrorism, counter-terrorism instruments, “soft power” and public diplomacy, Iran's anti-terrorism approach, “soft power” in combating terrorism, public diplomacy in fight against terrorism, soft power of Iran, public diplomacy of Iran

REFERENCES

- Bakhriev, B.Kh. & Jabbari Nasir, H. (2017). Public diplomacy in the foreign policy of the Islamic Republic of Iran. In: *Public Diplomacy: Theory and Practice*. Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow: Aspekt Press. P. 194—216. (in Russian).
- Chikrizova, O.S. (2017). “Oppressed — oppressors” Dichotomy in Shi'ite Perception of International Relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17(2), 279—289. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-279-289. (in Russian).
- Druzhilovskij, S.B. (2017). Transformation of Iran's Foreign Policy. *Observer*, 3, 25—35. (in Russian).
- Filin, N.A. & Piloyan, M.G. (2015). Ayatollah Ali Sistani: New Opportunities of the Old School of the Shiite Religious Mentoring. *Vlast'*, 2, 133—137. (in Russian).

- Hajiyusefi, A. & Bageri, A. (2011). Issues of Developing a National Security Strategy for Iran. *Daneshe siyasi*, 2, 69—97. (in Persian).
- Jabbari Nasir, H. (2016). Iran's Potential in Fighting International Terrorism. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16(4), 665—676. (in Russian).
- Jabbari Nasir, H. (2017). Islamic Institutions Approach toward Combating International Terrorism. *Comparative politics, Russia*, 8(4), 42—59. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-42-59. (in Russian).
- Kurylev, K.P., Nikulin, M.A. & Goncharova, A.A. (2017). The “Soft power” of Cultural Diplomacy of the Islamic Republic of Iran. *Vestnik MGOU. History and Political Science*, 2, 46—55. DOI: 10.18384/2310-676X-2017-2-46-55. (in Russian).
- Leonard, M., Stead, C. & Smewing, C. (2002). *Public Diplomacy*. London: The Foreign Policy Centre.
- Leonova, O.G. (2014). “Soft power”: Tools and Influence Coefficients. *Observer*, 3, 18—28. (in Russian).
- Malekzadeh, M. (2015). “Soft power” of Iran in a Regional Context. *Siyasate motaolie*, 11, 133—154. (in Persian).
- Nikravish, M. & Dja'fari, A.A. (2016). Role of Marjaye Taqlid and Iraqi Theologians in Enhancing the “Soft Power” of Iran. *Motaleate siyaside jahane islam*, 18, 105—138. (in Persian).
- Nye, J. (2004). Soft Power and the Struggle Against Terrorism. *Project Syndicate*, Apr. 24. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/soft-power-and-the-struggle-against-terrorism> (accessed: 05.09.2018).
- Nye, J. (2008). Public Diplomacy and Soft Power. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 616(1), 94—109. DOI: 10.1177/0002716207311699.
- Pahlavi, P. (2012). Understanding Iran's Media Diplomacy. *Israel Journal of Foreign Affairs*, 6(2), 21—33.
- Sahraian, M. (2011). Iran Money Laundering Survey. *Majles ve rahbord*, 37, 337—368. (in Persian).
- Torfeh, M. (2017). *The Role of Iran's Regional Media in its Soft War Policy*. Al Jazeera Centre for Studies. February 16. URL: http://studies.aljazeera.net/mritems/Documents/2017/4/9/de4a4f02558e40a9ada8948554fec007_100.pdf (accessed: 21.09.2018).
- Tsvetkova, N.A. (2017). USA — ISIS: Information Confrontation. *Asia and Africa Today*, 2, 2—7. (in Russian).
- Veselovskij, S.S. (2010). Goals and Ideological Rationale of Global Terrorism. *Vestnik MGIMO University*, 6, 152—159. (in Russian).
- Yurtaev, V.I. (2018). *Islamization as a Factor of Iranian Foreign Policy*. Moscow: Aspekt Press publ. (in Russian).

Received: 10.11.2018

For citations: Jabbari Nasir, H. & Bahriev, B.Kh. (2018). Iran's Contemporary Anti-Terrorism Approach: “Hard” and “Soft” Elements. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 823—836. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-823-836.

About the authors: *Jabbari Nasir Hasan* — PhD in Political Science, Member of the Institute of Cultural and Social Studies of IRI (e-mail: hjabbarinasir@gmail.com).

Bahriev Bahri Khurshedovich — PhD student, World Politics Department, MGIMO University (e-mail: mr.bahriev29@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-837-858

Постъевропейский мир, или Что нас ожидает после инволюции Европы? Монизм и отношения с Россией

Часть 1

Р. Саква

Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Текущие противоречия во взаимоотношениях между Россией и Европейским союзом (ЕС) необходимо рассматривать в контексте более глубокого и всеобъемлющего кризиса в области обеспечения безопасности, характерного для периода после окончания холодной войны. В настоящей работе предпринимается попытка структурной интерпретации и выявления четырех взаимосвязанных процессов, которые в той или иной степени способствовали формированию причин данного кризиса. Речь идет, во-первых, о противоречии между логикой территориального расширения ЕС и его структурной трансформации; во-вторых, о динамике инволюции и сопротивления данному процессу; в-третьих, о проблеме монизма, заключающейся в том, что расширяющееся интеграционное объединение не способно адекватно взаимодействовать с иными, не участвующими в интеграции акторами; и, наконец, в-четвертых, о концепциях «Малой», «Широкой» и «Большой Европы», реализация которых потенциально может внести вклад в преодоление текущих кризисных явлений, т.е. инволюции Европы. В свою очередь, наблюдающаяся на сегодняшний день эрозия евроатлантической модели обеспечения безопасности создает определенные предпосылки для того, чтобы наверстать упущенное за предыдущие десятилетия и, в частности, добиться заметной эволюции как в институциональной, так и в идейно-концептуальной сферах.

На основе методологии классического реализма и современных конструктивистских теорий автор анализирует, каким образом недостаток взаимопонимания и ошибки в понимании намерений и действий России, с одной стороны, и Запада — с другой повлекли за собой глубокие структурные и когнитивные противоречия, которые привели к возобновлению конфронтации между евроатлантическим блоком и Россией.

Автор приходит к выводу, что невозможность реализации проекта «Большой Европы» с участием России привела к углублению противоречий между Россией и Западом, а также вынудила Москву искать альтернативу европейской интеграции в проекте «Большой Евразии». При этом Европейский союз также вступил в кризисную стадию, свидетельством чего стал «Брекзит».

Ключевые слова: Россия, Европейский союз, монизм, «Большая Европа», «Расширенная Европа», «Малая Европа», постбиполярный мир, инволюция

«6 июня 2015 г. папа римский Франциск, выступая в Сараево, с грустью отметил, что ощущает „атмосферу войны“, которой сейчас поражен практически весь мир. По мнению понтифика, напряженная кризисная ситуация в мире отчетливо напоминает ему „третью мировую войну, постепенно разворачивающуюся в самых разных уголках Земного шара. А с развитием глобальных коммуникаций и средств связи эта жуткая, гнетущая атмосфера начинает пронизывать уже все сферы жизни современного общества“». Более того, папа римский отметил, что

«некоторые недалновидные политики сознательно разжигают дух ненависти и войны», а также осудил всех тех, кто ради достижения собственных политических целей поддерживает текущие разногласия или же извлекает прибыль из эскалации насилия¹.

Балканы традиционно, еще со времен Первой мировой войны, являлись исключительно конфликтогенным регионом Европы, и 2014 г. — год столетия с момента начала одной из самых страшных войн в истории человечества — продолжил эту печальную традицию; мир вновь стоял на пороге крупной войны. В настоящее время широкую популярность обрела работа Кристофера Кларка «Лунатики», которая ярко и красочно описывает, каким образом Европа «оказалась втянутой» в страшную мировую войну [Clark 2013]. Сегодня каждый из нас все более отчетливо понимает, что те светлые надежды, которые некогда были связаны с перестройкой, инициированной М.С. Горбачевым, а также с окончанием холодной войны, восстановлением суверенитета целого ряда восточноевропейских государств и наступлением, как предполагалось, эпохи мира и согласия, так и остались несбыточными иллюзиями.

В 2014 г. минуло ровно четверть столетия с момента окончания в 1989 г. холодной войны, однако реальность оказалась далека от радужных и светлых надежд: идеалистические мечты, связанные с крушением Берлинской стены и падением «железного занавеса», оказались в буквальном смысле попораны и втоптаны в грязь. Вместо появления «единой свободной Европы», как предполагалось в тексте Парижской хартии для новой Европы от 2 ноября 1990 г.², мы оказались свидетелями нового глубокого разделения европейского континента. И в данном контексте украинский кризис, последовавший за Евромайданом, т.е. революцией в Киеве в феврале 2014 г., стал очевидным симптомом полного провала всех попыток создания новой, универсальной и взаимовыгодной архитектуры европейской безопасности [Sakwa 2016]. Однако следует признать, что эта печальная ситуация была вполне предсказуема, так как стала следствием еще более глубокой проблемы — неудачи в осуществлении структурной трансформации всей международной среды. Непосредственным результатом подобного фиаско стало то, что Россия вновь, в очередной раз, оказалась «чужой» как для евроатлантического блока во главе с США, так и для всего либерального международного порядка в целом.

В связи с очевидным крахом проекта, который М.С. Горбачев некогда назвал «единым общеевропейским домом» (а В.В. Путин — концепцией «Большой Европы»), Россия обратила свои взоры на иную альтернативу — а именно создание нового, постзападного, многополярного мирового порядка [Sakwa 2017]. Настоящая статья посвящена рассмотрению вопроса о том, что именно привело

¹ “Third World War Being Fought Piecemeal”: Pope Francis Slams Global “Atmosphere of War”. AFP, 6 June 2015. URL: <https://www.rt.com/news/265486-pope-francis-sarajevo-bosnia/> (accessed: 10.10.2018).

² ‘Charter of Paris for a New Europe’, Paris, 19—21 November 1990. URL: <https://www.osce.org/mc/39516?download=true> (accessed: 10.07.2018).

к новому разделению Европы и каким образом был упущен тот уникальный исторический шанс, который возник после окончания холодной войны — шанс на коренное преобразование всей системы взаимодействия между европейскими государствами. Кроме того, особый акцент в исследовании будет сделан на изучении того, каким образом наблюдающееся в последние годы разрушение традиционных евроатлантических связей, с одной стороны, создает благоприятные предпосылки для институционального развития европейской подсистемы международных отношений и эволюции ее идейно-концептуального базиса, а с другой — каким образом оно же напрямую ведет к возвращению в мировой дискурс целого ряда прежних, казалось бы давно позабытых проблем.

РАДИКАЛИЗАЦИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ

После окончания холодной войны сложилось устойчивое впечатление, что приближается, наконец, эпоха мира и согласия. С момента своего назначения в марте 1985 г. на должность Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачев активно работал над реформированием СССР и осуществлением политики перестройки, которая сопровождалась радикальным переосмыслением внешней политики Советского Союза и выработкой так называемого «нового политического мышления». М.С. Горбачев стремился к сохранению за Россией статуса великой державы, однако в то же время планировал всесторонне активизировать сотрудничество с Западом. Он предполагал, что основой нового мирового порядка станет воссоединение двух частей европейского континента. В частности, в своей программной речи, произнесенной на заседании Совета Европы 6 июля 1989 г., М.С. Горбачев изложил свою концепцию единого общеевропейского дома. В то же время он отметил и определенные препятствия к реализации данной концепции на практике: «То, что в различных государствах Европы господствуют совершенно отличные друг от друга социальные системы, — это неоспоримый факт». Кроме того, он признался, что не знает, какой должна быть новая «архитектура [безопасности] нашего „общего дома“»³. Однако несомненным для него было лишь одно — речь должна идти о плюралистической модели Европы, состоящей из целого ряда суверенных образований — своего рода различных, непохожих друг на друга комнат единого дома.

Позднее, в декабре того же 1989 г., М.С. Горбачев отправился с визитом на Мальту, где планировалась его встреча с президентом США Дж. Бушем-ст. Непосредственной целью М.С. Горбачева было официальное оформление политики, основанной на принципе «позитивной трансцендентности», или, другими словами, на идее о том, что окончание холодной войны — это обоюдная победа и Востока, и Запада, которая должна положить начало новому этапу глобальной кооперации [Cohen 2009; Matlock 1995, 2004, 2010]. М.С. Горбачев был твердо убежден в том, что новый европейский порядок должен быть основан на принципах геополитической многополярности и идейного плюрализма.

³ Gorbachev M. 'Europe as a Common Home', Address to the Council of Europe, Strasbourg, 6 July 1989. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/address_given_by_mikhail_gorbachev_to_the_council_of_europe_6_july_1989-en-4c021687-98f9-4727-9e8b-836e0bc1f6fb.html (accessed: 11.11.2018).

Европейская подсистема международных отношений в годы холодной войны характеризовалась биполярностью и наличием четких разделительных линий между Востоком и Западом. Основы данного миропорядка были заложены еще на Ялтинской (февраль 1945 г.) и Потсдамской конференциях (июль—август 1945 г.), подведших черту под Второй мировой войной. Именно тогда была создана та биполярная система международных отношений, которая, с одной стороны, подавляла стремление к свободе тех государств, которые были «зажаты» между Западом и Востоком, а с другой — поддерживала уже сложившийся баланс сил, который гарантировал сохранение хрупкого, но достаточно долгосрочного мира в течение последующих 45 лет. В подобной трактовке «Запад» включал в себя государства, впоследствии сформировавшие ЕС и Североатлантический альянс (НАТО), а также целый ряд нейтральных стран, которые официально не присоединились ни к ЕС, ни к НАТО. В свою очередь, на Востоке преобладал советский блок, который концептуально оформился в 1955 г. в Организацию Варшавского договора (ОВД).

В то же время некоторые страны проводили достаточно независимую внешнюю политику — например, Румыния и особенно Албания, а Югославия даже стала одним из лидеров Движения неприсоединения. Парадоксально, но с окончанием холодной войны системный и институциональный плюрализм как на общеевропейском (континентальном), так и на национальном уровнях оказался полностью подавлен и в конечном счете разрушен. М.С. Горбачев стремился создать в Советском Союзе «гуманный, демократический социализм», который был бы столь же конкурентоспособен, как и капиталистические демократии Запада. Однако он, к сожалению, так и не преуспел в собственных начинаниях и не сумел выполнить программу, некогда сформулированную главными действующими лицами Пражской весны 1968 г. и касавшуюся, в частности, перехода к «социализму с человеческим лицом». Более того, политика М.С. Горбачева фактически привела к полной дезинтеграции страны, последовавшей в 1991 г.

В этой связи правомерно сказать, что встреча двух лидеров — М.С. Горбачева и Дж. Буша-ст. — на Мальте происходила в условиях ускорения распада коммунистической системы и самого Советского Союза, ввиду чего вместо признания обоюдной победы, которого так добивался М.С. Горбачев, саммит фактически зафиксировал лишь определенный сдвиг власти в рамках действующей Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений [Itzkowiz-Shiffrinson 2013]. На наш взгляд, данную ситуацию уместно назвать «негативной трансцендентностью» — феноменом, заключающимся, с одной стороны, в вопиющей неспособности международной системы преодолеть глубокие пережитки и тяжкое наследие холодной войны, а с другой — в конструировании мифологемы о «победе» Запада в глобальном противостоянии. Таким образом, возможность для извлечения совместной прибыли из победы в холодной войне фактически была утеряна. Именно в этот момент и была сформирована та порочная международная среда, которая в конечном счете породит хаос на Украине в 2014 г., а тот, в свою очередь, станет непосредственной прелюдией к возобновлению «общеевропейской гражданской войны» или, другими словами, к началу нового глобального противостояния между Востоком и Западом.

По итогам холодной войны государства, некогда «зажатые» между Востоком и Западом как между молотом и наковальней, были окончательно освобождены от своей печальной участи, но вместо того, чтобы стать частью единого общеевропейского дома, большинство из них присоединились к системе евроатлантической безопасности. В этой связи концепция панъевропейского континентализма, которая призвана была стать мостом, соединяющим Восток с Западом, так и не сумела воплотиться в жизнь, в результате чего в качестве альтернативы евроатлантической модели возникла концепция евразийской / азиатской интеграции. Непосредственным итогом холодной войны стала отчетливая асимметрия международной системы: западные институты и структуры восторжествовали, в то время как их восточные оппоненты были полностью демонтированы. Вследствие данного обстоятельства однополярная монистическая система полностью возобладала над своими альтернативами, а России — правопреемнице СССР — не было предоставлено возможности ни участия, ни сопротивления новому миропорядку. Именно это состояние постоянной скованности и ограниченности и характеризовало те 25 лет холодного мира, в годы которого Россия ощущала себя находящейся в стратегическом тупике [Sakwa 2013].

Стране некуда было идти. По самым разным причинам — например, из-за собственных необозримых размеров, глобальных амбиций, войны в Чечне и острых проблем внутривластного характера — Россия не имела возможности присоединиться ни к ЕС, ни к НАТО, хотя, справедливости ради, необходимо признать, что в период холодного мира определенное сближение между ними все же было достигнуто. При этом российские попытки создать собственную систему альянсов на постсоветском пространстве не только не принимались в расчет, но и категорически осуждались Западом как стремление к возрождению гегемонизма имперского типа [Slobodchikoff 2014].

Территориальные противоречия на постсоветском пространстве по-прежнему остаются одним из наиболее острых вопросов во взаимоотношениях между Россией и Западом. Российские сторонники евроатлантической модели интеграции в начале 1990-х гг. искренне надеялись, что их страна присоединится к Западу, в результате чего образуется так называемый «Большой Запад», который не только расширится территориально, включив в себя демократическую Россию, но и претерпит существенные структурные трансформации. Однако в реальности после окончания холодной войны вместо «Большого Запада» сохранился прежний, старый, исторический Запад, который предпочел долгое время упиваться своей мнимой победой в глобальном противостоянии. Российские же идеи относительно новой архитектуры европейской безопасности оказались полностью проигнорированными на основании того, что они якобы были неоднозначны или трудновыполнимы — или одновременно и то и другое [Baranovsky 2000].

Первые нотки разочарования были слышны уже в речи министра иностранных дел России А.В. Козырева, произнесенной им на заседании Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в Стокгольме 14 декабря 1992 г. Предостерегая Запад относительно того, что следующий министр иностранных дел России вполне может оказаться гораздо более консервативным

в своих взглядах, А.В. Козырев заявил также об угрозе нового «железного занавеса», поскольку «традиции России — и это необходимо понимать — находятся не только в Европе, но и в Азии, и это в существенной степени ограничивает сближение России с Западом». По словам Козырева, ситуация осложнялась еще и тем, что сам Запад «постепенно наращивает собственное военное присутствие в Прибалтике»; кроме того, министр отметил потенциальную опасность войны с Украиной⁴. Это претенциозное выступление было тем более шокирующим, что сам А.В. Козырев по праву считался одним из наиболее последовательных сторонников евроатлантизма. В итоге речь А.В. Козырева фактически оказалась пророческой — впрочем, принять ее всерьез на основании тех рациональных доводов, которые имелись в начале 1990-х гг., было достаточно сложно.

Таким образом, сложилось безвыходное положение, с самого начала сопровождаемое обоюдным недовольством и Востока, и Запада. В частности, уже в декабре 1994 г. президент России Б.Н. Ельцин впервые использовал термин «холодный мир». Выступая на сессии СБСЕ в Будапеште (той самой, на которой СБСЕ была переименована в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)), он предупредил, что американский план расширения НАТО может обречь Европу на наступление эпохи «холодного мира». Кроме того, Б.Н. Ельцин подчеркнул, что «история наглядно демонстрирует, сколь опасно заблуждение, будто судьбами континентов и всего мирового сообщества можно управлять из одной столицы». Эти слова звучали вполне в духе Владимира Путина — и произнесены они были еще за десятилетие до того, как последний обратил огонь своей критики на монистическую природу все более расширяющейся системы евроатлантической безопасности. На том же заседании СБСЕ государства Центральной Европы объявили о своем намерении вступить в НАТО, а президент Польши Л. Валенса — имея в виду, конечно же, Россию — отметил, что ни одна страна мира не имеет права накладывать вето на суверенный выбор других государств региона. Данная точка зрения была затем в общих чертах поддержана и в выступлении президента США Б. Клинтона⁵. В свою очередь, А.В. Козырев в очередной раз предупредил, что в подобной ситуации выбор Запада по сути лежит между налаживанием взаимовыгодного сотрудничества с Россией и наступлением эпохи «холодного мира» [Kozyrev 1995].

По большому счету, это было первое предупреждение о последствиях формирования в Европе однополярной, монистической системы международных отношений, в рамках которой нет места для посторонних. Мнимые «победители» в холодной войне не могли предвидеть, к чему приведут их действия — и в первую

⁴ Safire W. Kozyrev's Wake-Up Slap // New York Times, 17 December 1992. URL: <https://www.nytimes.com/1992/12/17/opinion/essay-kozyrev-s-wake-up-slap.html> (accessed: 11.07.2018).

⁵ См.: Kempster N., Murphy D.E. Broader NATO May Bring "Cold Peace": Yeltsin Warns. Europe: Russian president accuses U.S. of being power hungry. Speech comes as nations finalize nuclear treaty // Los Angeles Times, 6 December 1994. URL: http://articles.latimes.com/1994-12-06/news/mn-5629_1_cold-war (accessed: 11.07.2018).

очередь это касается тех политиков, что были впечатлены либерально-историософской концепцией «конца истории», сформулированной Ф. Фукуямой [Fukuyama 1989, 1992]. При этом основная проблема заключалась в том, что парадигма монистического либерализма допускала дискуссию лишь о том, как именно управлять однополярной системой, но отнюдь не о том, как можно ее преобразовать.

Продвижение Запада на Восток сопровождалось попытками подсластить горькую пилюлю. Так, в основополагающем акте Россия — НАТО о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности, заключенном в мае 1997 г., было отмечено, что «НАТО и Россия более не рассматривают друг друга в качестве противников»; кроме того, представители Североатлантического альянса обещали не размещать ядерное оружие и постоянные вооруженные силы на территории новых членов НАТО в Восточной Европе, а также активизировать работу над адаптацией Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Кроме того, был создан Совместный постоянный совет Россия — НАТО (СПС)⁶, а в 1998 г. Б. Клинтон поддержал присоединение России к «Большой семерке» (G7), и, хотя Россия никогда не была полностью интегрирована в финансовые механизмы Запада, ее членство в данной организации имело огромное символическое значение. Необходимо отметить, что администрации Б. Клинтона было достаточно непросто добиться принятия всех вышеуказанных мер, так как ей пришлось столкнуться с серьезной оппозицией и ожесточенной критикой внутри страны касаясь тех уступок России, которые якобы имели место на международной арене⁷. Данный факт наглядно подтверждает тезис о том, что еще до начала сопротивления происходящим внешнеполитическим трансформациям со стороны России в период президентства В.В. Путина значительной частью американской элиты Москва уже воспринималась как потенциальный стратегический соперник и конкурент Соединенных Штатов [Stent 2014].

Пожалуй, ситуация 1999 г., когда Совместный постоянный совет Россия — НАТО не смог обеспечить должный уровень взаимопонимания между сторонами во время войны в Косово и бомбардировок Сербии силами НАТО, знаменовала собой поворотный момент в процессе разрушения постбиполярного миропорядка, сформировавшегося после окончания холодной войны. Тем не менее, после 11 сентября 2001 г., в благодарность за поддержку со стороны России американской стратегии борьбы с терроризмом, был создан расширенный Совет Россия — НАТО (май 2002 г.). Правда, в итоге новая структура так и не сумела достичь своей цели и обеспечить примирение между двумя сторонами.

Даже в самые лучшие времена кооперация между Россией и США носила достаточно ограниченный характер. Так, широкую известность получили слова Е.М. Примакова, министра иностранных дел России в период с января 1996 г. по сентябрь 1998 г., а впоследствии — премьер-министра России, сказанные им

⁶ 'Founding Act on Mutual Relations, Cooperation and Security between NATO and the Russian Federation', 27 May 1997. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_25468.htm (accessed: 11.07.2018).

⁷ См.: Talbott S. *The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy*. NY: Random House, 2003. P. 253.

с неодобрительной настороженностью государственному секретарю США М. Олбрайт в конце 1990-х гг.: «Иногда я не уверен, сколько еще Вашей дружбы мы сумеем вытерпеть»⁸. Иные представители российского истеблишмента были менее иносказательны и метафоричны в своих высказываниях, утверждая, что «условия обхождения Запада с Россией после окончания холодной войны со временем становились все более жесткими; несмотря на всю риторику об обоюдной победе, США явно не желали проявлять щедрость и умеренность по отношению к своему партнеру»⁹. Критики современной международной системы утверждают, что создание Совета Россия — НАТО и иные подобные действия были не чем иным, как горькой пилюлей в сладкой оболочке, которая по сути призвана была замаскировать под видом дружбы отчетливое стремление Запада как можно полнее использовать плоды собственной победы [Kasparov 2015]. Другими словами, вместо плюралистической Европы, проект которой был предложен М.С. Горбачевым, в итоге возобладало однополярное, монистическое мировосприятие. Сама по себе логика монизма отнюдь не была направлена на изоляцию, унижение и тем более наказание России, однако проблема заключалась в том, что свои истоки она черпала из логики и принципов евроатлантической модели обеспечения безопасности, неотъемлемой частью которой являлся ЕС, — а значит, потенциал взаимодействия данной модели со всеми внешними акторами (в том числе с Россией) был значительно ограничен.

Таким образом, причины текущего плачевного состояния российско-атлантических взаимоотношений невозможно понять, концентрируя свое внимание только лишь на поисках виноватых — например, на осуждении Запада за его самоуверенность, триумфализм и нежелание учитывать проблемы других или России — за возвращение к авторитаризму и империалистической внешней политике. Структурный анализ, представленный в настоящей статье, является попыткой выйти за рамки подобного рода субъективных восприятий и осознать подлинные, объективные причины начала новой эры глобального противостояния. Для достижения данной цели нам потребуется объединить сильные стороны классического реализма и современных конструктивистских теорий, чтобы понять, каким образом взаимные ошибки в восприятии намерений и действий всей гаммы международных акторов повлекли за собой столь глубокие структурные и когнитивные противоречия, которые и вылились в конечном счете в возобновление конфронтации между Россией и Западом.

Бесспорно, сопоставление относительной мощи различных международных акторов имеет важное научное значение — точно так же, как и оценка разного рода субъективных факторов. В данном контексте уместно упомянуть, что Россия — это прямая наследница и правопреемница Советского Союза, которая, хотя и располагает лишь половиной населения последнего, тем не менее, имеет целый ряд преимуществ, полученных от собственного предшественника — напри-

⁸ См.: Talbott S. *The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy*. NY: Random House, 2003. P. 254.

⁹ Ibid. P. 294.

мер, ядерное оружие, прочные договорные обязательства и постоянное место в Совете Безопасности ООН, а также глобальные амбиции на пространстве Большой Евразии [Horf 2002]. В течение первых полутора десятилетий после окончания холодной войны Москва была сосредоточена преимущественно на внутренних преобразованиях и решении наиболее острых и насущных экономических проблем, хотя руководство России, бесспорно, пребывало в некотором раздражении относительно того стратегического тупика, в котором оказалась страна после крушения биполярной системы международных отношений. В частности, одним из самых известных критиков новой, постбиполярной системы мировой политики и безопасности стал упоминавшийся ранее Е.М. Примаков, который посвятил всю свою внешнеполитическую деятельность созданию многополярного мира посредством заключения союза между Россией, Индией и Китаем [Примаков 2014]. В свою очередь, пришедший к власти в 2000 г. В.В. Путин первоначально направил свои усилия на выход из стратегического тупика посредством создания общего политического, экономического и гуманитарного пространства с ЕС, тем самым продемонстрировав свою несомненную приверженность концепции «Большой Европы». Более того, он даже предпринял попытку сближения с НАТО, а в перспективе — и вступления в данную организацию [McFaul 2018: 59—60].

Все эти усилия в итоге обернулись полным провалом, и к середине 2000-х гг. в России активизировалась критика текущей международной системы, которая де-факто оставляла страну за бортом евроатлантического мира; параллельно с этим Москва обратила свой взор на интенсификацию проекта евразийской интеграции. Пожалуй, можно сказать, что точка зрения В.Л. Цымбурского о том, что Россия — это своего рода «остров», который не имеет своего места в структурном и культурном пространстве Европы, оказалась удивительно близка к истине [Межуев 2017]. Впоследствии концепция «островной России» была проанализирована в статье заместителя главы Администрации президента России В.Ю. Суркова [Сурков 2018] — в своем исследовании он характеризовал Россию как «полукровку», которой нет места ни в Европе, ни в Азии и которая приговорена к «столетию геополитического одиночества».

Согласно российской точке зрения, окончание холодной войны не принесло долгожданного потепления в международных отношениях, так как идея «Большой Европы», которая могла бы стать важнейшим шагом на пути к интенсификации интеграционных процессов и достижению общеевропейского мира, так и осталась нереализованной. Вместо расширения кооперации и взаимного приспособления произошло прямо противоположное — восторжествовали принципы монизма, и началось интенсивное расширение того, что мы называем историческим Западом. Какими бы ни были достоинства западной цивилизации, ее нормы, институты и принципы обеспечения безопасности никоим образом не содействовали решению проблемы территориальной целостности России, что, в свою очередь, накладывало негативный отпечаток на эффективность внешнеполитического курса Москвы [Tsygankov 2014].

К 2014 г. стало окончательно ясно, что, несмотря на все усилия по смягчению накопившихся противоречий, Россию невозможно безболезненно включить в существующие структуры евроатлантической безопасности. Россия была слишком большой, независимой, гордой и в конечном счете слишком сильной, чтобы стать частью «Большого Запада». Геополитические амбиции Москвы в сочетании с ее самоидентификацией в качестве великой державы означали, что ее невозможно в полной мере интегрировать в Западную цивилизацию. И если в первые годы после окончания холодной войны Россия в целом была готова приспособиться к требованиям нового мирового порядка, сформированного евроатлантическим сообществом, то в последующие десятилетия она пришла к выводу, что эти требования чересчур обременительны. В частности, российская элита, всецело поддерживая идею европейского плюрализма, в то же время активно сопротивлялась навязываемой извне европеизации, которая выдвигалась в качестве неотъемлемого условия для расширения кооперации с ЕС [Kratochvíl 2008]. Таким образом, подход, основанный на концепции принудительной европеизации России, оказался крайне неэффективным и не повлек за собой трансформацию внутри- и внешнеполитического курса Москвы [Grabbe 2006]. В итоге противоречие между двумя логиками интеграции неминуемо привело к болезненному разрыву России с Западом. Москва все отчетливее ощущала себя находящейся в стратегическом тупике: с одной стороны, она не могла вступить ни в НАТО, ни в ЕС, а с другой — ее собственное пространство суверенного развития было ограничено, а амбиции великой державы не могли быть в полной мере удовлетворены. Четверть столетия холодного мира приближались к концу — и на смену им приходила новая эпоха конфликтов и сопротивления.

РАСШИРЕНИЕ И ИНВОЛЮЦИЯ

За 25 лет холодного мира ни одна из фундаментальных проблем европейской безопасности так и не была решена, что породило основу для дальнейшего нарастания напряженности и накопления взаимных претензий. Европа вновь — как это было уже не раз — стала ареной вялотекущей «гражданской войны» между Западом и Востоком [Mazower 2000]. До сих пор прямого военного конфликта удавалось избежать, однако на сегодняшний день стало совершенно очевидно, что новый, более спокойный и благоприятный миропорядок создать так и не удалось, хотя обоснованные надежды на это были еще в 1989 г. Данная неудача, бесспорно, не могла не сопровождаться поиском виноватых в утрате благоприятной возможности для политического объединения всего европейского континента. Именно поэтому в настоящее время мы и стали свидетелями нескончаемого потока взаимных обвинений, озвучиваемых представителями Москвы, Брюсселя, Киева, Варшавы и Вашингтона, причем большая часть этих обвинений и обид носит абсолютно иррациональный характер и опирается на огромный массив «альтернативных фактов» в сочетании с полным пренебрежением поисками объективной истины. На наш взгляд, коренной причиной новой холодной войны стала вопиющая неспособность ключевых европейских акторов к созданию прочной и взаи-

мовыгодной институционально-идеологической основы для объединения всего европейского континента [Zwolski 2016]. Данная ситуация усугублялась еще и тем, что «Малая Европа» в лице ЕС самым очевидным образом претендовала на нормативную и геополитическую гегемонию в рамках региона, позиционируя собственную политику в качестве окончательного воплощения идеалов и устремлений всей «объединенной и свободной» Европы [Towards a Greater... 1992: 1].

Отчасти данная точка зрения была вполне оправдана, поскольку ЕС действительно представляет собой логичный и рациональный ответ на проблему обеспечения безопасности Европы — проблему ее многовековой раздробленности, неравномерного развития и, конечно же, многократно повторяющихся войн и вооруженных конфликтов. Образование ЕС, бесспорно, не привело к решению всех этих проблем, а некоторые дисбалансы еврозоны даже усугубили текущие противоречия, однако следует признать очевидное: на сегодняшний день ЕС являет собой пример одного из самых успешных региональных интеграционных блоков неимперского типа в человеческой истории, и в качестве такового он уже достиг значительных успехов на западе континента. Однако, как это ни парадоксально, тот же самый успех фактически подорвал способность ЕС к достижению аналогичного результата на востоке Европы — а значит, и в общеевропейском, панконтинентальном масштабе. Между тем после 1989 г. основная задача ЕС как раз и сводилась к тому, чтобы повторить локальные успехи Западной Европы в масштабах всего континента — и в достижении данной цели Евросоюз потерпел сокрушительное фиаско.

Отношения ЕС с Россией долгое время характеризовались назидательным, менторским тоном, основанным на примитивно историцистском подходе, согласно которому все действия, с успехом реализованные в Западной Европе, вполне применимы и к России — стране, традиционно сталкивавшейся с серьезными проблемами в сфере обеспечения безопасности и опиравшейся на совершенно отличный от Европы исторический опыт [Prozorov 2016]. ЕС же остался по сути чисто функциональным, утилитаристским проектом, изначально основанным на концепциях технократии и бюрократизма. В свою очередь, внешнеполитический курс ЕС, основанный на нормативно-ценностном дискурсе, стал венцом, высшим достижением европейской интеграции, позволившим перековать мечи на орала — а точнее, заменить меч пером. Однако проблема заключалась в том, что логика расширения ЕС в постбиполярную эпоху оказалась абсолютно неприемлемой для России [Maas 2016].

Возможно, сейчас, с высоты прошедших десятилетий, мы можем назвать надежды и чаяния Москвы на структурные преобразования европейской системы обеспечения безопасности наивными и простодушными, однако поначалу, сразу после окончания холодной войны, они действительно базировались на достаточно прочном фундаменте — на общей нормативно-правовой базе и сходных интересах двух частей континента. Впрочем, достаточно быстро возник конфликт между двумя разными — если не сказать прямо противоположными — логиками и моделями интеграции: территориальным расширением ЕС и его институциональной трансформацией. К сожалению, взаимовыгодного компромисса в сфере

углубления европейской интеграции так и не было найдено, что обусловило отчуждение и дальнейший разрыв отношений между двумя сторонами [Forsberg, Naukkala 2016]. По сути, именно эта конкуренция двух моделей интеграции и привела к геополитической катастрофе, как только дело дошло до столкновения в том регионе, который традиционно считался для России «ближним зарубежьем» [Averge 2009]. Уже в самом этом термине заложена определенная логика конфликта, согласно которой страны, зажатые между Востоком и Западом, вынуждены выбирать свое будущее из двух конкурирующих интеграционных альтернатив.

В результате вместо долгожданного урегулирования ситуации в Европе после 1989 г. возобладали логика территориального расширения существующих интеграционных институтов, причем данное положение относилось не только к ЕС, но и к НАТО — двум структурам, которые вместе и составляют ядро системы евроатлантической безопасности, т.е. исторического Запада. Территориальное расширение означало не что иное, как распространение на новые регионы Европы уже существующего порядка вещей со всеми его недостатками, историческими предрассудками и багажом холодной войны, тогда как иная альтернатива — структурная трансформация и взаимная адаптация, на которой настаивали сначала советские, а затем и российские лидеры, — в итоге была отвергнута. Российское руководство надеялось, что присоединение России к историческому Западу приведет к образованию «Большой Европы», сотрудничество в рамках которой будет основано на диалоге и учете взаимных интересов. Возможно, это была достаточно наивная и идеалистическая позиция, из-за которой М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин подвергались серьезной критике у себя на родине, однако стоит признать, что подобный идеализм был вполне уместным, поскольку теоретически использование подобного подхода могло бы повлечь за собой преодоление тяжелого наследия холодной войны, выражающегося в разделении Европы между Востоком и Западом. Впрочем, стоит признать, что некогда, спустя десятилетие после окончания Второй мировой войны, подобный идеализм оказался отнюдь не бесполезен, породив создание прочного интеграционного объединения — Европейского экономического сообщества (ЕЭС) [Laughland 1998].

Однако в последние годы холодной войны ситуация сложилась совершенно иначе: мнимые «победители» в глобальном противостоянии, опасаясь институционального и нормативного ослабления ЕС, приняли решение укрепить собственные позиции не путем структурной трансформации интеграционного блока, а посредством его территориального расширения. Фактически это означало, что ЕС так и не сумел отбросить тяжкие пережитки и предрассудки эпохи холодной войны и в результате оказался закованным в кандалы тесной системы евроатлантической безопасности. В свою очередь, данный прискорбный факт полностью исключал возможность дальнейшего развития ЕС в качестве самостоятельного центра силы в международных отношениях, а также препятствовал формированию единой, общеевропейской повестки дня по самому широкому спектру вопросов.

Именно этот процесс и назван в настоящей статье «инволюцией». В биологии под инволюцией понимается ситуация, когда организм по тем или иным причинам замыкается в себе и начинает уменьшаться в размерах, т.е. фактически речь идет

о феномене, полностью противоположном процессу эволюции. Ранее данный термин был использован для объяснения распада Советского Союза [Questioning Geopolitics... 2000] и анализа быстрого краха российской экономики в 90-х гг. XX в. В частности, М. Буравой [Burawoy 1996] утверждал, что российская экономика подорвала собственные силы, начав перераспределение средств из производственного в торговый сектор.

Обращаясь к феномену инволюции ЕС, мы сразу же сталкиваемся с тремя взаимосвязанными моментами. Во-первых, необходимо подчеркнуть, что в 1990-х гг. вопрос зачастую ставился с точки зрения либо «территориального расширения», либо «структурного углубления» европейской интеграции, однако в конечном итоге значительные изменения произошли и по одному, и по другому направлению. Так, последовательные волны территориального расширения ЕС привели к увеличению общего количества членов организации с 12 (на момент завершения холодной войны в 1989 г.) до 28 (27 — после «Брекзита»). Что касается углубления интеграции, то здесь мы не будем вдаваться в подробности — отметим лишь, что целый ряд договоров Европейского союза — от Маастрихтского (1992 г.) до Лиссабонского (2009 г.) — значительно расширили и видоизменили институциональную структуру ЕС. В то же время даже введение единой валюты — евро — не привело к переводу денежно-кредитной политики на общеевропейский, наднациональный уровень; и хотя британские сторонники «Брекзита» регулярно жаловались на создание европейского «супергосударства», тем не менее, следует признать, что в целом компетенции наднациональных органов Евросоюза так и не были сколь-нибудь серьезно расширены.

Во-вторых, несмотря на введение Общей внешней политики и политики безопасности ЕС (ОВПБ, или CFSP), основные решения по вопросам обороны и обеспечения безопасности по-прежнему принимались на сугубо национальном уровне, и даже робкие попытки изменить текущую ситуацию наталкивались на активное сопротивление со стороны защитников приоритета НАТО в данной сфере.

В-третьих, с точки зрения концептуальной составляющей, в период после окончания холодной войны идеологическая, или идейно-доктринальная, основа политики ЕС стала в еще большей степени неотъемлемым элементом единой евроатлантической системы. В связи с этим любые попытки выработки сколько-нибудь устойчивой и полностью независимой внешней политики ЕС сталкивались с возражениями того рода, что в перспективе подобная независимость Евросоюза от США вполне может сыграть на руку Москве. Это отнюдь не означает, что у ЕС совершенно не было собственной внешнеполитической линии по таким важным вопросам, как, например, ситуация в Палестине или Иране. Однако в целом, вплоть до недавнего времени, во внешнеполитическом дискурсе Евросоюза по-прежнему присутствовали некоторые элементы евроатлантической «дисциплины», что выражалось в очевидном стремлении Европы согласовывать свои действия на международной арене с Соединенными Штатами Америки. В частности, значительные ограничения, касающиеся сферы внешней политики ЕС, нашли свое отражение в тексте *Глобальной стратегии Евросоюза (EUGS)*, опубликованной Европейским Советом 28 июня 2016 г., т.е. всего через несколько дней после

проведения референдума о выходе Великобритании из состава ЕС («Брекзита»). Текущая ситуация с недостаточно самостоятельным внешнеполитическим курсом ЕС уклончиво характеризруется в тексте данного документа «стратегической автономией» Евросоюза¹⁰.

В то же время избрание в ноябре того же 2016 г. президентом США Д. Трампа в сочетании со слабо скрываемой неприязнью последнего к ЕС и его мнением, что блок НАТО «давным-давно морально устарел», — все это может, как ни парадоксально, положить конец периоду институциональной и концептуальной инволюции Евросоюза и дать новый импульс развитию европейского интеграционного проекта — импульс, аналогичный тому, что некогда был дан Европейскому экономическому сообществу при Ш. де Голле. В свою очередь, перспективы преодоления текущей инволюции ЕС будут более подробно рассмотрены ниже, в последнем разделе настоящей публикации.

В годы холодного мира структурная трансформация европейской подсистемы международных отношений шла исключительно медленными темпами, ввиду чего в конечном итоге возобладала иная альтернатива — а именно территориальное расширение евроатлантического блока, что повлекло за собой два ключевых последствия. Во-первых, произошла значительная радикализация евроатлантического проекта как в идеологической, так и в политической плоскостях. В частности, по словам Ч. Краутхаммера [Krauthammer 1991], установление однополярного миропорядка привело к распространению гегемонии США на территорию за пределами Западной Европы. Безусловно, это было с энтузиазмом воспринято бывшими государствами советского блока, которые ранее входили в Организацию Варшавского договора, а теперь имели возможность «укрыться» под американским зонтиком. Однако данная ситуация лишь закрепляла прежние международные паттерны и тяжкое наследие времен холодной войны, в то же время никоим образом не способствуя дальнейшему развитию европейского интеграционного проекта.

Вторым следствием того, что после окончания холодной войны возобладала логика территориального расширения, а не структурной трансформации ЕС, можно назвать очевидную инволюцию Евросоюза: метафорически выражаясь, он оказался связанным по рукам и ногам в своем собственном «коконе» — том самом, в котором он некогда появился на свет. После окончания холодной войны Москва вполне обоснованно ожидала, что именно ЕС станет ядром — своего рода сердцевинной — нового миропорядка, благодаря которому бывшие противоречия канут в Лету, а Европа, наконец, обретет полную правосубъектность и собственный политический голос. Более того, Россия сама по себе стремилась стать неотъемлемой частью нового миропорядка. Первоначальная идея российского руководства заключалась в том, что в перспективе «Малая Европа» должна эволюционировать в «Расширенную» (Wider) — и произойти это должно в первую

¹⁰ Shared Vision: Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. June 2016. P. 33. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eugs_review_web.pdf (accessed: 11.07.2018).

очередь благодаря включению России в европейскую подсистему международных отношений — например, посредством оформления между сторонами того или иного «стратегического альянса» [Бордачев 2009]. Впоследствии среди российского истеблишмента возобладала иная точка зрения, которую условно можно назвать концепцией «Большой (Greater) Европы». Данный плюралистический проект подразумевал, что в состав объединенной Европы должны входить не только ЕС и Россия, но также Турция, Украина и целый ряд иных государств региона; целью же проекта было заявлено нечто вроде создания своего рода «Соединенных Штатов Европы» [Karaganov, Bordachev 2009, 2010]. К сожалению, ни один из этих двух проектов так и не был реализован; вместо этого произошло дальнейшее укрепление евроатлантического блока, которое повлекло за собой отбрасывание России из Европы к ее евразийскому хартленду.

Когда в 1990-х гг. Россия вступила в эпоху тяжелых экономических и социальных потрясений, казалось, что ее взгляды на специфику международной среды вполне можно игнорировать. Негативная трансцендентность периода холодной войны, сохранившаяся после окончания последней и характеризовавшаяся очевидным смещением центра силы во всемирном масштабе, препятствовала сколь-нибудь серьезной структурной трансформации европейской подсистемы международных отношений, что в итоге привело к сохранению идеологии холодной войны и сформировало благодатную почву для взаимного недовольства, обид и, как следствие, возобновления глобального противостояния. При этом поддержка со стороны России идеи максимальной автономии и полной политической самостоятельности ЕС рассматривалась как попытка вбить «клин» между двумя элементами — своего рода крыльями — евроатлантического альянса, что опять же самым негативным образом сказывалось на перспективах панъевропейского объединения. Аналогичным образом Евросоюз, пребывая в ловушке своего собственного атлантического кокона, очень скоро ощутил все негативные последствия данного факта: его поступательное развитие уступило место инволюции, и вместо решения целого ряда исторических проблем континента ЕС фактически занялся сначала сохранением, а затем и углублением традиционных разделительных линий на территории Европы. Частично это прискорбное обстоятельство было связано с усилением монистического начала в международных отношениях постбиполярной эпохи. Более того, не будет преувеличением сказать, что сам по себе монизм международной среды можно рассматривать как неизбежное следствие политики территориального расширения ЕС, а не его структурной трансформации [Prozorov 2016].

Ниже мы обязательно вернемся к расширенной трактовке термина «монизм», однако в настоящем разделе статьи нам хотелось бы вкратце отметить, что данное понятие подразумевает абсолютное преобладание той или иной модели нормативного поведения, которая позиционируется в качестве всеобщей и универсальной для самых разных стран мира. Возникновение монизма в период после окончания холодной войны было в первую очередь связано с характеристиками и конфигурацией самой международной среды. При этом речь идет совершенно не о том, внес ли либеральный международный порядок во главе с США значительный

вклад в достижение всеобщего блага, так как данный факт представляется бесспорным и несомненным. Речь идет скорее о специфике взаимодействия лидеров нового мирового порядка с иными международными акторами, оставшимися за его бортом, и, в том числе, с Россией [Ikenberry 2011]. В случае с последней нормативные устремления Москвы в 1990-е гг. полностью совпадали с основополагающими принципами атлантической системы, однако как только речь заходила о соображениях власти, статуса и безопасности — все становилось гораздо сложнее. И эта проблема еще более усугубилась после прихода к власти В.В. Путина.

В конечном итоге для России цена адаптации и включения в новый миропорядок и атлантическую нормативную систему оказалась слишком высока — и в первую очередь это касалось таких сфер, как сохранение статуса великой державы и самостоятельности в принятии ключевых внешнеполитических решений, обеспечение безопасности и защита собственного суверенитета на международной арене. В этой связи представляется вполне логичным, что Россия все более активно и настойчиво стала выступать за структурный плюрализм, развитие многополярного мира и примат принципа разнообразия политических систем в глобальном масштабе [Smith 2013]. В свою очередь, критики курса Москвы столь же правомерно указывали на наличие существенного противоречия между защитой принципа плюрализма во внешней политике и построением монистической системы управления — во внутренней. В качестве ответа на данный аргумент Россия приводила тезис, характерный для концепции политического реализма и заключающийся в том, что направленность внешней политики абсолютно не зависит от особенностей внутривнутриполитического курса государства; сторонники же либеральной парадигмы теории международных отношений настаивали на обратном [McFaul 2018].

Не имея возможности согласования различных моделей континентальной интеграции, Россия и Запад вполне закономерно вступили между собой в конфликт. Экспансионистские амбиции «Малой Европы» приняли форму уже упоминавшегося ранее проекта «Расширенной Европы», который, в отличие от российской версии данного проекта, не подразумевал сколько-нибудь существенной структурной трансформации Европейского союза, а воспринимался лишь как пространственно-территориальное расширение границ «старой Европы» времен холодной войны. Это означало сохранение прежней системы международного взаимодействия со всеми ее противоречиями и дисбалансами, а также подразумевало под собой полное игнорирование культурного разнообразия и историко-национальной идентичности государств «другой (т.е. Восточной) Европы» [White, Feklyunina 2014].

В свою очередь, технократическая логика расширения «сферы влияния» ЕС полностью игнорировала негативные последствия от применения на практике подобного политического подхода. Одним из наиболее ярких проявлений данной тенденции стал запуск в мае 2009 г. «Восточного партнерства ЕС» — проекта, который в будущем станет подлинным камнем преткновения и одной из важнейших причин новой конфронтации между Востоком и Западом [Corsey, Pomorska

2014]. Кроме того, концепции «Малой» и «Расширенной» Европы столь глубоко укоренились в идеологии атлантического сообщества, что начали самым очевидным образом препятствовать дальнейшему развитию панъевропейских структур и институтов. В результате выдвинутый Москвой проект «Большой Европы», который своими корнями уходил в идею Ш. де Голля о построении единого европейского сообщества, состоящего из полностью суверенных и независимых государств-наций, так и не обрел сколь-нибудь значимой содержательной, институциональной или политической формы. В свою очередь, В.В. Путин, в общем и целом, остался верен идеализму своих предшественников, хотя и стремился обеспечить интеграцию России в расширяющееся атлантическое сообщество на более выгодных, чем предлагались ранее, условиях. В итоге абсолютная невозможность достижения данной цели породила политическую фрустрацию и разочарование. Положение усугублялось еще и тем, что новый импульс территориальному расширению евроатлантической модели был придан массовым вступлением государств Центральной и Восточной Европы в НАТО и ЕС в 2004 г., тогда как адекватной формы взаимодействия с Россией по данному вопросу выработано так и не было.

Таким образом, к 2012 г. был полностью сформирован широкий комплекс причин, способных породить новое противостояние между Востоком и Западом, ввиду чего обе стороны принялись разрабатывать новые стратегии взаимодействия в изменившейся международной обстановке. С момента возвращения на должность президента России В.В. Путина был резко активизирован проект евразийской интеграции, что в конечном счете спровоцировало конфликт с ЕС, поскольку политика расширения последнего достигла своего логического завершения — готовности к подписанию с Украиной Договора об ассоциации в Вильнюсе в конце ноября 2013 г. Еще одним шагом к глобальному противостоянию стали планы России по укреплению взаимоотношений и последующему формированию антигегемонистского блока с Китаем и целым рядом иных стран мира. В 2016 г. данный замысел обрел конкретные очертания в виде проекта «Большой Евразии», подразумевавшего сопряжение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и инициативы «Экономический пояс Шелкового пути». В результате новое разделение Европы стало свершившимся фактом, что самым негативным образом сказалось на возможностях последней выступать в качестве единого и крупного актора современной мировой политики. А не будучи таковым, Европа и вовсе грозила прекратить свое существование в качестве независимой политической единицы, т.е. раз и навсегда уйти в небытие. Европейский союз фактически утратил собственную автономную правосубъектность, ввиду чего в постбиполярной системе международных отношений вновь стал преобладать традиционный дискурс взаимодействия между великими державами. Таким образом, отсутствие компромисса между различными концепциями объединенной Европы в сочетании с торжеством проекта «Большого Запада» спровоцировало инволюцию европейского порядка и начало новой холодной войны в глобальном масштабе [Cohen 2017; Legvold 2016].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бордачев Т.В.* Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки». М.: Европа, 2009.
- Межуев Б.* «Остров Россия» и российская политика идентичности. Неусвоенные уроки Вадима Цымбурского // Россия в глобальной политике. 2017. № 2. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ostrov-Rossiya-i-rossiiskaya-politika-identichnosti-18657> (дата обращения: 20.07.2018).
- Примаков Е.М.* Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М.: Изд-во МГУ, 2014.
- Сурков В.* Одиночество полукровки (14+) // Россия в глобальной политике. 2018. № 2. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinochestvo-polukrovki-14-19477> (дата обращения: 9.05.2018).
- Averre D.* Competing Rationalities: Russia, the EU and the “Shared Neighbourhood” // Europe-Asia Studies. Vol. 61. N 10, December 2009. P. 1689—1713. DOI: 10.1080/09668130903278918.
- Baranovsky V.* Russia: A Part of Europe or Apart from Europe? // International Affairs. 2000. Vol. 76. N 3. P. 443—458. DOI: 10.1111/1468-2346.00145.
- Burawoy M.* The State and Economic Involution: Russia through a China Lens // World Development. 1996. Vol. 24. N 6. P. 1105—1117. DOI: 10.1016/0305-750x(96)00022-8.
- Clark C.* The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914. London: Penguin, 2013.
- Cohen S.F.* Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War. NY: Columbia University Press, 2009.
- Cohen S.F.* Why Cold War Again? How America Lost Post-Soviet Russia. London and NY: I.B. Tauris, 2017.
- Copsey N., Pomorska K.* The Influence of Newer Member States in the European Union: The Case of Poland and the Eastern Partnership // Europe-Asia Studies. 2014. Vol. 66. N 3. May. P. 421—443. DOI: 10.1080/09668136.2013.855391.
- Forsberg T., Haukkala H.* The European Union and Russia. L.: Palgrave, 2016.
- Fukuyama F.* The End of History // The National Interest. 1989. N 16. P. 3—17.
- Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. NY: Free Press, 1992.
- Grabbe H.* The EU’s Transformative Power: Europeanization through Conditionality in Central and Eastern Europe. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006.
- Hopf T.* Social Construction of Foreign Policy: Identities and Foreign Policies, Moscow, 1955 and 1999. Cornell, NY: Cornell University Press, 2002.
- Ikenberry G.J.* Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011.
- Itzkowitz-Shiffrinson J.R.* The Malta Summit and US — Soviet Relations: Testing the Waters Amidst Stormy Seas. New Insights from American Archives. 26 July 2013. URL: <http://www.wilsoncenter.org/publication/the-malta-summit-and-us-soviet-relations-testing-the-waters-amidst-stormy-seas> (accessed: 11.07.2018).
- Karaganov S., Bordachev T.* Towards an Alliance of Europe. Analytical Report by the Russian Group of the Valdai International Discussion Club, September 2010. URL: <http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Alliance%20eng.pdf> (accessed: 11.07.2018).
- Karaganov S., Bordachev T.* Towards a New Euro-Atlantic Security Architecture. Report of the Russian Experts for the Valdai Discussion Club Conference, November 2009. URL: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/European_security_eng.pdf (accessed: 11.07.2018).
- Kasparov G.* Winter is Coming: Why Vladimir Putin and the Enemies of the Free World Must be Stopped. L.: Atlantic Books, 2015.
- Kozyrev A.* Partnership or Cold Peace? // Foreign Policy. N 99 (Summer, 1995). P. 3—14. DOI: 10.2307/1149002.

- Kratochvil P.* The Discursive Resistance to EU-Enticement: The Russian Elite and (the Lack of) Europeanisation // *Europe — Asia Studies*. 2008. Vol. 60. N 3. P. 397—422. DOI: 10.1080/09668130801947994.
- Krauthammer C.* The Unipolar Moment // *Foreign Affairs*. 1991. Vol. 70. N 1. P. 23—33. DOI: 10.2307/20044692.
- Laughland J.* The Tainted Source: The Undemocratic Origins of the European Idea. L.: Sphere, 1998.
- Legvold R.* Return to Cold War. Cambridge: Polity, 2016.
- Maas A.-S.* EU — Russia Relations, 1999—2015: From Courtship to Confrontation. L.: Routledge, 2016.
- Matlock J.F.* Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union. NY: Random House, 1995.
- Matlock J.F.* Reagan and Gorbachev: How the Cold War Ended. NY: Random House, 2004.
- Matlock J.F.* Super-Power Illusions: How Myths and False Ideologies Led America Astray — and how to Return to Reality. New Haven and L.: Yale University Press, 2010.
- Mazower M.* Dark Continent. L.: Vintage, 2000.
- McFaul M.* From Cold War to Hot Peace: The Inside Story of Russia and America. L.: Allen Lane, 2018.
- Prozorov S.* Understanding Conflict between Russia and the EU: The Limits of Integration. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016.
- Questioning Geopolitics: Political Projects in a Changing World-System* / ed. by G. Derluguian, S.L. Greer. Westport, Conn: Greenwood Press, 2000.
- Sakwa R.* Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands. L., NY: I.B. Tauris, 2016.
- Sakwa R.* Russia against the Rest: the Post-Cold War Crisis of World Order. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- Sakwa R.* The Cold Peace: Russo-Western Relations as a Mimetic Cold War // *Cambridge Review of International Affairs*. 2013. Vol. 26. N 1. P. 203—224. DOI: 10.1080/09557571.2012.710584.
- Slobodchikoff M.O.* Building Hegemonic Order Russia's Way: Order, Stability, and Predictability in the Post-Soviet Space. Lanham, MD: Lexington Books, 2014.
- Smith M.A.* Russia and Multipolarity since the End of the Cold War // *East European Politics*. 2013. Vol. 29. N 1. P. 36—51. DOI: 10.1080/21599165.2013.764481.
- Stent A.E.* The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014.
- Towards a Greater Europe? A Continent without an Iron Curtain* / ed. by C. Crouch, D. Marquand. Oxford, Blackwell, 1992.
- Tsygankov A.P.* The Strong State in Russia: Development and Crisis. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- White S., Feklyunina V.* Identities and Foreign Policies in Russia, Ukraine and Belarus: The Other Europes. L.: Palgrave Macmillan, 2014.
- Zwolski K.* Wider Europe, Greater Europe? David Mitrany on European Security Order // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2016. Vol. 55. N 3. P. 645—661. DOI: 10.1111/jcms.12489.

Дата поступления: 02.10.2018

Для цитирования: *Саква Р.* Постъевропейский мир, или Что нас ожидает после инволюции Европы? Монизм и отношения с Россией. Часть 1 // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 837—858. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-837-858.

Сведения об авторе: *Ричард Саква* — доктор политических наук, профессор Университета Кента (Великобритания) (e-mail: r.sakwa@kent.ac.uk).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-837-858

Beyond the Involution of Europe? Monism and Relations with Russia Part 1

R. Sakwa

University of Kent, Canterbury, United Kingdom

Abstract. The crisis in relations between Russia and the European Union (EU) is part of the broader breakdown of the post-Cold War security order. This essay focuses on structural interpretation and identifies four interlinked processes shaping the crisis: tension between the logic of the enlargement and transformation; a dynamic of involution and resistance; the problem of monism, whereby the expanding self is unable adequately to engage with the un-integrated other; and the recent emergence of ‘other Europes’ that may potentially overcome involution. The erosion of the Atlantic system provides an opportunity for delayed institutional and ideational innovation.

Based on the methodology of classical realism and modern constructivist theories, the author analyzes how the lack of mutual understanding and mistakes in understanding the intentions and actions of Russia, on the one hand, and the West, on the other, led to deep structural and cognitive contradictions that managed to renew confrontation between the Euro-Atlantic bloc and Russia.

The author comes to the conclusion that the impossibility of implementing the “Greater Europe” project with the participation of Russia led to a deepening of the contradictions between Russia and the West, and also forced Moscow to look for an alternative to European integration in the “Greater Eurasia” project. At the same time, the European Union also entered a crisis stage, as evidenced by Brexit.

Key words: Russia, the European Union, monism, “Greater Europe”, “Wider Europe”, “Smaller Europe”, post-bipolar world, involution

REFERENCES

- Averre, D. (2009). Competing Rationalities: Russia, the EU and the “Shared Neighbourhood”. *Europe — Asia Studies*, 61(10), 1689—1713. DOI: 10.1080/09668130903278918.
- Baranovsky, V. (2000). Russia: a Part of Europe or Apart from Europe? *International Affairs*, 76(3), 443—458. DOI: 10.1111/1468-2346.00145.
- Bordachev, T. (2009). *New Strategic Alliance. Russia and Europe before the Challenges of the 21st Century: the Possibility of a “Big Deal”*. Moscow: Evropa. (in Russian).
- Burawoy, M. (1996). The State and Economic Involution: Russia through a China Lens. *World Development*, 24(6), 1105—1117. DOI: 10.1016/0305-750x(96)00022-8.
- Clark, C. (2013). *The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914*. London: Penguin.
- Cohen, S.F. (2009). *Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War*. NY: Columbia University Press.
- Cohen, S.F. (2018). *Why Cold War Again? How America Lost Post-Soviet Russia*. London, NY: I.B. Tauris.
- Copsey, N. & Pomorska, K. (2014). The Influence of Newer Member States in the European Union: The Case of Poland and the Eastern Partnership. *Europe — Asia Studies*, 66(3), 421—443. DOI: 10.1080/09668136.2013.855391.
- Crouch, C. & Marquand, D. (Eds.). (1992). *Towards a Greater Europe? A Continent without an Iron Curtain*. Oxford: Blackwell.
- Deluguian, G. & Greer, S.L. (Eds.). (2000). *Questioning Geopolitics: Political Projects in a Changing World-System*. Westport, Conn: Greenwood Press.

- Forsberg, T. & Haukkala, H. (2016). *The European Union and Russia*. London: Palgrave.
- Fukuyama, F. (1989). The End of History. *The National Interest*, 16, 3—17.
- Fukuyama, F. (1992). *The End of History and the Last Man*. NY: Free Press.
- Grabbe, H. (2006). *The EU's Transformative Power: Europeanization through Conditionality in Central and Eastern Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Hopf, T. (2002). *Social Construction of Foreign Policy: Identities and Foreign Policies, Moscow, 1955 and 1999*. Cornell, NY: Cornell University Press.
- Ikenberry, G.J. (2011). *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Itzkowitz-Shiffrin, J. R. (2013). The Malta Summit and US-Soviet Relations: Testing the Waters Amidst Stormy Seas. New Insights from American Archives. URL: <http://www.wilsoncenter.org/publication/the-malta-summit-and-us-soviet-relations-testing-the-waters-amidst-stormy-seas> (accessed: 11.07.2018).
- Karaganov, S. & Bordachev, T. (2009). *Towards a New Euro-Atlantic Security Architecture*. Report of the Russian Experts for the Valdai Discussion Club Conference, November. URL: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/European_security_eng.pdf (accessed: 11.07.2018).
- Karaganov, S. & Bordachev, T. (2010). *Towards an Alliance of Europe*. Analytical Report by the Russian Group of the Valdai International Discussion Club, September. URL: <http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Alliance%20eng.pdf> (accessed: 11.07.2018).
- Kasparov, G. (2015). *Winter is Coming: Why Vladimir Putin and the Enemies of the Free World Must be Stopped*. London: Atlantic Books.
- Kozyrev, A. (1995). Partnership or Cold Peace? *Foreign Policy*, 99 (Summer), 3—14. DOI: 10.2307/1149002.
- Kratochvíl, P. (2008). The Discursive Resistance to EU-Enticement: The Russian Elite and (the Lack of) Europeanisation. *Europe — Asia Studies*, 60(3), 397—422. DOI: 10.1080/09668130801947994.
- Krauthammer, C. (1991). The Unipolar Moment. *Foreign Affairs*, 70(1), 23—33. DOI: 10.2307/20044692.
- Laughland, J. (1998). *The Tainted Source: The Undemocratic Origins of the European Idea*. London: Sphere.
- Legvold, R. (2016). *Return to Cold War*. Cambridge: Polity.
- Maas, A.-S. (2016). *EU — Russia Relations, 1999—2015: From Courtship to Confrontation*. London: Routledge.
- Matlock, J.F. (1995). *Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union*. NY: Random House.
- Matlock, J.F. (2004). *Reagan and Gorbachev: How the Cold War Ended*. NY: Random House.
- Matlock, J.F. (2010). *Super-Power Illusions: How Myths and False Ideologies Led America Astray — and how to Return to Reality*. New Haven, London: Yale University Press.
- Mazower, M. (2000). *Dark Continent*. London: Vintage.
- McFaul, M. (2018). *From Cold War to Hot Peace: The Inside Story of Russia and America*. London: Allen Lane.
- Mezhuyev, B. (2017). “Island Russia” and Russia’s Identity Politics. *Russia in Global Affairs*, 2. URL: <http://eng.globalaffairs.ru/number/Island-Russia-and-Russias-Identity-Politics-18757> (accessed: 20.07.2018).
- Primakov, E.M. (2014). *Challenges and Alternatives to a Multipolar World: the Role of Russia*. Moscow: MGU publ. (in Russian).
- Prozorov, S. (2016). *Understanding Conflict between Russia and the EU: The Limits of Integration*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Sakwa, R. (2013). The Cold Peace: Russo-Western Relations as a Mimetic Cold War. *Cambridge Review of International Affairs*, 26(1), 203—224. DOI: 10.1080/09557571.2012.710584.
- Sakwa, R. (2016). *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands*. London, NY: I.B. Tauris.

- Sakwa, R. (2017). *Russia against the Rest: The Post-Cold War Crisis of World Order*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Slobodchikoff, M.O. (2014). *Building Hegemonic Order Russia's Way: Order, Stability, and Predictability in the Post-Soviet Space*. Lanham, MD: Lexington Books.
- Smith, M.A. (2013). Russia and Multipolarity since the End of the Cold War. *East European Politics*, 29(1), 36—51. DOI: 10.1080/21599165.2013.764481
- Stent, A.E. (2014). *The Limits of Partnership: U.S.-Russian Relations in the Twenty-First Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Surkov, V. (2018). The Loneliness of the Half-Breed. *Russia in Global Affairs*, 2. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinchestvo-polukrovki-14-19477> (accessed: 9.05.2018).
- Tsygankov, A.P. (2014). *The Strong State in Russia: Development and Crisis*. Oxford: Oxford University Press.
- White, S. & Feklyunina, V. (2014). *Identities and Foreign Policies in Russia, Ukraine and Belarus: The Other Europes*. London: Palgrave Macmillan.
- Zwolski, K. (2016). Wider Europe, Greater Europe? David Mitrany on European Security Order. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 55(3), 645—661. DOI: 10.1111/jcms.12489.

Received: 02.10.2018

For citations: Sakwa, R. (2018). Beyond the Involution of Europe? Monism and Relations with Russia. Part 1. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 837—858. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-837-858.

About the author: *Richard Sakwa* — PhD, professor of Russian and European politics at the University of Kent (United Kingdom) (e-mail: r.sakwa@kent.ac.uk).

© Саква Р., 2018

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-859-871

Essay on the Phenomenon of the Totalization of War

K.S. Gadzhiev

The National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences named after E.M. Primakov,
Moscow, Russian Federation

Abstract. A world free from wars and bloody conflicts was the ideal preached at all times by the best minds of mankind. But man fought in the extreme antiquity, he continues to fight in our days and, apparently, will fight while there are human communities. Representations of the types and nature of wars and armies, defense systems, means and methods of force corresponding to changing realities developed, but at all times human communities in various forms and hypostases did not consider the peace to be a supreme good. In many respects the history of mankind itself appears as an uninterrupted series of wars of tribes, peoples, nations, empires, clans, parties, etc. Some tried to subjugate foreign countries and peoples; others thirsted for military glory, while thirds considered it better to die standing, than to live on their knees. In any case, the justifications for wars always found the most convincing, since man, judging by his deeds, acted as if subconsciously guided by the Mephistophelian maxim — there is nothing in the world that is worth pity. It is also not accidental that from the earliest times skeptics never ceased to assert that *homo homini lupus est*, that is, man is a wolf to man. And from this formula followed another, no less well-known postulate — *bellum omnium contra omnes*, i.e. war of all against all.

However, this is only one side of the history of mankind. The other side is that the state of an absolute, endless war of all against all would be fraught with the prospect of mutual extermination of countries and peoples. The antithesis of war is peace, every war ends in peace, and different tribes, peoples, human societies, and states from the very beginning sought some kind of *modus vivendi*, as well as the generally accepted and respected norms and rules that ensure it.

In the present article, the author analyzes the causes and forms of the totalization of the war for the last century, especially in the context of global trends — globalization, the information and telecommunication revolution.

Key words: totalization of wars, hybrid wars, “soft power”, “hard power”, cyber wars

HISTORICAL REFERENCE

It is believed that the Great French Revolution of the late 18th century and the Napoleonic wars, when mass armies began to be created regardless of social origin and other criteria of people recruited into the armed forces, were one of the turning points in the evolution of attitudes towards the war [Kaldor 2012; Gadzhiev 2016b]. The phenomenon of so-called total mobilization of the population of the corresponding

state for the purposes of warfare gradually emerged. Well-known German military theorist of the 19th century K. von Clausewitz described emerging new type of war as “absolute war”, which became the prototype of the total wars of the 20th century. In the realities of the ever-increasing perfection of the means of warfare, the conviction was formed that the enemy poses an existential danger to the very existence of the corresponding community, which, in turn, was reduced and, in fact, the threshold for the choice of means of its destruction was erased. Already in these revolutionary wars, there had been a tendency to radicalize the war, which, first of all, was manifested in the achievement of victory at any price, which in itself presupposed the so-called Carthaginian peace, dictated by the victorious party. Gradually, as the line separating civil society and the army disappeared, the war began to be perceived as a nationwide affair, not just the military one. Perhaps the first person who voiced such a principle was the Civil War US President A. Lincoln, who stated that the goal of the war of the North against the Confederation of the Southern States “will be conquest... The South is destined to be destroyed and replaced with new judgments and ideas”. As a result, the slogan of war for the North became the “unconditional surrender” of the South [McPherson 1988: 558].

The industrial revolution of the 19th century and the scientific and technological revolutions of the 20th century also meant revolutions in the sphere of military affairs. First of all, there was a large-scale industrialization of the preparation and conduct of the war. The very imperatives of modern warfare required huge spaces, expanding zone of potential military operations. Giant armies demanded the creation of giant infrastructures of the military-industrial complex, as well as corresponding systems for supplying military equipment, ammunition, spare parts, uniforms, food, human resources, communication systems, etc. In the result danger of harm to civilians increased. Gradually, the instrument of death had become total since if the wars in the past were usually conducted by the forces of professional armies, and often did not affect the majority of civilians, now for the achievement of victory, the rearward is becoming no less important than the direct battlefield itself.

Consequently, an indispensable condition for achieving victory was the defeat of the enemy’s rearward; coverage by military operations and the destruction of peaceful towns and villages, industrial centers, purely civilian objects. The emergence of aviation, and then of nuclear weapons, as well as of means for their delivery over long distances, literally revolutionized this sphere, effectively erasing the line of delimitation between theaters of war and civil structures, turning the whole territory of the belligerent countries into a continuous theater of military operations, into the arena of mass atrocities [Kaldor 2018].

Already the World War I, which began in Europe and was the core of the world order of that period, could not but acquire a worldwide scale and turn into a long years of unprecedented destruction and devastation. It became obvious that the territory of Europe is too small for war. Therefore, it is not surprising that new theaters of military actions arose: Turkish, Syrian, Palestinian, Arabian, Mesopotamian, etc. Sea battles were fought in all the seas that washed Europe, the Atlantic and Indian oceans, off the coast of Latin America. In other words, the war turned into a world war.

Here it is worthwhile noting that, as applied to war, totality can be interpreted in a narrow and broad sense. In a narrow sense, we are talking mainly about inter-tribal and inter-ethnic wars, which by modern standards could be called small or local wars, where each of the opposing sides was guided by the installation to destroy not only the armed forces, but also the peaceful population of the enemy, infrastructure of his life. As not without reason, the paleoanthropologist L. Keeley believed that man in pre-historic times often waged wars by radical means, pursuing the goal of enslaving or completely destroying the hostile group [Keeley 1996]. In this sense, to consider total war as anomaly, characteristic only for the present, it would not be entirely correct.

In a broad sense, we are talking about modern wars that cover huge areas, huge masses of armies, peoples, states and regions, wars in which the borders between armed forces and civilians, between the front of the military actions itself and rearward are almost completely erased. The theater of military operations is essentially all the spaces occupied by peoples and states involved and to some extent not involved in military actions. The range of military aviation has significantly increased; the submarine fleet has gained an ever-increasing role in the fight against the surface fleet. Impressive changes have occurred in systems of warfare on land, which made it possible to achieve large-scale lightning strikes that Alexander the Great, Caesar, Napoleon and even the warring powers during the World War I could not even dream of. We are talking about the grand victories of the Wehrmacht in the first half of the war and the equally impressive victories achieved by the Allies over the Axis countries in the second half of the war. Moreover, the total military conflict in the 20th century cannot be solved by any one or several strikes of millions of soldiers and the most advanced weapons.

One of the first theorists who more or less clearly formulated this phenomenon was the German general E. Ludendorff, participant of the World War I. As the starting point of his arguments, he took the idea of an absolute war by K. von Clausewitz, who believed that war could become absolute in two cases. Firstly, when the military assumes the functions of political leaders, and soldiers take on the conduct of a war, the main goal of which is the total annihilation of the enemy. Secondly, when the same goal is set by the politicians themselves, seeking to remove the enemy by completely destroying it. From the arguments of K. von Clausewitz, it can be assumed that for this purpose he meant the continuation of the military conflict until one of the parties involved in it reach a kind of Carthaginian peace.

With the experience of the World War I, E. Ludendorff declared Clausewitz's ideas obsolete and advanced his own concept of total war. In his opinion, the times of office wars became the property of the past due to participation in the conflict of people not only due to compulsory drafting into the army, but also direct or indirect participation of civilians. While Clausewitz saw the main goal of the war in the destruction or neutralization of the enemy's military forces alone, the total war, according to Ludendorff's vision, is aimed at the total annihilation of the enemy, including the civilian population. Ludendorff recognized that the use of chemical gases or the bombing of settlements did not conform to the rules of warfare prescribed by the law of peoples. However, the "reality of the moment" is higher than the "old platitudes". As the conditions of war change, especially after the World War I, "it is necessary that the relationship

between politics and military strategy to be modified”. Moreover, E. Ludendorff argued, that it is necessary to invert the position of K. von Clausewitz, who proposed to subordinate the point of view of the military to the point of view of politicians. Since total war encompasses all spheres of life, and not only purely military aspect, it is the military leadership that must “establish directives to which, in the interests of total war, politics must adapt” [Ludendorff 1936: 10]. Thus, Ludendorff quite rightly focused on the fact that war in the 20th century was an event designed to eliminate not only the military forces and the enemy’s military machine, but also its human resources and economic infrastructure.

Hence, such notions as a total war, total mobilization, unconditional and complete surrender, victory at any cost, etc. become common in the characterization of the World War II. All parties involved in it have ceased to follow the principle formulated in modern times — not to make the enemy more evil than the goals of war require. What distinguished the first and second world wars from all previous wars, so it is the obsession of all, military and civilians, the idea of victory at any cost. In the very intention to start and conduct a war, the principle that the end justifies the means is implicitly laid. Here its final expression was received in the chair stating that the winners are not judged. The fact that the World War II turned into mass atrocities is hardly appropriate to question. Here it suffices to emphasize that in the name of a complete and final victory over the enemy, each of the parties showed a readiness not to reckon with the losses among the civilian population, however colossal they were. The reverse side of this obsession was just the same existential fear of failing and paying for the consequences of the war. As a result, for all parties the compromise became a sign of failure and defeat, the Carthaginian peace became the slogan of the day, which gained legitimacy, thanks to the results of the Nuremberg trial.

After the emergence of nuclear missile weapons key actors of world politics, first of all, the leaders of the nuclear powers themselves, recognized the need for a substantial reassessment of the well-known formula of K. von Clausewitz: “War is the continuation of politics by other means”. It became obvious that a sensible policy designed to realize national interests on the international arena could not allow the use of nuclear weapons possessing a monstrous force of destruction. Some of the most perceptive creators of nuclear weapons, at any rate, were implicitly aware of its significance from the perspective of war and peace. Already in 1943 in Los Alamos, N. Bohr, who took part in the creation of the first atomic bomb, said: “The new weapons will not only change the character of future wars, but will also force mankind to give up the age-long habit of fighting”. In 1945 he was echoed by L. Szilard, who in particular expressed: “As soon as the Russians have an atomic bomb, a long-term armed peace will be established”.

Indeed, during the Cold War nuclear weapons playing the role of an effective instrument of mutual deterrence of the two superpowers, demonstrated the limitations of their capabilities in implementing many other goals traditionally resolved with the help of military power. This state of affairs was the result of an awareness of the fact that, like every other historical epoch, the nuclear-cosmic age also has specific laws and tendencies. The scientific and technological progress of the postwar decades had as a result a qualitative change in the geographical factors of the existence of most countries

and peoples of the world. It introduced significant amendments to the traditional understanding of national-state security. Of no less importance was the awareness by the leaders of all great powers of the obvious fact that nuclear war poses a threat to the very existence of mankind, that with the creation of nuclear weapons, it is no longer just about improving the means of warfare, not just about the increment of military power, but about a qualitatively new factor, way to change the very nature, principles and norms of warfare, a factor capable of making reality a legend about the apocalyptic end of humanity. Therefore, a kind of nuclear taboo was gradually asserted in relations between the two superpowers or military-political blocs.

In other words, nuclear weapons contributed to the globalization and totalization of mutual fear. Constantly feeling the double-edged nuclear sword punishing all indiscriminately, mankind demonstrated its ability to resist the temptation to pronounce sacramental *alea jacta est*, i.e. the die is cast — to cross that fateful frontier, that Rubicon which would plunge him into a global catastrophe. Moreover, nuclear weapons, taken by them, became the main factor preventing its use by any one of the parties. It was the infrastructure on which the Cold War began on a worldwide scale and at the same time had become a block on the way to turning the Cold War into a hot war.

TOTALIZATION OF WAR IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION AND INFORMATION REVOLUTION

At the same time, it must be acknowledged that globalization and the information and telecommunications revolution gave birth to new challenges to national and international security, which in turn became a factor in the emergence of new forms of answers expressed in qualitatively new forms of conflict and war. They together became the basis for expanding the field, spheres, forms, means of their totalization.

When the Berlin Wall fell on November 9, 1989, a lot of people believed that in Europe, and indeed in the world as a whole, there would finally come a period of harmony and order. There was a conviction that the tendency for approval of democracy in an ever growing number of countries and regions would ultimately lead to a radical change in the very nature of intra- and foreign-policy relations on a global scale. Its main result, according to many liberal researchers and observers, will be the disappearance of wars from the life of mankind due to the formation of an international system based on the fundamental ideological, social and economic transformation of the modern world along the lines of a market economy and political democracy.

However, the realities of the modern world refute such hopes. It is regrettable to note that the radical transformations of the last decades have not reduced the risk of wars and armed conflicts. It was found that the expansion of the range of distribution of values, institutions of political democracy does not always and necessarily lead to the establishment of democratic principles in the inter-state relations. Moreover, at first glance, the paradox is the fact that simultaneously with the increase in the number of states, as if emerging on the track of democratic development, the number of countries where the dormant forces of intercommunal, ethnic, tribal, clan, confessional and other adherents came to the surface and xenophobia [Gadzhiev 2016a]. They serve as a breeding ground for the unleashing of ethnic and territorial conflicts, civil, religious and inter-

state wars, which, in the context of globalization and the information and telecommunications revolution, acquire new forms compared to even the recent past forms.

As a result, the phenomenon of totalization of fear, contradictions, conflicts, wars has become widespread, giving rise to an ever-increasing influence on the foreign policy of the great powers. In all periods of history, the empire grew its power, above all, at the expense of territorial claims. And nowadays its external stimulus, the generator of vital energy, remains an external expansion, which can be called the alpha and omega of self-determination and the existential basis of the empire. The possibilities of territorial claims have disappeared, as shagreen skin reduces the opportunities for economic expansion.

It became obvious that in modern conditions the most important characteristics and priorities of world politics are not always and not necessarily determined and transformed with the help of bombs and bayonets, through military triumphs and surrender. The issues concerning the terms of trade, the flow of resources — finances, technology, goods, services, etc., are becoming increasingly important. Increasingly, disputes between states are resolved with the help of interest rates, exchange rates, the competitiveness of the national economy in world markets, and so on. Cardinal changes sometimes declare themselves without any visible sensations, or in other words, on the geopolitical horizon, the so-called black swans may appear, as it were, unexpectedly for all subjects of world politics.

There is an obvious trend of increasing the role of the cultural, information and ideological component in world politics, primarily in the foreign policy strategy of the great powers. The influence of culture on world-wide socio-economic processes, on the character of inter-state relations, has become unprecedented, it has become one of the effective instruments of foreign policy and an effective means of fighting for national interests. The roots of such tendencies go back to the theory of cultural hegemony, which was developed by one of the founders and ideologists of the Communist Party of Italy A. Gramsci in the 1930s. Its essence consisted of the thesis that, in order to win the struggle for political power, it is necessary first of all to win hegemony in the cultural space. The notions of “cultural dominance”, “cultural hegemony” took an appropriate place in geopolitical vocabulary, strengthening the ideological component of the global information space. Cultural expansion has become one of the key attributes of imperial power, the most important tool for advertising and disseminating relevant values, institutions, the image and philosophy of life, and ideas about the future.

The American neoconservatives of the first wave of the 1980s, such as I. Kristol, N. Podgoretz, D.P. Moynihan, J. Kirkpatrick, etc. distancing themselves from traditional conservatives who denied the need for any ideological constructs, advocated the re-ideologization of politics and ideological rearmament of the US foreign policy strategy. As if to paraphrase the above thesis of A. Gramsci in their own way, they stated that for the conquest of power and influence in the world community, especially for gaining and retaining the leading positions, or hegemony in the world, it is necessary to secure an ideological, ideological-information hegemony. I. Kristol declared that “non-ideological policy is an unarmed policy”.

Following this attitude, the leadership of the West, first of all, the US seeks to establish its dominant position on the world cultural and information-ideological space. As noted by the former employee of the B. Clinton administration, D. Rothkopf, in the era of information technology, the main task of US foreign policy should be to win the market of global information flows. The US must achieve domination similar to that once owned by Britain at sea. In his words, “it is in the economic and political interests of the United States to ensure that if the world is moving toward a common language, it will be English; that if the world is moving toward common telecommunications, safety, and quality standards, they will be American; that if the world is becoming linked by television, radio, and music, the programming will be American; and that if common values are being developed, they will be values with which Americans are comfortable” [Rothkopf 1997: 45—46]. And in such a policy, Rothkopf saw the benefit not only for America itself, but for the rest of the world. In other words, “what is good for the United States of America is good for all mankind!”

Obviously, the main goal is no less than a change in the mentality itself, the mental or paradigmatic foundation of life of the entire non-Western world. Together with culture, ideas, ideology, they try to export and impose not only entertainment, but also values, attitudes, stereotypes, image and philosophy of life on other peoples. For example, justifying the participation of Great Britain in the aggression against Iraq, T. Blair, being the Prime Minister of this country in particular asserted that the struggle is not just about security and military tactics, “the struggle is one about values. Our values are our guide. Our values are worth struggling for. They represent humanity’s progress throughout the ages. At each point we have had to fight for them and defend them. As a new age beckons, it is time to fight for them again” [Blair 2006]. In his words Afghanistan and Iraq are the necessary starting points for this battle. However, success there must be combined with the bold and consistent advancement of global values under the leadership of Washington. Continuing this thought, he wrote: “The situation we face is indeed war, but of a completely unconventional kind. And it can’t be won in a conventional way. We will not win the battle against global extremism unless we win it at the level of values as much as force. We can only win by showing that our values are stronger, better and more just than the alternative. That also means showing the world that we are even-handed, far and just in our application of those values”. Hence, the key meaning of these interventions was not just a change in the regimes, but a change in the value systems that guide the respective countries. “If we want to protect our way of life, — he continues, — then there is no alternative but to fight for it. It means defending our values not just in our countries, but throughout the world” [Blair 2006].

This attitude took a fundamentalist coloring from the current American neoconservatives, which, unlike their predecessors of the 1980s, are usually called neocons. Acting as the main developers of the ideological substantiation of the foreign policy course of the G.W. Bush administration, they took on the task of ideological justification of the policy of exporting the so-called democratic revolution and human rights throughout the world. It was directly said that the purpose and predestination of this task is to change the mentality and values of those countries that are considered to be the object of such export.

In this context, one can interpret the idea of so-called “soft power” which gained wide popularity in military-political, scientific and journalistic literature. It covers the whole complex of resources, state funds, not connected with military force or “hard power”, but closely related to it and complementing it. If “hard power” is intended to punish and intimidate the enemy with weapons, “soft power” is called upon to draw him to the right path or, at any rate, neutralize him with a peaceful, bloodless, as they say, non-lethal means and methods.

The basis of “soft power” is culture and values, ideas, symbols, myths, etc. “When you can motivate others to want what you want yourself, — one of the authors of this concept, J. Nye, points out, — it’s cheaper for you to get the whips and spices needed to move people in the right direction. The temptation is always more effective than coercion, and such values as democracy, human rights and individual opportunities are deeply seductive. But attraction can turn into disgust if there is arrogance or hypocrisy in politics” [Nye 2004].

These processes, trends, attitudes, strategies, symbiosis of “soft” and “tough” version of force have been most fully expressed in so-called “hybridization” of war or, more simply, in “hybrid wars”. Despite a very short period of this concept, it was firmly established not only in scientific and journalistic literature, in media and political practice, but also in official documents reflecting the policies and conduct of states on the international arena. Thus, at the meeting of the Council of Foreign Ministers of NATO, held on December 1, 2015 in Brussels, “Strategy of hybrid wars” was adopted for the first time. NATO Secretary General J. Stoltenberg noted that “the hybrid war covers a wide range of different types of military operations... This term is used to describe a combination of military and non-military means, hidden and open operations... This is a combination of various civil and military techniques”. According to him, the example of “hybrid war” is the actions of Russia, which led to the “annexation of the Crimea”, as well as its actions in the Donbass¹.

From this point of view, the position of the Chief of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, V.V. Gerasimov, who wrote in Military Industrial Courier on February, 2013 that in the 21st century wars, which he called “hybrid”, rely on unconventional “asymmetric” funds in order to create a “permanently operating front in the whole territory of the opposing state”. In his opinion, in these wars “the role of non-military methods in achieving political and strategic goals has increased, which in some cases have considerably surpassed the strength of weapons in their effectiveness”. Their peculiarity Gerasimov sees “in the tendency to erase the differences between the state of war and peace. Wars are no longer declared, but when they start, they do not follow the pattern that we are accustomed to”. As a typical example of such wars, he pointed so-called Arab Spring, or “color revolutions” in the Middle East and North Africa².

¹ Quoted by: Polunin A. NATO: Direction to Hybrid War. URL: https://www.discred.ru/news/nato_kurs_na_gibridnuju_vojnu/2015-12-01-17484 (accessed: 12.09.2018). (in Russian).

² Quoted by: Akopov P. Building of Western Russophobia Began to Crumble. URL: <https://vz.ru/politics/2018/3/10/911616.html> (accessed: 12.09.2018). (in Russian).

“Hybrid wars” become a reality that is difficult to deny and which requires studying their essence and the possibilities of opposing them in upholding Russia’s national interests. Any war is the result of political decisions to achieve political goals. In this sense, “hybrid wars” do not at all abolish the fundamental causes, nature, goals of traditional wars. The essence of wars and new armed conflicts, as before, remains a struggle for power, their “creators” and “drivers” are the political elites of states, and the war itself remains a continuation of politics by other means [Tsygankov 2015].

At the same time, today’s conflicts are characterized by such features as the participation of non-state actors, mercenarism, the privatization of violence, ethnic and religious contradictions, the combination of the newest and most archaic means of opposition, new forms and means that go beyond the framework of the traditional appearance of war. Methods combining support for existing armed conflicts, ideological aggression, economic sanctions, attempts at political isolation with the search for new internal political vulnerabilities, the use of advanced information technologies, pressure on allies and so-called “third countries” play an important role.

The peculiarity of hybrid wars, in comparison with traditional wars, is that it applies the whole range of available military and non-military forms, means, methods and technologies of ideological, information, cultural, economic, geo-economic, political, and geopolitical and other manifestations of confrontation. Part of the hybrid wars are scandalous caricature provocations — these products of unlimited freedom of speech, which in fact serve as one of the manifestations of the propaganda of racism, xenophobia and other forms of political and ideological fundamentalism, not unlike radical Islamism.

Their manifestation can be considered widespread in the process of preparation for the Winter Olympics in Sochi in 2014, large-scale attempts to discredit and abolish it, as well as the so-called anti-doping campaign against Russia in their politicized version in winter and summer of 2016, etc. In the same vein, it is possible to consider the large-scale information and propaganda campaign for its abolition, which has not ceased during the whole period from the moment of choosing the place where the World Football Championship was held in Russia on March 18, 2009, until its completion on July 15, 2018.

In fact, the web of the Internet has become a kind of infrastructure of some single world cyberspace, which is turning into an arena of a qualitatively new form of information and ideological rivalry. In this space unfold bloodless, not directly associated with human casualties, but fraught with serious unpredictable consequences of the war, in which cyber-weapons play an ever-increasing role. One of the most important means in these wars is the spread of so-called fake news. Propaganda, cyberattacks, information and ideological sabotage, such as, for example, the cases of Litvinenko and Skripal, become more and more important.

There are developing cyber-bombs, digital bombs, deployed in computer networks of the enemy, for the paralysis of its vital industrial facilities, systems of political, economic and military control. Here the main actors are not only states, but also detachments of burglars or just single burglars, who, gaining more and more extensive knowledge and experience in decommissioning defense and civilian facilities, can puzzle

entire countries and peoples. So-called information-hacking or hacker terrorism, aimed at hacking banking codes and introducing viruses for the disabling of computer systems and banking, stock exchange, research, management and other structures created on their basis, is getting more and more widespread that is fraught with catastrophic consequences for various objects of the national economy.

The paradox is that the vulnerability of a state becomes directly proportional to the level of its technological development. The most advanced countries in terms of technological progress are at the same time the most vulnerable to cyberattacks. This makes it possible for the subjects of world politics, which are weaker from the economic and military point of view, to cause tangible damage to stronger opponents via the Internet and other achievements of technological progress.

One of the first more or less serious example of its use on a global scale was the cyberattack on May 12, 2017, when so-called extortion virus WanaCrypt0r 2.0 infected dozens of thousands of computers in 74 countries around the world, paralyzing the work of British hospitals and Spanish companies, attacking the regional directorates of the Ministry of Internal Affairs and the Investigative Committee in Russia. Large-scale cyberattacks are almost an everyday event. Therefore, it is natural that appropriate structures for ensuring cybersecurity are created.

Putting aside many aspects that are not properly developed in domestic and foreign geopolitics, I consider it appropriate to pay attention to economic sanctions as one of the manifestations of a hybrid war in this sphere. They can be called a sanction war that leads a country or group of countries against the enemy country to destroy its economy and, accordingly, suppress the enemy's will to resist. Sanctions have become a serious and increasingly used means of political and economic pressure on the enemy. Unleashed by the West against Russia as a response to its opposition to NATO expansion, such a war is viewed as a means of suppressing its will and isolation, as if to punish the reunification of the Crimea and support the aspiration of the people of Donbass for the right to defend their vital interests. To paraphrase the famous formula of K. von Clausewitz that "war is a continuation of politics by other means" one can argue that sanctions are a form of unleashing and waging a cold war by other means. However, as the experience of the entire period of sanctions has shown, Russia has demonstrated the futility of attempts to destroy the national economy and isolate it.

Apparently, in this line, of course, not without certain reservations, we should also consider some offshoots of terrorism which are guided by the slogans of the export of the Islamic revolution, which can be considered as a response to the Western strategy of the export of the democratic revolution. The validity of this assessment can be cited by the obvious fact that, in many respects, the surge of terrorism and its spillover from the intra-country level to the international level is closely connected with the growing cultural, information, and ideological expansion of the West which was gradually supported by the build-up of military-strength means and methods of persuading the peoples of the Greater Middle East in the non-alternative nature of Western values, philosophy and way of life.

Already during the bipolar world order, with the blessing and support of the two superpowers, a kind of parallel, anonymous subject of world politics emerged, capable

of exerting a significant influence on the main trends of the geopolitical development of the modern world. The strength and danger of this kind of aggressive “world underground” in the manifestations of various subnational, national and supranational terrorist, criminal and other groups and organizations is that it does not recognize the generally accepted moral and ethical and international legal norms and constraints.

The difficulty of analyzing and finding the right assessment of terrorism is complicated by the fact that there is still no clear definition of it as a socio-political phenomenon, its essential characteristics, boundaries, components, legal status, etc. There are hundreds of definitions of this phenomenon, and the literature devoted to it is counted thousands of publications. However, this topic is, along and across, covered in Russian and foreign historiography. Here I consider it appropriate to emphasize that modern terrorism in its aims, methods and means of implementation is in a way one of the manifestations of an asymmetric response to the aggressive offensive of Western socio-cultural, political, cultural, democratic values and principles, the Western way of life itself.

Perhaps this is a kind of phenomenon, which was called “small war” in scientific literature. As the German researcher M. Hoch notes, a small war by definition knows no boundaries; all means are used brutally. It acquires features that bring it closer to the phenomenon of total war: the enemy as a whole is considered as the enemy, which becomes an object of military operations, and not only its armed forces. Obviously, even if this is a “small war”, it fits into a complex of totalization of mutual fears, threats, responses, conflicts and wars at the global level [Hoch 2011: 19].

Of course, in a short essay it is impossible to cover all forms, manifestations, aspects of such a complex problem. It seems that the reasons and arguments set forth in it give grounds for a conclusion about the totalization of contradictions, conflicts, wars on a global scale. Unlike wars that traditionally used to take place in Europe (some authors called them “European civil wars”), but now, in the increasingly accelerating processes of globalization and the informatization of the world, one can speak of civil wars of world scale, of world civil wars. It can be argued that the new world order is not built in an atmosphere of excitement from the worldwide triumph of democracy, but in conditions of instability and uncertainty, new forms of conflict, wars, terror that have come to the modern world on the wings of science, new technologies and progress. In this sense, as it were, W. Churchill’s forecast, which said that the stone age can return to us on the shining wings of science, is confirmed. It is obvious that in the foreseeable future the world does not transform into a single unified universe.

REFERENCES

- Blair, A.A. (2006). *Global Alliance for Global Values*. London: Foreign Policy Centre. URL: <https://fpc.org.uk/wp-content/uploads/2006/09/798.pdf> (accessed: 12.09.2018).
- Freedman, L. (2017). *The Future of War: A History*. 1st ed. NY: Public Affairs.
- Gadzhiev, K.S. (2016a). Hybrid Wars in the Modern World. *Vlast*, 24(10), 218—223. (in Russian).
- Gadzhiev, K.S. (2016b). Metamorphosis of Conflicts and Wars in the Modern World. *International Affairs*, 9, 129—145. (in Russian).
- Hoch, M. (2011). *Krieg und Politik im 21. Jahrhundert. Aus Politik und Zeitgeschichte*. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 11 Mai.

- Kaldor, M. (2012). *New & Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. 3rd ed. Stanford, California: Stanford University Press.
- Kaldor, M. (2018). *Global Security Cultures*. 1st ed. Cambridge: Polity.
- Keeley, L. (1996). *War before Civilization*. NY: Oxford University Press.
- Ludendorff, E. (1936). Waging Total War. *Voyenniy zarubezhnik*, 4, 10—12. (in Russian).
- McPherson, J. (1988). *Battle Cry of Freedom: The Civil War Era*. NY: Oxford University Press.
- Nye, J. (2004). “Soft Power” and US—European Relations. *Free Thought-XXI*, September 12. (in Russian).
- Rothkopf, D. (1997). In Praise of Cultural Imperialism. *Foreign Policy*, Summer, 107, 45—46.
- Tsygankov, P.A. (Eds.). (2015). *“Hybrid Wars” in a 21st Century Chaotic World*. Moscow: Moscow State University publ., 2015. (in Russian).

Received: 01.10.2018

For citations: Gadzhiev, K.S. (2018). Essay on the Phenomenon of the Totalization of War. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 859—871. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-859-871.

About the author: *Gadzhiev Kamaludin Serazhudinovich* — PhD, Dr. of Science (History), Professor, Chief Researcher of The National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences named after E.M. Primakov (e-mail: gajievks@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-859-871

Эссе о феномене тотализации войны

К.С. Гаджиев

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений Российской академии наук им. Е.М. Примакова,
Москва, Российская Федерация

Мир, свободный от войн и кровопролитных конфликтов, был идеалом, который всегда проповедовали лучшие умы человечества. Но человек воевал в глубокой древности, он продолжает сражаться в наши дни и, видимо, будет сражаться, пока существуют человеческие сообщества. Представления о типах и характере войн и армий, оборонительных систем, средств и методов ведения войны, соответствующих изменяющимся реалиям, развивались, но во все времена человеческие сообщества в различных формах и ипостасях не считали мир высшим благом. Во многих отношениях история самого человечества предстает как непрерывная серия войн племен, народов, наций, империй, кланов, партий и т.д. Некоторые пытались подчинить чужие страны и народы, другие жаждали воинской славы, в то время как третьи считали, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях. В любом случае оправдания для войн всегда находились наиболее убедительные, поскольку человек, судя по его поступкам, действовал так, как будто подсознательно руководствовался мефистофельскими принципами — в мире нет ничего, что заслуживало бы жалости. Также не случайно, что с давних времен скептики никогда не переставали утверждать, что *homo homini lupus est*, то есть человек человеку волк. И из этой формулы вытекает другой, не менее известный постулат — *bellum omnium contra omnes*, то есть война всех против всех.

Однако это только одна сторона истории человечества. Другая сторона заключается в том, что состояние абсолютной, бесконечной войны всех против всех будет чревато перспективой взаимного уничтожения стран и народов. Противоположностью войны является мир, каждая война заканчивается миром, и разные племена, народы, человеческие общества и государства с самого начала стремились к некоему образу жизни, а также к общепринятым и уважаемым нормам и правилам, которые его обеспечивают.

В настоящей статье автор анализирует причины и формы тотализации войны за последнее столетие, особенно в контексте таких тенденций, как глобализация, информационная и телекоммуникационная революция.

Ключевые слова: тотализация войн, гибридные войны, «мягкая сила», «жесткая сила», кибервойны

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гаджиев К.С.* Гибридные войны в современном мире // *Власть*. 2016. Т. 24. № 10. С. 218—223.
- Гаджиев К.С.* Метаморфозы конфликтов и войн в современном мире // *Международная жизнь*. 2016. № 9. С. 129—145.
- «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века* / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2015.
- Людендорф Э.* Ведение тотальной войны // *Военный зарубежник*. 1936. № 4. С. 10—12.
- Най Дж.* «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // *Свободная мысль—XXI*. 12 сентября 2004.
- Blair A.A.* Global Alliance for Global Values. London: Foreign Policy Centre, 2006. URL: <https://fpc.org.uk/wp-content/uploads/2006/09/798.pdf> (accessed: 12.09.2018).
- Freedman L.* The Future of War: A History. 1st ed. NY: Public Affairs, 2017.
- Hoch M.* Krieg und Politik im 21. Jahrhundert. Aus Politik und Zeitgeschichte // *Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament*. 11 Mai, 2011.
- Kaldor M.* Global Security Cultures. 1st ed. Cambridge: Polity, 2018.
- Kaldor M.* New & Old Wars: Organized Violence in a Global Era. 3rd ed. Stanford, California: Stanford University Press, 2012.
- Keeley L.* War before Civilization. NY: Oxford University Press, 1996.
- McPherson J.* Battle Cry of Freedom: The Civil War Era. NY: Oxford University Press, 1988.
- Rothkopf D.* In Praise of Cultural Imperialism // *Foreign Policy*, Summer 1997. N 107. P. 45—46.

Дата получения статьи: 01.10.2018

Для цитирования: *Gadzhiev K.S.* Essay on the Phenomenon of the Totalization of War // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 859—871. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-859-871.

Сведения об авторе: *Гаджиев Камалудин Серажудинович* — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений РАН им. Е.М. Примакова (e-mail: gajievks@mail.ru).

© Gadzhiev K.S., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-872-887

United Nations Observer Mission and ECOMOG Intervention in Liberia's Peace Process

M.A. Tijjani

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation

Abstract. The Liberian civil war which began in 1989 exhibited all the manifestations and consequences of post cold-war intra-state conflict, state collapse, ethnic conflicts and political fragmentations. The late response of the United Nations at intervening in the impasse adds a new dimension when studying the Liberian question. Therefore, this article critically examines the peacekeeping efforts and role played by the United Nations Observer Mission in Liberia (UNOMIL) and Economic Community of West African States Monitoring Group (ECOMOG) during the war. The author pays particular attention to the collaboration efforts of the UNOMIL and ECOMOG in restoring peace and stability in Liberia.

The article provides a historical background of the Liberian civil war which led to the deployment of the UNOMIL and ECOMOG highlighting the successes and failures of the UN and ECOWAS contingents as regards the rivalry that existed between the UNOMIL and the ECOMOG peacekeeping force in Liberia in the process of restoring peace and stability in the country. In exploring the ineffective international response in the Liberian crisis and the challenges ECOMOG faced in restoring a semblance of peace in the country, the author analyzes the views of various scholars on the subject as well as those of some participants and victims of the war granted in interviews after the war. A case study and concrete historical method is used in this study as well as reliance on interviews to study the various ramifications of the UNOMIL and ECOMOG interventions and the aftermath of the conflict.

The paper concludes after a thorough and tentative research on the subject matter that the UNOMIL and ECOMOG deployment and intervention in Liberia's civil war and the human rights abuses and the humanitarian assistance were during the conflict, in which some successes were recorded in the humanitarian arena largely due to ECOMOG's ability to restore a semblance of order and peace which allowed international humanitarian agencies to return to Liberia. The late political response of the UN to Liberia's crisis which was not until October 1992 impeded the effectiveness of the international response in the Liberian crisis which propelled the pivotal role that regional organizations began to play in keeping peace and ensuring security and stability on the Continent.

The plethora of scientific work and publications by scholars on the Liberian question, including those of Russian academicians is indicative of the relevance of the study especially as it pertains the lessons learned from the successes and failures of the various attempts at peacekeeping in Liberia.

Key words: Liberia, intervention, United Nations, UNOMIL, ECOWAS, ECOMOG, civil war, peacekeeping

BACKGROUND OF LIBERIAN CIVIL WAR

A large body of work has been written on the remote and immediate causes of the Liberian crisis, but one that stands out is that of either the perceived and/or real marginalization of indigenous Liberians who form a majority of the Liberian population by the minority Americo-Liberian elite. Available data preceding the war has it that

the America-Liberian elite — who are Liberians of African-American, Afro-Caribbean and liberated African descent — represented only five per cent of the total population of Liberia. However, this minority group controlled both political and economic power in the country almost with the exclusion of the majority of the citizens. It is on record that of the country's 19 presidents before the April 12, 1980 coup that brought in Samuel Doe to power, none was of indigenous Liberian extraction. In fact, 11 out of the 19 presidents prior to 1980, were born in the United States of America. This kind of arrangement led to the systematic marginalization of the indigenous Liberians. Little or no attention was paid to the needs and sensibilities of the majority, especially in areas that concern the people's laws, customs and religious beliefs.

The Americo-Liberian elite controlled effectively all the vital structures for political participation and expression of dissent in the country [Amadu 1992: 30—31]. Although the Liberia constitution makes provision for citizens numbering three hundred and above to establish a political party and compete for political power, that right was never conceded by the ruling True Whig Party (TWP) until the advent of the Progressive Alliance of Liberia (PAL), led by Baccus Mathews in 1975. The TWP remained in power for over a century, from 1878 to 1980. Yet this party was unable to respond fully to the political yearnings of the educated indigenous Liberians who advocated for political inclusion in the dealings of national affairs and resisted in no small measure the continued dominance of the Americo-Liberia political oligarchy. This reluctance on the part of the TWP to reform and accommodate the so-called “non-conformist” into its fold contributed significantly to the collapse of the first Republic in April 1980.

On April 12, 1980, a group of non-commissioned officers of Liberia Armed Forces, led by Master Sergeant Samuel Doe, staged a military coup that overthrew the Liberian government and assassinated President William Tolbert. The coup at the time was imminent and appeared reactionary to the persistent political dominance and economic marginalization of the indigenous Liberians by the Americo-Liberian elite. The general rising social discontent, and political repression both in military and in the broader Liberian society was palpable. The coup could be adjudged to have only temporarily led to an end of the political dominance by the Americo-Liberians, since the founding of the country by former/freed slaves from America in 1847.

It is important to note that Mr. Doe who became President following the coup, soon imposed a reign of terror on Liberians, especially those in the opposition. He alienated the political elite and drove many of them into exile. In an attempt to perpetuate himself in power, President Samuel Doe polarized his power base, the Armed Forces of Liberia (AFL), by recruiting and surrounding himself exclusively with his Khran tribesmen. This resulted in an insurgency by the National Patriotic Front of Liberia (NPFL) led by Charles Taylor, who could no longer bear the hardship the Doe regime brought on the people. Charles Taylor's NPFL was said to be supported by Libya, using Ivory Coast as the launching pad for the rebel forces while training took place in Burkina Faso.

The activities of the rebel forces under Charles Taylor in the late 1980s against the Doe regime precipitated the early days of the Liberian civil war. Using guerrilla war tactics with a few hundred insurgents loosely launching an offensive from Cote d'Ivoire, the NPFL although lacking organization, recruited more soldiers and formed a formidable

force that was sufficient enough to cause an upset to the government of President Samuel Doe [Maresko 2004]. Brutal fighting became inevitable from the beginning, both by the NPFL rebels and the Armed Forces of Liberia (AFL), President Doe's fighters.

The war continued for seven years, from 1990 till 1997, and is divided into three phases. The first phase was the year-long revolutionary campaign that took place in 1990, resulting in a bloody sweep across the nation led by Charles Taylor's NPFL. The second phase of the war was between 1990 to 1992 and saw the world's first regional military intervention sponsored by the Economic Community of West African States (ECOWAS) [Alao 2000: 23—25; Abiodun 1998: 23—25]. This peacekeeping force was called the ECOWAS Ceasefire Monitoring Group, referred to as ECOMOG. Phase three of the war began with the breaking of this ceasefire with what is known as "Operation Octopus". This operation began in October 1992 and was one of the most destructive periods of the war.

It is pertinent to state that the second phase of the war which saw the emergence of ECOMOG which was led by the armed forces of Nigeria. The Nigerian government then openly supported Doe's presidency and was preferential to the AFL's cause. Some scholars have posited that ECOMOG's political ties eventually lead it to enter the war almost as another military faction/wing against Taylor's NPFL. ECOMOG did, however, attain a ceasefire at the end of 1992 with all of Liberia controlled by Taylor's NPFL except the capital city of Monrovia. However, the Operation Octopus — which was a systematic break of the initial ceasefire by Taylor's forces — a surprise attack, meant to be Charles Taylor's final attempt to solidify control over Monrovia from ECOMOG led to a brutal confrontation by the two forces. ECOMOG did ultimately hold its ground in Monrovia and this move became an indication of great failure for the NPFL as the action led to a fostered unity among opposition groups and earned Taylor a poor international reputation as a result of the record of excessive human casualties. ECOMOG then launched an attack on the NPFL while re-supplying the AFL, embarking on a period of sporadic fighting amongst all factions with interludes of ceasefires until 1996. The end of the war was embodied by a controversial national election held in the 19th of July, 1997, in which Charles Taylor emerged as a new president of a frail and battered Liberia.

Suffice it to say that by May, 1990 the Liberian conflict had degenerated into an unspeakable tragedy. Thousands of people had died in conflict related situations, most of whom were civilians, and hundreds of thousands of others had been turned into refugees as a result of the war. Thousands of civilians, Liberian nationals, citizens of other ECOWAS nations, diplomats and foreign citizens were exposed to the hazards of war as well as the consequence of starvation and disease. As a result of continuing intransigence on the part of the factions and the worsening plight of Liberians, the Thirteenth Session of the Authority of Heads of State and Government of ECOWAS convened in Banjul, Gambia, in 28—30 May, 1990, under the chairmanship of Blaise Compaore of Burkina Faso to formally address the Liberian question and take an official position. It was at this meeting that President Ibrahim Babangida of Nigeria proposed the setting up of a Mediation Committee. The Standing Committee was charged with

a purely mediatory role between all factions. It was neither mandated for, nor permitted to intervene militarily in the conflict. After the Banjul summit, ECOWAS Heads of State and Government and their respective Foreign Ministers embarked on a busy marathon of meetings and consultations. Discussions were held extensively with the warring parties and with other interested Liberian groups. As a result of these rounds of consultations, a ministerial level meeting of the Standing Mediation Committee was held in Freetown, Sierra Leone, in 5—20 July, 1990. Despite these attempts, very little was achieved at this meeting, in terms of finding a solution, because the warring factions refused to put an end to hostilities. This led the West African Heads of States under the umbrella of ECOWAS Security Standing Committee to hold a meeting in July, 1990, and took a decision to establish a peacekeeping force in Liberia [Bokeriya, Tijjani 2018: 48—49]. The ECOWAS Ceasefire Monitoring Group (ECOMOG) was subsequently established with a view to bringing to an end the unwarranted killings and destruction of properties in Liberia.

ECOMOG AND UNOMIL DEPLOYMENT IN LIBERIA

The ECOMOG operation started on August 24, 1990, with deployment of 3,000 West African troops into the Liberian capital Monrovia. It was tasked with assisting the ECOWAS Standing Mediation Committee in supervising the implementation and in ensuring the strict compliance by the parties with the provisions of the cease-fire throughout the territory of Liberia [Weller 1994: 4—7]. Whilst the commander initially envisaged a six month operation, the force continued to be deployed until late 1999, and, indeed, expanded its operations into neighbouring Sierra Leone. The contributing nations and troop strengths varied, but included at one time or another Nigeria, which provided the bulk of the forces, Ghana, Guinea, Senegal, Gambia, Mali, Benin, Cote d'Ivoire, Uganda, Tanzania, Niger, Burkina Faso and Sierra Leone. In February 1995, the force consisted of 8,430 troops organised into ten battalions; of these troops 4,908 were Nigerian, 1,028 were from Ghana, 609 from Guinea, 747 from Tanzania, 760 from Uganda, 359 from Sierra Leone, and ten each were provided by Gambia and Mali¹. The force peaked at strength of around 16,000 in 1993 and by early 1997 consisted of around 11,000 troops. During the period of its deployment, ECOMOG engaged in a variety of missions including protection of humanitarian aid, disarming of factions, cantonment, mediation, and peace enforcement. ECOMOG's formal peacekeeping role ended in February, 1998, but a contingent of 5,000 remained deployed after this in a capacity-building role, helping to train the new Liberian security forces and to maintain order. Further withdrawals commenced in January, 1999 after disputes between ECOMOG and President Taylor over the treatment of ECOMOG soldiers by Liberian forces².

¹ Summary of AG-066 United Nations Observer Mission in Liberia (UNOMIL). The UN Archives. URL: <https://search.archives.un.org/downloads/united-nations-observer-mission-in-liberia-unomil.pdf> (accessed: 08.12.2108).

² Adeyemi S. Nigerian Monitoring Troops Leave Liberia // *Jane's Defence Weekly*. January 27, 1999. P. 19.

It is imperative to note that certain factors such as the increasing violence in Liberia led to the intervention by ECOMOG and UNOMIL. A case in point is the insurgency movement of the NPFL in December, 1989 led by Charles Taylor, who began an onslaught against the government of President Samuel Doe. In Just a few months of the war which took place in gross violation of international humanitarian law, there was destruction of government institutions, loss of lives and property [Alao 2000]. During this period, many opposing groups struggled for power and territory. This conflict led to the death of almost two hundred thousand people, with almost half of the population internally displaced thereby becoming refugees [Ero 1999: 176].

By May 30, 1990, the war in Liberia became a subject of serious international concern and interest at the 13th Summit of the Heads of Government of the ECOWAS member states. Nigeria from the onset advocated for military intervention as a result of the fragile security situation in the country and the deteriorating humanitarian situation therein. The decision by ECOWAS to establish ECOMOG became imminent, which was mandated to initiate the intervention in the conflict for the sole aim of putting an end to the bloodshed [Ero 2000: 46]. Besides the initial political divisions between Anglophone and Francophone memberstates of ECOWAS on the question of using military force in the intervention, some states expressed serious doubt regarding the legitimacy of the mission and its mandate. In view of this, another argument was to the effect that the ECOMOG mission was conceived to be for peacekeeping and observation and hence there was no peaceful agreement on the action of the observer group in Liberia during the introduction of the peacekeeping forces. That notwithstanding, Charles Taylor's rebels attacked the ECOMOG forces even before they were settled in Liberia; this unfortunately led to the application of force to repel the attacks. So an observer group was compelled to respond with force. The UN Security Council made known its official position on the conflict in November, 1992, that was before the adoption of the resolution 788, in response to ECOWAS request to impose an economic embargo against the warring parties in Liberia [Kufour 1993].

This resolution became the first step, made by the UN in support of the ECOMOG intervention in the Liberian civil war. In the document, the Security Council approved the actions of the regional peacekeeping forces, recognized the military attacks against it and supported that peaceful settlement to be reached with the mediation of ECOWAS. Finally it imposed sanctions on all rebels. Ammunition and military hardware were banned from entering Liberia except those meant for ECOMOG [Sesay 1995]. The adoption of this resolution is considered by many scholars as the breaking point in the politics of the UN in relation to Liberia. The appointment of a special envoy by the General Secretary of the assembly, made the UN to become an integral part of the multidimensional diplomatic efforts on the regulation of the conflict which could directly influence the peacekeeping process in Liberia. The collaboration efforts of the UN and the then Organization of African Unity (OAU) led to a situation whereby in the course of the Geneva talks, the special envoy became a catalyst in facilitating the signing of the Cotonou peace agreement in the republic of Benin in July, 1993 [Bell 2003].

Several reasons speak to the importance of the peace agreement; it took into consideration the interests of rebel groups who had been absent in previous agreements;

it considered demobilization as a first step preceding the conduct of national elections; it also compelled all warring parties to comply with the ceasefire agreement. This peace agreement was written by the Liberian national transition government in which representatives of all factions were carried along. Furthermore, in recognizing the legitimacy and authority of ECOMOG, the agreement sought to separate the responsibility for maintaining peace between the regional organization's mission — ECOMOG and the UN observer mission which was called to control the implementation of the agreement. The Cotonou agreement took cognizance of the structure of the UN mission, in order to achieve the approval of the global organization in the intervention of West African countries in Liberia. In practice, the participation of the UN in actualizing a peace process could have become the minimum price that Charles Taylor could have accepted considering his suspicion of the ECOMOG forces, dominated by Nigerian forces.

The UN Security Council finally approved the establishment of the UN Observer Mission in Liberia (UNOMIL), which took place in September, 1993, two months after the signing of the Cotonou agreement and over three years after the military expedition of ECOMOG in Liberia. Suffice it to say that UNOMIL wasn't just a peacekeeping force, but an observer mission with a peculiar task of monitoring and controlling the regional peacekeeping forces. It was a mission established based on a peaceful agreement with a task to increase the authority of the Peacekeeping activities in Liberia. In other words its factual role was to show the involvement of the UN in resolving the Liberian conflict and put an end to the situation where the international community ignored the crisis and also further reduce the suspicion of the rebel factions towards the ECOMOG forces. It is pertinent to note that UNOMIL was able to successfully execute some of the tasks placed in its mandate; the presence of the force attracted the attention of the international community in the Liberian armed conflict, a result of which significantly increased the support of regional forces and expanded the international legitimacy that the force came to enjoy which it didn't have at the onset.

The Cotonou agreement regulated the functions of the two organizations. ECOMOG was responsible for the realization of a ceasefire agreement and disarmament, whereas UNOMIL conducted monitoring activities of the regional organization. On the basis of the agreement, UNOMIL and ECOMOG functioned as two separate peacekeeping operations under the leadership of two independent organizations. Each mission needed to establish its path of joint collective consultation and personal method of conducting its operation. ECOMOG was responsible for ensuring the safety of observers and civilian personnel of UNOMIL. During military operations in a certain region for instance, UNOMIL personnel had to be temporarily evacuated from such a region. ECOMOG had to at all times guarantee the safety of the UNOMIL observers and other UN personnel in the war zone of Liberia. Such an arrangement of structural operation came for hope and confidence. Performing the task of controlling the UN mission was relatively small and as such exempted it from the financial and personnel responsibilities. Nevertheless, considering the few number of unarmed UN observers, many doubted the prospects of the mission.

OPINIONS OF SOME PARTICIPANTS AND SCHOLARS ON THE LIBERIAN CIVIL WAR

Having discussed the various ramifications and role played by the two major peacekeeping forces in the Liberian civil war, it is imperative to provide a detailed account of the views of some participants of the crisis, which is aimed at critically analyzing the facts and figure as well as the real and remote consequences of the war. Opinions of real actors of any dispute, in my view is paramount in understanding the remote and immediate causes of the dispute, role played by warring factions as well as drawing significant lessons there from.

Samuel Kofi Woods, a leading Liberian human rights activist, academic and politician who documented the atrocities and human rights abuses recorded during the Liberian civil war in his various interviews had very important opinions about what really transpired in the Liberian crisis. In one of his interviews [Seroo 2000], Mr. Woods narrated the wanton killings and human rights abuses that characterized the war period by both government and rebel forces concluded that he “saw a society yearning to be convinced about the essence of conviction... A society where there was a vacuum... A society that required more sacrifice...”. Because he believed that life means nothing if the pursuit of the truth cannot be achieved³. He was convinced that without reconciliation and truth no meaningful peace can be achieved in a sustainable way [Petrasek 2000].

It was upon this conviction that Kofi founded the Catholic Justice and Peace Commissions in Africa, through which he was able together with his contemporaries to provide free legal service to people who cannot afford legal fees for their defence as well as represent journalists and political prisoners. Factional leaders of the crisis who suffered illegal detention also benefited from this Commission just like people who were killed or reported missing [Dennis 2005]. The relative peace and the transition to a true democratic dispensation today in Liberia could be attributed to the radio programs on human rights and reconciliation and peace building advocacy of Kofi and his group.

In a similar light, renowned academician W.C. Waugh provides a detailed account of the Liberian crisis, including the move from the dictatorship to anarchy in the Liberian society. He just like Kofi Woods, held the view that the dictatorial methods of administration of both President Doe and President Taylor, led to the implosion in the Liberian society. He also strongly believed that ethnicity played a critical role in sustaining the morale of the warring factions as hate and division was used to sustain the insurgents [Waugh 2011]. He concludes in his work that the legacy of the Liberian revolution provides a hard lesson to African states that dictatorship leads to anarchy eventually and ethnic bigotry always almost escalates disputes or disagreements and must be avoided at all times as far as governance and inclusiveness in governmental affairs is concerned [Adebajo 2003].

D. Harris [Harris 2011] examines the post-conflict era of Liberia and the transition to democracy and concludes that political solutions rather than legal solutions were more

³ Harmon W.Q. “Liberia’s Democracy Still Under Threat” — Kofi Woods. Daily Observer. URL: <https://www.liberianobserver.com/news/liberias-democracy-still-under-threat-kofi-woods/> (accessed: 07.12.2018).

important in helping Liberia and Sierra Leone curb deal with post-conflict realities. It was as if D. Harris was speaking against the sustained tribunals and legal proceedings that sought justice for the victims of the war through prosecuting the major actors of the conflict. It will be fair to conclude that Harris as much as he believed in the importance of justice, truth and reconciliation as postulated by Kofi Woods, he had a strong believe that political solutions, through inclusive policies and inclusive political participation in the affairs of the state will guarantee sustained peace [May, Furley 2016: 11—22].

Russian scholar T. Deich of the Russian Academy of Sciences alludes to the failure of the UNOMIL due to the reluctance and delay in the intervention to the conflict. She suggests in her work that a better cooperation mechanism between the UN and ECOWAS forces would have help to avoid the blood that characterized the Liberian civil war [Deich 2007]. She shares the sentiment that a regional approach is more effective in tackling regional security issues.

Similarly, S. Bokeriya [Bokeriya 2013] opines that intergovernmental cooperation for security and human rights protection are getting more important, especially in the peace process.

Renowned Russian expert on African Studies, A.L. Emelyanov, states in his expose on conflicts in Africa, that the perennial conflicts on the continent including those in Liberia and Somalia are not unrelated to the complex nature of the ethnic and religious compositions of African populations as well as the legacy of the artificial borders and demarcations since the Berlin conference of 1885. He however suggests that the inevitability of conflict in Africa can be mitigated through sustained efforts at peacebuilding and inclusiveness in running the affairs of African societies [Emelyanov 2011]. This sentiment is shared by other Russian academicians [Sidorova 2011; Kostelyanec 2010; Denisova 2015], who have dedicated their works to African studies especially in the Institute of African studies of the Russian Academy of Sciences.

As stated in the introduction of this paper, the volume of work from Russian scientists and interest in the affairs of African societies especially as it concerns peacebuilding makes the question under study critical and topical. The views and perspectives of these authors helps us to understand the problems and real issues in the conflict which will serve as a compass for academicians and policymakers in drawing up frameworks for sustainable peace and development.

THE RIVALRY BETWEEN UNOMIL AND ECOMOG IN RESTORING PEACE IN LIBERIA

It is important to note that the rivalry that characterized the Liberian peace process provided the world with great lessons to learn in terms of the importance of partnership and collaboration when dealing with security issues. This is because the absence of cooperation impeded greatly the Liberian peace process.

The working relation between the two peacekeeping forces suddenly deteriorated. The bigger and more robust ECOMOG group by virtue of its number and ammunition, dictated to the UN observers routes for movement, leaving them at safe posts and demanding them to respect the curfew imposed at night time, regardless of the preliminary talks regarding the freedom of movement for observers around the entire Liberian

territory. Actually these forces didn't always work in unison. The UN missions were always moved without the adequate preliminary safety provisions by the ECOMOG forces, as a result the UN observers sometimes risked being kidnapped or attacked. This arrangement had a negative impact on the perception of the local population about the peacekeeping capabilities of the organization. Many problems with which UNOMIL was confronted with had more to do with the weak conceptual basis and the technical ineptitude of the mission [Mackinlay, Alao 1995: 16].

The relationship between UNOMIL and ECOMOG was often less than harmonious. The difficulties were partly practical, such as who should be in control of joint operations, and partly psychological, not least a certain degree of resentment of the UN on the part of ECOMOG and thus an unwillingness to relinquish control. There were tensions at the higher level, between the respective force commanders, the central issue being which should be the lead force ECOMOG was already deployed and was the larger formation; UNOMIL, on the other hand, was entrusted under Cotonou with supervising implementation, which implied some kind of directing role [Truck 2000].

Additional friction was caused by the perceived UN high-handedness and an alleged lack of appreciation of the realities on the ground — including a failure to keep ECOMOG properly briefed and naiveté in their dealings with the NPFL. In part, these problems could be attributed to the late involvement of the UN; the lack of effective political direction exercised by ECOWAS in the period before UNOMIL involvement led ECOMOG to become in some senses self tasking, taking control of both the political and military aspects of operation. This naturally made it more difficult to accept co-operation with a UN agency⁴. Some ECOMOG soldiers also viewed the whole idea of being monitored by the UN as being at best irrelevant and at worst an act which undermined them; according to the Gambian contingent commander in July 1994, “it is like an inconvenience monitoring ECOMOG symbolises distrust”. These problems were worsened by the UN's own attempts to improve its local profile; the “trust the UN” public information campaign in Liberia was seen by some ECOMOG members as an implied criticism of the West African force's credibility with the population. It is, therefore, not surprise to find a certain tension in the UNOMIL/ECOMOG relationship at the lower level as well [Olonisakin 1996]. The difficulties outlined above stemmed directly from the very vague nature of Chapter VIII of the UN Charter, which does not lay down any detailed guidelines on the relationship between the UN and regional organizations⁵. Chapter VIII of the UN Charter permits a degree of “farming out” of responsibility; allowing regional organizations to deal with matters concerning threats to international peace and security, as long as “such arrangements or agencies and their activities are consistent with the Purposes and Principles of the United Nations”⁶. There is no detail elaborating the exact relationship between the regional organization

⁴ Tenth Progress Report of the Secretary-General on the United Nations Observer Mission in Liberia. The DAG Repository. URL: http://repository.un.org/bitstream/handle/11176/42476/S_1995_279-EN.pdf?sequence=3&isAllowed=y (accessed: 08.12.2018).

⁵ UN Charter. URL: <http://www.un.org/en/sections/un-charter/chapter-i/> (accessed: 08.12.2018).

⁶ Ibid.

and the UN, beyond the restriction that “no enforcement action shall be taken under regional arrangements or by regional agencies”. This causes particular problems in respect of multi-organization operations; which organization, for example, should lead? Who should have overall political authority? How does one avoid dual chains of operational and political control? In Liberia, the late involvement of the UN left it “imprisoned” within the framework of strategies determined by ECOWAS. This problem also extended to command and control structures, with UNOMIL having to compete with arrangements that in many cases had been established for years.

This problem was compounded by the Cotonou peace accord which also failed to address such issues. The executive powers given to Special Representative of the Secretary-General (SRSG) were widely regarded as too weak and the degree of authority over ECOMOG was considered to be inadequate, as a result of this; the SRSG was cast in the role of “co-ordinator” with UNOMIL and ECOMOG having separate and autonomous chains of command. There was no one to decide categorically when, where, or how ECOMOG was to support the UNOMIL teams. These problems caused enormous practical difficulties. The coordination between the deployment of the UNOMIL and ECOMOG forces was often very poor. UNOMIL observers were sometimes deployed into areas without ECOMOG backup, leaving them in an exposed position. Thus UNOMIL personnel deployed into Lofa County and Northern Nimba were without ECOMOG protection and in summer 1994 observers were subsequently held hostage following a dispute over alleged arms deals with a warring faction. Even where UNOMIL and ECOMOG were deployed together, UNOMIL was sometimes subject to so many ECOMOG restrictions that the credibility of the UNOMIL operation was undermined.

Against the backdrop of the enthusiasm that greeted the involvement of the UN in Liberia, little effort was invested in the practical realization of the mission in improving its relationship with ECOMOG. Neither the Cotonou agreement nor the agreement between the UN and ECOWAS determined how UNOMIL was to undertake its control over the armed forces which were under an independent command and owing to the size of the personal operations, with enormous power. The capabilities of the UNOMIL and the special representative of the UN Secretary General for executing its mandate was heavily dependent on the military support of ECOMOG. In the absence of mechanisms for coordination and control over the efforts of different command structures, capabilities of the UN mission, there were serious limitations. The relationship further worsened, the regional group almost didn't receive any political instruction from ECOWAS, there wasn't a functional mechanism which could help the group subordinated ECOWAS because the command forces controlled not only the military but also the political aspects of the operation. Therefore, the political partnership between the UN and ECOWAS did not reflect cooperation on other different levels.

ECOWAS was also faced with serious material and technical setbacks in connection with insufficient funding and inadequate equipment. Because of this series of problems arose with disarmament and demobilization of the warring parties under the auspices of the UNOMIL. UN observers became totally dependent on the West African forces

that provided them with security. To complicate matters further, most ECOWAS memberstates were not paying their financial obligations thereby placing ECOMOG in a very unstable financial position. Furthermore, as a result of the irregular rotation and the inconsistent remuneration, the morale and discipline of the ECOMOG forces was hampered. The constant flagrant disorder of the ceasefire agreement, resumption of military action and inability of ECOMOG to provide sufficient security for UNOMIL, the UNOMIL could not execute much of the responsibility in its mandate and from time to time had to evacuate its observers from Liberia. In November, 1995, the UN Security Council reduced the UNOMIL presence to 160 observers and also made changes in the mandate of the mission, thereby reducing its role in supporting the ECOMOG operations and the activities of the transition government.

HUMAN RIGHTS ABUSES AND HUMANITARIAN ASSISTANCE IN LIBERIAN CIVIL WAR

The civil conflict in Liberia has been characterised by major abuses of human rights. All factions share the blame. The use of 6,000 children in combat is a flagrant example of disregard for the rights of the child. The Lutheran Church massacre in 1990, which claimed the life of 600 civilians, and the Harbel massacre of June 1992, where another 600 non-combatants were murdered in a five-hour period, are but extreme examples of atrocities which have been committed throughout the country [Whitman, Fleischman 1994: 65]. One of the most disturbing features of the Liberian civil war has been the use of child soldiers. Thousands of children under the age of 15 are said to have fought with the warring factions, and are also among the conflict's victims. International law — Protocol II to the Geneva Conventions of 1949 and the United Nations Convention on the Rights of the Child — forbids the use of children under the age of 15 as soldiers in armed conflict. Protocol II is binding on armed opposition groups as well as governments. The African Charter on the Rights of the Child, which was ratified by Liberia, but is not yet in effect, sets a higher threshold for the minimum recruitment age, stating that no one under the age of 18 can serve in armed hostilities.

The absence of credible security guarantees from the warring factions has prevented effective humanitarian assistance in Liberia. Since the beginning of the conflict, the relief community has been frustrated by the warring factions' disregard for humanitarian mandates. While sustained relief activities have been limited to greater Liberia, as in February, 1995, the number of non-combatants within Liberia who have been affected by the conflict has reached 1.8 million⁷. Of this number, 1.5 million persons have been provided with life-saving assistance in areas where the United Nations agencies and their relief partners are able to operate. In addition to Liberian civilians affected by the conflict, the most recent available information shows that there are 870,000 Liberians refugees in Cote d'Ivoire, Guinea, Sierra Leone, Ghana and Nigeria. The humanitarian crisis in Monrovia is of particular concern as it was aggravated by a steady flow of internally displaced persons. Built to support a population of 300,000,

⁷ Ninth Progress Report of the Secretary-General on the United Nations Observer Mission in Liberia. URL: <https://undocs.org/S/1995/158> (accessed: 08.12.2018).

Monrovia is now a sanctuary to over 1.3 million people. Although the UN agencies, non-governmental organizations and national organizations (including the Liberian Refugee, Repatriation and Resettlement Commission) have been able to respond to the city's steadily rising needs, they are approaching the limits of their capacity to do so. On February 3, 1995, the Secretary-General launched an inter-agency consolidated appeal for Liberia, for the six month period from January to June 1995, seeking the 65 million USD in extra-budgetary resources required by the UN agencies to continue their work⁸.

There have been some successes in the humanitarian arena largely due to ECOMOG's ability to restore a semblance of order and peace which allowed international humanitarian agencies to return to Liberia. At the same time, a joint operational coordination among relief workers and ECOMOG throughout ECOMOG-controlled areas has led to the restoration of water supplies within most regions. Alongside this, the coordination has led to the institution of programmes aimed at sanitation and shelter in the camps for internally displaced persons in Buchanan, Grand Bassa and Margibi, where the United Nations agencies, NGOs and national organizations are assisting a growing number of displaced Liberians.

CONCLUSION

The ECOWAS intervention in the Liberian conflict became an unprecedented example of partnership between the UN observer mission and regional forces which gave impetus to the first peacekeeping operation undertaken by the UN in close collaboration with other peacekeeping missions established by other organizations. Owing to the unique status of ECOWAS, the intervention in the conflict gave a practical opportunity of drawing useful lessons for future African regional peacekeeping initiatives. The intensity in the area of cooperative peacekeeping led to the formation of two important elements of peacekeeping in Africa which became active participation of regional organizations and support from the part of the UN. In the circumstances of increasing conflicts in Africa and limited resources of the UN in resolving the conflicts, the mechanisms of interactions with the regional organizations offered significant help in surmounting the political and financial difficulties in modern peacekeeping. The problems with which both UNOMIL and ECOMOG were confronted with touched a very crucial question relating to joint missions of the UN and other regional organizations as a potential method of conflict resolution in Africa and other regions of the world. The relatively small size and structural inefficiencies of the UN observer mission for instance gave a reason to suggest that the creation of the mission was indicative of the reluctance of the UN Security Council in a difficult and protracted conflict such as the one in Liberia.

The failures of UNOMIL in Liberia underline the importance of establishing clear boundaries in terms of separation of powers in joint initiatives of the UN and other regional organizations. The absence of such a mechanism in Liberia led to a situation whereby the regional body (ECOWAS) conferred on itself all the powers, thereby not

⁸ Fourteenth Progress Report of the Secretary-General on the United Nations Observer Mission in Liberia. URL: <https://undocs.org/S/1995/1042> (accessed: 08.12.2018).

giving the UNOMIL the possibility to carry out its mandate and consequently impacting on the UN's authority in the eyes of those involved in the conflict and the local population. The African mantra of African solutions for African problems needs to be adopted with caution in order to avoid the marginalization of Africa in its strategic relations with the international community. Since regional peacekeeping continues to maintain an important place, it is very important for the international community to find a better and robust means of supporting regional peacekeeping initiatives. Good Leadership and adequate funding also needs to complement such political will alongside professionalism and legitimacy which will complement the efforts of regional organizations in maintaining peace and security in the region.

REFERENCES

- Abiodun, A. (1998). *The Burden of Collective Goodwill: The International Involvement in the Liberian Civil War*. Brookfield: Ashgate Publishing.
- Adebajo, A. (2003). In Search of Warlords: Hegemonic Peacekeeping in Liberia and Somalia. *International Peacekeeping*, 10(4), 62—81.
- Alao, A. (2000). The Role of African Regional and Sub-regional Organizations in Conflict Prevention and Resolution. *United Nations High Commissioner for Refugees*. URL: <https://www.refworld.org/docid/4ff584a82.html> (accessed: 9.12.2018).
- Amadu, S. (1992). Historical Background to the Liberian Crisis. In: *The Liberian Crisis and ECOMOG: a Bold Step at Regional Peace Keeping*. Ed. by M.A. Vogt. Lagos: Gabumo Publishing Co. Ltd., p. 15—41.
- Bell, C. (2003). *Peace Agreements and Human Rights*. Oxford: Oxford University Press.
- Bokeriya, S.A. (2013). The UN and Peacebuilding Process: Prospects for Development. *European Scientific Journal*, 2, 90—94.
- Bokeriya, S.A. & Tijjani, M. (2018). Mandates in the Success of a Peacekeeping Missions: A Case Study of Liberia. *Asia and Africa Today*, 7, 48—49.
- Deich, T.L. (2007). Peacekeeping on the African Continent. *Asia and Africa Today*, 1, 18—23. (in Russian).
- Denisova, T.S. (2015). ECOWAS and Problems (To the 40th anniversary of ECOWAS). *Asia and Africa Today*, 9, 37—43. (in Russian).
- Dennis, P. (2005). *A Brief History of Liberia. The Center for Applied Linguistics*.
- Emelyanov, A. (2011). Modern Conflict in Africa. *Journal of the Theory of International Relations and Political Processes*, 12, 23—27. (in Russian).
- Ero, C. (1999). The Future of ECOMOG in West Africa. In: *From Peacekeeping to Complex Emergencies: Peace Support Mission in Africa*. Ed. by J. Cilliers, G. Mills. Johannesburg: South African Institute of International Affairs and the Institute of Security Studies, p. 55—61.
- Ero, C. (2000). ECOMOG: A Model for Africa. In: *Building Stability in Africa: Challenges for the New Millennium*. Ed. by J. Cilliers, A. Hilding-Norberg. South Africa: Institute for Security Studies Monograph Series, monograph 46.
- Harris, D. (2011). *Civil War and Democracy in West Africa: Conflict Resolution, Elections and Justice in Sierra Leone and Liberia*. London, NY: I.B. Tauris.
- Kostelyanec, S.V. (2010). African Conflicts: Dynamics and Ways of Settlement. *Asia and Africa Today*, 1, 40—43. (in Russian).
- Kufour, K.O. (1993). The Legality of the Intervention in the Liberian Civil War by the Economic Community of West African States. *African Journal of International and Comparative Law*, 5(3), 525—537.
- Mackinlay, J. & Alao, A. (1995). *Liberia 1994: ECOMOG and UNOMIL Response to a Complex Emergency*. New York: United Nations University. Occasional Paper, 2.

- Maresko, D. (2004). Development, Relief Aid, and Creating Peace: Humanitarian Aid in Liberia's War of the 1990s. *The Online Journal of Peace and Conflict Resolution*, 6(1), 94—120.
- May, R. & Furley, O. (2016). *Ending Africa 's Wars: Progressing to Peace*. Routledge.
- Olonisakin, F. (1996). United Nations Cooperation with Regional Peacekeeping: The Experience of ECOMOG and UNOMIL in Liberia. *International Peacekeeping*, 3(3), 33—51. DOI: 10.1080/13533319608413622.
- Petrasek, D. (2000). *Ends & Means: Human Rights Approaches to Armed Groups — Summary of Findings*. Versoix: International Council on Human Rights Policy.
- Seroo, D. (2000). Interview with Samuel Kofi Woods of Liberia. *African Affairs*, 99(394), 97—111. DOI: 10.1093/afraf/99.394.97.
- Sesay, M.A. (1995). Collective Security or Collective Disaster? Regional Peace-keeping in West Africa. *Security Dialogue*, 26(2), 205—222. DOI: 10.1177/0967010695026002009.
- Sidorova, G.M. (2011). Russia and Security on the African Continent. *Asia and Africa Today*, 11, 20—24. (in Russian).
- Truck, Ch. (2000). Every Car Or Moving Object Gone. The ECOMOG Intervention in Liberia. *African Studies Quarterly*, 4(1), 1—16.
- Waugh, C.M. (2011). *Charles Taylor and Liberia: Ambition and Atrocity in Africa's Lone Star State*. NY: Zed Books Ltd.
- Weller, M. (1994). *ECOWAS Standing Mediation Committee, Decision A/DEC.1/8/90, Regional Peace-Keeping and International Enforcement: The Liberian Crisis*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Whitman, L. & Fleischman, J. (1994). The Child Soldiers. *Africa Report*, 39 (4), 65.

Received: 10.12.2018

For citations: Tijjani, M.A. (2018). United Nations Observer Mission and ECOMOG Intervention in Liberia's Peace Process. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 872—887. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-872-887.

About the author: *Tijjani Mansur Ahmed* — PhD Student of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: mtj6010@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-872-887

Наблюдательная миссия ООН и интервенция ЭКОМОГ в процессе установления мира в Либерии

М.А. Тижани

Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

Гражданская война в Либерии, начавшаяся в 1989 г., показала все проявления и последствия внутригосударственного конфликта после холодной войны, государственного коллапса, этнических конфликтов и политических раздроблений. Поздняя реакция ООН на вмешательство перевела в новое измерение изучение либерийского вопроса. Поэтому в данной статье критически рассматриваются миротворческие усилия и роль, которую сыграли Миссия Организации Объединенных

Наций в Либерии (МООНЛ) и Группа мониторинга Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОМОГ) во время войны. Автор уделяет особое внимание совместным усилиям МООНЛ и ЭКОМОГ по восстановлению мира и стабильности в Либерии.

В статье приводятся исторические сведения о гражданской войне в Либерии, которая привела к развертыванию МООНЛ и ЭКОМОГ, и подчеркиваются успехи и неудачи контингентов ООН и ЭКОВАС в том, что касается соперничества между МООНЛ и миротворческими силами ЭКОМОГ в Либерии в процессе восстановления мира и стабильности в стране. Изучая неэффективные международные меры реагирования на либерийский кризис и проблемы, с которыми ЭКОМОГ столкнулась при восстановлении подобию мира в стране, автор анализирует мнения различных ученых по этому вопросу, а также мнения некоторых участников и жертв войны, опубликованные в интервью после конфликта. В данном исследовании используются метод кейс-стади и историко-генетический метод с опорой на интервью с целью изучения различных последствий вмешательств МООНЛ и ЭКОМОГ, а также результатов военных действий.

Развертывание и вмешательство МООНЛ и ЭКОМОГ в гражданскую войну в Либерии, нарушения прав человека, оказание гуманитарной помощи имели место во время конфликта, в ходе которого были отмечены некоторые успехи в гуманитарной сфере, в основном благодаря способности ЭКОМОГ восстановить порядок и мир, что позволило международным гуманитарным учреждениям вернуться в Либерию. Поздняя политическая реакция ООН на либерийский кризис в октябре 1992 г. снизила эффективность международных мер реагирования в очаге противостояния. Это привело к тому, что региональные организации начали играть основную роль в поддержании мира и обеспечении безопасности и стабильности на континенте.

Множество научных работ по либерийскому вопросу, в том числе трудов российских исследователей, свидетельствует об актуальности исследования, особенно в том, что касается уроков, извлеченных из успехов и неудач различных попыток по поддержанию мира в Либерии.

Ключевые слова: Либерия, интервенция, ООН, МООНЛ, ЭКОВАС, ЭКОМОГ, гражданская война, миротворчество

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Дейч Т.Л.* Миротворчество на Африканском континенте // *Азия и Африка сегодня*. 2007. № 1. С. 18—23.
- Денисова Т.С.* ЭКОВАС и проблемы (К 40-летию ЭКОВАС) // *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 9. С. 37—43.
- Емельянов А.* Современная конфликтность в Африке // *Журнал теории международных отношений и политических процессов*. 2011. № 12. С. 23—27.
- Костелянец С.В.* Конфликты по-африкански: динамика и способы урегулирования // *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 1. С. 40—43.
- Сидорова Г.М.* Россия и безопасность на Африканском континенте // *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 11. С. 20—24.
- Abiodun A.* The Burden of Collective Goodwill: The International Involvement in the Liberian Civil War. Brookfield: Ashgate Publishing, 1998.
- Adebajo A.* In Search of Warlords: Hegemonic Peacekeeping in Liberia and Somalia // *International Peacekeeping*. 2003. Vol. 10. N 4. P. 62—81.
- Alao A.* The Role of African Regional and Sub-regional Organizations in Conflict Prevention and Resolution. United Nations High Commissioner for Refugees. 2000. URL: <https://www.refworld.org/docid/4ff584a82.html> (accessed: 09.12.2018).
- Amadu S.* Historical Background to the Liberian Crisis // *The Liberian Crisis and ECOMOG: a Bold Step at Regional Peace Keeping* / ed. by M.A. Vogt. Lagos: Gabumo Publishing Co. Ltd., 1992. P. 15—41.
- Bell C.* Peace Agreements and Human Rights. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Bokeriya S.A.* The UN and Peacebuilding Process: Prospects for Development // *European Scientific Journal*. 2013. Vol. 2. P. 90—94.

- Bokeriya S.A., Tijjani M.* Mandates in the Success of a Peacekeeping Missions: A Case Study of Liberia // *Asia and Africa Today*. 2018. N 7. P. 48—49.
- Dennis P.* A Brief History of Liberia. The Center for Applied Linguistics, 2005.
- Ero C.* ECOMOG: A Model for Africa // *Building Stability in Africa: Challenges for the New Millennium* / ed. by J. Cilliers, A. Hilding-Norberg. South Africa: Institute for Security Studies Monograph Series, 2000, monograph 46.
- Ero C.* The Future of ECOMOG in West Africa // *From Peacekeeping to Complex Emergencies: Peace Support Mission in Africa* / ed. by J. Cilliers, G. Mills. Johannesburg: South African Institute of International Affairs and the Institute of Security Studies, 1999. P. 55—61.
- Harris D.* Civil War and Democracy in West Africa: Conflict Resolution, Elections and Justice in Sierra Leone and Liberia. London, NY: I.B. Tauris, 2011.
- Kufour K.O.* The Legality of the Intervention in the Liberian Civil War by the Economic Community of West African States // *African Journal of International and Comparative Law*. 1993. Vol. 5. N 3. P. 525—537.
- Mackinlay J., Alao A.* Liberia 1994: ECOMOG and UNOMIL Response to a Complex Emergency. New York: United Nations University. 1995. Occasional Paper 2.
- Maresko D.* Development, Relief Aid, and Creating Peace: Humanitarian Aid in Liberia's War of the 1990s // *The Online Journal of Peace and Conflict Resolution*. 2004. Vol. 6. N 1. P. 94—120.
- May R., Furley O.* Ending Africa's Wars: Progressing to Peace. Routledge, 2016.
- Olonisakin F.* United Nations Cooperation with Regional Peacekeeping: The Experience of ECOMOG and UNOMIL in Liberia // *International Peacekeeping*. 1996. Vol. 3. N 3. P. 33—51. DOI: 10.1080/13533319608413622.
- Petrasek D.* Ends & Means: Human Rights Approaches to Armed Groups — Summary of Findings. Versoix: International Council on Human Rights Policy, 2000.
- Seroo D.* Interview with Samuel Kofi Woods of Liberia // *African Affairs*. 2000. Vol. 99. N 394. P. 97—111. DOI: 10.1093/afraf/99.394.97.
- Sesay M.A.* Collective Security or Collective Disaster? Regional Peace-keeping in West Africa // *Security Dialogue*. 1995. Vol. 26. N 2. P. 215—222. DOI: 10.1177/0967010695026002009.
- Truck Ch.* Every Car Or Moving Object Gone. The ECOMOG Intervention in Liberia // *African Studies Quarterly*. 2000. Vol. 4. N 1. P. 1—16.
- Waugh C.M.* Charles Taylor and Liberia: Ambition and Atrocity in Africa's Lone Star State. NY: Zed Books Ltd., 2011.
- Weller M.* ECOWAS Standing Mediation Committee, Decision A/DEC.1/8/90, Regional Peace-Keeping and International Enforcement: The Liberian Crisis. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Whitman L., Fleischman J.* The Child Soldiers // *Africa Report*. 1994. Vol. 39. N 4. P. 65.

Дата поступления статьи: 10.12.2018

Для цитирования: *Tijjani M.A.* United Nations Observer Mission and ECOMOG Intervention in Liberia's Peace Process // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 4. С. 872—887. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-872-887.

Сведения об авторе: *Тижани Мансур Ахмед* — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: mtj6010@gmail.com).

© Tijjani M.A., 2018

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-888-905

Приоритетные направления российской и китайской помощи в целях развития странам Азии и Африки: сравнительно-сопоставительный анализ

Д.А. Дегтерев, А.А. Трусова, М.С. Черняев

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Ли Янь

Институт мировой экономики и политики
Китайской академии общественных наук, Пекин, КНР

Предметом данного исследования являются приоритетные направления (как географические, так и отраслевые) международной помощи, оказываемой Россией и КНР странам Азии и Африки. Авторы проводят сравнительный анализ основных реципиентов помощи двух стран, а также ее основных секторов за 2011—2014 гг.

Методологическая основа данного исследования строится на принципах достоверности и научной объективности. В исследовании применен метод сравнительно-сопоставительного анализа, включающего элементы как количественного, так и качественного анализа. Авторы показывают те методологические вызовы, которые стоят при сборе статистических данных и их сопоставлении по потокам помощи новых доноров.

Используются данные о международной помощи КНР (реципиенты, направления, объемы), представленные в проекте AidData. Данные о международной помощи России другим странам частично представлены в статистике ОЭСР, однако они представляют собой только агрегированные показатели помощи конкретным странам. Поскольку данные о китайской помощи доступны за период 2000—2014 гг., а о российской помощи — за 2011—2017 гг., то исследуемый период, за который сопоставляют данные, включает 2011—2014 гг.

Итогом исследования стала таблица с 10 крупнейшими реципиентами российской и китайской помощи странам Азии и Африки. Количественные данные о потоках российской и китайской помощи дополняются качественными данными о конкретных проектах помощи и особенностях их реализации, что позволяет сформировать более полное представление о двух новых донорах и наметить направления координации их усилий при работе в странах Азии и Африки.

Ключевые слова: Российская Федерация, Китайская Народная Республика, новые доноры, содействие международному развитию, официальная помощь развитию, Организация экономического сотрудничества и развития, AidData, сравнительно-сопоставительный анализ

Россию и КНР, как и другие страны БРИКС, чаще всего относят к «новым» донорам [Gulrajani, Swiss 2018], хотя в годы холодной войны и СССР (продолжателем которого является Россия), и КНР уже являлись одними из ведущих доноров

[Soviet and Chinese Aid... 1980]. В этой связи более корректно относить обе страны к «старым новым» донорам. Общие характеристики доноров из числа БРИКС отражены в ряде работ [Ваз и др. 2010; Дегтерев 2014а; Philips 2013]. Ранее нами также был проведен сравнительный анализ институциональных и правовых особенностей национальных систем оказания международной помощи России и КНР [Дегтерев, Янь, Трусова 2017]. Данная работа посвящена сопоставлению географических и отраслевых приоритетов российской и китайской помощи странам Азии и Африки.

СОПОСТАВИМОСТЬ ДАННЫХ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

На данный момент наиболее разработана методология сбора отчетности о международной помощи (OECD's Creditor Reporting System) и международного сопоставления в рамках Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (КСР ОЭСР), в первую очередь, в контексте понятия «официальная помощь в целях развития» (ОПР), предполагающего помощь по официальным каналам, направленную на цели развития и с грант-элементом не менее 25% [Дегтерев 2011]. Страны — члены КСР регулярно передают статистические данные о своей помощи, используя единый понятийный аппарат и систему отчетности, в том числе в контексте реализации решений Форумов высокого уровня по повышению эффективности помощи (Рим—2003, Париж—2005, Аккра—2008 и Пусан—2011), включая Международную инициативу по обеспечению прозрачности помощи (The International Aid Transparency Initiative).

Впервые для международных экспертов возможность оценить российский вклад в содействие международному развитию появилась в 2010 г. с публикацией к саммиту «Группы восьми» Мускокского доклада о подотчетности¹, где российская сторона использовала методологию, сопоставимую с применяемой КСР ОЭСР. Последние годы Россия также частично передает данные о своей помощи в ОЭСР. КНР сотрудничает с ОЭСР, но данные о помощи не передает.

Основной массив данных КСР ОЭСР касается ОПР. Данный тип помощи в значительной степени характерен для западных стран. В период расцвета однополярности в 1990-е гг. на долю стран — членов КСР приходилось до 95% всей ОПР мира, и это было, по словам Р. Мэннинга, бывшего главы Комитета, «исключительное время» [Manning 2006: 371]. В 2000-е гг. монополия традиционных доноров стала размываться, формируя «новую многополярность» в сфере содействия международному развитию [Mohan, Power 2008].

Новые доноры не спешили копировать подходы традиционных доноров [Дегтерев 2014б], применяя иные формы и инструменты оказания помощи [Zimmermann, Smith 2011]. Так, в системе помощи КНР зарубежным странам традиционно доминируют льготные кредиты и проектное финансирование на двусторонней

¹ Muskoka Accountability Report. Assessing Action and results against development-related commitments. G8, Muskoka, Canada, 2010. URL: <http://www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/2010/pdfs/accountability.pdf> (accessed: 28.11.2018).

основе. В начале 2000-х гг. в международном и внутривосточном дискурсе КНР широкое распространение получило понятие «Пекинский консенсус», отражающее альтернативные западным подходы к развитию [Виноградов, Дегтерев, Спирина, Трусова 2018]. Однако в последние несколько лет КНР стремится акцентировать внимание не на идеологическом противопоставлении собственных и западных подходов, а скорее на экономических выгодах для стран-реципиентов от реализации инициативы «Один пояс — один путь».

Увеличение альтернативных форм международной помощи со стороны новых доноров привело и к размыванию существовавших ранее терминологических подходов. Вместо существующего с 1972 г. понятия ОПР, на которую приходится лишь малая часть китайской помощи, КСР ОЭСР с 2016 г. начал активную разработку понятия «общая официальная поддержка устойчивого развития» (Total Official Support for Sustainable Development, TOSSD)², дополняющего понятие ОПР и включающего, например, смешанное финансирование. Это особенно актуально в контексте увеличения китайской помощи (TOSSD учитывает ее в большем объеме, чем ОПР), а также в рамках перехода от Целей развития тысячелетия ООН к универсальным Целям устойчивого развития. Тем не менее, переход на TOSSD не является кардинальным решением проблемы доступности данных, так как КНР не передает статическую информацию в КСР ОЭСР. В этой статье рассматриваются потоки ОПР на основе двух разных источников статистических данных.

При том, что сопоставление данных о помощи стран — членов КСР ОЭСР является тривиальной задачей, сравнение потоков помощи новых доноров представляется более сложным. В этой связи примечательно исследование, проведенное П. Мтембу по сравнению китайской и индийской помощи (двух «южных держав») странам Африки [Mthembu 2018]. Ученый использовал методологию качественного сравнительного анализа (qualitative comparative analysis), под которым он понимает применение как количественных, так и качественных методов для выявления основных детерминант, определяющих распределение международной помощи. К таковым в своей работе он относил стратегический интерес (определяемый на основе Композитного индекса национальной мощи базы данных «Корреляторы войны»³), экономический интерес (уровень внешней торговли донора и реципиента), гуманитарную мотивацию (солидарность стран в рамках сотрудничества по линии «Юг—Юг») и размер диаспоры донора в стране-реципиенте. В данной работе также используется смешанная методология: количественные показатели потоков помощи России и КНР дополняются качественными данными об особенностях реализованных проектов помощи.

² Содействие развитию. Основные термины. ЦИМИ РАНХиГС. URL: <https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovaniy/sodejstvie-razvitiyu/osnovnye-terminy> (дата обращения: 28.11.2018).

³ National Material Capabilities. The Correlates of War Project. URL: <http://www.correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities> (accessed: 28.11.2018).

ДОСТУПНОСТЬ ДАННЫХ

Данные по России в статистической системе ОЭСР частично доступны с 2010 по 2017 г., однако за 2010 г. имеются лишь данные об общем объеме российской помощи, без разбивки по странам. Таким образом, показатели объемов российской помощи отдельным странам реципиентам доступны лишь с 2011 по 2017 г. Информация о предоставляемой Россией двусторонней помощи развитию характеризуется фрагментарностью. Иногда указывается неполный список стран — реципиентов российской помощи, так как в ряде случаев данные о предоставлении помощи не разглашаются [Белецкая 2015]. Россия сообщает только об общих суммах, выделяемых реципиентам, информация на уровне проектов недоступна, в связи с чем трудно сформировать более полное представление о деятельности России в сфере СМР⁴. Кроме того, в данной статье рассматриваются потоки двусторонней помощи, а значительная часть российской ОПР идет по многосторонним каналам. Наконец, масштабное субсидирование Россией экономики ряда постсоветских стран лишь частично относится к ОПР. В нашем случае особую актуальность приобретает российская помощь Киргизии (в контексте интеграции в ЕАЭС) и Таджикистану.

Сбор данных о китайской помощи представляется еще большим вызовом для исследователей. При том, что на китайскую ОПР приходится ежегодно всего несколько миллиардов долларов США, поток официального финансирования (в том числе других официальных потоков по классификации КСР ОЭСР), а также проектного финансирования в десятки раз больше.

Существующий большой разброс в экспертных оценках данных о китайской помощи другим странам обусловлен рядом причин. Во-первых, речь идет о межведомственной координации. В большей степени за оказание внешней помощи Китаем отвечает Министерство торговли, однако данный орган не собирает полные данные о помощи, которую оказывает КНР [Lancaster 2007]. Ситуация в этой сфере начала меняться после того, как в 2018 г. было создано Китайское агентство по международному сотрудничеству в целях развития⁵. Во-вторых, китайская помощь, помимо прочего, тесно увязана с пакетами инвестиций, концессионными и торговыми сделками с правительствами стран-реципиентов, и в этой связи потоки ОПР достаточно сложно отделить от коммерческих инвестиций и торговых сделок [Иностранная помощь 2013].

В последние годы все больше международных исследователей используют базы данных о помощи, подготовленные лабораторией AidData при Колледже Уильяма и Мэри⁶. Данные по потокам помощи стран, не являющихся членами КСР ОЭСР (в том числе КНР, Саудовская Аравия, Катар и др.), агрегируются посредством инновационной методологии сбора данных о проектах помощи

⁴ См.: Asmus G., Fuchs A., Müller A. Russia's Foreign Aid Re-emerges // BRICS and Foreign Aid. 2017. URL: <https://www.aiddata.org/blog/russias-foreign-aid-re-emerges> (accessed: 20.12.2018).

⁵ China International Development Cooperation Agency. URL: <http://en.cidca.gov.cn/> (accessed: 28.11.2018).

⁶ AidData. A Research Lab at William & Mary. URL: <https://www.aiddata.org/> (accessed: 28.11.2018).

(Tracking Underreported Financial Flows). Эксперты обобщают и унифицируют огромное количество неструктурированной информации на основе правительственных проектов, проектов международных организаций, групп гражданского общества, частного сектора, журналистов и исследователей⁷. То есть речь идет об аналоге Системы отчетности кредиторов по проектам помощи (Credit Reporting System, CRS)⁸, существующей в рамках КСР ОЭСР. Только в отличие от официальных данных доноров, речь идет о так называемой наборной базе данных из газетных заметок, лент новостных агентств и проч., т.е. информации не из самых надежных источников. Однако большой объем используемых данных в основном перекрывает одиночные погрешности и неточности.

Одним из результатов исследования экспертов AidData стало создание базы данных о проектах, реализуемых КНР (Global Chinese Official Finance Dataset, Version 1.0). В базе собраны данные о финансировании проектов в почти 140 странах на сумму более 360 млрд долл. США в период с 2000 по 2014 г.⁹, а также представлено 5466 проектов. Однако AidData в инструкции по использованию базы данных отмечает, что для проведения исследования рекомендуются лишь проекты со специальной пометкой («recommended_for_research»). Если проект рекомендован для исследования, то: 1) он однозначно не дублируется; 2) исключается возможность его приостановки или отмены, то есть гарантируется реализация проекта¹⁰. Число рекомендованных для исследования проектов составляет 4373. Авторы признают, что используемая статистическая база неполная и имеет ряд искажений, тем не менее, ее использование позволяет провести сравнительно-сопоставительный анализ.

На следующем этапе авторами были отсеяны все проекты, относящиеся к регионам Латинская Америка и Карибы, а также к Центральной и Восточной Европе (840 проектов). Поскольку в рамках текущего исследования сопоставлялись только потоки ОПР, то по критерию «flow_class» были отобраны только проекты типа «ODA_like» (т.е. в целом соответствующие понятию ОПР согласно методологии КСР ОЭСР 2013—2015 гг.). Из 3524 проектов таких оказалось 2644.

Существенным минусом базы по китайской помощи AidData является наличие в ней достаточно большого количества проектов, по которым нет информации об объемах финансирования. В общей сложности в полученной выборке таких проектов оказалось 1113 (около 40%). По сути, речь идет о «запланированном занижении» потоков китайской ОПР для обеспечения сопоставимых данных. Понимая, что данные проекты на практике реализованы, их пришлось исключить из дальнейшего анализа, так как по ним отсутствуют финансовые показатели. В итоговой выборке остался 1531 проект.

⁷ Tracking Underreported Financial Flows. URL: <https://www.aiddata.org/methods/tracking-underreported-financial-flows> (accessed: 28.11.2018).

⁸ Technical Guide to Terms and Data in the Creditor Reporting System (CRS) Aid Activities Database. URL: <http://www.oecd.org/dac/stats/crsguide.htm> (accessed: 28.11.2018).

⁹ Dreher A., Fuchs A., Parks B.C., Strange A.M., Tierney M.J. Aid, China, and Growth: Evidence from a New Global Development Finance Dataset. 2017. URL: <https://www.aiddata.org/data/chinese-global-official-finance-dataset> (accessed: 28.11.2018).

¹⁰ How to Use Global Chinese Official Finance Data. URL: <https://www.aiddata.org/pages/how-to-use-global-chinese-official-finance-data> (accessed: 28.11.2018).

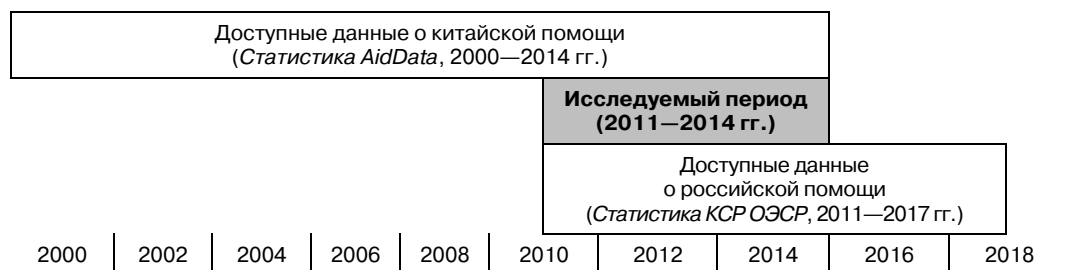

Рис. 1. Выбор периода для сопоставления /
Fig. 1. Choice of Period for Study
Составлено авторами

Поскольку данные о китайской помощи в системе AidData имеются за 2000—2014 гг., а Россия начала частично предоставлять свои данные в КСР лишь в 2011 г., возможный период исследования сужается до 2011—2014 гг. (рис. 1).

РОССИЙСКАЯ ПОМОЩЬ СТРАНАМ АЗИИ И АФРИКИ

Россия последовательно наращивает объем ОПР, доведя его после 2010 г. до уровня 1 млрд долл. США в год. Наиболее значимой формой СМР для России до 2010 г. являлось списание долгов по кредитам, предоставленным развивающимся странам еще Советским Союзом [Ефремова 2010]. В первую очередь, данные действия были обусловлены «Инициативой по облегчению долгового бремени беднейших стран», предпринятой Всемирным банком в 1996 г.

В 2007 г. была принята «Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию», которая стала базовым документом в данной сфере. В Концепции Россия впервые была заявлена как страна — участник СМР [Морозова 2010]. Кроме того, были сформулированы приоритетные для государства задачи в рассматриваемой области: формирование демократического миропорядка, основанного на нормах международного права; ликвидация нищеты и поддержание устойчивой экономики развивающихся стран; преодоление последствий катастроф и чрезвычайных ситуаций; установление добрососедских отношений со странами; укрепление авторитета и содействие объективному восприятию России мировым сообществом. В документе указывалась важность координации действий России с другими государствами-донорами, а также сотрудничества на двусторонней и многосторонней основе.

Таким образом, к началу рассматриваемого авторами временного отрезка Россия присоединилась к новым донорам, среди которых также стоит отметить и остальные страны БРИКС. Участие России в СМР при этом осуществлялось посредством реализации международных программ, выделения грантов, оказания гуманитарной помощи и т.д. В период 2011—2014 гг. наибольшую помощь со стороны РФ получили следующие страны Азии и Африки: Киргизия, Таджикистан, Замбия, Сирия, Гвинея, Мозамбик, Армения, КНР, Иордания и Ливан (см. табл. 1). Наиболее популярными сферами оказания помощи стали образование, здравоохранение, энергетика, продовольствие и государственное финансирование [Larionova, Rakhmangulov, Berenson 2014].

Масштабные программы помощи РФ Киргизии, Таджикистану и Армении в указанный период обусловлены соображениями евразийской интеграции. В октябре 2011 г. главы стран Евразийского экономического сообщества приняли решение о присоединении Киргизии к Таможенному союзу, а в сентябре 2013 г. аналогичное решение было принято в отношении Республики Армения. В 2012—2013 гг. РФ выделила более 30 млн долл. США на финансирование системы школьного питания в трех указанных странах, а также 3,5 млн долл. на реализацию проекта «Комплексное развитие Нарынской области Киргизии». РФ также профинансировала проекты в сфере развития русского языка в Киргизии, улучшения инфраструктуры в сельских районах Таджикистана, предотвращения вспышки дифтерии в Таджикистане и др. Стоит отдельно отметить создание в 2014 г. в Бишкеке Российско-Киргизского фонда развития, учрежденного в соответствии с двусторонним межправительственным соглашением, в уставной капитал которого РФ внесла несколько сотен миллионов долларов США.

В 2011 г. правительство Замбии и Министерство финансов РФ подписали соглашение, в котором указывалось, что долговые обязательства государства в размере около 100 млн долл. США будут направлены на развитие африканской республики, что соответствует целям и задачам России в области СМР¹¹. Проекты оказания помощи были реализованы по следующим направлениям: ликвидация энергетической бедности; развитие национальной системы здравоохранения и повышение уровня доступности образования, а также его качества, при этом общая сумма оказанной помощи составила 34 млн долл. США.

Российская помощь Сирийской Арабской Республике, в первую очередь, была связана с сирийским кризисом, начавшимся в 2011 г. после событий «арабской весны». В 2013 г. Москва направила в страну 46 т гуманитарной помощи, которая включала в себя посуду, складную мебель, палатки, передвижные электростанции, а также 11 т продовольственных товаров¹². За 2014 г. было совершено еще 7 подобных рейсов, однако информация о грузах не указывается. Также необходимо подчеркнуть, что за 2013—2014 гг. из Сирии в Россию были эвакуированы 1195 человек¹³. Всего за рассматриваемый период Российская Федерация выделила на данные цели 31,45 млн долл. США.

Внешняя помощь Гвинейской Республике в основном была выражена гуманитарной составляющей. В феврале 2012 г. Москва передала властям Гвинеи 50 российских автомобилей повышенной проходимости¹⁴. 7 марта того же года Прави-

¹¹ См.: Россия списала долг Замбии. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1607402> (дата обращения: 28.11.2018).

¹² МЧС отправит в Сирию 44 тонны гуманитарной помощи. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/467816/> (дата обращения: 28.11.2018).

¹³ Миллионы на Асада: сколько потратила Россия на гуманитарную помощь Сирии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/09/2015/560b96079a794755de950fe8> (дата обращения: 28.11.2018).

¹⁴ О передаче гвинейскому правительству партии российских автомобилей. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/gn/-/asset_publisher/5NoP7rs8qf5E/content/id/170670 (дата обращения: 28.11.2018).

тельством РФ было выделено 37 т продовольственных товаров и медикаментов¹⁵. В связи с соответствующим обращением со стороны Гвинеи 28 ноября 2012 г. в страну был доставлен гуманитарный груз (36,5 т), выделенный на развитие здравоохранения¹⁶. В 2014 г. на борьбу со вспышкой лихорадки Эбола в государство был направлен медицинский модуль стоимостью 28 тыс. долл. США. Помимо этого Гвинеической Республике был передан военно-полевой инфекционный госпиталь Минобороны РФ¹⁷. Общая сумма оказанной помощи составила 22,7 млн долл. США.

В феврале 2013 г. МЧС России осуществило гуманитарную поставку в Республику Мозамбик в размере 34,9 т, которая включала в себя продовольственные товары, а также предметы первой необходимости¹⁸. Известно, что всего с 2011 по 2014 г. Россия выделила на помощь Мозамбику 21,2 млн долл. США.

При рассмотрении Иордании в качестве реципиента российской помощи следует отметить гуманитарные поставки сирийским беженцам, находящимся на территории королевства. 30 мая 2013 г. самолет МЧС России доставил беженцам продовольственные товары и предметы первой необходимости: складную мебель, передвижные электростанции, комплекты посуды¹⁹. Всего Россия оказала Иордании помощь на сумму 11,14 млн долл. США.

По итогам исследования можно утверждать, что к 2010 г. Россия закрепила за собой позицию формирующегося донора и продолжила наращивать свой потенциал в данной области. Однако следует отметить, что за выбранный авторами период между 2011 и 2014 гг. информация о деятельности России в сфере международной помощи носит ограниченный характер. Об этом свидетельствует отсутствие каких-либо уточняющих данных об оказании помощи КНР и Ливану, несмотря на тот факт, что перечисленные государства вошли в список десяти наиболее крупных реципиентов российской помощи.

КИТАЙСКАЯ ПОМОЩЬ СТРАНАМ АЗИИ И АФРИКИ

Китайская Народная Республика считается новым, формирующимся донором в сфере СМР. Однако экономический потенциал, которым обладает страна, позволяет ей выйти на передовые позиции в данной сфере.

¹⁵ О гуманитарной помощи Гвинеической Республике. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/gn/-/asset_publisher/5NoP7rs8qf5E/content/id/165666 (дата обращения: 28.11.2018).

¹⁶ О российской гуманитарной помощи Гвинеической Республике. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/gn/-/asset_publisher/5NoP7rs8qf5E/content/id/131998 (дата обращения: 28.11.2018).

¹⁷ О передаче Гвинеической Республике военно-полевого госпиталя Минобороны России. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/gn/-/asset_publisher/5NoP7rs8qf5E/content/id/858841 (дата обращения: 28.11.2018).

¹⁸ МЧС России доставляет гуманитарную помощь в Республику Мозамбик. URL: <http://www.mchs.gov.ru/dop/info/smi/news/item/382603/> (дата обращения: 28.11.2018).

¹⁹ О доставке срочной гуманитарной помощи беженцам из Сирии, находящимся на территории Иордании // Официальный сайт МИД России. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/jo/-/asset_publisher/bjowS9H8QFIj/content/id/107650 (дата обращения: 28.11.2018).

Авторы статьи, проанализировав базу данных, составленную AidData, выделили топ-10 реципиентов китайской помощи среди стран Азии и Африки в период с 2011 по 2014 г.: Кот-д'Ивуар, Танзания, Эфиопия, Камерун, Мозамбик, Зимбабве, Нигерия, Киргизия, Шри-Ланка и Нигер (см. табл. 1).

Данные, представленные исследователями AidData, позволяют более подробно рассмотреть, какая именно помощь была оказана данным странам, в каких сферах и на какую сумму.

Прежде всего, стоит отметить, что Китай осуществляет помощь в основном по восьми направлениям: поставка материалов и товаров; отправка в страны-реципиенты специалистов-медиков; осуществление проектов; техническое сотрудничество; списание долговых обязательств; оказание гуманитарной помощи; сотрудничество в сфере развития человеческих ресурсов; волонтерские программы за рубежом [Михневич 2014].

В Кот-д'Ивуар было направлено 7 грантов (безвозмездная помощь), выдано 4 кредита, также был списан долг страны перед КНР — всего реализовано 12 проектов. Было предоставлено 5 грантов на сумму около 67 млн долл. США, 2 были предоставлены в виде конкретных товаров. Кредиты были выданы Экспортно-импортным банком Китая для строительства инфраструктуры. Первый был направлен на увеличение пропускной способности порта Абиджан в Кот-д'Ивуаре, второй — на строительство шоссе от Абиджана до города Гран-Басам, третий — на реализацию проекта по созданию ГЭС Субре, строительство которой было завершено в 2017 г.²⁰ и которая стала крупнейшей в стране, четвертый — на строительство железной дороги между городом Ман и портом Сан-Педро, по которой в основном будет транспортироваться никель и железная руда. Всего в Кот-д'Ивуар от КНР в период с 2011 по 2014 г. поступило ОПР на 3,7 млрд долл. США.

В Эфиопию было направлено 10 грантов, стране было предоставлено 13 кредитов, дважды была оказана отдельная техническая помощь, также правительство КНР выделило стипендии для студентов Аддис-Абебского университета, всего реализовано 26 проектов, касающихся предоставленной помощи, общая сумма — 1,8 млрд долл. США. Гранты направлены на оказание продовольственной помощи, покупку оборудования для начальной школы, предоставление транспортных средств и т.д., их сумма составила 168 млн долл. США. Кредиты касаются строительства инфраструктуры (железной дороги), проектов по обеспечению населения питьевой водой, биогазовой энергетики, программ профилактики заболеваний малярией. Отдельная техническая помощь включает в основном сферу здравоохранения: в Эфиопию были направлены китайские специалисты и медицинское оборудование.

²⁰ См.: Китайская компания полностью завершила строительные работы на ГЭС Субре в Кот-д'Ивуаре // Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136724008.htm (дата обращения: 28.11.2018).

Нигерия стала получателем 5 грантов, 3 кредитов, стипендий для 70 студентов, а также отдельной технической помощи в сельскохозяйственной сфере (было направлено более 400 китайских экспертов для строительства небольших плотин), всего 10 проектов. Большее количество грантов (три) касалось сферы здравоохранения: один из них был направлен в организацию Красного Креста, второй — на борьбу с малярией, третий — с вирусом Эбола. Кредиты направлены на развитие инфраструктуры — строительство железной дороги и улучшение работы ГЭС. Всего помощь Нигерии составила 1,6 млрд долл. США.

В Танзании реализован 31 проект китайской помощи, из них: 15 грантов, 9 проектов, касающихся отдельной технической помощи, и 7 кредитов. По грантам китайское правительство предоставило Танзании медицинское оборудование, транспорт, спортивное оборудование, специальное оборудование для полиции Танзании, оборудование для пограничного досмотра контейнеров, мебель для начальной школы и т.д. на общую сумму 33,5 млн долл. США. Кредиты были выделены на строительство мобильной телекоммуникационной сети, газопровода Мтвара — Дар-эс-Салам длиной более 500 км, расширение порта Дар-эс-Салам. Для ряда кредитов в базе данных не указано основание. Отдельная техническая помощь в большей степени включает в себя направление китайских специалистов-медиков в Танзанию, а также сотрудничество в сельскохозяйственной и технологической сферах. Общая сумма внешней помощи Танзании составила 2,5 млрд долл. США.

В исследуемый период в базе AidData имеется информация о более чем 20 проектах, реализованных КНР в Зимбабве. Среди наиболее крупных — выделение в 2012 г. Эксимбанком Китая 0,9 млрд долл. США на развитие системы водоснабжения страны, а также льготного займа в 170 млн долл. США на модернизацию аэропорта у водопада Виктория. В 2011 г. на развитие здравоохранения Зимбабве был выделен льготный заем в 100 млн долл. В августе 2014 г. в ходе визита Р. Мугабе в КНР была достигнута договоренность о выделении 200 млн долл. на модернизацию инфраструктуры мобильной связи оператора «NetOne».

Помимо Кот-д'Ивуара и Нигерии крупнейшим реципиентом китайской помощи в Западной Африке стал Нигер. В 2013 г. Эксимбанк Китая выделил Нигеру заем в 1 млрд долл. США на реализацию ряда проектов. На развитие телекоммуникационной инфраструктуры КНР в 2013 г. выделила грант в размере 100 млн долл. В 2012 г. на строительство больницы в г. Ниамей было выделено 25 млн долл. США.

В Камерун было направлено 12 грантов. Стране также было выдано восемь кредитов, трижды оказывалась отдельная техническая помощь. По грантам было предоставлено медицинское оборудование, лекарства против малярии, офисное оборудование и др. Кредиты выдавались на строительство небольших жилых помещений, автодорог. Отдельная техническая помощь была направлена на строительство технической школы для обучения специалистов в области сельского хозяйства, также были направлены специалисты в области медицины. Общий объем помощи составил 1,7 млрд долл. США.

В Мозамбик КНР направила помощь в размере 1,7 млрд долл. США, всего реализовано 13 проектов: предоставлено 6 грантов, 7 кредитов. По грантам были предоставлены лекарства от малярии, офисная техника (компьютеры), медицинское оборудование и др. Кредиты в основном были выделены на строительство инфраструктуры.

В исследуемый период КНР оказывала масштабную помощь странам Южной Азии, в первую очередь Шри-Ланке. Основные проекты помощи общим объемом более 800 млн долл. США были направлены на развитие транспортной инфраструктуры глубоководного порта Хамбантота, строительство которого началось в 2008 г. В 2017 г. Шри-Ланка передала китайской компании «China Merchants Port Holdings» в аренду данный порт сроком на 99 лет. Достаточно масштабная помощь в регионе была также оказана Непалу (около 0,7 млрд долл. США, 16-е место) и Пакистану (0,5 млрд долл. США, 21-е место).

Крупнейшим реципиентом китайской помощи в Центральной Азии стала Киргизия. В 2013 г. было выделено 700 млн долл. США на развитие транспортной инфраструктуры и около 200 млн долл. на модернизацию Бишкекской ТЭЦ. В 2011 г. на проекты в области транспорта и энергетики было выделено свыше 300 млн долл. США. Сравнимые с киргизскими объемы помощи ранее (в 2006 г.) получил и Таджикистан, в том числе льготный заем в 0,5 млрд долл. США на развитие энергетики страны.

Из 10 крупнейших получателей китайской помощи 8 являются странами африканского континента. Это обосновывается тем, что страны Африки обладают большими запасами природных ресурсов (газ, нефть, руды, уголь и т.д.), доступ к которым благоприятствует экономическому развитию. Более того, потребности Китая в ресурсах с каждым годом возрастают, а реализация проектов на африканском континенте открывает доступ к этим ресурсам. Так, уже отмечалось участие Китая в проекте строительства газопровода Мтвара — Дар-эс-Салам в Танзании. КНР также участвовала в строительстве железной дороги между городом Ман и портом Сан-Педро (Кот-д'Ивуар), по которой в основном предполагалось транспортировать никель и железную руду — одни из важных ресурсов, в которых нуждается КНР. В этой связи Африка была и остается главным приоритетом КНР в сфере СМР.

Китай оказывает внешнюю помощь без предъявления каких-либо политических требований, в отличие от западных держав, которые сопровождают свою помощь требованиями о соблюдении прав человека, проведении правительственных реформ и т.д. Однако Китай надеется, что реципиенты его помощи будут проявлять дипломатическую лояльность по таким важным для правительства страны аспектам, как вопросы, связанные с Тибетом, Тайванем и Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР). Так, например, в 2010 г. китайским правительством было объявлено об оказании помощи Камбодже через день после того, как власти страны принудительно депортировали 20 уйгуров, искавших политическое убежище [Weston, Campbell, Koleski 2011].

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Результатом проведенного исследования стала таблица, позволяющая сравнить топ-10 реципиентов российской и китайской внешней помощи (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Топ-10 реципиентов российской и китайской ОПР в 2011—2014 гг. /
Top-10 Recipients of Russian and Chinese ODA in 2011—2014**

Российская помощь / Russian aid		Китайская помощь / Chinese aid	
Страна / Country	Сумма (млн долл. США) / Sum (mln USD)	Страна / Country	Сумма (млн долл. США) / Sum (mln USD)
Киргизия	330	Кот-д Ивуар	3 710
Таджикистан	58	Танзания	2 463
Замбия	34	Эфиопия	1 801
Сирия	31	Камерун	1 769
Гвинея	23	Мозамбик	1 709
Мозамбик	21	Зимбабве	1 642
Армения	21	Нигерия	1 628
КНР	15	Киргизия	1 448
Иордания	11	Шри-Ланка	1 244
Ливан	11	Нигер	1 227

Источник: AidData. URL: <https://www.aiddata.org/>; OECD.Stat. URL: <https://stats.oecd.org/> (accessed: 28.11.2018).

Данные, представленные в таблице, а также исследование, проведенное авторами, позволяют сделать следующие выводы:

1. Китайская Народная Республика значительно опережает Российскую Федерацию по объемам денежных средств, которые направлены на предоставление помощи странам Азии и Африки. Если оказываемая Россией помощь составляет десятки миллионов долларов США, то помощь, которую предоставляет Китай, насчитывает миллиарды долларов США.

2. Если сравнивать реципиентов помощи двух стран, то можно найти две точки пересечения — это Киргизия (1-е место у РФ и 8-е у КНР) и Мозамбик (6-е место у РФ и 5-е у КНР). В топ-10 помощь РФ распределена между тремя странами СНГ, тремя странами Ближнего Востока, тремя странами Африки и КНР. У КНР, в свою очередь, наблюдается явный акцент на помощь восьми странам Африки. Значительное финансирование Киргизии делает актуальным сопряжение проектов российской и китайской помощи странам Центральной Азии.

3. Данные, собранные по Китаю исследователями AidData в единую масштабную таблицу, представляются весьма обширными, позволяют осуществлять комплексные исследования, так как в таблице от AidData присутствует полная информация об объемах оказания помощи (указывается валюта, в которой были перечис-

лены денежные средства, а также эта же сумма в долларах), сферах, в которых данная помощь оказывается, описание, в связи с какими событиями была оказана помощь и т.д. База данных позволяет сделать необходимую выборку, посчитать общую сумму оказанной конкретной стране помощи за определенный период.

4. Чтобы узнать сведения о внешней помощи со стороны России, авторы на первом этапе воспользовались данными ОЭСР²¹. Там были указаны лишь общие суммы помощи, которую Россия оказывала странам мира. За более подробной информацией об этой помощи авторы обращались к новостным порталам, сайту МИД России, аналитике. Однако по ряду стран, которым Россия оказывала помощь (КНР, Ливан), более полной информации о реализуемых проектах найти не удалось.

Проведенный в ходе исследования анализ приводит к довольно неожиданным выводам о доступности информации о российской и китайской помощи. С одной стороны, Россия, в отличие от КНР, предоставляет данные о своей помощи (пусть и только агрегированные) в КСР ОЭСР.

С другой стороны, по мере становления «новой биполярности» зарубежные исследователи уделяют особое внимание китайским проектам помощи ввиду выхода КНР на лидирующие позиции среди доноров в целом ряде стран. Фактически такие исследовательские проекты, как AidData, обеспечивают информационно-аналитическое сопровождение важных внешнеполитических инициатив США, как, например, создание на базе Корпорации частных зарубежных инвестиций США (ОРИС) специализированного фонда с бюджетом в 60 млрд долл. США для противодействия внешнеэкономической экспансии КНР в страны Африки²² либо разработка новой Африканской стратегии США, также призванной ограничить влияние КНР и России на континенте²³. Соответственно, в системе AidData имеется подробная информация обо всех основных проектах КНР в Африке и Азии, но отсутствуют исследования российских проектов помощи.

Таким образом, информация о последних на данный момент практически недоступна, и в этой связи актуален вопрос формирования соответствующей исследовательской базы данных, методология создания которой в целом описана

²¹ Geographical Distribution of Financial Flows to Developing Countries 2018. Disbursements, Commitments, Country Indicators. OECD, 2018. URL: <http://www.oecd.org/dac/geographical-distribution-of-financial-flows-to-developing-countries-20743149.htm> (accessed: 28.11.2018).

²² См.: Pilling D. US to set up \$60bn agency to counter China in developing world // Financial Times. 23 September 2018. URL: <https://www.ft.com/content/40d7eee4-bdc1-11e8-94b2-17176fbf93f5> (accessed: 28.11.2018).

²³ См.: Remarks by National Security Advisor Ambassador John R. Bolton on the Trump Administration's New Africa Strategy. 13 December 2018. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-national-security-advisor-ambassador-john-r-bolton-trump-administrations-new-africa-strategy/> (accessed: 13.12.2018).

А.М. Максимовой [Максимова 2017] и предполагает анализ распоряжений Правительства РФ о выделении средств для оказания международной помощи. Разработка такой базы планируется в рамках текущего проекта РГНФ—КАОН по российской и китайской помощи.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках научного проекта РГНФ — Китайская академия общественных наук (КАОН) № 17-27-21002 на тему «Российская и китайская помощь странам Азии и Африки: сравнительный анализ и перспективы координации».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Белецкая М.Ю.* Российское содействие международному развитию: оценки и перспективы // Научные труды. 2015. Т. 13. С. 138—155.
- Ваз А.К., Иноу К.Ю., Агравал С., Чинь Г.Т., Фролик М.Б., Брод В., Тандраян П., Сидиропулус Э.* Новые доноры содействия международному развитию — новые партнерства для развития. Бразилия, Индия, Китай, ЮАР // Вестник международных организаций. 2010. Т. 5. № 2. С. 111—179.
- Виноградов А.В., Дегтерев Д.А., Спирина Д.В., Трусова А.А.* «Пекинский консенсус» в международном и внутрикитайском политическом дискурсе // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 3. С. 17—28.
- Дегтерев Д.А.* Российская политика в сфере содействия международному развитию: контуры партнерства со странами БРИКС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014а. № 1. С. 5—12.
- Дегтерев Д.А.* Политическая экономия международной помощи // Мировая экономика и международные отношения. 2014б. № 4. С. 26—35.
- Дегтерев Д.А.* Содействие международному развитию: Эволюция международно-правовых режимов и эффективность внешней помощи. М.: URSS, 2011. 320 с.
- Дегтерев Д.А., Ли Янь, Трусова А.А.* Российская и китайская системы оказания международной помощи: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 824—838. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-824-838.
- Ефремова М.В.* Новые приоритеты России в содействии международному развитию // Вестник международных организаций. 2010. Т.5. № 2. С. 216—219.
- Иностранная помощь* / под ред. Л.М. Капицы. М.: МГИМО, 2013.
- Максимова А.В.* Что мы знаем и не знаем о российском СМР? // 25 лет внешней политике России: сборник материалов X Конвента РАМИ. Т. 4. Ч. 1: Россия и современный мир: экономика и право. М.: МГИМО, 2017. С. 619—632.
- Михневич С.В.* Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 2. С. 95—129.
- Морозова Е.А.* Перспективы участия России в содействии развитию // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2010. № 2. С. 220—222.
- Gulrajani N., Swiss L.* Donor proliferation to what ends? New donor countries and the search for legitimacy // Canadian Journal of Development Studies. 2018. DOI: 10.1080/02255189.2019.1543652.
- Lancaster C.* The Chinese Aid System. Center for Global Development. 2007. URL: https://www.cgdev.org/sites/default/files/13953_file_Chinese_aid.pdf (accessed: 23.11.2018).

- Larionova M., Rakhmangulov M., Berenson M.P.* The Russian Federation's International Development Assistance Programme: A State of the Debate Report. Brighton: Institute of Development Studies (IDS), 2014.
- Petrenko M.* Russia as a Re-emerged Donor: Development Assistance Incentives in the Context of Changed Aid Architecture in the 21st Century. MSc Thesis. University of Glasgow, 2014.
- Manning R.* Will 'Emerging Donors' Change the Face of International Co-operation // *Development Policy Review*. 2006. Vol. 24. N 4. P. 371—385.
- Mohan G., Power M.* Africa, China, and the 'New' Economic Geography of Development // *Singapore Journal of Tropical Geography*. 2008. Vol. 30. N 1. P. 24—28.
- Mthembu P.* China and India's Development Cooperation in Africa. The Rise of Southern Powers. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2018.
- Philips D.* BRICS and Development Aid: Could Chinese Aid be Different? // *International Affairs Forum*. 2013. Vol. 4. N 1. P. 17—21. DOI: 10.1080/23258020.2013.824244.
- Soviet and Chinese Aid to African Nations* / ed. by W. Weinstein and T. Henriksen. N.Y.: Praeger Publishers, 1980.
- Weston J., Campbell C., Koleski K.* China's foreign assistance in review: implications for the United States. U.S. — China Economic and Security Review Commission. 2011. URL: [https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/9_1_%202011_ChinasForeignAssistance inReview.pdf](https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/9_1_%202011_ChinasForeignAssistance%20inReview.pdf) (accessed: 28.11.2018).
- Zimmermann F., Smith K.* More Actors, More Money, More Ideas for International Development Co-operation // *Journal of International Development*. 2011. Vol. 23. N 5. P. 722—738.

Дата поступления статьи: 28.11.2018

Для цитирования: Дегтерев Д.А., Ли Янь, Трусова А.А., Черняев М.С. Приоритетные направления российской и китайской помощи в целях развития странам Азии и Африки: сравнительно-сопоставительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 888—905. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-888-905.

Сведения об авторах: Дегтерев Денис Андреевич — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: degterev-da@rudn.ru).

Ли Янь — доктор ист. наук, профессор, научный сотрудник Института мировой экономики и политики, Китайская академия общественных наук, Пекин, КНР (e-mail: liyan9339@163.com).

Трусова Александра Андреевна — студент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032152385@rudn.ru).

Черняев Михаил Сергеевич — студент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032152269@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-888-905

Priorities of Russian and Chinese Development Cooperation to Asia and Africa: A Comparative Analysis

D.A. Degterev, A.A. Trusova, M.S. Cherniaev

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation

Li Yan

Institute of World Economics and Politics, Chinese Academy of Social Sciences,
Beijing, Peoples' Republic of China

Abstract. The subject of the study covers the priority areas (both geographical and sectoral) of development cooperation provided by the Russian Federation and the Peoples' Republic of China to the Asian and African states. The authors conduct a comparative analysis of the main recipients of assistance from the two countries, as well as its main sectors for 2011—2014.

The methodological basis of this study is based on the principles of reliability and scientific objectivity. The study applied the method of comparative analysis, which includes elements of both quantitative and qualitative approach. The authors present the methodological challenges that arise while collecting statistical data and comparing aid flows of new donors.

The data on development cooperation of the PRC (recipients, directions, volumes) presented in the AidData project is widely used. Data on Russian development cooperation is partially presented in OECD statistics, but it covers only data on the total amount of assistance to recipients. Since the data on Chinese aid is available for the period of 2000—2014, and on Russian aid — for 2011—2017, the study period for data comparison includes 2011—2014.

The result of the study is summarized in the table with the top-10 recipients of the Russian and the Chinese assistance to countries in Asia and Africa. Quantitative data on the flows of Russian and Chinese aid is complemented by qualitative data on specific assistance projects and the characteristics of their implementation, which allows to form a more complex picture of the two new donors' flows and outline directions for coordinating their efforts in Asia and Africa.

Key words: Russian Federation, People's Republic of China, development cooperation, official development assistance, Organization for Economic Co-operation and Development, AidData, comparative analysis

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the scientific project of Russian Humanitarian Scientific Fund — Chinese Academy of Social Sciences № 17-27-21002 «Russian and Chinese assistance to Asian and African countries: comparative analysis and coordination prospects».

REFERENCES

- Beletskaya, M.Yu. (2015). Russian Assistance to International Development: Assessments and Prospects. *Scientific works*, 13, 138—155. (in Russian).
- Vaz, A.C., Inoue, C.Y.A., Agrawal, S., Chin, G.T., Frolic, M.B., Braude, W., Thandrayan, P. & Sidiropoulos, E. (2010). Emerging Donors in International Development Assistance. *International Organisations Research Journal*, 2, 111—179. (in Russian).
- Vinogradov, A.V., Degterev, D.A., Spirina, D.V. & Trusova, A.A. (2018). “Beijing Consensus” in International and intra-Chinese Political Discourse. *Problems of the Far East*, 3, 17—28. (in Russian).

- Degtarev, D.A. (2014a). Russian IDA Policy — Contours of BRICS Partnership. *Vestnik RUDN. International Relations*, 14 (1), 5—12.
- Degtarev, D.A. (2014b). Political Economy of International Assistance. *World Economy and International Relations*, 4, 26—35. (in Russian).
- Degtarev D.A. (2011). *International Development Assistance: The Evolution of International Legal Regimes and the Effectiveness of Foreign Aid*. Moscow: URSS. (in Russian).
- Degtarev, D.A., Li Yan & Trusova, A.A. (2017). Russian and Chinese Systems of Development Cooperation: a Comparative Analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 824—838. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-824-838. (in Russian).
- Efremova, M.V. (2010). New Priorities of Russia's International Development Assistance Policy. *International Organisations Research Journal*, 5 (2), 216—219. (in Russian).
- Kapitsa, L.M. (Eds.). (2013). *Foreign Aid*. Moscow: MGIMO-University. (in Russian).
- Maksimova, A.V. (2017). What do We Know and do not Know about the Russian International Development Assistance? In: *25 years of Russian foreign policy. Collection of materials of X Convention of Russian International Studies Association. Vol. 4, Part 1: Russia and the Modern World: Economics and Law*. Moscow: MGIMO, 619—632. (in Russian).
- Mikhnevich, S.V. (2014). The Panda in the Dragon's Service: the Main Directions and Mechanisms of China's Soft Power Policy. *International Organisations Research Journal*. 9 (2), 95—129. (in Russian).
- Morozova, E.A. (2010). Perspectives for Russia's Participation in International Development Assistance. *International Organisations Research Journal*, 5 (2), 220—222. (in Russian).
- Gulrajani, N. & Swiss, L. (2018). Donor Proliferation to What Ends? New Donor Countries and the Search for Legitimacy. *Canadian Journal of Development Studies*. DOI: 10.1080/02255189.2019.1543652.
- Lancaster, C. (2007). The Chinese Aid System. *Center for Global Development*. URL: https://www.cgdev.org/sites/default/files/13953_file_Chinese_aid.pdf (accessed: 23.11.2018).
- Larionova, M.V., Rakhmangulov, M.R. & Berenson, M.P. (2014). *The Russian Federation's International Development Assistance Programme: A State of the Debate Report*. Brighton: Institute of Development Studies (IDS).
- Petrenko, M. (2014). *Russia as a Re-emerged Donor: Development Assistance Incentives in the Context of Changed Aid Architecture in the 21st Century*. MSc Thesis. University of Glasgow.
- Manning, R. (2006). Will 'Emerging Donors' Change the Face of International Co-operation. *Development Policy Review*, 24(04), 371—385.
- Mohan, G. & Power, M. (2008). Africa, China, and the 'New' Economic Geography of Development. *Singapore Journal of Tropical Geography*, 30 (01), 24—28.
- Mthembu, P. (2018). *China and India's Development Cooperation in Africa. The Rise of Southern Powers*. N.Y.: Palgrave Macmillan.
- Philips, D. (2013). BRICS and Development Aid: Could Chinese Aid be Different? *International Affairs Forum*, 4 (01), 17—21. DOI: 10.1080/23258020.2013.824244.
- Weinstein, W. & Henriksen, T. (eds). (1980). *Soviet and Chinese Aid to African Nations*. N.Y.: Praeger Publishers.
- Weston, J., Campbell, C. & Koleski, K. (2011). China's Foreign Assistance in Review: Implications for the United States. U.S. — China Economic and Security Review Commission. URL: [https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/9_1_%202011_ChinasForeignAssistance inReview.pdf](https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/9_1_%202011_ChinasForeignAssistance%20inReview.pdf) (accessed: 28.11.2018).
- Zimmermann, F. & Smith, K. (2011). More Actors, More Money, More Ideas for International Development Co-operation. *Journal of International Development*, 23 (05), 722—738.

Received: 28.11.2018

For citations: Degterev, D.A., Li Yan, Trusova, A.A. & Cherniaev, M.S. (2018). Priorities of Russian and Chinese Development Cooperation to Asia and Africa: A Comparative Analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 888—905. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-888-905.

About the authors: *Degterev Denis Andreevich* — PhD in Economics, Head of Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia (e-mail: degterev-da@rudn.ru).

Li Yan — Doctor in History, Researcher of Institute of World Economics and Politics, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, PRC (e-mail: liyan9339@163.com).

Trusova Aleksandra Andreevna — student of Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia (e-mail: 1032152385@rudn.ru).

Cherniaev Mikhail Sergeevich — student of Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia (e-mail: 1032152269@rudn.ru).

© Дегтерев Д.А., Ли Янь, Трусова А.А., Черняев М.С., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-906-924

Russian-Vietnamese Cooperation in Energy Sector

Nguyen Thi Ngoc Lan, E.F. Chernenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation

Abstract. The abundance of energy resources including renewables and non-renewables is central to the development of energy sector. However, other decisive factors like technology and human resources turn naturally-bestowed gifts into economic gains for prosperity. In the circumstance of being an invaded country in the 1950s, the young Democratic Republic of Vietnam prioritized formation of energy sector in the economic development plan to be more self-reliant in energy security for a harsh war against much more powerful enemies. A single international source of supports for the very young country at that time was communist allies. The Soviet Union assumed a major responsibility as the largest benefactor for the Democratic Republic of Vietnam in the war-time. In addition to military and logistic aids for the Democratic Republic of Vietnam in North Vietnam to struggle with the US-backed Government of the Republic of Vietnam in South Vietnam for unification, the Soviet Union also actively supported it to implement the 5-year economic plans for socialism development including formation and development of the energy sector. In the post-war time, they continued to support the newly-unified country, the Socialist Republic of Vietnam, to develop the energy sector as its spreadhead economic sector. The Russian Federation and Vietnam continue to deepen the bilateral cooperation in energy sector with the successful management of multibillion dollar joint-ventures in the oil and gas industry and implement many projects in the energy sector as a whole after the collapse of the Soviet Union. In assessment of the achievements of Russia—Vietnam cooperation, the bilateral partnership in energy sector emerges as the most prominent area of cooperation over the 68-year old history of cooperation. This article is aimed to provide a brief history of bilateral cooperation in the energy sector with an emphasis on the central role of the Soviet Union and later Russian Federation in forming and developing the energy sector of Vietnam. Prospects of cooperation are also a matter of analysis in this article.

Key words: energy sector, oil and gas industry, bilateral cooperation, North Vietnam, South Vietnam, Soviet Union, Russia

INTRODUCTION

In the Southeast Asia, Vietnam has appeared as one of the most dynamic economies with the annual average growth rate of more than 6% over many decades since a comprehensive economic reform launched by the Government in 1986 for transition from centrally-planned to market economy. Vietnam reached to a lower middle-income country status in 2010. Remarkable economic growth is partly attributed to the energy sector, whose crucial role is to provide momentum for rapid industrialization. Population growth and governmental orientations for industrialization and modernization in almost socio-economic development plans since the economic reform, as known as “Doi moi” translate into a strong demand for maintaining energy security.

Actually, a special attention had been paid by the Government of Democratic Republic of Vietnam (DRV) for developing the energy sector since independence

in 1945. The first president of the Democratic Republic of Vietnam, Ho Chi Minh, put development of energy sector high in the economic development agenda. On the occasion of his visit to Azerbaijan's Neftianye Kamni oil field in 1959, he nurtured a strong ambition of developing the oil and gas industry like this country in his mind with a saying that "*after Vietnam wins in the war, the Soviet Union in general and Azerbaijan in particular must support Vietnam in exploring and processing oil and natural gas and developing as strong petroleum industrial zones as Baku*"¹. After more than 70 years, the energy sector has been growing as one of the most important economic sectors in Vietnam. Extracting the first cubic meter of natural gas in June 1981 and pumping the first tons of crude oil in June 1986 as two crucial milestones mark the progress of the Vietnam's energy sector. From a net energy importer, Vietnam has become an energy exporter in 1990s. When it come to the formation and development of Vietnam's energy sector, Russia's technical and financial assistance are of very substantial significance².

A wide range of literatures on Russo-Vietnam cooperation is available. Most studies focus on analyzing stages of cooperation in chronological order, including general description on various areas of cooperation [Istomin 2018]. Unlike military cooperation, there are few studies on bilateral cooperation in energy sector [Mazyrin 2012; Mazyrin 2016; Kobelev 2015; Narkhova 2017]. Articles devoted to Russo-Vietnam relations appear in such journal as "South—East Asia: relevant problems of development" written by G.M. Kostunina [Kostunina 2018], A.Y. Skopin [Skopin 2018], M.S. Zelenkova [Zelenkova 2018], N.N. Tsvetkova [Tsvetkova 2015]. The latter has a lot of publications on common problems of Vietnam and is very famous as a scientific researcher both in Russia and abroad.

The most famous Russian scientific centers, which research different aspects of Vietnamese problems, are in Moscow (Institute of the Oriental Study and Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences), Petersburg and Vladivostok. The name of Vietnamese scientist Nguen Minh Ngoc is known as the author of two monographs [Nguen Minh Ngoc 2013a, 2013b] and the article [Nguen Minh Ngoc 2015], in which interests and policy of Japan, Russia, India and Australia in the South China Sea are under consideration. The content of the article is closely connected with our topic. Russian-Vietnamese relations are being researched not only in Russia and Vietnam. Japanese scientist Mikhoko Kato has published an article devoted to analysis of special features and tasks of development of the Russian-Vietnamese strategic partnership [Mikhoko Kato 2015: 54—74]. Periodic publication "Vietnamese studies" of Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences regularly presents new collections of articles, where among different aspects of Vietnamese problems Russian-Vietnamese relations are touched upon. In the focus of the article by N. Filimonova are possibilities of cooperation in the Arctic of the two countries [Filimonova 2015].

Despite availability of relatively numerous bulletins about this partnership on both digital and non-digital newspapers in various languages, major Russo-Vietnam coopera-

¹ PetroVietnam. History of oil and natural gas industry in Vietnam until 2010. 2011. Vol. 1. National Publishing House of Politics and Truth. Hanoi, Vietnam. P. 23.

² Asian Development Bank. Vietnam energy sector assessment, strategy and roadmap. December 2015. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/178616/vie-energy-roadmap.pdf> (accessed: 06.06.2018).

tion achievements in energy sector are only referred with very few analyses about the role of the USSR and Russia in formulation and development of Vietnam's energy sector³. It is understandable that there are many stakeholders in this process but the USSR and later Russian Federation occupy a critical position. The purpose of this article is to explore the following main questions: How does history of Russo-Vietnam relations in energy sector help their modern cooperation? What role does the USSR and later Russian Federation play in the formation and development of Vietnam's energy sector? What are prospects for bilateral cooperation in energy sector? By answering these questions, it is argued that the Soviet Union was a pioneer supporter in the development process of Vietnam's energy sector and the Russian Federation presents itself as an excellent successor. The influential role of the Soviet Union in the past and the Russian Federation at present is singled out by arguing that the growth of Vietnam's energy sector is attributed to the financial, technical and personnel contribution since the war-time to now. Not only Vietnam but also Russia is very interested in nurturing cooperation in energy sector because of mutual economic and political gains. Within the scope of this article, it only emphasizes on economic benefits enjoyed by Vietnam from this permanent partnership. Political perspectives of this bilateral cooperation from both sides are not covered in this article⁴.

ENERGY SECTOR IN RUSSIAN-VIETNAMESE RELATIONS: SHORT HISTORY

For the development of energy sector in any country, availability of energy sources is very important factor. Vietnam has benefited from a large range of domestic primary energy sources such as crude oil, coal, natural gas and hydropower; however, the quantity of these sources is moderate to be capable of partially satisfying the current internal demand. In 1990s, Vietnam emerged in the world market as an exporter of crude oil and coal. However, the development of industrial and transportation sectors at the turn of the 20th century plus population growth rebalance the demand and supply of primary energy sources, deepening the country's dependence on external resources of oil products and some kinds of coal⁵.

³ Russia strengthens ties with Vietnam // Forbes. December 12, 2013. URL: <https://www.forbes.com/sites/stratfor/2013/12/12/russia-strengthens-ties-with-vietnam/#25989b487811> (accessed: 30.06.2018).

⁴ Beginning of the meeting with the Secretary General of of the Communist Party of SRV Nguyen Phu Trong. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/by-date/06.09.2018>. (in Russian).

⁵ Vietnam: oil consumption // Global Economy. 2014. URL: https://www.theglobaleconomy.com/Vietnam/oil_consumption/ (accessed: 04.06.2018); Vietnam crude oil production // Tradingeconomics. 2018. URL: <https://tradingeconomics.com/vietnam/crude-oil-production> (accessed: 14.06.2018); Thuy Linh. Crude oil export and import increase strongly. December 24, 2017. URL: <http://cafef.vn/xuat-khau-dau-tho-tang-nhap-khau-xang-dau-cung-tang-manh-20171224093000069.chn> (accessed: 04.06.2018) (in Vietnamese); Vietnam: coal export // Global Economy. 2014. URL: https://www.theglobaleconomy.com/Vietnam/coal_exports/ (accessed: 14.06.2018); Vietnam imports 3 million tons of coal to operate 3 PVN's thermal power plants each year. November 2, 2016. URL: <http://dantri.com.vn/kinh-doanh/moi-nam-nhap-15-trieu-tan-than-cho-3-nha-may-nhiet-dien-cua-pvn-20161102202328594.htm> (accessed: 26.06.2018) (in Vietnamese); DTPS. Report on prospects of coal industry in Vietnam. June 27, 2017. URL: <https://dautuphaisinh.com/bao-cao-trien-vong-nganh-viet-nam/> (accessed: 14.06.2018) (in Vietnamese); ATIC. Oil and gas to Vietnam — Trends and

Traditional partners of Vietnam come from the Russian Federation such as Zarubezhneft and Gazprom, which continue to play an important role in the oil and gas industry of Vietnam. Many jointly-implemented projects in the oil and gas industry have been implemented for many decades, bringing millions of US dollars to two governments. It is a true fact that cooperation in the oil and gas industry has been always played a crucial role in the bilateral economic cooperation. Two countries also have cooperated very strongly not only in gas and oil industry but in the power sector as a whole since 1960s [Cherry 2018; Baev, Tonnesson 2015]. Looking back the development history of Vietnam's energy sector, it is undeniable that the Soviet Union supported Vietnam to lay out a foundation for its energy sector, particularly gas and oil industry. After the collapse of the Soviet Union, the Russian Federation inherits this traditional and strategic bilateral cooperation, particularly in the energy sector. Until now, this relationship has a life of more than 65 years.

After the collapse of the USSR, the Russian Federation experienced profound structural changes in the economic, political and social system. The 40-year bilateral cooperation also faced massive interruptions caused by the dissolution of the world's largest communist country. It seemed that this bilateral cooperation nearly came to the status of stagnation in some first years. As an important international benefactor of Vietnam during the war-time, the USSR provided a very huge ideological, material and spiritual supports to Vietnam, evidently forming a very special position in the hearts and minds of the public and the leadership in Vietnam. During this period, an influential generation of policy makers such as General Secretary of Vietnam Communist Party, Nong Duc Manh; Defense Minister, Phung Quang Thanh; National Assembly Chairman, Nguyen Phu Trong, and others who studied and lived in the USSR for many years, continued to maintain their warm feelings to the Russia and desired to improve cooperation with the Russian Federation as Vietnam used to enjoy with the USSR. A series of official visits by the political leaders from two sides since 1994 gradually helped both countries to move beyond the sense of uncertainty, stagnation, and aloofness within their relationship.

The first event earmarking the progress to improve the Russo-Vietnam relationship is an official visit by the Vietnamese Prime Minister Vo Van Kiet to the Russian Federation in June, 1994. In this trip, the Treaty on principles of friendly relations between the Socialist Republic of Vietnam and Russian Federation defining main principles of bilateral cooperation in the post-Soviet Union was signed by two countries as substitute of an obsolete Treaty of Friendship and Cooperation signed by the Soviet Union and the Socialist Republic of Vietnam in November 4, 1978, in Moscow. Bilateral cooperation in energy sector in general and oil and gas industry in particular is among key aspects in the newly-concluded treaty. Three years later, the Russian Prime Minister,

opportunities. 2017. URL: <https://www.austrade.gov.au/australian/export/export-markets/countries/vietnam/industries/oil-and-gas> (accessed: 10.06.2018); OGAV. Vietnam's oil and gas industry on a continuing growth path. 2018. URL: <http://oilgasvietnam.com/post/97/Industry-Facts.html> (accessed: 12.06.2018); Vietnam swifts from top coal exporter to a coal importer // Baomoi. October 24, 2017. URL: <https://baomoi.com/tu-mot-quoc-gia-xuat-khau-than-hang-dau-viet-nam-ngay-cang-phu-thuoc-than-nhap-khau/c/23681155.epi> (accessed: 14.06. 2018).

V.S. Chernomyrdin, paid a visit to Vietnam. However, these high-ranking visits were not sufficient to revitalize the bilateral cooperation. Generally, the focus of discussions mainly involves write-off of debts owned by Vietnam to the Russian Federation and expansion of the payment of the balance. The level of cooperation in investment and trade, education and others was limited in size during this period.

A new stage of Russo-Vietnam relations was ushered with the Joint Statement for a Strategic Partnership signed by two parties in the first official visit of the Russian President, V.V. Putin, to Vietnam in March 2001. The crucial inter-governmental agreement has underpinned the steady, but gradual, evolution of the bilateral relationship in the first decade of the new century [Kozyrev 2014: 8—11]. Among eight major areas set out by the intergovernmental agreement is energy cooperation. It is a matter of fact that at the turn of the century, bilateral trade between Moscow and Hanoi reached the lowest level in officially recorded history (200 million USD), accounting for less than one percent of Russia's foreign trade volume [Kozyrev 2014: 8—11]. However, cooperation in energy sector, particularly gas and oil industry was effective. In 2002, 13.52 million tons out of 17 million tons as the Vietnam's crude oil output was pumped by Vietsovpetro and constitutes the bulk of Vietnam's oil exports⁶. The joint-venture enables Vietnam to confirm it as the third largest oil exporter in the Southeast Asia. Meanwhile, Russia earned 321 million USD of the profit from Vietsopetro in the first nine months of 2002⁷.

Following the formation of strategic partnership in 2001, five high-profile visits by key political leader of Government of Vietnam to Russia with an aim of reinforcing the mutual cooperation and promoting trade and investment have been paid, including (i) the General Secretary of Vietnam Communist Party, Nong Duc Manh, in October, 2002; (ii) the Chairman of National Assembly, Nguyen Van An, in January, 2003; (iii) the President, Tran Duc Luong in May, 2004, (iv) Prime Minister, Nguyen Tan Dung in September, 2007 and (v) the standing secretary of Vietnam Communist Party, Truong Tan Sang in June, 2008. Many return visits from the Government of Russia were undertaken by key leaders such as (i) Prime Minister of the Russian Federation M.M. Kasyanov in March, 2002, (ii) Chairman of the Federation Council S.M. Mironov in January, 2005, (iii) Prime Minister of the Russian Federation M.E. Fradkov in February, 2006, etc. Oil and gas exploration and exploitation had been always a priority issue in discussion in all high-ranking visits of key leaders. Two out of five important documents of bilateral cooperation signed by the Russian President V.V. Putin, on his second visit to Vietnam and the Vietnamese President, Nguyen Minh Triet in 2006 relate to the energy sector, in which the first is about a joint discussion on cooperation on oil exploration gas in the southern continental shelf of Vietnam and the second about cooperation between Russian's joint-stock company, Gazprom and Vietnam National Oil and Gas Company (PetroVietnam).

⁶ GIC. Oil and gas exploration laws and regulation handbook. 2008. Vol. 1: Strategic and legal information. International Bussiness Publications, USA. P. 179.

⁷ Ibid.

The second decade of the twenty first century actually records an impressive improvement in the bilateral relationship when the strategic partnership was officially upgraded into the status of a comprehensive strategic partnership in a state visit by Vietnamese President Truong Tan Sang to the Russian Federation in July, 2012. The Russian President V.V. Putin and the Prime Minister D.A. Medvedev made return visits to Vietnam in November, 2013 and April, 2015 respectively. In this period, there were also other official visits from Vietnam's key leaders. The most recent state visit (June, 2017) by Vietnam President Tran Dai Quang to the Russian Federation proposed measures for strengthening bilateral cooperation, particularly in energy sector. Establishment of the Nuclear Science and Technology Center in Vietnam was among topics of discussion in this trip.

One of joint-cooperation components contributing to the building-up of a strong sense of political confidence and trust on the both sides is joint-oil and gas exploration in offshore Vietnam. The 1.5 billion-Vietsovetropet with 51% of shares held by PetroVietnam presenting the Vietnamese side and 49% by Zarubezhneft presenting the Russian side continues stand out as a bright example of successful operation in the energy sector. At the end of 2013 production of the whole industry has exceeded 268.31 million tons of crude oil, including 189.9 million tons from Vietsovetropet and 78.3 million tons from PVEP (PetroVietnam Exploration Production Corporation) [Le Viet Trung et al. 2016: 64—71]. Over 37 years of operation, this joint venture has been awarded 18 honorable orders of the Socialist Republics of Vietnam in total including Gold Star Order, Ho Chi Minh Order, Hero of Labor Titles (different levels), Independence Order, Military Exploit Order (different levels), Labor Order (different levels), Feat Order (different levels) and National Security Medal. It is among few joint-ventures in Vietnam having been honored with the “Gold Star Order”, the most notable award in the country's order and medal system on the 30th anniversary of establishment in 2010, acknowledging its great contributions to the oil and gas industry in particular and national economic development in general. Another symbol of the strategic traditional relationship is Rusvietpetro, a joint-venture between Zarubezhneft and PetroVietnam at the stake of 51/49. This company came into operation in December, 2009. Currently, it is prospecting, exploring and exploiting 13 fields of 4 blocks in the Nenetsky autonomous region, Russian Federation. At the end of 2015, the accumulative production output reached more than 19 million tons, bringing the total revenue of more than 5.5 billion USD. This enterprise was also granted with a Friendship Order by the GoV.

In the oil and gas joint-cooperation field, Vietnam has come into agreements with numerous international groups from United States, Japan, Russia, UK, Malaysia, Canada, and Australia. However, the Russian Federation remains the largest partner since the first days of the gas and oil industry. In addition to Zarubezhneft holding 49% in the first joint-venture of this type in Vietnam, Vietsovetropet, 50% in the Vietnam—Japan—Russia Petroleum Company (VRJ) and 51% in Rusvietpetro, two other Russian giant groups are keeping influential positions in the Vietnam's oil and gas industry when being granted with licenses to operate in oil and gas fields or structures of high commercial values. Gazprom, Russia's largest producer and exporter of liquefied natural gas, set up business relationship with PetroVietnam in the form of Protocol on cooperation signed in 1997 and officially operated in Vietnam's off-shore waters in 2002. A first product of joint coope-

ration is Vietgazprom, which is currently conducting exploration activities at eight oil and gas licensed blocks on the continental shelf of Vietnam. It is important to note that Gazpromviet joint-venture, a second product of joint cooperation, registered in 2010 enables PetroVietnam to operate abroad, particularly in the Nagumanovskoye (Orenburg Region) and Severo-Purovskoye (Yamal-Nenets Autonomous Area) fields, both in Russia. This group also inked a contract with Petrovietnam Gas Joint Stock Corporation for forming the PVGAZPROM Natural Gas for Vehicles Joint Venture (PVGAZPROM NGV) in October, 2015 with the target of producing and marketing natural gas as a vehicle fuel in Vietnam. The latest investor from the Russian Federation to Vietnam's oil and gas industry is Rosneft, the Russia's largest oil producer. With the establishment of Rosneft Vietnam B.V. in 2013 to operate the block 0.61 and block 05-3/11 and Rosneft Pipelines Vietnam B.V. to manage a pipeline that carries gas and condenses from four offshore blocks to an onshore power generation plant, the group affirms its important role in Vietnam's energy security by producing 10% of Vietnam's electricity needs and 65,000 tons of gas condensate in 2017. This group owns around 33% of the stake in the block 0.61 and the pipeline. In addition to profitability, experiences gained though operation offshore Vietnam are believed to be useful for planning and implementation of exploration and production projects in the other remote regions of the world.

In this period, two countries continue to expand the history of cooperation in the hydropower sector. Construction of 720 MW Yaly hydropower plant on the Sesan River, a main tributary of Mekong River in Central Vietnam in 1993 is an example. This plant is different from other large constructed hydropower plants because it was the first time that Vietnam is responsible for managing and organizing the entire construction process under the technical supervision of Russian and Ukrainian specialists. The plant consists of four generators, the first of which came into operation in 2000 and the last of which in 2001. At the time of construction, this plant is the second largest one in the country, after Hoa Binh Hydropower Plant. This plant plays a crucial role in the country's electricity system because it supplies more 3.68 billion kWh per year, addressing serious shortage of electricity in dry season and helps to adjust frequency and voltage of the country's grid system. A recently-completed 2,400 MW Son La Hydropower Plant on Black River in the north of Vietnam makes a considerable contribution to fulfilling the target of increasing the country's hydropower capacity to 75,000 MW by 2020⁸. After 7 years of construction (2005—2012), this 6-generator-plant came into operation to supply over 10,000 billion kWh per year, inscribing it as the largest hydropower plant in Vietnam and Southeast Asia. Its concrete gravity 961.6 meter-long and 228.1 meter-high dam coupled with the 9.26 billion-cubic-meter reservoir is very useful to regulate and supply water to the Red River Delta, the second most important rice-cultivating delta in Vietnam. It is a great pride that the plant was completely built by Vietnamese contractors based on the technical design by the institute

⁸ GoV. Decision on approving the national power development plan until 2020. 2011 // Government in Vietnam. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Linh-vuc-khac/Quyet-dinh-1208-QD-TTg-phe-duyet-Quy-hoach-phat-trien-dien-luc-quoc-gia-126942.aspx> (accessed: 14.06.2018) (in Vietnamese).

“Hydroproject”, Russian hydro-technical design firm, showing Vietnam’s mastery of hydropower technologies. This institute is also responsible for technical-designing for many important hydropower projects in a wide range of scales such as Yaly, Tri An, Ham Thuan and others.

ROLE OF RUSSIA IN FORMATION AND DEVELOPMENT OF ENERGY SECTOR IN VIETNAM

The role of the USSR and Russian Federation in energy security in Vietnam is very huge. First of all, Vietnam was nearly completely reliant on the supply of petroleum from Russia to support industrialization in North Vietnam and fight the “War of Liberation” in South Vietnam. Millions of tons of petroleum were transported to Vietnam during the war. In 1980s, the newly-reunified country faced an economic recession and population boom. A serious shortage of basic commodities was commonplace across the country. In 1983, 90% of petroleum, iron, steel, fertilizers, cotton and 70% of grains demanded by the country were provided by the Soviet Union. The situation only started to change after the first oil field of Vietnam, Bach Ho, came online in 1986. In early 2000s, Vietnam was in the top-three crude oil exporter in the Southeast Asia. The constantly-increasing demand of energy brings Vietnam from a net energy exporter to net energy importer in 2015. As expected, the domestic demand of coal reaches 86.5 million tons by 2020, 121.5 million tons by 2025 and 156.6 million tons by 2030. Due to supply-demand imbalance, 36.4 million tons, 67 million tons and nearly 100 tons need to be imported in 2020, 2025 and 2030 respectively. In recent years, coal has become a key export commodity to Vietnam from the Russian Federation. For example, Russia exports more than 1 million tons of anthracite coal to support the operation of thermal power plants to Vietnam each year.

Secondly, the USSR helped Vietnam to lay out a foundation for the oil and gas industry. Since the early days, Vietnam has received generous support from the Soviet Union to carry out geological surveys to prospect oil and gas potentials in term of financial, technical and human resources. The first generation of Vietnam’s oil and gas specialists and engineers came from practical trainings by Soviet specialist in field trips. Through development and production activities, PetroVietnam’s technical capability has been developed and PetroVietnam is nowadays capable of operating development and production activities in the deep water and off-shore areas [Le Viet Trung et al. 2016: 64—71]. Since 1990s, the Russian Federation maintains profitable cooperation in this industry. Three major oil and gas groups, Zarubezhneft, Gazprom and Rosneft have worked with Vietnamese partners in many effectively-operating joint-ventures. A half of the total output of crude oil in Vietnam has been produced by VietsoPetro, ranking it as the highest revenue-making company with foreign capitals which are operational in the Vietnam’s oil and gas industry. It is wonderful that this state-owned oil and gas group of Vietnam expands its operational scope beyond Vietnam’s offshore waters in partnership with Russian partners. In the face of diminishing output from the mature oil fields, PetroVietnam is cooperating with Russian partner in prospecting and exploring other oil and gas structures to compensate a drop from the major mature oil field like Bach Ho. In term of income-generating, the formation and growth of Vietnam’s oil and gas industry empowers its national economy to escape from a group of the world’s

poorest countries after liberation in 1975 to reach the status of lower-middle income countries. That being said, PetroVietnam, a state-own oil and gas group responsible for oil and natural gas resources in Vietnam, has an average growth rate of nearly 20% per year and makes a contribution of 20—25% of the entire state budget over three decades since commercial exploration of crude oil in Vietnam⁹.

Thirdly, influence of Russia in the power sector is something undeniable. Key hydropower and thermal power plants like Yaly, Son La, Hoa Binh, Pha Lai and Uong Bi etc. were designed by Russia and constructed with their technical and financial support. A physical challenge faced by Vietnam is constantly-serious shortage of electricity despite a fact that hundreds of hydropower plants and dozens of thermal power have been operated so far¹⁰. In the period 2011—2015, the national electricity consumption grew at the average rate of 10.6% per year, which was lower than the average growth of the period 2006—2010 at 13.4% per year¹¹. The demand of energy is expected to remain above 10% until 2030¹². Each power plant constructed in each region helps to reduce pressures of distribution over the national grid, particularly in dry months. Financially, many hydropower and thermal plants constructed during the war-time and post-war period are completely funded by the Soviet Union in form of grants. Nowadays, the Russian Federation continued to provide million-USD loans to the GoV to make investments into new hydropower projects. For example, 100 billion USD loan was offered by the Russian Federation at the preferential interest of 4.25% to purchase equipment for two hydropower plants, namely SeSan 3 and Pleikrong. With the installed capacity of 130 MW, the electricity output of the first, which was completed after 5 years of construction from 2002 to 2006, reaches 611 million Kwh per year. The latter constructed from 2003 to 2009 is smaller at 100 MW and 417 million kWh per year.

Fourthly, it is important to note dominance of the Russian technology in coal industry power sector. In the coal industry, the USSR-manufactured drilling machines, loaders, haulers and supporting equipment have been commonly seen in many surface

⁹ Cooperation projects with Russia expands in both areas of cooperation and scope of operations // PetroVietnam. September 29, 2017. URL: <http://www.pvn.vn/Pages/detail.aspx?NewsID=7bfed109-1bf5-4362-9ebb-07d98338ab2c> (accessed: 26.06.2018).

¹⁰ See: Confessions of a hydropower calamity in Vietnam // Vnexpress. 2017. URL: <https://e.vnexpress.net/projects/confessions-of-a-hydropower-calamity-in-vietnam-3655314/index.html> (accessed: 14.06.2018); IHA. Vietnam Energy Online (2015). Vietnam Renewable Energy Development Strategy. November 29, 2015. URL: <http://nangluongvietnam.vn/news/en/nuclear-renewable/vietnam-renewable-energy-development-strategy.html> (accessed: 14.06.2018); MoF. Factsheet on renewable energy in Vietnam. 2017. URL: <https://www.rvo.nl/sites/default/files/2017/11/factsheet-renewable-energy-vietnam.pdf> (accessed: 14.06.2018); Hydropower Status Report 2017. URL: <https://www.hydropower.org/sites/default/files/publications-docs/2017%20Hydropower%20Status%20Report.pdf> (accessed: 04.06.2018).

¹¹ DEA. Vietnam energy outlook 2017. URL: https://ens.dk/sites/ens.dk/files/Globalcooperation/Official_docs/Vietnam/vietnam-energy-outlook-report-2017-eng.pdf (accessed: 30.06.2018).

¹² See: Khac Kien. Electricity demand in Vietnam increases by 10% each year. July 31, 2017. URL: <http://kinhtedothi.vn/nhu-cau-dien-o-viet-nam-tang-them-10-moi-nam-294327.html> (accessed: 20.06.2018) (in Vietnamese).

coal mines in Vietnam. It is even more prominent in the power sector. Key hydropower and thermal power plants from Thac Ba to Son La were constructed in use of Russian technology and equipment. Power Machines, a Russia's world-leading power engineering company, has a very long-standing cooperation history with Vietnam which dates back to 1960s when this group provided generators to Thac Ba Hydropower Plant, the largest hydropower plant in North Vietnam at that time. Later, the group was contracted to supply cutting-edge and highly-efficient sets of power equipment for other hydropower plants such as Tri An and Hoa Binh and thermal power plants like Uong Bi and Pha Lai until 1990s. In the new century, the list of Vietnam's clients also embraces 132 MW-SeSan 3 Hydropower Plant, 153 MW Pleikrong Hydropower Plant, 210 MW-A Vuong Hydropower Plant, 280 MW Buon Kuop Hydropower Plant and 1,200 MW Long Phu 1 Thermal Power Plant. Additionally, this company was selected to supply equipment and repairing services for many long-serving plants such as upgrading Uong Bi Thermal Power Plant from 153 MW to 300 MW in 2002 and equipping Pha Lai 2 Thermal Power Plant in 1998 next to Pha Lai 1 Thermal Power Plant constructed in 1986. The capacity of generator systems installed and manufactured by Power Machines is expected to reach 4,500 MW, accounting for nearly 15% of total capacity in Vietnam¹³.

Last but not less, Russia plays an important role in training human resources working in the energy sector of Vietnam. Looking back the history of the energy sector, the Soviet specialists and engineers dedicatedly coached Vietnamese technicians and engineers how to apply advanced technologies in geological surveys in 1950s. At this time, not many Vietnamese were sent abroad to receive academic training related to energy-specific disciplines. In Vietnam, almost the Vietnam's universities having been established after independence remained inexperienced in instructing these disciplines because they themselves did not have sufficient high-qualified lecturers. Having implementing a personel-training policy set by the Government of the Democratic Republic of Vietnam, well-performed students from high schools in North Vietnam were selected to pursue the tertiary education program on energy-related disciplines at reknown universities in the Soviet Union and its satellite communist countries such as Russian State Geological Prospecting University, Gubkin Russian State University of Oil and Gas, National Research University, Petroleum-Gas University of Ploiesti, Azerbaijan State Oil and Industry University and others. Graduates worked in the oil and gas industry after graduation. Many of them held key positions in this industry. Nowadays, hundreds of Vietnamese students are following graduate and post-graduate programs at the above universities under the Russian-offered scholarship and fellowship. Acknowledging the contribution of universities in training human resources for Vietnam and maintaining the bilateral relationship, the GoV awarded honorable orders to these universities. For example, Gubkin Russian State University of Oil and Gas was granted with the Labor Order (Level III) and Friendship Order and the Moscow Power Engineering Institute with Labour Order (Level I) and Friendship Order.

¹³ See: Power Machines organizes client conference // PetroTimes. August 16, 2017. URL: <http://petrotimes.vn/power-machines-to-chuc-hoi-nghi-khach-hang-497918.html> (accessed: 21 June 2018). (in Vietnamese).

PROSPECTS OF RUSSO-VIETNAM COOPERATION IN ENERGY SECTOR

Energy system in Vietnam consists of four sectors including oil and gas industry, power sector, coal industry and a newly-formulated renewable sector. When it comes to Russo-Vietnam cooperation in energy sector, both countries have so far concentrated in oil and gas industry and power sector. There are some good prospects of cooperation in coal industry and peaceful nuclear energy. As for renewable sector, Russo-Vietnam cooperation remains nothing.

Cooperation in oil and gas industry: Both states concentrate as many as resources on deepening cooperation in petroleum industry through successful management of energy projects. In recent years, the status of cooperation has been two-directional with the presence of PetroVietnam in oil and gas exploration and exportation in the Nenets Autonomous Region and in the Orenburg Region in form of joint-venture. However, the current projects are mainly in prospecting, exploring and exploiting hydrocarbon resources. It is of significance to diversify forms of cooperation rather than extraction as mentioned by the Russian Prime Minister D.A. Medvedev in an interview ahead an official visit to Vietnam in 2015. However, Russia's involvement in refining projects appears not easy at all. Gazprom Neft used to be a key stakeholder of the Dung Quat oil refinery upgrade and expansion project. Dung Quat refiner is the first of four operational refinery facilities across Vietnam. It was planned that Gazprom Neft would acquire 49% share, equivalent to its investment, in the upgraded refinery upon completion. Gazprom Neft together with two other investors from Japan (JX Nippon) and Venezuela (PDVSA) withdrew from the project as consequence of failure in applying for an extension of tax incentives for this project. Another Russian energy company, Rosneft, a strategic partner in Nhon Hoi mega-refinery project which is expected to produce 400,000 barrels per day, had not been able to realize had not been able to realize this project as it was officially cancelled after many delays caused by reduction in investment capitals and failure in obtaining the licensing documents. When it comes to territorial disputes over marine's features the South China Sea, oil and gas exploration and exploitation on the continental shelf of Vietnam are subject to some certain pressures from China, a powerful claimant. For example, China National Petroleum Corporation attempted to auction disputed hydrocarbon blocks in 2012 in the Nam Con Son basin housing important gas and oil structures of Vietnam. Gazprom and Rosneft have exploration and drilling activities at these disputes blocks. Energy projects in cooperation with Russia are important to the state finance on the side of Vietnam.

Cooperation in power sector: This aspect is as traditional as cooperation in petroleum sector. The Russian Federation occupies a very key position in the development of hydropower and thermal power plants since the war-time. At present, Vietnam is completely dependent on hydropower and thermal power supplies. It was unfortunate the large hydropower potentials on the major river system of Vietnam have been almost exploited and under great impacts by climate change. Thermal power plants have been criticized for environmental problems. A heavy pressure imposed by the very quickly-

increasing demand for electricity motivates the Government of Vietnam to diversify the sources of supply. Both countries have a very high expectation to cooperation with each other in nuclear power. After many years of discussion, a plan was adopted by the Government of Vietnam to construct two nuclear power plants in use of Russian technology and Japanese technology respectively in 2009. The first plant that was planned to be built by the State Atomic Energy Corporation of Russia (ROSATOM) would consist of four Russian-designed reactors (VVER-1000) to reach a capacity of 4,000 MW. The construction of this plant was also financed from the Russia-offered 8 billion USD preferential loan. Despite completion of a feasibility study, construction was postponed in several times and officially abandoned in 2017 on the side of Vietnam in consideration of cost-effectiveness, safety issues and financial viability. Cancellation appears an economically-sound decision in a context that the investment costs doubling to 18 billion USD as compared with the 2009 estimate definitely worsen Vietnam's public debt, which is nearing the government's ceiling of 65% of GDP and some other cheaper alternatives (electricity supply from solar and wind energy or purchase of electricity from neighboring countries) are available. However, this unexpected decision is regretful case as an immense amount of resources have been spent by both sides for a series of surveys and negotiations over several decades. There are no concrete figures of economic wastes released by both sides but several years of work were believed to cost both economies in a considerable amount of US dollars. This cancellation strengthens Vietnam's determination to accelerate construction of coal-fired and gas-fired thermal power plants to compensate a shortage of electricity, particularly in the southern region of Vietnam. Russian energy and machine companies get some involvements in these projects. For example, the Russia's Power Machines, one of three consortium members of the project on constructing the first of three coal-fired thermal plants in Long Phu District, Soc Trang Province. This group having been accumulated abundant experiences in supplying power equipment for a wide range of thermal plants over many decades in Vietnam won a contract for equipping the 1,200 MW plant which is designed to supply approximately 7.8 billion kWh annually to the national grid. Russia-based Bank for Development and Foreign Economic Affairs, Vnesheconombank (VEB), one of Russia's largest financial institutions, is among financiers for the project. Credits supplied by the bank are used to pay for high-tech power equipment including associated services from the Russian Federation.

Cooperation in coal industry: The decision to cancel the nuclear power plant projects means that the Government of Vietnam has to more rely on thermal power and purchase of electricity from neighboring countries. More dependence on fossil fuels for electricity supply brings about more environmental problems and demands more hydrocarbon resources and coal. Russia is now the Vietnam's third largest coal supplier, after Indonesia and Australia. Annually, 2 or 3 million tons of coal are purchased by Vietnam to meet the domestic demand and big share of imported coal is channeled to the coal-fired thermal power plants. It is anticipated that Vietnam still remains a client of Russian's coal companies in future. Additionally, Russian mining-technology companies find opportunities of cooperation with Vietnam's National Coal and Mineral

Industries Group (Vinacomin) in provision of technology packages for improving efficiency and effectiveness of the Vietnam's coal industry which is now under tense competitive pressures. Rising production costs, outdated technology, low effectiveness and efficiency, among others, rise up the price of domestically-produced coal, around 10—15 USD higher per ton than imported coal. At the end of 2017, around 10 million tons were in stock but thermal power plants spent millions of US dollars on imported coal. Vietnam's coal mining industry has no way to modernize their technology and improve efficiency and effectiveness, thus reducing their production costs. Hence, efficiency-driven technological modernization in prospecting, extraction, processing and usage of coal is of an utmost important requirement in the coal industry development strategy until 2020, visioning to 2030, which encourages expansion of international cooperation in search of suppliers of advanced technologies. This opens an opportunity of cooperation for international companies to export their technologies to Vietnam. Dominance of the USSR-manufactured equipment in coal mining was obvious. However, most of equipment, mainly manufactured in the former USSR from 1960s onwards is of now of either obsolescence or low-efficiency. Russian companies have chances to replace them with improved technologies. It is certain that Russian companies will face a strong competition from other international companies, which desire to deepen their involvement in modernization and automation of coal mining industry in Vietnam. Vist Group, well-known for deployment of the Kraier mine fleet management systems across Russia and CIS countries, saw a prospect of cooperation with Vinacomin to export their technology to the currently-operational surface coal mines of Vietnam. This deployment of the system, if successfully, promises to increase around 15% of efficiency of coal production at the currently-operational surface coal mines of Vietnam.

Cooperation in nuclear energy: Abandonment of the nuclear power plant projects will not put a stop for bilateral cooperation in this aspect. As confirmed in the inter-governmental agreement of 2011 and a joint statement of 2017, the Russian Federation will assist Vietnam financially and technically to construct the Nuclear Science and Technology Center at the aim of boosting Vietnam's capability of using atomic energy for peaceful utilization such as in healthcare, industry and agriculture. A promise was made by the Government of Russian Federation to provide a preferential loan of 500 million USD to finance the construction of the center. If the project runs successfully, it marks the second time of assistance from Russia. The first time was in 1984 when the Soviet Union helped to upgrade Dalat Nuclear Reactor (TRIGA-MARK II) from 250 kWt to 500 kWt by refueling it with 140 packs of WWR-M2 High Enriched Uranium (HEU) fuel of 36% U-235. This single reactor was built under the Atoms for Peace Program by the United States and came operational in 1963. It shut down over a period 1968—1975 in face of the escalated American War in Vietnam. Before the fall of US-backed Government of the Republics of Vietnam in South Vietnam, the core and fuel of this reactor were removed and returned to the United States. At present, this reactor is merely capable of meeting 30% of the demand of radioisotopes. The second time of assistance enables Vietnam to produce sufficient radioisotopes upon completion expectedly in 2025.

In the course of the official visit of the Secretary General of the Communist party of Vietnam Nguyen Phu Trong to the Russian Federation in September 2018 and his meetings with the President of the Russian Federation V.V. Putin and the Chairman of the Government of the Russian Federation D.A. Medvedev a whole series of the most important documents, which concerned different spheres of Russian-Vietnamese collaboration were signed¹⁴. As an example, the Memorandum about the development of collaboration in the sphere of the deliveries of liquefied natural gas and development of gas electro-generation¹⁵. This document is directed toward the development of double-sided interaction along the scientific research works, the exchange of experience and by the practical models of work in the sphere of liquefied natural gas and gas power stations. In other words, the promising trends of Russian-Vietnamese collaboration are deliveries of Russian liquefied natural gas into Vietnam, and also production and realization of gas-engine fuel.

The discussion deals also with the Russian participation in the development of the corresponding infrastructure for the newly created yields for electric energy generation for the market of Vietnam. Russian Gazprom has plans on the building regasification terminals in Vietnam and the network of gas-distributing stations in the south of the country. Furthermore, interest in the Vietnamese market recently manifests new player in the person of Novatek. Russia and Vietnam agreed to enlarge interaction in the petroleum, gas and in other promising sectors¹⁶.

CONCLUSION

Since the first days after independence, a special attention has been paid by the young Democratic Republic of Vietnam to develop the energy sector. During the war-time, Vietnam was heavily dependent on logistical supply by international benefactors, in which the leading country is the Soviet Union. Millions of tons of logistics and weapons were shipped from the Soviet Union to Vietnam directly or in transit at the third country. After the war, the Soviet Union continued to supply Vietnam with many basic commodities including petroleum products. In addition with generous flows of aids, they also actively supported Vietnam to conduct geological surveys to prospect minerals and natural resources, particularly hydrocarbon resources. In 1990s, Vietnam started to export

¹⁴ Vladimir Putin received General Secretary of the Communist Party of the Socialist Republic of Vietnam Nguyen Phu Trong, who is in Russia on an official visit // Embassy of the Russian Federation in the Socialist Republic of Vietnam. URL: https://vietnam.mid.ru/web/vietnam-en/main/-/asset_publisher/JR0sSxNIVFWP/content/vladimir-putin-received-general-secretary-of-the-communist-party-of-the-socialist-republic-of-vietnam-nguyen-phu-trong-who-is-in-russia-on-an-official?inheritRedirect=false (accessed: 23.09.2018).

¹⁵ Memorandum about the mutual understanding between the ministry of power engineering of the Russian Federation and the ministry of industry and trade of the Socialist Republic of Vietnam about the development of collaboration in the sphere of the deliveries of liquefied natural gas and development of gas electro-generation. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5334> (accessed: 23.09.2018). (in Russian).

¹⁶ Press statements following Russian-Vietnamese Talks // President of Russia. September 6, 2018. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/58474> (accessed: 10.09.2018).

first tons of coal and oil to world market. Oil and gas industry has become one of the key pillars of Vietnam's economy. Construction of numerous thermal and hydropower plants during and after the war with the financial and technical support of the Soviet Union has made substantial contributions to socio-economic development of Vietnam. Therefore, it is reasonable to argue that the growth of Vietnam's energy sectors was shaped with the financial, technical and personnel assistance of the Soviet Union. Despite some years of interruption, the Russian Federation continues the long-standing and firmly-built bilateral cooperation. Nowadays, Russian energy companies such as Rosneft, Gazprom and Zarubezhneft are holding very influential positions in the oil and gas industry by running billion-dollar joint-ventures together with Vietnam Oil and Gas Group (PetroVietnam), earning billion US dollars for both governments.

Both Vietnam and Russian Federation are very interested in maintaining the partnership in energy sector because of profitability. The current global political and economic situation constitutes as a main driver for the Russian Federation to strengthen ties with Vietnam in energy sector. Western sanctions, combined with European attempts to become less dependent on Russian gas, have made a turn to Asia more desirable for Moscow [Filimonova 2015]. For this reasons, possibilities for bilateral cooperation in energy sector are always available. To be specific, energy projects on prospecting, exploration and exploitation of hydrocarbon resources on the continental shelves of both countries always remain high on the agenda of bilateral cooperation. Strong political willing from both states for maintaining and expanding bilateral cooperation in the oil and gas industry beyond the traditional way of cooperation, e.g. extraction will pay a way for two states to diversify forms of cooperation. It was unfortunate that construction of the first nuclear power plant in Vietnam was canceled due to safety cautions and financial viability after many efforts of discussion. Nevertheless, the abandonment of billion-dollar nuclear power plant projects has not put a stop for bilateral cooperation in nuclear energy. The Nuclear Science and Technology Center to be set up in use of Russian technology and finance as confirmed in the Russo-Vietnam Joint Statement of July, 2017 will help Vietnam to produce radioisotopes in support of peaceful utilization in healthcare, agriculture and industry. Other opportunities of cooperation for providing Russian technologies to modernize the Vietnam's coal-mining industry and expand the Vietnam's electric generation have been exploited in maximum by Russian companies.

Russian Prime Minister's visit to Vietnam in November, 2018 confirmed friendly relations between the two countries and intention to continue cooperation in different directions including energy¹⁷.

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of the research work of Russian Foundation for Basic Research N 18-514-92003/18.

¹⁷ News conference by Dmitry Medvedev on the outcome of the APEC summit and his visit to Vietnam News conference by Dmitry Medvedev on the outcome of the APEC summit and his visit to Vietnam // The Russian Government. November 19, 2018. URL: <http://government.ru/en/news/34763/> (accessed: 21.11.2018); Statistical Review of World Energy 2017 // BP. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp-country/de_ch/PDF/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf (accessed: 04.06.2018).

REFERENCES

- Baev, P.K. & Tonnesson, S. (2015). Can Russia Keep its Special Ties with Vietnam while Moving Closer and Closer to China? *International Area Studies Review*, 18(3), 312—325. DOI: 0.1177/2233865915596709.
- Cherry, H. (2018). Vietnam. Nothing Ever Dies: Vietnam and the Memory of War By Viet Thanh Nguyen. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016. P. 374. Plates, Notes, Bibliography, Index. *Journal of Southeast Asian Studies*, 49(1), 177—179. DOI: 10.1017/S002246341700087X.
- Filimonova, N. (2015). Russia — Vietnam: Cooperation in the Arctic? *The Diplomat*. December 11. URL: <https://thediplomat.com/2015/12/russia-vietnam-cooperation-in-the-arctic/> (accessed: 15.09.2018).
- Istomin, I.A. (2018). Comparative Analysis of the Russian Foreign Policy Priorities and Research Interests of the National Academic Community. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18(1), 66—84. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-162-185. (in Russian).
- Kobelev, E.V. (2015). Russian-Vietnamese Relations: Reality and Prospects. In: *Vietnamese Studies. Vol. 5: National Interests and Traditions of Vietnam*. Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, p. 21—43. (in Russian).
- Kostunina, G.M. (2018). Free Economic Zones in the Practice of Vietnam. In: *South-East Asia: Relevant Problems of Development*. Moscow, p. 121—135. (in Russian).
- Kozyrev, V. (2014). Russia—Vietnam Strategic Partnership: The Return of the Brotherhood in Arms? *Russian Analytical Digest*, 145, 8—11. URL: <http://www.css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/RAD-145-8-11.pdf> (accessed: 26.08.2018).
- Le Viet Trung et al. (2016). An Overview of Vietnam's Oil and Gas Industry. *Journal on Petroleum Economics & Management*, 10, 64—71.
- Mazyrin, V.M. (2012). Russia and Vietnam: Building a Strategic Partnership. Russia and ASEAN-4: Potential and Realms of Cooperation. In: *Russia — ASEAN: Foundations and Prospects of a 15-year Old Partnership*. Singapore: ISEAS, p. 173—183.
- Mazyrin, V.M. (Eds.). (2016). *New Calls and the Mechanisms of Security in East Asia*. Moscow: Forum.
- Mikhoko, K. (2015). Special Features and Tasks of Development of the Russian-Vietnamese Strategic Partnership (2000—2014). In: *Vietnamese studies. Vol. 5: National Interests and Traditions of Vietnam*. Moscow: Institute of the Far East of the Russian academy of sciences, p. 55—72. (in Russian).
- Narkhova, E.I. (2017). The Analytic Review of Vietnamese Literature on the Problems of South China Sea. In: *South-East Asia: Actual Problems of Development*, 37. Moscow: The Institute of the Oriental Study, p. 121—131.
- Nguyen Minh Ngoc. (2013a). *South China Sea: Geopolitics, Interests, Course and the Activity of the Interested Countries*. Hanoi: World Publishing House. (in Vietnamese).
- Nguyen Minh Ngoc. (2013b). *South China Sea: Control over the Situation and Methods of the Solution*. Hanoi: World Publishing House. (in Vietnamese).
- Nguyen Minh Ngoc. (2015). Interests and policy of Japan, Russia, India and Australia in the South China sea. In: *Search for the Solution into the Name of Peace and Justice in the South China Sea*. Hanoi, p. 34—61.
- Skopin, A.Y. (2018). Strategy of Russia in the World, Eurasia and South-Eastern Asia. In: *South-East Asia: Relevant Problems of Development*. Moscow, p. 28—34. (in Russian).
- Tsvetkova, N.N. (2015). Anti-Russian Sanctions and the Problem of Diversification of Commercial and Economic Connections of the Russian Federation. *East between West and Russia*. Ed. by A.M. Khazanov. Moscow: Institute of Oriental Study, p. 74—94. (in Russian).
- Zelenkova, M.S. (2018). Perspectives of Vietnam Return to the Construction of NPP. *South-East Asia: Relevant Problems of Development*. Moscow, 1(1 (38)), p. 177—188. (in Russian).

Received: 21.11.2018

For citations: Nguyen Thi Ngoc Lan & Chernenko, E.F. (2018). Russian-Vietnamese Cooperation in Energy Sector. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 906—924. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-906-924.

About the authors: *Nguyen Thi Ngoc Lan* — Master Student, Theory and History of International Relations, People's Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: 1032165943@rudn.ru).

Chernenko Elena Fedorovna — PhD in Economics, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: chernenko-ef@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-906-924

Российско-вьетнамское сотрудничество в энергетике

Нгуен Тхи Нгок Лан, Е.Ф. Черненко

Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

Обилие энергетических ресурсов, в том числе возобновляемых и невозобновляемых, является центральным элементом развития энергетического сектора. Тем не менее, другие решающие факторы, такие как технологии и человеческие ресурсы, превращают ресурсы, дарованные природой, в экономическую выгоду для обеспечения качества. В 1950-х гг. молодая Демократическая Республика Вьетнам сделала приоритетной задачу формирования энергетического сектора в плане экономического развития, чтобы быть более самостоятельной в сфере энергетической безопасности. Единственным международным источником поддержки для страны в то время были союзники-коммунисты. Советский Союз взял на себя основную ответственность как крупнейший благотворитель для Демократической Республики Вьетнам в военное время. В дополнение к военным и материально-техническим средствам для борьбы Демократической Республики Вьетнам в Северном Вьетнаме с поддерживаемым США правительством Республики Вьетнам в Южном Вьетнаме за объединение Советский Союз также активно поддерживал своего партнера в реализации пятилетних экономических планов для развития социализма, включая формирование и развитие энергетического сектора. В послевоенное время СССР продолжал поддерживать недавно объединенную страну, Социалистическую Республику Вьетнам, для развития энергетического сектора как своего передового экономического сектора.

Российская Федерация и Вьетнам продолжают углублять двустороннее сотрудничество в области энергетики с успешным управлением многомиллиардными совместными предприятиями в нефтегазовой отрасли и реализуют многие проекты в энергетическом секторе. Партнерство в энергетической сфере становится наиболее заметной областью сотрудничества за 68-летнюю историю двусторонних отношений.

Статья посвящена вопросам сотрудничества России и Вьетнама в энергетике. Авторы акцентируют внимание на ведущей роли СССР, а после его распада России в формировании и развитии энергетики Вьетнама. Рассмотрены конкретные проекты совместной деятельности. В статье анализируется эволюция отношений двух стран в разные исторические периоды. Подчеркивается, что развитие национальной энергетики для Вьетнама является важнейшей сферой российско-вьетнамских двусторонних отношений на протяжении всей их истории и, безусловно, одним из приоритетов для Вьетнама в настоящее время. В свою очередь, Россия с учетом своих внешнеполитических ориентиров нацелена на активизацию сотрудничества с Вьетнамом с перспективой расширения границ взаимодействия с этой страной не только в энергетической сфере.

Ключевые слова: энергетический сектор, нефтяная и газовая промышленность, двустороннее сотрудничество, Северный Вьетнам, Южный Вьетнам, Советский Союз, Россия

Благодарности: Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 18-514-92003/18.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Зеленкова М.С.* Перспективы возврата Вьетнама к вопросу строительства АЭС // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 1. № 1 (38). С. 177—188.
- Истомин И.А.* Сравнительный анализ приоритетов российской внешней политики и научно-образовательного сообщества специалистов по международным отношениям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 66—84. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-162-185.
- Кобелев Е.В.* Российско-вьетнамские отношения: реальность и перспективы // Вьетнамские исследования. Вып. 5. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 21—43.
- Костюнина Г.М.* Свободные экономические зоны в практике Вьетнама // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 2 (39). С. 121—135.
- Михоко К.* Особенности и задачи развития российско-вьетнамского стратегического партнерства (2001—2014 гг.) // Вьетнамские исследования. Вып. 5. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 55—72.
- Нархова Е.И.* Аналитический обзор вьетнамской литературы по проблематике Южно-Китайского моря // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 37. С. 121—131.
- Нгуен Минь Нгок.* Южно-Китайское море: геополитика, интересы, курс и деятельность заинтересованных стран. Ханой: World Publishing House, 2013а. (на вьет. яз.).
- Нгуен Минь Нгок.* Южно-Китайское море: контроль над ситуацией и методы решения. Ханой: World Publishing House, 2013б. (на вьет. яз.).
- Новые вызовы и механизмы безопасности в Восточной Азии* / под ред. В.М. Мазырина. М.: ФОРУМ, 2016.
- Скопин А.Ю.* Стратегия России в мире, Евразии и Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 2 (39). С. 28—34.
- Цветкова Н.Н.* Антироссийские санкции и проблема диверсификации торгово-экономических связей РФ // Восток между Западом и Россией / под ред. А.М. Хазанова. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 74—94.
- Baev P.K., Tonnesson S.* Can Russia Keep its Special Ties with Vietnam while Moving Closer and Closer to China? // *International Area Studies Review*. 2015. Vol. 18. N 3. P. 312—325. DOI: 0.1177/2233865915596709.
- Cherry H.* Vietnam. Nothing Ever Dies: Vietnam and the Memory of War By Viet Thanh Nguyen. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016. P. 374. Plates, Notes, Bibliography, Index // *Journal of Southeast Asian Studies*. 2018. Vol. 49. N 1. P. 177—179. DOI: 10.1017/S002246341700087X.
- Filimonova N.* Russia — Vietnam: Cooperation in the Arctic? // *The Diplomat*. December 11, 2015. URL: <https://thediplomat.com/2015/12/russia-vietnam-cooperation-in-the-arctic/> (accessed: 15.09.2018).
- Kozyrev V.* Russia—Vietnam Strategic Partnership: The Return of the Brotherhood in Arms? // *Russian Analytical Digest*. 2014. N 145. P. 8—11. URL: <http://www.css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/RAD-145-8-11.pdf> (accessed: 26.08.2018).
- Le Viet Trung, Tran Quoc Viet, Pham Van Chat.* An Overview of Vietnam's Oil and Gas Industry // *Journal on Petroleum Economics & Management*. 2016. Vol. 10. P. 64—71.
- Mazyrin V.M.* Russia and Vietnam: Building a Strategic Partnership. Russia and ASEAN-4: Potential and Realms of Cooperation // *Russia — ASEAN: Foundations and Prospects of a 15-year Old Partnership*. Singapore: ISEAS, 2012. P. 173—183.
- Nguyen Minh Ngoc.* Interests and policy of Japan, Russia, India and Australia in the South China Sea // *Search for the Solution into the Name of Peace and Justice in the South China Sea*. Hanoi. P. 34—61.

Дата поступления статьи: 21.11.2018

Для цитирования: *Nguyen Thi Ngoc Lan, Chernenko E.F. Russian-Vietnamese Cooperation in Energy Sector // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 906—924. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-906-924.*

Сведения об авторах: *Нгуен Тхи Нгок Лан* — магистрант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов (e-mail: 1032165943@rudn.ru).
Черненко Елена Федоровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: chernenko-ef@rudn.ru).

© Nguyen Thi Ngoc Lan, Chernenko E.F., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-925-941

Председательство Бразилии в БРИКС в 2019 г.: чего ожидать от начала нового десятилетия сотрудничества и администрации Ж. Болсонару

И.М. Попова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

БРИКС вступает во вторую декаду своего развития. Это происходит в условиях общего кризиса системы глобального управления, для которого характерны рост протекционизма и националистических настроений, нежелание лидеров брать инициативу в решении ключевых проблем и отсутствие возможностей справляться с глобальными угрозами в одиночку. Участникам объединения для сохранения его актуальности и наращивания потенциала необходимо углублять взаимодействие и развивать взаимное сотрудничество в сферах, где возможно ухудшение отношений с западными партнерами (прежде всего торговле и инвестициях). Также БРИКС предстоит усилить позицию по укреплению своего влияния в системе глобального управления в целом.

Одним из приоритетных направлений внешней политики Бразилии на протяжении последних лет являлось членство в БРИКС. Участие в блоке дает возможность как развивать отношения с другими важнейшими региональными державами, так и выступать с ними одним фронтом по актуальным для участников объединения и всей системы глобального управления вопросам.

В настоящее время Бразилию одолевают многочисленные экономические проблемы, наблюдается кризис политической системы, что привело к выбору радикального кандидата, противостоящего истеблишменту, а БРИКС стоит на пороге нового десятилетия и повестка института требует трансформации для сохранения и увеличения его влияния и актуальности. В этих условиях в 2019 г. Бразилия примет председательство в объединении. Целью данной статьи является получение представления о том, каким будет следующий год для председателя и института в целом в контексте указанных выше факторов. Для достижения данной цели был проведен анализ социально-экономического и политического развития Бразилии в последние годы, выявлены его основные приоритеты. Также было исследовано развитие БРИКС в первое десятилетие его существования и определены направления для дальнейшей работы. Сопоставление приоритетов председателя (Бразилии) с направлениями развития института позволило предположить, чего стоит ожидать в 2019 г. от БРИКС. В итоге автор приходит к выводу, что председательство Бразилии не приведет к прорыву в развитии БРИКС и серьезному углублению сотрудничества, но может наполнить конкретными решениями и прикладными инициативами Стратегию экономического партнерства объединения.

Ключевые слова: БРИКС, глобальное управление, международные институты, Бразилия, Жаир Болсонару, внешняя политика Бразилии, экономическая политика Бразилии

ВВЕДЕНИЕ

Объединение Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки — БРИКС — стоит на пороге нового десятилетия. В новую декаду институт вступает в условиях общего кризиса многосторонности, роста протекционистских и националистических настроений даже в самых либеральных государствах, отсутствия желания у лидеров нести ответственность за решение ключевых проблем и возможности

справляться с вызовами в одиночку. Страны БРИКС являются одними из главных бенефициаров открытости рынков и торговли, а складывающаяся ситуация негативно скажется на их потенциале роста. При этом на настоящем этапе они не обладают достаточным структурным влиянием, чтобы остановить деградацию сложившейся системы институтов. Именно поэтому участникам объединения необходимо, с одной стороны, углублять взаимодействие и интенсифицировать сотрудничество для компенсации возможных потерь в сотрудничестве с западными партнерами, а с другой — консолидировать позицию по усилению своего влияния в системе глобального управления в целом.

Бразилия является значимым актором современных международных отношений. Это одна из крупнейших в мире демократий, пятая по численности населения страна, девятая по величине экономика в мире¹ и крупнейшая экономика Латинской Америки, на которую приходится около 60% ВВП, 47% территории и 49% населения Южной Америки [Rosas Degaut Pontes 2016]. Однако, несмотря на то, что постоянно отмечается огромный потенциал страны для приобретения серьезного влияния в общей системе международных отношений, Бразилии до сих пор не удалось использовать свои географические, территориальные и демографические активы для обеспечения глобального лидерства [Milani, Pinheiro, Soares De Lima 2017]. Это не отменяет, однако, тот факт, что Бразилия является сильной региональной державой как в политическом, так и в экономическом измерениях, лидером Латинской Америки. Осознавая, что самостоятельно продвигать свои ключевые интересы Бразилии трудно, она использует широкую сеть политических, экономических и дипломатических связей для реализации своих приоритетов [Almeida 2009; Skak 2011].

Одним из приоритетных направлений внешней политики на протяжении последних лет являлось членство Бразилии в БРИКС. Участие в блоке позволяет ей как развивать отношения с другими важнейшими региональными державами, так и выступать с ними единым фронтом по актуальным для участников объединения и всей системы глобального управления вопросам, развивать многосторонность в системе глобального управления. Бразилия во время президентских сроков Л.И. Лула да Силвы с 2003 по 2011 г., для которых был характерен стабильный рост экономики и благосостояния населения, была активным участником объединения, стремящимся отстаивать свои приоритеты, при этом обеспечивая консенсус с другими партнерами и прогресс института. В последующие годы, когда у власти была Д. Руссеф, уровень вовлеченности страны немного снизился, что объяснялось не отсутствием желания Бразилии продолжать и углублять сотрудничество, а скорее внутренними экономическими и политическими проблемами. Во время последних председательств и саммитов БРИКС Бразилия наряду с ЮАР стала считаться слабым звеном института [Окунева, Арапова 2017], что можно объяснить еще более ухудшившейся экономической обстановкой, политическим кризисом и низким уровнем доверия к нынешнему президенту

¹ International Monetary Fund World Economic Outlook. April 2018. URL: http://www.imf.org/external/datamapper/NGDPD@WEO/OEMDC/ADVEC/WEO_WORLD (accessed: 17.08.2018).

М. Темеру [Rodriguez-Dominguez 2017]. После победы на президентских выборах Жаира Болсонару можно ожидать дальнейшего снижения активности Бразилии в БРИКС, так как приоритетным направлением внешней политики избранный президент называет США и другие развитые страны.

В этих условиях, когда Бразилию одолевают многочисленные экономические проблемы и наблюдается кризис политической системы, что привело к выбору радикального кандидата, противостоящего истеблишменту, а БРИКС стоит на пороге нового десятилетия и повестка института требует трансформации для сохранения и увеличения его влияния и актуальности, в 2019 г. Бразилия примет председательство в объединении. В исследовании представлен анализ общего контекста, в котором сейчас находится БРИКС, особенностей современного социально-экономического и политического развития Бразилии и задач ее внешней политики, а также возможностей и ограничений, которые возникают в свете председательства Бразилии в институте.

БРИКС: ДОСТИЖЕНИЯ, ВЫЗОВЫ, ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВЕСТКИ

Члены БРИКС рассматривают «пятерку» в качестве важного фактора формирующегося нового полицентричного, справедливого и демократического миропорядка². У объединения есть большое количество критиков, которые ставят под сомнение коллективную идентичность форума [Wade 2011], способность создавать позитивную повестку дня, принимать коллективные решения и выполнять обязательства. Они заявляют, что страны БРИКС объединены общими целями по подрыву лидерства США и ЕС [Wade 2011] и бросают вызов архитектуре либерального глобального экономического управления [Duggan 2015]. Скептики также сомневаются в том, что объединение сможет сохранить свою актуальность из-за экономической стагнации и трудности окончательного перехода в разряд стран со средним доходом и преодоления бедности. Поводом для скепсиса также является огромный разрыв в размере экономики и уровне влияния между Китаем и остальными членами БРИКС [Acharya 2014].

Однако сторонники БРИКС также имеют свои аргументы, доказывая, что институт является важным элементом современной системы глобального управления и имеет потенциал для увеличения своей роли. Они считают, что форум представляет новую силу в определении «правил игры» [Duggan 2015]; «пятерка» действует как «концерт великих держав», разделяющих идею легитимности в качестве ключевой ценности при создании и развитии институтов. Также исследователи подчеркивают важнейшую роль БРИКС в сотрудничестве стран Юга и отмечают, что именно этот институт может взять на себя роль лидера всего развивающегося мира и постараться обеспечить его экономическое процветание

² Выступление и ответ на вопрос СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции министров иностранных дел стран БРИКС по итогам заседания, Претория, 4 июня 2018 года. URL: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3248286 (дата обращения: 18.08.2018).

[Modi 2014]. Наконец, некоторые исследователи видят комплементарную роль БРИКС в системе международных институтов: лидеры в официальных документах подчеркивают необходимость исполнения обязательств, принятых в рамках «Группы двадцати», центральную роль системы ООН, а также призывают все страны к совместной продуктивной работе в рамках других институтов.

Обращение к фактам для того, чтобы понять, кто все-таки прав в этих дебатах, показывает, что за период первого «золотого» десятилетия своей работы БРИКС стал значимым институтом координации интересов стран-участниц по широкому кругу вопросов мировой политики и экономики для дальнейшего их продвижения на международной арене. Страны БРИКС сформировали собственную согласованную обширную повестку дня, которая покрывает несколько ключевых сфер сотрудничества: от экономики, торговли, финансов и реформы системы международных финансовых институтов до вопросов изменения климата, ИКТ, борьбы с терроризмом и коррупцией, образования и даже спорта и туризма. Приоритеты каждого председательства в БРИКС существенно влияли на развитие института и распределение обязательств, что позволяло каждому члену заложить наиболее важные для себя сферы в повестку. Общность стоящих перед странами БРИКС вызовами при этом делают продвигаемые в каждое председательство приоритеты актуальными для всего объединения, что помогает избежать конфликта интересов. Например, обязательства, принятые во время председательства России в 2009 г., в основном касались энергетики и сельского хозяйства — сфер, важных для развития экономик всех участников объединения. Во время председательства Бразилии энергетика осталась одним из приоритетов, в то же время в повестке дня появилось содействие развитию, что отразило стремление «пятерки» обеспечить устойчивый рост своих экономик и укрепить роль в международной системе содействия развитию наименее развитых стран. На саммите в Санье в 2011 г. был принят ряд обязательств по изменению климата. На саммитах в Нью-Дели в 2012 г. в качестве приоритетных рассматривались вопросы региональной безопасности. На саммите в ЮАР в 2013 г. преобладали вопросы содействия развитию, региональной интеграции и создания инфраструктуры [Ларионова 2015].

Председательство Бразилии (2014 г.) сосредоточилось на вопросах макроэкономики и социально-экономической сферы, продолжая уделять внимание традиционным приоритетам БРИКС, в том числе реформе международных финансовых институтов и международному сотрудничеству. В рамках председательства России в БРИКС в 2015 г. традиционно много внимания уделили вопросам экономики и торговли, при этом в центре повестки были также задачи, связанные с развитием образования, науки и инноваций [Ларионова 2016]. Институционализация и обеспечение реализации принятых ранее решений стали основной целью Индийского председательства БРИКС в 2016 г. [Сафонкина 2017]. Центральное место в повестке китайского председательства в 2017 г. заняли вопросы содействия развитию (особенно связанные с помощью африканским странам), ИКТ и цифровизации экономики, а также вопросы региональной безопасности, борьбы с коррупцией и терроризмом [Сафонкина 2018]. Южноафриканское председательство затронуло вопросы новой промышленной революции, борьбы с коррупцией, а также сотрудничества в сфере финансов. На протяжении всех саммитов особое внимание уделялось вопросам региональной безопасности.

Успешно идет институционализация различных форматов взаимодействия, вершиной которой стало создание Нового банка развития БРИКС; расширяется диалог с социальными партнерами, странами-членами [Larionova 2018]. С 2009 г. было принято более 500 конкретных обязательств (531), уровень исполнения которых довольно высокий (75,4%) (рис. 1).

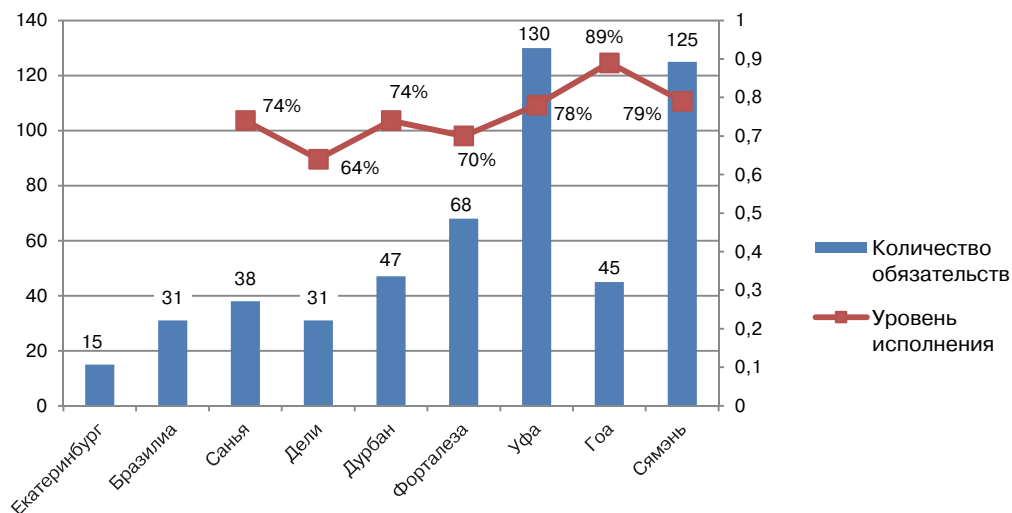

Рис. 1. Количество принятых обязательств БРИКС и уровень их исполнения по саммитам (2011—2017 гг.) / **Fig. 1.** Number of BRICS commitments and level of their performance by summits (2011—2017)

Рассчитано автором на основании данных многолетнего проекта по изучению уровня исполнения обязательств, принятых на саммитах БРИКС, осуществляемого совместно с Университетом Торонто. Более подробная информация о методологии, а также ежегодные доклады об уровне исполнения обязательств представлены на сайте Центра исследований международных институтов РАНХиГС. URL: <https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovanij/briks/analitika> (дата обращения: 12.08.2018)

Кроме того, успех БРИКС и его возросшее влияние в системе глобального управления подтверждается желанием других стран присоединиться к объединению, что потенциально могло бы увеличить вес и влияние БРИКС при принятии важнейших решений на международной арене. Но вопрос с расширением является чувствительным и требует долгого взвешивания всех «за» и «против», так как выгоды могут быть полностью перекрыты новыми проблемами [Горопчин 2017].

БРИКС объективно сталкивается с целым рядом вызовов, на которые необходимо дать ответы в следующем десятилетии деятельности института. Первым из них являются различия в политических и экономических моделях и культуре участников и сохраняющиеся противоречия между членами. Второй проблемой является декларативность текстов ряда принимаемых документов и связанный с этим недостаток конкретики согласуемых решений. Более расплывчатые формулировки являются следствием необходимости консенсуса стран-членов, что, с одной стороны, позволяет развивать повестку и принимать решения, но, с другой — препятствует углублению сотрудничества и более четкому определению его направлений.

Также в БРИКС наблюдается расширение повестки дня при недостаточно высоком уровне исполнения решений по ключевым вопросам торгово-экономического сотрудничества. Еще одной проблемой является тот факт, что БРИКС постоянно выступает в качестве катализатора реформ международных организаций, побуждая и поддерживая изменения в ООН, МВФ и ВБ, ВТО, но, в отличие от «Группы двадцати», «пятерка» не вовлекает международные организации в процесс выработки решений и не формулирует «мандатов» международным организациям [Ларионова 2018].

Успешное развитие сотрудничества в рамках БРИКС и укрепление роли института требует эффективного ответа на общие для объединения вызовы в ближайшие годы. Перед БРИКС стоят следующие задачи: снятие остроты межгосударственных противоречий между странами-членами по различным экономическим и политическим вопросам; выработка согласованной позиции относительно потенциального расширения состава участников БРИКС; практическое осуществление и наполнение конкретными проектами Стратегии экономического партнерства в части торгового и инвестиционного сотрудничества; обеспечение роста использования национальных валют во взаимных расчетах; использование потенциала других международных институтов для решения задач БРИКС.

Для сохранения актуальности института в рамках БРИКС должен быть продолжен диалог и формирование общих позиций по вопросам реформирования международной валютно-финансовой системы. В условиях сохраняющейся геополитической напряженности необходимо дальнейшее развитие механизмов продвижения общих позиций БРИКС в международных организациях. Наконец, в новом десятилетии БРИКС может укрепить свою роль в качестве лидера всего развивающегося мира, помощника стран с наименьшим уровнем дохода в достижении целей устойчивого развития. Для этого необходимо наращивать роль стран БРИКС в системе финансирования развития и долю в общей оказываемой помощи. Принимать первый саммит института в новом десятилетии будет Бразилия.

СОВРЕМЕННАЯ БРАЗИЛИЯ ВЫЗОВЫ И ПОИСК РЕШЕНИЙ

Экономический и социальный прогресс Бразилии в период между 2003 и 2014 гг. вывел 29 млн человек из бедности и привел к значительному снижению неравенства (коэффициент Джини снизился с 58,1 до 51,5%, т.е. на 6,6 процентных пункта за указанный период). Уровень доходов беднейших 40% населения в среднем увеличился на 7,1% (в реальном выражении) в период с 2003 по 2014 г. по сравнению с 4,4% роста доходов населения в целом. Однако темпы сокращения масштабов нищеты и неравенства застопорились начиная с 2015 г.³

В настоящее время Бразилия пытается справиться с последствиями глубокой рецессии. Темпы роста в стране стабильно снижаются с начала этого десятилетия, от среднегодового роста на 4,5% в период между 2006 и 2010 гг. до 2,1% в период с 2011 по 2014 г. С 2014 г. рост был вообще отрицательным. Уровень безработицы

³ The World Bank in Brazil. An overview: Context. URL: <http://www.worldbank.org/en/country/brazil/overview> (accessed: 12.08.2018).

приблизился к 14%⁴. Экономический кризис в результате падения цен на сырьевые товары и неспособность внести необходимые корректировки в политику способствовали подрыву доверия потребителей и инвесторов.

Экономическая рецессия сопровождается глубочайшим кризисом политической системы страны и падением доверия к власти на фоне коррупционных скандалов и отсутствия адекватного ответа на наступившую рецессию. Обвинения в коррупции привели к импичменту Д. Руссеф — демократически избранного президента. Также в тюрьме оказался бывший президент страны Л.И. Лула да Силва. Кроме того, 40% администрации и президент страны М. Темер находятся под следствием в многочисленных коррупционных расследованиях⁵. Глубочайший политический кризис и отсутствие доверия населения к элитам привели к победе на выборах радикального кандидата Жаира Болсонару. Открытая симпатия к диктаторскому режиму, поддержка смертной казни, обещания самым жестоким образом подавить преступность, расистские высказывания и многие другие негуманные заявления будущего президента не помешали ему одержать победу, что продемонстрировало, насколько половина бразильского общества устала от правящей элиты. Однако другая половина категорически против фигуры Ж. Болсонару, что усугубляет и углубляет конфликт и раскол в обществе. Это бросает серьезный вызов бразильской политической системе, проверяет ее систему сдержек и противовесов и способность предотвращать деструктивные действия со стороны президента.

Экономическая ситуация в Бразилии налаживалась последние два года. Согласно анализу ОЭСР, восстановление идет хорошими темпами, и рост в 2019 г. достигнет 2,8%⁶. Наблюдается уверенный рост инвестиций, что отражает восстановление доверия на фоне недавних усилий по реформированию финансового сектора. Неожиданно низкая инфляция укрепила возможности для смягчения денежно-кредитной политики, что привело к улучшению финансового климата. Аналитики ожидают, что рост будет набирать обороты за счет дальнейшего привлечения инвестиций и восстановления уровня частного потребления в условиях снижения инфляции⁷. Это свидетельствует о том, что либеральная политика, проводимая правоцентристской администрацией М. Темера, все же привела к некоторым положительным сдвигам. Но эти позитивные эффекты имеют отложенный характер для населения и не чувствуются самыми бедными его слоями. Кроме того, в стране сохраняется высокий уровень безработицы (около 12%). Хотя за последний год количество безработных сократилось больше,

⁴ The World Bank in Brazil. An overview: Context. URL: <http://www.worldbank.org/en/country/brazil/overview> (accessed: 12.08.2018).

⁵ См.: Rachman G. Brazil and the crisis of the liberal world order // *Financial Times*, 28 August 2017. URL: <https://www.ft.com/content/43900a92-89ae-11e7-bf50-e1c239b45787> (accessed: 15.08.2018).

⁶ OECD. Brazil — Economic forecast summary, 2018. URL: <http://www.oecd.org/eco/outlook/brazil-economic-forecast-summary.htm> (accessed: 14.08.2018).

⁷ Ibid.

чем на процент, в основном это произошло не в секторе качественных рабочих мест, а неформальной или полужформальной занятости⁸.

Предвыборная кампания Ж. Болсонару была выстроена вокруг обещаний искоренить преступность и коррупцию для того, чтобы вызвать симпатии уставших от этих двух, пожалуй, самых серьезных проблем, бразильцев. Другим вопросам в публичном пространстве он уделял гораздо меньше внимания. Экономическая повестка его предвыборной программы носит ярко выраженный нелиберальный характер с акцентом на приватизацию, снижение налогов, максимальное вовлечение в международную торговлю, рост производительности. При ее реализации для решения существующих проблем и обеспечения роста в будущем необходимы структурные реформы. В долгосрочной перспективе рост производительности должен стать главным двигателем развития экономики. В связи с этим одним из направлений работы называется четвертая промышленная революция как источник роста продуктивности и экономического прогресса в целом⁹. Более тесная интеграция в мировую экономику способна повысить эффективность компаний, включая их в конкурентную систему иностранных предприятий и улучшая доступ к более дешевым промежуточным товарам и капиталу¹⁰. Эта задача касается в том числе сельского хозяйства. В этом секторе Бразилия является одним из крупнейших игроков. Повышение эффективности и устойчивости сельского хозяйства, доступ мелких фермерских хозяйств на международные рынки позволят увеличить поступления в бюджет, прежде всего, за счет экспорта.

Эффективность также может повышаться за счет сокращения барьеров для вступления на внутренний рынок и осуществления политики, направленной на сокращение расходов, например, упрощение налоговых требований или упрощение системы обеспечения исполнения контрактов¹¹. Для успеха проводимых реформ необходима корректировка политики в отношении менее зажиточных слоев населения для обеспечения роста спроса и исключения ситуации, в которой политические процессы подорвут возможность проведения необходимых реформ. Вопрос поддержки нуждающихся встанет особенно остро во время президентского срока Ж. Болсонару. В своей программе он обещает предложить улучшенную альтернативу программы *Bolsa família* и повысить эффективность использования средств, не снижая при этом уровень выплат. Но общий тон выступлений Ж. Болсонару и его взгляды ставят под сомнение успешную работу по данному направлению, особенно в контексте обещанных сокращений финансирования социальной сферы.

Важнейшим приоритетом новой администрации станет продолжение борьбы с коррупцией. Это необходимо для повышения доверия со стороны населения,

⁸ OECD. Brazil — Economic forecast summary, 2018. URL: <http://www.oecd.org/eco/outlook/brazil-economic-forecast-summary.htm> (accessed: 14.08.2018).

⁹ Agenda brasileira para a Indústria 4.0. URL: <http://www.industria40.gov.br/> (accessed: 14.10.2018).

¹⁰ OECD. Brazil — Economic forecast summary, 2018. URL: <http://www.oecd.org/eco/outlook/brazil-economic-forecast-summary.htm> (accessed: 14.08.2018).

¹¹ Ibid.

инвесторов и международных партнеров. Кроме того, борьба с коррупцией и отстранение виновных чиновников и политиков может привести к обновлению политической элиты, что поспособствовало бы выходу из кризиса политической системы.

Еще одним ключевым направлением политики страны является обеспечение устойчивого развития. Бразилией не была принята отдельная стратегия или программа, направленная на достижение Целей устойчивого развития. Однако вопросы устойчивого развития являются важнейшими пунктами национальной повестки. Высокую степень совпадения национальных приоритетов, которые в итоге нашли свое отражение в Многолетнем плане на 2016—2019 гг., с общепринятыми Целями отмечает ПРООН¹². В своей предвыборной программе¹³ и кампании Ж. Болсонару не делал акцент на данном направлении, однако в определенный момент он отказался от обещания выйти из Парижского соглашения, что дает надежду на то, что повестка устойчивого развития найдет свое отражение в годы его нахождения у власти.

В контексте устойчивого развития значимой составляющей политики Бразилии на международной арене являлось ее участие в сотрудничестве стран Юга. Страна постоянно подчеркивала необходимость более тесного взаимодействия между развивающимися и наименее развитыми странами, так как такое сотрудничество менее склонно иметь иерархичный характер, в нем не доминируют интересы развитых стран, и в целом такие государства лучше понимают проблемы друг друга и имеют на них схожий взгляд [Milani 2014]. Бразильцы при этом из всех видов помощи выделяют техническое сотрудничество как наиболее предпочтительное [Борзова 2015]. Избранный президент Ж. Болсонару открыто критикует идею сотрудничества со странами Юга и ставит в приоритет взаимодействие с более развитыми партнерами, которые способны содействовать экономическому росту страны. Поэтому данное направление будет, скорее всего, стагнировать в ближайшие годы.

Внешняя политика страны будет направлена на реализацию перечисленных выше приоритетов. Будущий президент будет добиваться сближения с развитыми странами и США, в первую очередь. Ж. Болсонару также открыто высказывается за необходимость ограничения китайского влияния в стране и Латинской Америке в целом, что создает напряженность в отношениях двух стран. Также Ж. Болсонару является сторонником двусторонних отношений и противником участия в блоках. Это не может не накладывать ограничения на участие Бразилии в БРИКС. Полный

¹² UNDP. Acompanhando a Agenda 2030 para o Desenvolvimento Sustentável. Subsídios iniciais do Sistema ONU no Brasil sobre a identificação de indicadores nacionais referentes aos Objetivos de Desenvolvimento Sustentável. Brasília, 2015. URL: http://www.undp.org/content/dam/brazil/docs/agenda2030/undp-br-Acompanhando-Agenda2030-Subsidios_iniciais-Brasil-2016.pdf (accessed: 13.10.2018).

¹³ O Caminho da Prosperidade. Proposta de Plano de Governo. Bolsonaro 2018. URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/b628dd_f16f8088c3f24471a43c52a93e25e743.pdf (accessed: 12.09.2018).

выход из объединения и отказ от председательства маловероятны, так как Ж. Болсонару обещал вести диалог со всеми и прислушиваться к их предложениям по развитию Бразилии. Также и активного участия и попыток вывести БРИКС на новый уровень во время его председательства ожидать не приходится. Площадка будет использоваться для продвижения национальных приоритетов и заключения новых экономически выгодных сделок. При этом Бразилия может полностью отказаться от цели реформирования системы институтов глобального управления, так как Ж. Болсонару во внешней политике планирует сосредоточиться на сотрудничестве с развитыми странами¹⁴.

Во внутренней политике решения Ж. Болсонару могут сдерживаться парламентом, в котором у него нет абсолютной поддержки, федеральными властями, а также мнением половины населения, которая категорически против его нахождения у власти. Внутриполитические вопросы всегда были приоритетными для бразильцев, поэтому к ним обычно приковано все внимание. Внешняя политика Бразилии может быть охарактеризована как президентская. Интерес общей публики к ней гораздо ниже. Это подтверждают дебаты и предвыборные кампании, в которых вопросам внешней политики практически не уделялось внимание. Поэтому действия Ж. Болсонару во внешней политике будут контролироваться меньше. Это дает основания для довольно сдержанного и даже пессимистичного прогноза возможного хода и итогов председательства Бразилии в БРИКС в 2019 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО БРАЗИЛИИ В БРИКС: ОЖИДАНИЯ И ПРОГНОЗЫ

Повестка дня института находится под сильным влиянием председателя конкретного года, и при условии успешного исполнения обязательств заложенные приоритеты становятся ее неотъемлемой частью. В то же время возможность продвижения интересов председателем ограничена заинтересованностью других участников объединения и общим контекстом, в котором оно развивается в конкретный момент времени [Ларионова 2012]. В данной статье представлен анализ общих текущих приоритетов и задач БРИКС на ближайшее десятилетие, а также ключевые интересы Бразилии, которые она будет реализовывать в том числе через внешнюю политику, и в частности через председительство в «пятерке». Сопоставление результатов данного анализа становится основой для предположения о том, какой будет повестка БРИКС во время председательства Бразилии в 2019 г. и в каких сферах можно ожидать хоть какого-то прогресса, а в каких он совсем маловероятен.

Ключевым приоритетом Бразилии в настоящее время является обеспечение экономического роста за счет проведения структурных реформ и более активного включения в мировую экономику. Макроэкономическая политика, включающая в том числе вопросы развития малых, микро- и средних предприятий и встраива-

¹⁴ O Caminho da Prosperidade. Proposta de Plano de Governo. Bolsonaro 2018. URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/b628dd_f16f8088c3f24471a43c52a93e25e743.pdf (accessed: 12.09.2018).

ние их в глобальные цепочки стоимости, входит в ядро повестки БРИКС. Исследования показывают, что уровень исполнения обязательств в сфере макроэкономической политики является высоким — 90%¹⁵. Кроме того, данная сфера не потеряет свою актуальность в ближайшее десятилетие для всех участников института, так как вопросы эффективного макроэкономического регулирования для обеспечения экономического роста стоят остро для всех членов БРИКС. Бразилия может использовать высокий спрос на углубление сотрудничества по данному направлению для выведения его на новый уровень, продвижения конкретных решений, направленных на реализацию мер в промышленной политике. В повестку БРИКС в 2018 г. по итогам председательства ЮАР вошли вопросы новой промышленной революции¹⁶. Бразилия, для которой работа по этому направлению является одной из ключевых задач экономической политики, может развить тематику и продвинуть принятие конкретных решений для начала реализации совместных проектов в этом направлении. Особенно важным аспектом может стать необходимость трансформации рынка труда и обеспечения развития необходимых навыков рабочей силы, что может создать условия и для борьбы с безработицей.

Руководствуясь неолиберальными установками о беспорной пользе свободной торговли, Бразилия также будет продвигать обязательства по обеспечению благоприятных условий торговли между странами БРИКС, включая возможное ограничение тарифных и нетарифных мер в отношении стран объединения, особенно в сфере торговли сырьевыми товарами и сельскохозяйственной продукцией. В этой связи, скорее всего, будут упомянуты Дохийский раунд торговых переговоров и необходимость консолидации развивающихся стран в их позиции¹⁷.

Сотрудничество в сфере инвестиций и заключение конкретных соглашений также будет продвигаться Бразилией. Особенно важным для страны при этом будет более активное привлечение инвестиций из России, Индии и ЮАР, так как Китай уже является важнейшим инвестором в регионе. Вовлеченность Китая в Латинской Америке является серьезной проблемой с точки зрения Ж. Болсонару, и он обещает решить этот вопрос, особенно в энергетическом секторе¹⁸. Поэтому данный трек будет сопровождаться серьезными спорами и противоречиями между лидерами Бразилии и Китая.

В контексте привлечения финансирования в страну важным направлением работы должна стать интенсификация сотрудничества с Новым банком развития.

¹⁵ Центр исследований международных институтов РАНХиГС. Аналитика. URL: <http://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovaniy/briks/analitika> (дата обращения: 17.08.2018).

¹⁶ Йоханнесбургская декларация Десятого саммита БРИКС. 26 июля 2018 г. URL: https://www.ranepa.ru/images/media/briks/sapresidency2/BRICS_2018_declaration.pdf (дата обращения: 12.09.2018).

¹⁷ The WTO Doha Round and the Doha Development Agenda, Brazilian Ministry of Foreign Affairs. URL: <http://www.itamaraty.gov.br/en/politica-externa/diplomacia-economica-comercial-e-financeira/6489-the-wto-s-doha-round> (accessed: 13.09.2018).

¹⁸ Após Bolsonaro criticar China, Vale diz que disputa não é boa // Folha. 16 October 2018. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/mercado/2018/10/disputa-com-china-nao-e-bom-para-ninguem-diz-chefe-da-vale-sobre-bolsonaro.shtml> (accessed: 01.11.2018).

Открытие регионального офиса в Бразилии может поспособствовать росту финансирования проектов на территории страны. Пока бразильцы не очень активно используют возможности банка, получив средства под 4 проекта с общим финансированием около 650 млн долл. США. Но страна планирует увеличить данный показатель до 2 млрд долл. США¹⁹. Кроме того, открытие регионального офиса в Латинской Америке может стимулировать сотрудничество банка с регионом в целом. Установка на привлечение инвестиций от любых акторов является основной задачей Ж. Болсонару, поэтому возможно продолжение взаимодействия страны с Новым банком развития.

Сотрудничество в сельском хозяйстве также является одним из приоритетных направлений как БРИКС, так и бразильской экономической политики. В контексте новой промышленной революции и развития цифровой экономики особо важным станет именно направление сотрудничества в сфере цифровизации и внедрения ИКТ в сельское хозяйство. Партнеры по БРИКС могут принять конкретные обязательства по сотрудничеству в разработке новых агротехнологий, а также их трансферу и обмену знаниями.

Устойчивое развитие было важным приоритетом Бразилии в БРИКС во время первого председательства в институте и в итоге стало интегральной частью повестки на последующие годы. Скорее по инерции, чем исходя из приоритетов политики будущего президента, данная тема останется в повестке института. Возможно заключение конкретных соглашений в выгодных для Бразилии областях, например, по вопросам воды, однако прорывных решений ожидать не приходится.

Одним из важнейших приоритетов председательства Бразилии также станет борьба с коррупцией. Эта тема активно обсуждается в БРИКС. Средний уровень исполнения обязательств составляет 73%²⁰. Общий тренд заключается в том, что страны активно взаимодействуют по таким аспектам борьбы с коррупцией, как возвращение активов и поиск лиц, разыскиваемых за коррупционные преступления и в рамках различных международных инициатив. При этом слабо идет работа непосредственно в профильной Рабочей группе стран БРИКС по борьбе с коррупцией. Для Ж. Болсонару борьба с коррупцией стала центральной темой его предвыборной кампании, которая в том числе позволила ему победить. Поэтому антикоррупционная повестка является для него приоритетной. Возможность же продемонстрировать не только способность решить вопрос внутри страны, но и стать лидером в решении проблемы на международном уровне может обеспечить успех в работе по данному направлению и принятие конкретных обязательств

¹⁹ См.: Graner F. Brasil quer US \$2 bln do banco do BRICS ate 2019 // Valor economico. 11 July 2018. URL: <https://www.pressreader.com/brazil/valor-econ%C3%B4mico/20180711/282080572600835> (accessed: 01.09.2018).

²⁰ Центр исследований международных институтов РАНХиГС. Аналитика. URL: <http://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovaniy/briks/analitika> (дата обращения: 17.08.2018).

в рамках Рабочей группы и интенсификацию ее работы (при условии, что предлагаемые Бразилией меры будут приемлемыми, взвешенными и не радикальными).

Региональная безопасность, безусловно, останется значимым направлением повестки института. Однако инертность Бразилии в отношении интенсификации сотрудничества по политическим вопросам и проблемам безопасности и предпочтение решения экономических вопросов вряд ли позволит достичь какого-то значительного прогресса по данному направлению.

Еще одним важным для будущего института направлением, по которому Бразилия не будет пытаться обеспечить принятие прорывных решений, является его расширение. Бразильцы относятся к нему скорее отрицательно, однако полностью поддерживают существующий формат БРИКС+, который будут задействовать для привлечения к работе объединения латиноамериканских соседей.

Наконец, ключевым направлением для укрепления позиций БРИКС и его членов в системе глобального управления является реформирование международной валютно-финансовой системы. Предыдущие председательства Бразилии в 2010 и 2014 гг. были отмечены высоким числом обязательств в сфере реформы международных финансовых институтов, что демонстрирует способность страны согласовывать решения по данному направлению. Прорыва по данному вопросу в 2019 г. все же ожидать не стоит. Прогресс по такому направлению требует серьезной политической воли и высочайшей значимости в мировой экономике. В условиях политического кризиса и только начинающей восстанавливаться экономики Бразилия вряд ли способна объединить партнеров и продвинуть какие-то значимые обязательства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За первые десять лет своего существования БРИКС удалось достичь определенных результатов в сближении и координации интересов участников по ключевым направлениям глобального управления и институционализации объединения. Для сохранения актуальности и усиления влияния в новом десятилетии институту предстоит углублять сотрудничество и укреплять позиции института. Для этого необходимо решить целый ряд задач. Их можно разделить на две условные категории: интенсификация экономического сотрудничества, а именно практическое осуществление и наполнение конкретными проектами Стратегии экономического партнерства в части торгового и инвестиционного сотрудничества, а также задачи, связанные с повышением роли института в глобальном управлении и усилением его возможности влиять на развитие системы.

Бразилия в настоящее время переживает сложный этап своего социально-экономического и политического развития. Это ставит под сомнение ее способность эффективно провести председательство в БРИКС. Снизившаяся вовлеченность в работу института, негласный статус «слабого звена», а также выбор Ж. Болсонару президентом дают повод для скепсиса. Кроме того, председательство ЮАР, другого слабого звена объединения, которое также столкнулось

с политическим кризисом, в 2018 г. оказалось неуспешным, без конкретных решений по ключевым вопросам повестки.

Серьезный экономический вес Бразилии, необходимость активного сотрудничества с международными партнерами для обеспечения экономического роста и успех предыдущих председательств позволяют все-таки предсказать относительный успех страны как председателя БРИКС и прогресс института в 2019 г. Бразилия, имеющая серьезную мотивацию в развитии экономического сотрудничества с иностранными партнерами, в том числе из БРИКС, может обеспечить развитие более прикладных аспектов повестки для наполнения конкретными проектами Стратегии экономического партнерства. Это возможно при условии устойчивости администрации, поддержки ее как со стороны населения, так и международных партнеров, а также очень серьезного отношения к предстоящей роли председателя. Но Бразилии вряд ли удастся обеспечить решение задач, связанных с повышением роли института в глобальном управлении и усилении его возможностей влиять на развитие международной системы ввиду общей пассивности в отношении политических аспектов кооперации.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Сравнительная оценка исполнения коллективных обязательств членами „Группы двадцати“ и БРИКС» (2018 г.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Борзова А.Ю.* Стратегии Бразилии в области содействия развитию // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 3. С. 156—169. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-03-156.
- Ларионова М.В.* «Группа двадцати», БРИКС и АТЭС в системе международных институтов. Хорошие новости для глобального управления // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 7—33. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-01.
- Ларионова М.В.* Модель обеспечения баланса реальных и прогнозируемых внешних условий и национальных приоритетов страны-председателя для формирования предложений к повестке дня «двадцатки», «восьмерки» и БРИКС // Вестник международных организаций. 2012. Т. 7. № 4. С. 7—17.
- Ларионова М.В.* Председательство ЮАР в БРИКС. Региональная держава у руля глобального объединения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 125—134.
- Ларионова М.В.* Российское председательство в БРИКС: модели взаимодействия с международными институтами // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 2. С. 113—139. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-113.
- Окунева Л.С., Арапова Е.Я.* БРИКС на мировой арене: новации современного этапа // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 4. С. 147—157. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-147-157.
- Сафонкина Е.А.* Китайское председательство в БРИКС в 2017 г.: расширяя горизонты сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 356—367. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-356-367.

- Сафонкина Е.А.* Председательство Индии в БРИКС в 2016 г. // Азия и Африка сегодня. 2017. № 7. С. 15—20.
- Торочин Г.В.* От Гоа до Сямэня. О некоторых аспектах политического сотрудничества в рамках БРИКС // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 1. С. 174—188. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-01-174.
- Acharya A.* The End of American World Order. Cambridge UK: Polity Press, 2014.
- Almeida P.R.* Lula's Foreign Policies: Regional and Global Strategies // Brazil under Lula: Economy, Politics, and Society under the Worker-President / ed. by J. Love, W. Baer. New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 167—183.
- Duggan N.* BRICS and the Evolution of a New Agenda Within Global Governance // The European Union and the BRICS / ed. by M. Revizorski. Springer, 2015. P. 11—26. DOI: 10.1007/978-3-319-19099-0.
- Larionova M.* The Rise of New Institutions // BRICS and Global Governance / ed. by J. Kirton, M. Larionova. Routledge Publishing, 2018. P. 1—10.
- Milani C.R.S.* Brazil's South—South Co-operation Strategies: From Foreign Policy to Public Policy, Global Powers and Africa Programme. South African Institute for International Affairs // SAIIA Occasional Paper. 2014. N. 179. URL: https://carlosmilani.files.wordpress.com/2014/03/saia_sop_179_milani_20140311.pdf (accessed: 20.09.2018).
- Milani C.R.S., Pinheiro L., Soares De Lima M.R.* Brazil's Foreign Policy and the 'Graduation Dilemma' // International Affairs. 2017. Vol. 93. N 3. P. 585—605. DOI: 10.1093/ia/iix078.
- Modi R.* BRICS and Bilaterals: Synergies and Contestations // The BRICS and beyond: the International Political Economy of the Emergence of a New World Order / ed. by L. Xing. Farnham: Ashgate, 2014. P. 75—92.
- Rodriguez-Dominguez M.* No Longer Activa e Altiva: Brazil's Foreign Policy Stumbles under Temer. Council on Hemispheric Affairs. November 2017. URL: <http://www.coha.org/wp-content/uploads/2017/11/Mari-Rodriguez-Policy-Under-Temer-1.pdf> (accessed: 01.10.2018).
- Rosas Degaut Pontes M.* Ideas, Beliefs, Strategic Culture, and Foreign Policy: Understanding Brazil's Geopolitical Thought (Doctoral Dissertation). University of Central Florida, 2016. URL: <https://stars.library.ucf.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=6105&context=etd> (accessed: 12.09.2018).
- Skak M.* The BRIC Powers as Soft Balancers: Brazil, Russia, India and China. URL: http://www.brics.utoronto.ca/biblio/Skak_2011.pdf (accessed: 18.08.2018).
- Wade R.H.* Emerging World Order? From Multipolarity to Multilateralism in the G20, the World Bank, and the IMF // Politics & Society. 2011. Vol. 39. N 3, P. 347—378. DOI: 10.1177/0032329211415503.

Дата поступления статьи: 13.11.2018

Для цитирования: *Попова И.М.* Председательство Бразилии в БРИКС в 2019 г.: чего ожидать от начала нового десятилетия сотрудничества и администрации Ж. Болсонару // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 925—941. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-925-941.

Сведения об авторе: *Попова Ирина Максимовна* — младший научный сотрудник Центра исследований международных институтов (ЦИМИ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: popova-im@ranepa.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-925-941

Brazil's 2019 BRICS Presidency: What to Expect from the Start of a New Decade of Cooperation and the J. Bolsonaro's Administration

I.M. Popova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation

Abstract. BRICS is now entering a new decade of its activity. The institute enters a new decade in the conditions of a general multilateralism crisis, the growth of protectionist and nationalist sentiments even in the most liberal states, the leaders do not want to be responsible for solving key problems and do not have the power to cope with challenges by themselves. On the one hand, BRICS members need to deepen and intensify the cooperation to compensate for possible losses in cooperation with western partners, and, on the other hand, consolidate their position on strengthening their influence in the global governance system as a whole.

BRICS membership has been one of the key priorities for Brazil's foreign policy for the last years. This membership allows the country to develop relations with other major regional powers, and to consolidate the position on the most important issues both for BRICS countries and the entire system of global governance.

Brazil's numerous economic problems and a serious political system crisis led to the election of a radical anti-establishment candidate Jair Bolsonaro. BRICS agenda requires transformation to preserve and increase its influence and relevance in the international system. Under these conditions Brazil will begin its presidency in the institution. This study presents an analysis of the general context in which BRICS is now functioning, the problems and goals of Brazil's current socio-economic and political development and the objectives of its foreign policy and the opportunities and limitations that are brought by Brazil's presidency in BRICS.

Key words: BRICS, global governance, international institutions, Brazil, J. Bolsonaro, Brazilian foreign policy, Brazilian economic policy

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of the research work of the state task of the RANEPА «Comparative assessment of the G20 and BRICS members' compliance with commitments made at the summits» (2018).

REFERENCES

- Acharya, A. (2014). *The End of American World Order*. Cambridge UK: Polity Press.
- Almeida, P.R. (2009). Lula's Foreign Policies: Regional and Global Strategies. In: *Brazil under Lula: Economy, Politics, and Society under the Worker-President*. Ed. by J. Love and W. Baer. NY: Palgrave Macmillan, p. 167—183.
- Borzova, A. (2015). The Role of the Brazilian Cooperation Agency in Promoting South—South Cooperation. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 10(3), 156—169. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-03-156. (in Russian).
- Duggan, N. (2015). BRICS and the Evolution of a New Agenda Within Global Governance. In: *The European Union and the BRICS*. Ed. by M. Revizorski. Springer, p. 11—26. DOI: 10.1007/978-3-319-19099-0.
- Larionova, M. (2012). Supply-Demand Model for Developing a Presidency Proposals for Reform Agenda and Priorities in Informal International Institutions (G20, G8, BRICS). *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 7(4), 7—17. (in Russian).
- Larionova, M. (2015). South Africa's BRICS Presidency: Regional Power at the Helm of a Global Governance Forum. *Vestnik RUDN. International Relations*, 1, 125—134. (in Russian).

- Larionova, M. (2016). Russia's 2015 BRICS Presidency: Models of Engagement with International Organizations. *International Organisations Research Journal*, 11(2), 113—139. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-113.
- Larionova, M. (2018). The G20, BRICS and APEC in the System of International Institutions: A Piece of Good News for Global Governance. *International Organisations Research Journal*, 13(1), 7—33. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-01.
- Larionova, M. (2018). The Rise of New Institutions. In: *BRICS and Global Governance*. Ed. by J. Kirton and M. Larionova. Routledge Publishing, p. 1—10.
- Milani, C.R.S. (2014). Brazil's South—South Co-operation Strategies: From Foreign Policy to Public Policy, Global Powers and Africa Programme. South African Institute for International Affairs. *SAIIA Occasional Paper*. 2014. N 179. URL: https://carlosmilani.files.wordpress.com/2014/03/saia_sop_179_milani_20140311.pdf (accessed: 20.09.2018).
- Milani, C.R.S., Pinheiro, L. & Soares De Lima M.R. (2017). Brazil's Foreign Policy and the 'Graduation Dilemma'. *International Affairs*, 93(3), 585—605. DOI: 10.1093/ia/iix078.
- Modi, R. (2014). BRICS and Bilaterals: Synergies and Contestations. In: *The BRICS and beyond: the International Political Economy of the Emergence of a New World Order*. Ed. by L. Xing. Farnham: Ashgate, p. 75—92.
- Okuneva, L. & Arapova, E. (2017). BRICS on the World Stage: Novelties at the Present Stage of Development. *Comparative Politics, Russia*, 8(4), 147—157. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-4-147-157 (in Russian).
- Rodriguez-Dominguez, M. (2017). *No Longer Activa e Altiva: Brazil's Foreign Policy Stumbles under Temer*. Council on Hemispheric Affairs. URL: <http://www.coha.org/wp-content/uploads/2017/11/Mari-Rodriguez-Policy-Under-Temer-1.pdf> (accessed: 01.10.2018).
- Rosas Degaut Pontes, M. (2016). *Ideas, Beliefs, Strategic Culture, and Foreign Policy: Understanding Brazil's Geopolitical Thought* (Doctoral Dissertation). University of Central Florida, 2016. URL: <https://stars.library.ucf.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=6105&context=etd> (accessed: 12.09.2018).
- Safonkina, E.A. (2017). India's 2016 BRICS Presidency. *Asia and Africa Today*, 7, 15—20. (in Russian).
- Safonkina, E.A. (2018). Chinese 2017 BRICS Presidency: Expanding Cooperation Horizons. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18(2), 356—367. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-356-367. (in Russian).
- Skak, M. (2011). *The BRIC Powers as Soft Balancers: Brazil, Russia, India and China*. URL: http://www.brics.utoronto.ca/biblio/Skak_2011.pdf (accessed: 18.08.2018).
- Toropchin, G. (2017). From Goa to Xiamen. On Some Aspects of Political Cooperation within BRICS. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 12(1), 174—188. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-01-174. (in Russian).
- Wade, R. H. (2011). Emerging World Order? From Multipolarity to Multilateralism in the G20, the World Bank, and the IMF. *Politics & Society*, 39(3), 347—378. DOI: 10.1177/0032329211415503.

Received: 13.11.2018

For citations: Popova, I.M. (2018). Brazil's 2019 BRICS Presidency: What to Expect from the Start of a New Decade of Cooperation and the J. Bolsonaro's Administration. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 925—941. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-925-941.

About the author: Popova Irina Maximovna — Researcher, Center for International Institutions Research (CIIR), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: popova-im@ranepa.ru).

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-942-954

«Конституция Каспия» и новые горизонты сотрудничества между Азербайджаном и Ираном

М.М. Агазаде

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

В современном мире борьба за доступ к месторождениям углеводородов и за маршруты их доставки на мировые рынки оказывает существенное влияние на политические и экономические процессы на глобальном и региональном уровнях. Одним из регионов, в которых энергетический фактор играет весомую роль, является Каспийский бассейн, обладающий богатыми нефтяными и газовыми месторождениями, а также значительным транспортным потенциалом, способным надежно связать Россию, Южный Кавказ и Центральную Азию с европейским регионом. Ввиду геополитической, геостратегической и энергетической важности Каспийского моря решение вопроса о его правовом статусе стало одной из ключевых задач во внешней политике прикаспийских государств. Актуализация данного вопроса произошла с прекращением существования СССР в 1991 г. и увеличением числа прикаспийских государств, заинтересованных в территориях Каспия, с двух (СССР и Иран) до пяти (Российская Федерация, Республика Казахстан, Республика Туркменистан, Исламская Республика Иран (ИРИ) и Азербайджанская Республика (АР)). С этого момента и начался затяжной период их переговоров по соответствующей проблематике на двусторонней и многосторонней основах, в результате которых в августе 2018 г. была подписана Конвенция о правовом статусе Каспия, которую можно было бы назвать «Конституцией Каспия».

В статье рассматриваются основные вехи развития каспийской проблемы и отмечена важность подписанной «Конституции» с точки зрения интересов АР и ИРИ. При этом автор уделяет особое внимание принятию упомянутой Конвенции, которая, как представляется, может в дальнейшем влиять на азербайджано-иранские отношения. В работе констатируется, что на сегодняшний день созданы благоприятные условия для энергетического сотрудничества между Баку и Тегераном на Каспии и подчеркивается ключевое значение решения вопроса о правовом статусе Каспийского моря для безопасности и развития экономических отношений двух стран, конкретно его роль в проекте международного энергетического коридора. Кроме того, проанализировано значение сотрудничества между Азербайджаном и Ираном в области транзитных перевозок в рамках транспортного коридора «Север—Юг».

В заключение автор приходит к выводу, что дополнительным импульсом для развития двустороннего сотрудничества будет служить подписанная Конвенция.

Ключевые слова: Каспийское море, Конвенция о правовом статусе Каспия, Азербайджанская Республика, Исламская Республика Иран, двусторонние отношения

После распада СССР и разрушения биполярной системы международных отношений в 1991 г. появились новые проблемы и новые центры противостояний, которые до этого времени не входили в повестку дня мировой политики [Mehdi-

youm 2000]. Среди таких проблем в Кавказско-Каспийском регионе центральное место занял вопрос о правовом статусе Каспийского моря, представляющего собой замкнутый водный бассейн, расположенный между Южным Кавказом, Центральной Азией и Ближним Востоком. Данный вопрос затрагивает национальные интересы стран, находящихся в этих регионах. Кроме того, наряду с различными политическими, экономическими, военными, религиозными, культурными и другими проблемами эти регионы важны с точки зрения мировой политики в связи с соперничеством трех больших держав — России, Китая и США, которые имеют здесь свои глобальные интересы, а также Турции и Ирана, которые являются региональными лидерами и преследуют свои цели в Каспийском регионе.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ

Хотя разработка нефти в Каспийском регионе имеет довольно давнюю историю, правовой статус Каспийского моря как проблема международных отношений возник только в конце XX в. [Bantekas 2011]. В тот период новые прикаспийские государства, возникшие после распада СССР, — Казахстан, Туркменистан и Азербайджан — в отличие от России и Ирана стремились разделить Каспий на национальные сектора [Гусейнов 2001]. Сложившаяся ситуация была вызвана отсутствием российско-иранских соглашений, регулирующих вопросы, связанные с разработкой и транспортировкой углеводородных запасов Каспийского моря.

Следует отметить, что между Российской и Сефевидской империями, Российской империей и Персией, РСФСР и Персией, СССР и Ираном были подписаны документы, предусматривавшие разграничение Каспия. До начала XX в. заключены следующие соглашения: Петербургский мирный договор (1723 г.) [Хабиби-Рудсари 2013], Рештский договор (1732 г.) [Саламова 2007], Гюлистанский мирный договор (1813 г.) [Исмаилова 2013] и Туркманчайский мирный договор (1828 г.) [Ларин 2014], в которых не упоминалось о международно-правовом статусе Каспия. Вследствие того что все эти договоры были подписаны после успешных военных кампаний России, они давали особые привилегии «победителю», в том числе и в отношении Каспийского моря [Aliyev 2009].

Впервые больше внимания проблеме правового статуса Каспийского моря было уделено в российско-иранском соглашении от 26 февраля 1921 г. В ст. 3 этого соглашения говорится, что «обе Высокие Договаривающиеся Стороны будут пользоваться рекой Атрек и другими пограничными реками и водами на равных правах. Для окончательного урегулирования вопроса о пользовании пограничными водами и для разрешения всех спорных пограничных и территориальных вопросов будет назначена комиссия из представителей Персии и России»¹. Положениями «Договора о торговле и мореплавании» от 25 марта 1940 г. регулируется право сторон ловить рыбу в водах, омывающих их берега, в пределах 10 морских миль².

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 536.

² Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 179.

В «Соглашении о воздушном сообщении между Правительством СССР и Шахиншахским Правительством Ирана» от 17 августа 1964 г. зафиксировано, что прямая линия, проходящая через территориальные воды двух стран (линия между населенными пунктами Астара в Азербайджанской ССР и Гасангулу в Туркменской ССР), определила воздушную границу в Каспийском море³. В военно-морском международно-правовом справочнике 1966 г. упоминается о территории Каспия, принадлежащей СССР, и отмечается, что природные ресурсы, находящиеся на этой территории, принадлежат Советскому Союзу [Бараболя, Бахов и др. 1966].

В 1970 г. Министерство нефтяной промышленности СССР решило разделить Каспий на национальные сектора. Согласно этому решению, примерно 113 тыс. км² Каспийского моря отдавалась Казахстану, 80 тыс. км² — Туркменистану, 80 тыс. км² — Азербайджану и 64 тыс. км² — РСФСР [Yusifzade 1994]. Топографическая карта разделения была отправлена в Иран, так что Тегеран был ознакомлен с этим делением. Тогда от иранского правительства возражений не последовало, в связи с чем можно сделать вывод, что Иран не выступал против этого разделения или, по крайней мере, не выразил официальный протест. Решение 1970 г. четко определило границы республик СССР в Каспийском море. После него каждая из прикаспийских республик СССР начала самостоятельно осуществлять деятельность в своих территориальных водах [Narunoğulları 2018].

В целом до 1991 г., то есть до распада Советского Союза, существовала соответствующая нормативно-правовая база и практика по проблеме Каспия, и поскольку пограничная линия между СССР и Ираном была четкой, не возникало проблем с разделением территории Каспийского моря между двумя странами. При этом начиная с 1970 г. между союзными прикаспийскими республиками СССР существовало определенное разделение, и они самостоятельно занимались добычей нефти и природного газа на принадлежащей им территории [Kocaman 2018].

В 1991 г. количество прикаспийских государств, заинтересованных в акватории Каспийского моря, возросло с двух до пяти, и для решения проблемы статуса Каспия были предложены различные варианты. В 1995 г. с целью поиска пути решения указанной проблемы была создана Специальная рабочая группа (СРГ). 12 августа 2018 г. по итогам переговоров, длившихся более 20 лет и включавших в себя 52 заседаний СРГ и пять саммитов президентов (в 2002 г. в Ашхабаде, в 2007 г. в Тегеране, в 2010 г. в Баку, в 2014 г. в Астрахани, в 2018 г. в Актау), в городе Актау (Казахстан) была подписана Конвенция о правовом статусе Каспия⁴. Президент Казахстана Н.А. Назарбаев назвал этот документ «Конституцией Каспийского моря»⁵.

³ Соглашение о воздушном сообщении между Правительством СССР и Шахиншахским Правительством Ирана. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-426/49601 (дата обращения: 14.11.2018).

⁴ Подписана конвенция о правовом статусе Каспийского моря. URL: <https://ria.ru/world/20180812/1526398222.html> (дата обращения: 14.11.2018).

⁵ Главы пяти стран официально разделили Каспийское море. URL: <https://ru.sputniknews.kz/politics/20180812/6799549/aktau-kaspij-konvenciya-prezidenty.html> (дата обращения: 14.11.2018).

АЗЕРБАЙДЖАНО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ДО ПОДПИСАНИЯ КОНВЕНЦИИ

Для всестороннего исследования влияния проблемы правового статуса Каспийского моря на азербайджано-иранские отношения целесообразно рассмотреть внешнюю политику обеих стран, в особенности проводимый Ираном внешне-политический курс в этом регионе.

Анализ политики Ирана на Южном Кавказе с начала 90-х гг. прошлого века позволяет констатировать, что Тегеран преследовал здесь несколько целей:

— создание своей сферы влияния, которая бы распространялась на три новых государства — Азербайджан, Армению и Грузию, возникших в результате распада СССР;

— предотвращение разработки и экспорта природных ресурсов иностранными компаниями в регионе;

— уменьшение влияния других региональных и нерегиональных сил в регионе за счет увеличения своего влияния на Южном Кавказе;

— предотвращение шагов, предпринимаемых крупными внерегиональными державами против Ирана;

— в случае укрепления независимого Азербайджана — противодействие возможным последствиям увеличения его влияния над азербайджанскими тюрками, которые проживают в пределах иранских границ.

Начиная с первой половины 90-х гг. XX в. Азербайджан оказался в центре политики Ирана на Южном Кавказе благодаря богатым природным ресурсам, важному геостратегическому положению Азербайджана и проживанию миллионов азербайджанцев в Иране [Lashaki et al. 2013]. Другой причиной, почему во внешней политике Ирана уделяется больше внимания Азербайджану, были новые тюркоязычные государства, возникшие после распада СССР. Таким образом, появление тюркских республик в регионе привело к появлению понятия «тюркского фронта» в иранской политической литературе [Гасанов 2013]. Учитывая существование значительного числа тюркоязычных народов в пределах иранских границ, Тегеран воспринял эту ситуацию как потенциальную угрозу. По этой причине Азербайджан, который имеет важную позицию «моста» между тюркскими государствами, стал рассматриваться как «центр опасности» со стороны Ирана. Из-за этой и ряда других причин отношения между Азербайджаном и Ираном не всегда были благоприятными, и даже время от времени возникала напряженность в двусторонних отношениях. С другой стороны, азербайджано-иранские отношения имеют большое значение не только с точки зрения внешней политики этих двух стран, но и с точки зрения внешней политики других региональных и глобальных сил в Кавказско-Каспийском регионе. Географическое расположение этих двух соседних стран, их общие исторические, культурные и религиозные особенности, природные ресурсы, характеристики внутренней и внешней политики, а также конкуренция крупных держав в регионе повышает значение азербайджано-иранских отношений в мировой политике. Отношения этих двух стран с третьими странами и международными организациями, даже их

шаги, связанные с внутренней политикой, идеологические линии и заявления официальных лиц непосредственно оказывают влияние на азербайджано-иранские отношения [Paul 2015].

Избрание Х. Рухани в 2013 г. на пост президента Ирана открыло новую страницу в двусторонних отношениях. Чтобы понять важность двусторонних отношений за последние 5 лет, достаточно посмотреть на товарооборот между Азербайджаном и Ираном, который в первой половине 2016 г. увеличился на 66%, а в 2017 г. еще на 30%⁶ [Aslanlı 2017]. В настоящее время товарооборот между двумя странами в нефтегазовом секторе ежегодно составляет 500 млн долл. США, Х. Рухани и И.Г. Алиев уже провели 11 личных встреч, а делегации Азербайджана и Ирана обменялись около 100 взаимными визитами, было подписано около 50 документов и проведено четыре заседания Государственной Комиссии [Azərbaycan-İran əməkdaşlığı... 2018]. Около 550 иранских компаний работают в различных областях экономики Азербайджана, кроме того, иранские инвесторы вложили 2,7 млрд долл. США в азербайджанскую экономику [Azərbaycan Respublikasının xarici... 2017].

ЗНАЧЕНИЕ ПОДПИСАНИЯ КОНВЕНЦИИ

Конвенция имеет большое значение как с региональной, так и с глобальной точек зрения, ввиду того, что она является правовой основой для деления дна и поверхности Каспия. Она позволила создать юридическую платформу для решения соответствующих проблем в Каспийском регионе. Конвенция создает условия для решения вопроса определения суверенных границ прибрежных государств, что, в свою очередь, решает вопросы с навигационными системами, подводными трубопроводами и т.д. В будущем все соглашения, связанные с Каспием, будут подписаны на основе настоящей Конвенции.

Конвенция о правовом статусе Каспийского моря и подписанные ранее документы включали в себя следующие преимущества для заинтересованных стран:

- 1) установлены маршруты движения судов пяти прибрежных стран в Каспийском море;
- 2) устранены неопределенности в отношении правового статуса Каспийского моря, что открывает двери для новых инвестиционных проектов;
- 3) особое внимание в упомянутых ранее документах уделено вопросам охраны окружающей среды. Повышение уровня морской воды и увеличение количества нефтеперерабатывающих заводов вызывает экологические проблемы, решение которых ранее осложнялось неопределенностью статуса Каспия;
- 4) каждому прибрежному государству принадлежит 15 миль от берега моря. Кроме того, они имеют право ловить рыбу на расстоянии 10 миль. Остальные территории будут использоваться совместно, и это относится только к поверхности Каспийского моря;

⁶ Шахин Мустафаев: Товарооборот между Азербайджаном и Ираном в 2017 году вырос на 30%. URL: <https://news.day.az/economy/976270.html> (дата обращения: 14.11.2018).

5) при подписании соответствующих договоров прибрежные страны смогут прокладывать трубопроводы по дну Каспийского моря, если это не будет наносить ущерб морской экологии;

6) прибрежные страны будут следить, чтобы военно-морские суда других стран не заходили в воды Каспийского моря. Кроме того, Конвенция подразумевает сотрудничество между странами на постоянной основе. Очевидно, что включение этого пункта в Конвенцию было более важным с точки зрения концепций национальной безопасности России и Ирана. Москва и Тегеран опасались, что силы США и НАТО активизируются в Каспийском море при посредничестве Азербайджана и Казахстана. Однако военное сотрудничество Баку и Астаны с США и НАТО ограничивалось закупкой лодок и логистического оборудования;

7) определение правового статуса Каспия может увеличить интерес Китая к транспортному коридору Баку — Тбилиси — Карс, что имеет большое значение для Азербайджана.

Вместе с тем Конвенция не решает вопрос о распределении дна Каспийского моря между пятью государствами. Дно Каспийского моря должно быть разделено между прибрежными государствами в соответствии с принципами международного права, существует необходимость подписания соответствующих дополнительных соглашений. Хотя Азербайджан имеет двусторонние соглашения с Россией и Казахстаном по вопросу о разделении дна Каспийского моря, отсутствие аналогичных соглашений с Туркменистаном и Ираном является большой проблемой для Азербайджана.

На сегодняшний день сложилась такая ситуация, при которой стало возможным соглашение с Туркменистаном. Так, 21 ноября 2018 г. президент Азербайджана И.Г. Алиев прибыл в Ашхабад с официальным визитом, и в результате двусторонних встреч было подписано 20 соглашений с Туркменистаном⁷. Во время встречи двух президентов также обсуждалась тема о возможных вариантах реализации проекта «Транскаспийского газопровода». В настоящий момент Туркменистан заинтересован в помощи со стороны Азербайджана в транспортировке природного газа в Европу, в связи с чем существует реальный шанс достигнуть договоренности по вопросу разграничения дна моря между двумя странами.

В целом суть соглашения с позиций АР и ИРИ можно резюмировать следующим образом.

Азербайджану подписание Конвенции позволит в перспективе укрепиться в качестве неотъемлемой части формирующегося каспийского сегмента системы международного транзита. Так, это соглашение позволит увеличить объем международных грузовых перевозок и интерес к транспортному коридору Баку — Тбилиси — Карс. Кроме того, что подписание Конвенции для Азербайджана имеет большое значение с экономической точки зрения, оно также поможет получить выгоды с политической точки зрения. Дальнейшее развитие отношений Азербайджана с Россией и Ираном, которые являются двумя наиболее важными союзни-

⁷ Подписаны азербайджано-туркменские документы. URL: <https://ru.president.az/articles/30828> (дата обращения: 25.11.2018).

ками Армении, еще больше укрепит позицию Азербайджана в регионе. В свою очередь, политика Армении по сближению с Западом ослабит ее позиции в отношениях с ее союзниками, особенно в условиях, когда Запад принял новый пакет экономических санкций против России и Ирана. Это может создать благоприятные условия для решения Нагорно-Карабахской проблемы в пользу Азербайджана.

Вместе с тем нельзя сказать, что соглашение выгодно Азербайджану во всех направлениях. Согласно Конвенции, военный флот других стран не может находиться в Каспии. Более того, прикаспийские государства не могут без согласия других побережных стран разрешать военному флоту третьих стран заходить в Каспийское море даже транзитом. С другой стороны, в случае подписания доверительного документа по военным вопросам в Каспийском бассейне, т.е. формирования военного блока, который объединит прикаспийские государства, в будущем могут возникнуть препятствия в юридическом плане, например, если Азербайджан будет рассматривать возможность взаимодействия с НАТО.

Что касается **Ирана**, то официальный Тегеран хотел, чтобы Каспий был разделен на равные части [Aslanlı 2014]. Эта позиция долгие годы была самым большим препятствием для определения юридического статуса Каспийского моря. Однако объявление США о новых санкциях против Ирана вынудило Тегеран отказаться от своей позиции. С другой стороны, выгоды от проекта «Север — Юг», который предполагает транспортировку товаров из Индии в порт Бандар-Аббас (Иран), который находится на побережье Персидского залива, затем по железной дороге в другой иранский порт Энзели (на берегу Каспийского моря) и оттуда по Каспийскому морю в Астрахань, требовали подписания соглашения о статусе Каспийского моря. Но, в отличие от Азербайджана, подписание Тегераном соглашения не было однозначно принято в Иране. Некоторые СМИ писали о «поражении» иранской политики в отношении Каспия⁸. Тем не менее президент Х. Рухани назвал это соглашение победой Ирана. Фактически подписание Конвенции имеет большое экономическое и политическое значение для Ирана, а также несет выгоды с точки зрения национальной безопасности.

QUO VADIS, БАКУ И ТЕГЕРАН?

Подписание Конвенции придаст импульс развитию двусторонних отношений. Обе страны еще до ее подписания вели переговоры о сотрудничестве на Каспии [Bahgat 2007]. Национальная иранская нефтяная компания (НИОС) даже имеет 10-процентную долю в проекте газового месторождения Шах-Дениз⁹, и Азербайджан пригласил Иран принять участие в проектах ТАР (Трансадриатический газопровод) и TANAP (Трансанатолийский газопровод). Иранский научно-исследовательский институт нефтяной промышленности и Государственная нефтяная компания Азербайджана (ГНКАР) подписали соглашение о разработке нефтяных

⁸ İran prezidenti Xəzər Konvensiyasına görə tənqid olunur. URL: <https://www.azadliq.org/a/iran-xezer/29440401.html> (accessed: 14.11.2018).

⁹ Eurasianet (США): санкции против Ирана грозят странам Кавказа энергетическими проблемами. URL: <https://inosmi.ru/politic/20181113/243910239.html> (дата обращения: 14.11.2018).

месторождений¹⁰. Ожидается, что это сотрудничество будет расширяться и после соглашения о статусе Каспийского моря. Кроме того, ГНКАР предложила НЮС вместе искать новые нефтяные месторождения в Каспийском море. Азербайджан, в отличие от Ирана, располагает современной инфраструктурой, необходимой для освоения нефтяных месторождений в Каспийском море, поэтому Тегеран заинтересован в сотрудничестве с Баку.

Азербайджан и Иран также успешно дополняют друг друга в области стратегических транспортных возможностей благодаря их географическому положению. Транзитные маршруты Ирана предусматривают экспорт азербайджанских товаров в Персидский залив, а также в Европу через Турцию. Вместе с тем транзитные маршруты Азербайджана также помогают Ирану экспортировать свои товары в Грузию и Россию.

Проект транспортного коридора «Север — Юг», который, как ожидается, принесет большие выгоды участникам, является одним из неизменных пунктов повестки дня официальных контактов на высшем уровне между Азербайджаном и Ираном. Если этот проект будет реализован в полной мере, то он облегчит выход на мировые рынки компаниям обеих стран и придаст импульс ускорению торговых отношений прикаспийских государств через черноморские порты. Поскольку данный коридор сокращает время доставки грузов из Индии и Южной Азии в Россию и Европу на 10—20 дней, также ожидается, что цена на каждый контейнер упадет до 400—500 долл. США¹¹. Азербайджан готов выделить Ирану 500 млн долл. США для завершения проекта железной дороги длиной 165 км между Рештом и Астарой, являющейся частью международного транспортного коридора¹². В 2017 г. компании Бакинские железные дороги и Иранские железные дороги договорились о строительстве и эксплуатации терминала погрузки и разгрузки на линии «Север—Юг» в Астаре и планируют построить 4 терминала в Иране при поддержке азербайджанской стороны.

После запуска международного транспортного коридора «Север—Юг» ожидается значительное увеличение объемов торговли между двумя странами. Завершение строительства железной дороги Решт—Астара, соединяющей Южную Азию и Иран с Россией и Европой через Азербайджан, обеспечит доступ Ирана к железной дороге Баку—Тбилиси—Карс, что еще больше укрепит азербайджано-иранские отношения.

Однако существуют некоторые факторы, которые заставляют иранскую сторону действовать осторожно в отношениях с Азербайджаном. 13 сентября 2018 г. израильская делегация во главе с министром обороны Израиля А. Либерманом прибыла в Баку с официальным визитом и в течение четырех дней вела

¹⁰ SOCAR İrana müqavilə imzaladı. İran Milli Neft Şirkətinin dəvətilə SOCAR-ın nümayəndə heyəti İran İslam Respublikasında səfərdə oub. URL: <https://publika.az/news/other/90425.html> (accessed: 17.11.2018).

¹¹ См.: Spector R.A. The North-South Transport Corridor. URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-north-south-transport-corridor/> (accessed: 14.11.2018).

¹² Azərbaycan İrana investisiya yatırmağa hazırdır. URL: <http://worldmedia.az/news.aspx?id=1656> (accessed: 14.11.2018).

переговоры с руководством Азербайджана о развитии сотрудничества во многих областях, в частности в военной сфере¹³. Кроме того, 24 октября 2018 г. в Баку прибыл советник президента США по национальной безопасности Дж. Болтон, что было негативно воспринято в Иране¹⁴. Тем не менее, во время шестой трехсторонней встречи министров иностранных дел Турции, Азербайджана и Ирана в Стамбуле 30 октября 2018 г. министры иностранных дел Азербайджана и Ирана подчеркнули, что сотрудничество между Азербайджаном и Ираном будет развиваться дальше¹⁵.

Примечателен и тот факт, что возобновление Вашингтоном действия санкций против Тегерана в ноябре 2018 г.¹⁶ не отразилось существенным образом на упрощении азербайджано-иранских отношений. Тем самым Азербайджан не последовал призывам США к другим странам присоединиться к санкциям против Ирана. Это свидетельствует о том, что Баку не только не намерен ограничивать экономические и торговые связи с Тегераном, но, наоборот, планирует в связи с их взаимовыгодным характером и дальше развивать двусторонние отношения. Такая позиция Азербайджана во многом способна сблизить его с Ираном в решении вопроса о разделении дна Каспийского моря. В этой связи возможной представляется активизация двустороннего переговорного процесса по этой проблематике, в ходе которого могут быть достигнуты взаимоприемлемые договоренности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что урегулирование правового статуса Каспийского моря, с одной стороны, будет способствовать укреплению сотрудничества между прибрежными странами, а с другой — ускорит реализацию международных энергетических проектов и одновременно с этим повысит транзитное значение Каспийского региона. Что касается азербайджано-иранских отношений, то следует отметить, что растущее в последние годы сотрудничество между двумя странами еще более ускорилось после подписания Конвенции. В частности, переговоры между Баку и Тегераном о совместном сотрудничестве в Каспийском море могут привести к появлению новых энергетических проектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бараболя П.Д., Бахов А.С., Иванашенко Л.А., Колесник Д.Н., Логунов В.Д., Молодцов С.В. и др.* Военно-морской международно-правовой справочник. М.: Воениздат, 1966.
- Гасанов А.М.* Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана. Баку: Zərdabi LTD MMC, 2013.

¹³ См.: Либерман приехал в Азербайджан, чтобы укрепить связи с этой пограничной с Ираном страной. URL: <https://lechain.ru/news/liberman-posetit-azerbajdzhan-chtoby-ukreplit-svyazi-s-etoj-pogranichnoj-s-iranom-stranoj/> (дата обращения: 14.11.2018).

¹⁴ См.: Səlimov N. Con Boltonun səfəri nə ilə yadda qaldı? URL: https://www.aznews.az/news/surveillance_point/191603.html (дата обращения: 10.11.2018).

¹⁵ İstanbulda Azərbaycan, Türkiyə və İran XİN rəhbərlərinin görüşü olub. URL: <http://www.xezerxeber.az/Web%20TV/224462.html> (accessed: 10.11.2018).

¹⁶ См.: США ввели «сильнейшие» санкции против Ирана. Тегеран пообещал их обойти. URL: <https://meduza.io/news/2018/11/05/ssha-vozobnovili-sanktsii-protiv-irana-tramp-nazval-ih-silneyshimi-v-istorii> (дата обращения: 14.11.2018).

- Гусейнов В.А. Каспийская проблема: геополитические и экономические аспекты // Вестник аналитики. 2001. № 2. С. 86—137.
- Исмаилова А.М. Гюлистанский мирный договор 1813 года и российская политика на Южном Кавказе в XIX веке // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 36 (327). С. 40—43.
- Ларин А.Б. Туркманчайский мирный договор и формирование новой линии российской политики в Иране // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 5 (116). С. 56—61.
- Саламова Н.А. Кавказ и Крым в русско-турецких отношениях от Рештского договора до Гянджинского трактата (1732—1735) // Восточный архив. 2007. № 16. С. 11—15.
- Хабиби-Рудсари Р. Российско-иранские отношения в регионе Каспийского моря // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 2. С. 110—121.
- Aliyev A. Sahilyanı dövlətlərin Xəzər siyasəti // Tarix və onun problemləri. 2009. № 1. S. 192—201 [Caspian Policy of the Coastal States // History and its Problems. 2009. N 1. P. 192—201]. (на азерб. яз.).
- Aslanlı A. Geosiyasi rəqabət və Geoiqtisadi maraqlar zəminində Xəzər hövzəsinin “Qordi düyünü”. Bakı, 2014. [Geopolitical Competition and the “Gordian Knot” of the Caspian Basin on the Basis of Geoeconomic Interests. Baku, 2014. 14 p.]. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_39805-1522-1-30.pdf?141202142145 (date of access: 11.11.2018). (на азерб. яз.).
- Aslanlı K. İran-Azərbaycan ekonomik ilişkileri. İran araşdırmalar merkezi, 2017. [Iranian-Azerbaijani Economic Relations. Center of Iranian Studies, 2017. 28 p.]. (на азерб. яз.).
- Azərbaycan-İran əməkdaşlığı: əsas istiqamətlər və imkanlar. Redaktorlar: Vəliyev C. və Məhəmmədi M. Bakı, 2018. [Azerbaijan-Iranian Cooperation: Main Directions and Opportunities / ed. by J. Valiyev and M. Muhammadi. Baku, 2018. 204 p.]. (на азерб. яз.).
- Azərbaycan Respublikasının xarici siyasətinin əsas istiqamətləri (1991—2016): məqalələr toplusu. Redaktorlar: F. Məmmədov, C. Vəliyev və A. Məmmədov. Bakı: Poliart MMC, 2017. [The Main Directions of the Foreign Policy of the Republic of Azerbaijan (1991—2016): Digest. Baku: Poliart MMC, 2017]. (на азерб. яз.).
- Bahgat G. Prospects for Energy Cooperation in the Caspian Sea // Communist and Post-Communist Studies. 2007. Vol. 40 (2). P. 157—168. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2007.03.006.
- Bantekas I. Bilateral Delimitation of the Caspian Sea and the Exclusion of Third Parties // The International Journal of Marine and Coastal Law. 2011. Vol. 26. P. 47—58.
- Harunoğulları M. Legal Status of the Caspian Sea and Sharing of Energy Resources: Disputes and Struggles between the Riparian Countries // International Journal of Geography and Geography Education. 2018. N 38. P. 202—217. DOI: 10.32003/iggei.440886.
- Kocaman M.E. Hazar havzasının hukuki statüsü // Ege stratejik araşdırmalar dergisi. 2018. 9(1). S. 99—114. [The Legal Status of the Caspian Basin // Aegean Journal of Strategic Studies. 2018. Vol. 9. N 1. P. 99—114]. DOI: 10.18354/esam.387714. (на азерб. яз.).
- Lashaki A.B., Goudarzi M.R., Amraei D. The Roots of Tension in South Caucasus: The Case of Iran-Azerbaijan Relationship // Journal of Politics and Law. 2013. Vol. 6. N 4. P. 141—149.
- Mehdiyoun K. International Law and the Dispute over Ownership of Oil and Gas Resources in the Caspian Sea // The American Journal of International Law. 2000. Vol. 94. N 1. P. 1—17.
- Paul A. Iran’s policy in the South Caucasus — Between pragmatism and realpolitik // The South Caucasus: Between Integration and Fragmentation. Baku: SAM, 2015. P. 53—60.
- Yusifzade Kh. The Status of the Caspian // Azerbaijan International. Winter 1994 (2.4). P. 30. URL: http://azer.com/aiweb/categories/magazine/24_folder/24_articles/24_statuscaspian.html (accessed: 16.11.2018).

Дата поступления статьи: 21.11.2018

Для цитирования: Агазаде М.М. «Конституция Каспия» и новые горизонты сотрудничества между Азербайджаном и Ираном // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 942—954. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-942-954.

Сведения об авторе: Агазаде Мирмехти Миркамил оглы — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: aghazada53@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-942-954

“Caspian Constitution” and New Horizons of Cooperation between Azerbaijan and Iran

M.M. Agazade

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation

Abstract: In the modern world the struggle for access to hydrocarbon fields and for routes to world markets has a significant impact on the political and economic processes at the global and regional levels. One of the regions in which the energy factor plays a significant role is the Caspian basin, which has rich oil and gas fields, as well as significant transport potential that can reliably connect Russia, South Caucasus and Central Asia with the European region. In view of the geopolitical, geostrategic and energy importance of the Caspian Sea, the solution of the question on its legal status was one of the central tasks in the foreign policy of the Caspian states. The problem of determining the international legal status of the Caspian arose due to the cessation of the existence of the USSR and the increase of number of Caspian littoral states interested in the territories of the Caspian from two (USSR and Iran) to five (Russian Federation, Republic of Kazakhstan, Republic of Turkmenistan, Islamic Republic of Iran (IRI) and Republic of Azerbaijan (RA)). From that moment, the protracted period of their negotiations on relevant issues on a bilateral and multilateral basis began, which resulted in the signing of the Convention on the Legal Status of the Caspian in August 2018, or so-called “Caspian Constitution”.

This article examines the main milestones in the development of this problem and notes the importance of the signed “Constitution” in terms of the interests of the RA and Iran. At the same time, the author pays special attention to the adoption of the aforementioned Convention, which may further influence to the Azerbaijani-Iranian relations. The author notes that today favourable conditions have been created for energy cooperation between Baku and Tehran in the Caspian Sea, and also emphasizes the key importance of solving the problem of the legal status on the Caspian Sea for security and developing economic relations between the two countries, in particular, its role in the international energy corridor project. In addition, the importance of cooperation between Azerbaijan and Iran in the field of transit traffic in the framework of the “North—South” international transport corridor project has been analyzed.

The author concludes that the signed Convention will serve as an additional impetus for the development of bilateral cooperation.

Key words: Caspian Sea, Caspian Legal Status Convention, Republic of Azerbaijan, Islamic Republic of Iran, bilateral relations

REFERENCES

Aliyev, A. (2009). Sahilyanı dövlətlərin Xəzər siyasəti. *Tarix və onun problemləri*. N 1. S. 192—201 [Caspian Policy of the Coastal States. *History and its Problems*, 1, 192—201]. (in Azerbaijani).

- Aslanlı, A. (2014). *Geosiyasi rəqabət və Geoiqtisadi maraqlar zəminində Xəzər hövzəsinin “Qordi düyünü”*. Bakı. [*Geopolitical Competition and the “Gordian Knot” of the Caspian Basin on the Basis of Geoeconomic Interests*. Bakı]. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_39805-1522-1-30.pdf?141202142145 (accessed: 11.11.2018). (in Azerbaijani).
- Aslanlı, K. (2017). *İran-Azərbaycan ekonomik ilişkileri*. İran araşdırmalar merkezi. [*Iranian-Azerbaijani Economic Relations*. Center of Iranian Studies]. (in Azerbaijani).
- Bahgat, G. (2007). Prospects for Energy Cooperation in the Caspian Sea. *Communist and Post-Communist Studies*, 40 (2), 157—168. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2007.03.006.
- Bantekas, I. (2011). Bilateral Delimitation of the Caspian Sea and the Exclusion of Third Parties. *The International Journal of Marine and Coastal Law*, 26, 47—58.
- Barabolya, P.D., Bahov A.S., Ivanashchenko L.A., Kolesnik D.N., Logunov V.D., Molodcov S.V., et al. (1966). *Military Navy International Legal Directory*. Moscow: Voenizdat publ. (in Russian).
- Gasanov, A.M. (2013). *Modern International Relations and Foreign Policy of Azerbaijan*. Zardabi LTD publ. (in Azerbaijani).
- Guseynov, V.A. (2001). Caspian Problem: Geopolitical and Economic Aspects. *Vestnik Analitiki*, 2, 86—137. (in Russian).
- Habibi-Rudsari, R. (2013). Russian-Iranian Relations in the Caspian Sea Region. *Political Expertise: POLITEX*, 9(2), 110—121. (in Russian).
- Harunoğulları, M. (2018). Legal Status of the Caspian Sea and Sharing of Energy Resources: Disputes and Struggles between the Riparian Countries. *International Journal of Geography and Geography Education*, 38, 202—217. DOI: 10.32003/iggei.440886.
- Ismailova, A.M. (2013). Gulistan Peace Treaty of 1813 and Russian Policy in the South Caucasus in the 19th Century. *CSU Bulletin*, 36 (327), 40—43. (in Russian).
- Kocaman, M.E. (2018). Hazar havzasının hukuki statüsü. *Ege stratejik araştırmalar dergisi*. [Legal status of the Caspian basin. *Aegean Journal for Strategic Studies*], 9(1), 99—114. DOI: 10.18354/esam.387714.
- Larin, A.B. (2014). The Turkmanchay Peace Treaty and the Forming the New Russian Policy in Iran. *Vestnik of Samara State University*, 5 (116), 56—61. (in Russian).
- Lashaki, A.B., Goudarzi, M.R. & Amraei, D. (2013). The Roots of Tension in South Caucasus: The Case of Iran-Azerbaijan Relationship. *Journal of Politics and Law*, 6 (4), 141—149.
- Mehdiyoun, K. (2000). International Law and the Dispute over Ownership of Oil and Gas Resources in the Caspian Sea. *The American Journal of International Law*, 94(1), 1—17.
- Məmmədov, F., Vəliyev, C. & Məmmədov, A. (Redaktorlar). (2017). *Azərbaycan Respublikasının xarici siyasətinin əsas istiqamətləri (1991—2016): məqalələr toplusu*. Bakı: Poliart MMC. [Mamedov, F., Valiyev, J. & Mamedov, A. (Eds.). (2017). *The Main Directions of the Foreign Policy of the Republic of Azerbaijan (1991—2016): Digest*. Bakı: Poliart MMC publ.]. (in Azerbaijani).
- Paul, A. (2015). Iran’s Policy in the South Caucasus — Between Pragmatism and Realpolitik. In: *The South Caucasus: Between Integration and Fragmentation*. Bakı: SAM, 53—60.
- Salamova, N.A. (2007). Caucasus and Crimea in Russian-Turkish Relations from the Treaty of Reshta to the Treaty of Ganja (1732—1735). *Eastern Archive*, 16, 11—15. (in Russian).
- Vəliyev, C. & Məhəmmədi, M. (Redaktorlar). (2018). *Azərbaycan-İran əməkdaşlığı: əsas istiqamətlər və imkanlar*. Bakı. [Veliev, J. & Muhammadi, M. (Eds.). (2018). *Azerbaijan-Iranian Cooperation: Main Directions and Opportunities*. Bakı.]. (in Azerbaijani).
- Yusifzade, Kh. (1994). The Status of the Caspian. *Azerbaijan International*, 2(4), 30. URL: http://azer.com/aiweb/categories/magazine/24_folder/24_articles/24_statuscaspian.html (accessed: 16.05.2018).

Received: 21.11.2018

For citations: Agazade, M.M. (2018). “Caspian Constitution” and New Horizons of Cooperation between Azerbaijan and Iran. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 942—954. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-942-954.

About the author: *Agazade Mirmehdi Mirkamil oglu* — postgraduate student of the Department of the Theory and History of International Relations, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: aghazada53@gmail.com).

© Агазаде М.М., 2018

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-955-964

R2P: Concept, Aspirational Norm or Principle?

Interview with Professor Alex J. Bellamy,
University of Queensland (Australia)

Abstract. Professor Alex J. Bellamy is Director Asia Pacific Centre for R2P, Professor of Peace & Conflict Studies, University of Queensland, Non-Resident Senior Advisor, International Peace Institute (New York). He is the author of *Kosovo and International Society* [Bellamy 2002], *Security Communities and Their Neighbours: Regional Fortresses or Global Integrators?* [Bellamy 2004], *Understanding Peacekeeping* [Bellamy, Williams, Griffin 2004], *International Society and Its Critics* [Bellamy 2005], *Just Wars: From Cicero to Iraq* [Bellamy 2006], *Fighting Terror: Ethical Dilemmas* [Bellamy 2008], *Responsibility to Protect: the Global Effort to End Mass Atrocities* [Bellamy 2009], *Responsibility to Protect: A Defence* [Bellamy 2014], *Providing Peacekeepers: The Politics, Challenges, and Future of United Nations Peacekeeping Contributions* [Bellamy, Williams 2013] and *Massacres and Morality* [Bellamy 2012].

Alex J. Bellamy is one of the editorial board of Ethics & International Affairs, co-editor of The Global Responsibility to Protect Journal.

In his interview, Prof. Bellamy talks about institutionalization of R2P concept that would be able to help in prevention of genocide, war crimes, ethnic cleansing and crimes against humanity. Prof. Bellamy identifies three categories of situations where it's proving very difficult to protect civilians.

Key words: Responsibility to Protect (R2P), the United Nations, peacekeeping, Asia Pacific region, Middle East, Syrian conflict, genocide of Rohingya people in Myanmar

— **As Professor of Peace and Conflict Studies and Director of the Asia Pacific Centre for the Responsibility to Protect how do you personally appreciate and evaluate the development of the concept since 2005?**

— The Responsibility to Protect (R2P)¹ was agreed by Heads of State and Government at the 2005 UN World Summit². It was a response to the acknowledged failure of the international community to protect people from genocide and other mass atrocities

¹ Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty “The Responsibility to Protect”. International Development Research Centre, Ottawa, 2001. More detailed information about R2P, see: [Evans 2008].

² Responsibility to Protect. URL: <http://www.un.org/en/genocideprevention/about-responsibility-to-protect.html> (accessed: 21.11.2018).

in Rwanda and Bosnia. Genocide and other atrocities truly shock the conscience of humankind and world leaders came together to commit themselves to doing better to prevent these crimes and protect vulnerable populations from them. More than a decade on, efforts to implement the principle have yielded mixed results. Things have progressed most on the normative and political fronts. Thanks in large part to the annual sequence of UN Secretary-General's Reports³ and General Assembly dialogues since 2009⁴, political consensus on the meaning and scope of the principal, and commitment to it, have widened and deepened. Only a few states now object to the principle itself. In my region, for example, only North Korea⁵ rejects R2P as a principle. So we have seen the steady institutionalization of R2P through the engagement of the General Assembly, Security Council, and Human Rights Council, the proliferation of international networks such as the Global Focal Points Network⁶ which now comprises some 60 state members, and the engagement of regional organizations. But we have done much less well where it matters most — the prevention of genocide, war crimes, ethnic cleansing, and crimes against humanity (I collectively label these 'atrocities crimes'). There have been notable successes — in Kenya (where Kofi Annan helped mediate an end to post-election violence, framing his work in R2P terms), Guinea (Conakry) (where ECOWAS, the AU, and UN worked together to prevent the escalation of violence after the government opened fire on protestors), and Cote d'Ivoire⁷, decisive international action helped prevent atrocities. In other cases, we have achieved a mixed record — undoubtedly protecting some people, but leaving others exposed to atrocity crimes, as in South Sudan, Democratic Republic of Congo, the Central African Republic, Libya, and Mali. And then there have been abject failures, where the international community has either stood aside in the face of atrocity crimes or — worse — has contributed to them. Sri Lanka, Syria, Yemen, and Myanmar fall into this category. The challenge we have before us today, then, is that of converting agreement on the principle of R2P into really existing protection for vulnerable populations. No one has the monopoly of wisdom on this, but we need to openly and honestly evaluate past performance and endeavor in good faith to do better. "We the peoples" of the UN demand nothing less.

³ Secretary-General's Reports. URL: <http://www.un.org/en/sc/documents/sgreports/> (accessed: 21.11.2018).

⁴ General Assembly Interactive Thematic Dialogues. URL: <http://www.un.org/ga/president/63/interactive/dialogues.shtml> (accessed: 21.11.2018).

⁵ In 2014 the Third Committee of the UN General Assembly passed a resolution concerning R2P and called on the UN Security Council to analyze the situation in the Democratic People's Republic of Korea to the International Criminal Court to adopt sanctions.

⁶ The R2P Focal Points initiative was launched in September 2010 by the governments of Denmark and Ghana together with the Global Centre for the R2P at the annual Ministerial Meeting on the R2P held during the opening of the UN General Assembly. Appointment of an R2P Focal Point demonstrates governments' commitment to mass atrocity prevention, regardless of their capacity. URL: http://www.globalr2p.org/media/files/r2p_focalpoints_factsheet.pdf (accessed: 21.11.2018).

⁷ As for Cote d'Ivoire, resolution 1975 (30 March 2011) was adopted unanimously. It "reaffirmed the primary responsibility of each state to protect civilians and authorised a strengthening of the UN mission there (UNOCI) to include the use of 'all necessary means' to protect civilians. None of the Council's members referred to RtoP in their statements on the resolution, suggesting that its inclusion had not been controversial (S/PV. 6508, 30 March 2011)". See: [Bellamy 2015].

— **There are some obvious changes in the international studies research field and attitude to the R2P concept. What has changed in the study of R2P? What centers, publications on R2P issues occupy the leading positions today?**

— One of the effects of R2P has been to massively increase the study of atrocity prevention [Luck 2018]. In fact, before 2005 there was no distinct field known as atrocity prevention, so the whole endeavor is quite recent. As a result, emphasis has shifted away from debates about humanitarian intervention but still the academic field remains too preoccupied with a small number of cases (mainly Libya [Reike 2012] and Syria⁸) and does not see the wider picture. Academics tend also to remain focused more on military intervention [Ramsey 2002; Tesón 2001] than on preventive action which is why we still don't have good answers to key questions about what works when it comes to prevention. That is starting to change but I'd like it to change more, so that we write less about R2P itself and more about the practical challenges of prevention and protection. There are now a number of centers doing research on R2P, including dedicated centers such as my own which is focused on the Asia Pacific Centre⁹, the European Centre for R2P based at Leeds University¹⁰ in the UK, and the Genocide Institute¹¹ based in Montreal. There are also a number of wider research centers working on R2P issues, including the Kofi Annan International Peacekeeping Training Centre¹² in Ghana. R2P even has its own journal, called *Global R2P*¹³, which looks to publish the best new research on the subject. Its editorial board comes from every continent and includes scholars from Russia and China¹⁴.

— **What set of criteria would you prefer to use for evaluation of R2P? Have they basically changed?**

— R2P is an aspirational norm. That means two things. First, it is a recognition that we aspire to a world in which atrocities will be prevented and populations protected and a framework setting out whose responsibility that is, starting with the primary responsibility of the state itself. Second, R2P exists precisely because we have so often failed to achieve its aspiration — because atrocity crimes do persist and because our responses to them have often proven inadequate. So in this sense, R2P is not something

⁸ See: Goldberg M.L. (2012). How Libya's Success Became Syria's Failure. UN Dispatch, 19 January. URL: <https://www.undispatch.com/how-libyas-success-became-syrias-failure/> (accessed: 21.11.2018).

⁹ Asia Pacific Centre for the Responsibility to Protect. URL: <https://r2pasiapacific.org/> (accessed: 21.11.2018).

¹⁰ European Centre for the Responsibility to Protect. URL: <https://ecr2p.leeds.ac.uk/> (accessed: 21.11.2018).

¹¹ Montreal Institute for Genocide and Human Rights Studies. URL: <http://www.concordia.ca/research/migs.html> (accessed: 21.11.2018).

¹² Kofi Annan International Peacekeeping Training Centre. URL: <https://www.kaiptc.org/> (accessed: 21.11.2018).

¹³ Global Responsibility to Protect Journal. URL: <https://brill.com/view/journals/gr2p/gr2p-overview.xml> (accessed: 21.11.2018).

¹⁴ Ekaterina Stepanova, National Research Institute of World Economy and International Relations (Russia) and Liu Tiewa, Beijing Foreign Studies University (China) are among them.

that we evaluate, it is a principle we use to evaluate the performance of states and international organizations. When we look at that, we have to be realistic and recognize that situations where atrocities occur or are likely to occur are not easy to resolve. Even with the best of will and plenty of resources, atrocity prevention is difficult and may not succeed. So I think it is best to think of a ‘responsibility to try’ — an expectation that actors will do whatever they reasonably can to support prevention and protection and, especially, that when crises emerge the protection of populations from atrocity crimes will be prioritized over all else. Of course, that means that each evaluation needs to be sensitive to the nature and context of each case.

— What are the main challenges in protecting the civilians in the current conflicts?

— When we look around the world today, we see three sets of situations where it is proving very difficult to protect civilians.

The first are mainly in the Middle East — Syria, Yemen, and Libya, and the still lingering threats posed by ISIS and its affiliates, but the crisis in Myanmar fits into this category as well. I think Lakhdar Brahimi summed up¹⁵ the principal problem for each of these when he resigned as special envoy for Syria complaining that not one government that he had worked with had prioritized the protection of populations from atrocity crimes. Instead, they had prioritized their own geopolitical interests or security concerns. This, I think, applies to all these cases — though in different ways, but I think it is fair to say that in none of these cases did the permanent members of the Security Council, or — for that matter — most of the regional actors — prioritize civilian protection. As a result, we have seen political divisions inhibit civilian protection and sometimes we have seen external powers fan the flames of violence. This is a political reality, of course, but we have to work harder to increase the prioritization of civilian protection.

The second category of cases faces an altogether different set of problems. In these situations, the international community has come together to take action to protect civilians by establishing peacekeeping missions with protection mandates. These undoubtedly save lives, but they confront serious challenges in terms of resources, concepts and doctrines, and working towards an exit strategy. Here I am thinking about UN missions in CAR (*United Nations Multidimensional Integrated Stabilization Mission in the Central African Republic*), Mali (*United Nations Multidimensional Integrated Stabilization Mission in Mali*), South Sudan (*United Nations Mission in the Republic of South Sudan*), and the DRC (*United Nations Organization Stabilization Mission in the Democratic Republic of the Congo*) and the AU mission in Somalia (*The African Union Mission in Somalia*). Serious thought and attention needs to be paid to how we might strengthen these operations.

The third category relates to the rise of violent extremists and non-state armed groups. The number of atrocity crimes committed by these groups has increased

¹⁵ United Nations. Report of the Panel on United Nations Peace Operations (another title “Brahimi Report”), August 21, 2000 (UN Doc. A/55/305-S/2000/809). URL: <http://www.un.org/documents/ga/docs/55/a55305.pdf> (accessed: 21.11.2018).

significantly. Think, for example, of the ISIS genocide against the Yazidis in Iraq, the Islamist insurgency in Mali, and Boko Haram in Nigeria. Whilst concepts of stabilization have been developed to support states in meeting these threats, we still lack good concepts and tools to guide how best to prevent atrocities by these actors and protect vulnerable populations. Thought also needs to be given to the relationship between R2P, counter-terrorism, and the new countering violent extremism agenda.

— The UN input is still regarded to be the most valuable in dealing with the problems of human insecurity. What is the UN interpretation of the R2P? How do you estimate the last General Assembly debates on the R2P? What is it doing to support the norm realization in practice? Do all members support the concept or it is still the point for a sharp discussion between different coalitions and communities? What is the position of the BRICS countries?

— The UN Secretary-General has outlined a three-pillar approach¹⁶ to implementing R2P. The first relates to the state's primary responsibility to protect its own population, the second relates to the international community's responsibility to assist states to protect their own population, and the third relates to the protection of populations by the international community, including collective action through the UN. Through the nine General Assembly dialogues on R2P¹⁷, we have seen states increasingly express good understanding of this approach and their endorsement of it. Today, barely any states demur. Fewer still oppose the concept itself. The challenges today are not conceptual or moral; they are practical and political and relate to policies in relation to specific crises. In some cases, states sharply disagree, but in other cases they find consensus. A recent example of that was the Council's decision to impose an arms embargo on South Sudan.

In my view, the General Assembly debates and more recent formal dialogues play a vital role for four reasons. First, they facilitate inclusive, open, and transparent debate on R2P. Personally, I've always found critical statements by states most helpful as these

¹⁶ 2005 World Summit Outcome. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_60_1.pdf (accessed: 21.11.2018).

¹⁷ Formal Debate on the Secretary-General's report *Implementing the Responsibility to Protect* (A/63/677), 2009; Informal Interactive Dialogue on the Secretary-General's report *Early Warning, Assessment, and the Responsibility to Protect* (A/64/864), 2010; Informal Interactive Dialogue on the Secretary-General's report *The Role of Regional and Sub-regional Arrangements in Implementing the Responsibility to Protect* (A/65/877-S/2011/393), 2011; Informal Interactive Dialogue on the Secretary-General's report *Timely and Decisive Response* (A/66/874-S/2012/578), 2012; Informal Interactive Dialogue on the Secretary-General's report *State Responsibility and Prevention* (A/67/929-S/2013/399), 2013; Informal Interactive Dialogue on the Secretary-General's report *Fulfilling our collective responsibility: International assistance and the Responsibility to Protect* (A/68/947-S/2014/449), 2014; Informal Interactive Dialogue on the Secretary-General's report *A Vital and Enduring Commitment: Implementing the Responsibility to Protect* (A/69/981—S/2015/500), 2015; Informal Interactive Dialogue on the Secretary-General's report *Mobilising collective action: the next decade of the responsibility to protect* (A/70/999-S/2016/620), 2016; Informal Interactive Dialogue on the Secretary-General's report *Implementing the Responsibility to Protect: Accountability for Prevention* (A/71/1016-S/2017/556), 2017.

help to identify areas where we need to do more work, more thinking, and more talking in order to find the common ground needed to make R2P more of a lived reality. Second, they allow states to share information about their experience with R2P and related agendas. Countries like Tanzania and Ghana have talked about the role of their national peace councils, Thailand has emphasized its gender training for peacekeeping, and China has emphasized the importance of development to atrocity prevention. This helps us develop a more comprehensive understanding of the range of activities that go into supporting atrocity prevention and to identify where more support is needed. Third, the General Assembly is the most democratic and inclusive of UN bodies, so its engagement helps promote accountability. After Libya, states demanded greater accountability. I agree with that. The General Assembly debates provides an excellent opportunity for states to hold the UN's other organs (like the Security Council, Human Rights Council and Secretariat) as well as individual states or groups of states accountable for what they have — or have not — done to support the implementation of R2P. Fourth, the General Assembly is the primary decision-making body of the UN, so it stands to reason that it is this body that should identify the future course and priorities for R2P going forward. I would like to see R2P become a standing agenda item and real efforts to promote dialogue towards resolutions so that the Assembly can set the course for the UN.

In terms of the BRICS — as I mentioned above national positions vary from state to state¹⁸. All of the BRICS have endorsed R2P but all have from time to time raised concerns. In terms of their voting pattern, on contentious issues they have generally not voted the same way either in the Council or the Assembly. Each has its own red lines and issues of concern, which also vary from case to case, but each also brings something important to supporting R2P. Brazil's leadership on 'responsibility while protecting' was very welcome, India and China make immense contributions to peacekeeping, as does South Africa which also provides leadership to AU activism which has proven so important, and Russia has played an important and constructive role in South Sudan¹⁹, Mali, and elsewhere. I believe that more energy needs to be dedicated to engaging with the BRICS and to securing their support and leadership on taking the practical steps needed to prevent atrocities. As I said earlier, we need an evidence-based approach based on what works to actually prevent and stop atrocity crimes.

— How do you see the role and key achievements of the Asia Pacific Centre for the R2P?

— Ours is a very small Centre, whose role is to support and assist governments, regional organizations, and non-governmental organizations in implementing R2P.

¹⁸ Examples of draft resolutions, which was vetoed by Russia and China: Security Council Resolution S/2011/612; Security Council Resolution S/2012/538; Security Council Resolution S/2014/348.

¹⁹ Security Council Resolution, established the UN Mission in South Sudan (UNMISS), S/RES/1996 (8th of July, 2011). URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7b65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7d/Sudan%20SRES%201996.pdf> (accessed: 21.11.2018).

We are now in our tenth year. Initially, we focused on simply raising awareness and building consensus and understanding about R2P. This is done through national dialogues²⁰, seminars²¹, and by translating core documents into local languages²². For example, we have translated the R2P agreement itself and the UN's Atrocity Prevention Framework into Khmer²³, Indonesian²⁴, Burmese, and Thai²⁵, and are currently preparing some documents in Chinese²⁶. Where possible, we also conduct national meetings in local languages. In the last few years, we have moved to support implementation through national and regional programs²⁷. Each one is different, tailored to what actors themselves want to do. For example, in partnership with the China Institute for International Studies, the think tank of the foreign minister, we organize an annual dialogue of experts and diplomats²⁸ to share views and perspectives. We also exchange staff, with some of my colleagues spending a few months in Beijing and Chinese colleagues spending time with us. This is helped to build trust and understanding and fostered some common work. For example, we have focused on the role of peacekeepers in protecting populations and recently completed a joint project looking at the Kigali principles. We are also doing joint work on early warning indicators²⁹. Elsewhere, in Cambodia we support the work of the National R2P Focal Point³⁰ and his efforts to build national

²⁰ For instance, 4th China Dialogue. URL: <https://www.vision6.com.au/em/message/email/view.php?id=977816&u=86116&k=YtgGY1IeTjqddM32FQZV-SN1jp3OYDuzIpbNsg0FX0s> (accessed: 21.11.2018); National Dialogue Indonesia. URL: <https://www.vision6.com.au/em/message/email/view.php?id=943484&a=59505&k=LUymA8AUZF0sfuMYxi8hT1Ac5-Xn4WgrGqCEpIBDCCA> (accessed: 21.11.2018); First R2P National Dialogue in Thailand. URL: https://www.vision6.com.au/em/message/email/view.php?id=903911&u=86116&k=Huwvz9eU14H3k1ftJAeDSpmaOl_05SHoxilu60-TTPg (accessed: 21.11.2018); National Dialogue: Cambodia. URL: <https://www.vision6.com.au/em/message/email/view.php?id=882383&u=86116&k=GjuQTmNg1BHMgGco7Ofrc4db0pNVVDXT9b5z1O9nKF8> (accessed: 21.11.2018).

²¹ Events. URL: <https://r2pasiapacific.org/events> (accessed: 21.11.2018).

²² Translated R2P documents. URL: <https://r2pasiapacific.org/resources-and-training/resources> (accessed: 21.11.2018).

²³ Thai and Khmer informal translations of Framework of Analysis for Atrocity Crimes. URL: <https://www.vision6.com.au/em/message/email/view.php?id=977816&u=86116&k=YtgGY1IeTjqddM32FQZV-SN1jp3OYDuzIpbNsg0FX0s> (accessed: 21.11.2018).

²⁴ Toolkit on the Responsibility to Protect (translation into Indonesian). URL: https://r2pasiapacific.org/files/325/ICRtoP_toolkit_bahasa_indonesia.pdf (accessed: 21.11.2018).

²⁵ Framework of Analysis for Atrocity Crimes: A Tool for Prevention (translation into Thai). URL: https://r2pasiapacific.org/files/352/2017_thai_informal_translation_Framework_of_Analysis.pdf (accessed: 21.11.2018).

²⁶ Toolkit on the Responsibility to Protect (translation into Mandarin). URL: <https://r2pasiapacific.org/files/346/ICRtoP-toolkit-chinese-translation.pdf> (accessed: 21.11.2018).

²⁷ R2P in the Asia Pacific. URL: <https://r2pasiapacific.org/r2p-asia-pacific> (accessed: 21.11.2018).

²⁸ 4th China Dialogue. URL: <https://www.vision6.com.au/em/message/email/view.php?id=977816&u=86116&k=YtgGY1IeTjqddM32FQZV-SN1jp3OYDuzIpbNsg0FX0s> (accessed: 21.11.2018).

²⁹ Early Warning and Atrocity Prevention. URL: <https://r2pasiapacific.org/early-warning-and-atrocity-prevention> (accessed: 21.11.2018).

³⁰ Cambodia: National Dialogue on R2P and Atrocities Prevention. URL: https://r2pasiapacific.org/files/596/spotlight_oct2016_issue34_cambodia_national_dialogue.pdf (accessed: 21.11.2018).

capacity for atrocity prevention, by helping with training, providing technical support, and assisting his international efforts. We also work with regional bodies, for example the ASEAN Commission on the Protection of Women and Children³¹. We ran a series of seminars with the Commission on the prevention of mass sexual and gender-based violence and are now working with the Commission to strengthen its capacity in that regard. Our role in the Centre is very much supportive — the initiation and direction of the work is driven by our partners³².

— In our turbulent world with a high degree of conflictual potential using the R2P norm maintains as one of the instruments in protecting civilians. The Syrian conflict proves it quite evidently. Could we generally speak about the success of the R2P norm being reached for the last 10 years? Or does it still contain some hidden risks and challenges?

— The challenge for states now is to make R2P a living reality. We now have a broad consensus on the principal itself and some examples of it working well in practice. One especially important aspect of this is the growing significance of the African Union, which is playing a pivotal and often highly effective role. ECOWAS too makes important contributions. Syria was always going to be a difficult case because of its regional and geopolitical importance. But it does underscore how far we have to go to ensure that atrocity prevention is prioritized when it needs to be. Of course, practice is never neat and tidy. It is messy and unpredictable. And atrocity prevention is a new field. So even with the best of intentions, we won't always succeed and nor be able to predict the risks and challenges ahead. So we have to remain alert and we have to do a better job of analyzing and learning the lessons from what we do. In doing so, we have to be open and honest, and we all need to recognize and correct our mistakes. The key, I think, lies in expanding informal, off the record, dialogue about atrocity prevention. We need to get officials and analysts together, from different parts of the world, more often to engage in frank discussion. But before that can hand we need to rebuild bonds of trust so often damaged by geopolitics. There are certainly challenges and risks to R2P, but one thing we do know is that the risks of inaction are far greater. I'd very much like to see Russian analysts and diplomats engaging more in informal or track 2 diplomacy and hope that we can work together to make that a reality.

Interviewed by S.A. Bokeriya

REFERENCES / БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Bellamy, A.J. & Williams, P.D. (2013). *Providing Peacekeepers: The Politics, Challenges, and Future of United Nations Peacekeeping Contributions*. 1st ed. Oxford University Press.
- Bellamy, A.J. (2002). *Kosovo and International Society*. Houndmills; New York: Palgrave Macmillan.

³¹ SEAN Commission on the Promotion and Protection of the Rights of Women and Children (ACWC). URL: <https://asean.org/asean-socio-cultural/asean-ministerial-meeting-on-social-welfare-and-development-ammswd/acwc-php/> (accessed: 21.11.2018).

³² The Asia Pacific Partnership for Atrocity Prevention (APPAP), High Level Advisory Panel on the Responsibility to Protect in Southeast Asia. URL: <https://r2pasiapacific.org/supporting-regional-partnerships> (accessed: 21.11.2018).

- Bellamy, A.J. (2004). *Security Communities and their Neighbours. Regional Fortresses or Global Integrators?* 1st ed. Basingstoke & New York: Palgrave Macmillan.
- Bellamy, A.J. (2005). *International Society and its Critics*. Oxford University Press. DOI: 10.1093/0199265208.001.0001.
- Bellamy, A.J. (2006). *Just Wars: From Cicero to Iraq*. Cambridge: Polity Press.
- Bellamy, A.J. (2008). *Fighting Terror: Ethical Dilemmas*. London: Zed Books.
- Bellamy, A.J. (2009). *Responsibility to Protect: the Global Effort to End Mass Atrocities*. Cambridge: Polity Press.
- Bellamy, A.J. (2012). *Massacres and Morality: Mass Atrocities in an Age of Civilian Immunity*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199288427.001.0001.
- Bellamy, A.J. (2014). *Responsibility to protect: a Defence*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198704119.001.0001.
- Bellamy, A.J. (2015). International Responses to Human Protection Crises: Responsibility to Protect and the Emerging Protection Regime. *RCCS Annual Review*, 7. DOI: 10.4000/rccsar.609. URL: <http://journals.openedition.org/rccsar/609> (accessed: 21.11.2018).
- Bellamy, A.J., Williams, P. & Griffin, S. (2004). *Understanding Peacekeeping*. 1st ed. United Kingdom: Polity Press.
- Evans, G. (2008). *The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes Once and for All*. Washington, DC: Brookings Institution Press, September.
- Luck, E.C. (2018). Why the United Nations Underperforms at Preventing Mass Atrocities. *Genocide Studies and Prevention: An International Journal*, 11(3), 32—47. DOI: 10.5038/1911-9933.11.3.1516.
- Ramsey, P. (2002). *The Just War: Force and Political Responsibility*. Lanham: Rowman and Littlefield.
- Reike, R. (2012). Libya and the Responsibility to Protect: Lessons for the Prevention of Mass Atrocities. *St. Antony's International Review*, 8(1), 122—149.
- Tesón, F.R. (2001). The Liberal Case for Humanitarian Intervention. *FSU College of Law, Public Law Research Paper*, 39. DOI: 10.2139/ssrn.291661

Received: 25.11.2018

For citations: R2P: Concept, Aspirational Norm or Principle? Interview with Professor Alex J. Bellamy, University of Queensland (Australia). (2018). *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 955—964. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-955-964.

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-955-964

Ответственность по защите (R2P): концепция, желательная норма или принцип?

**Интервью с профессором Алексом Дж. Беллами,
Университет Квинсленда (Австралия)**

Профессор Алекс Дж. Беллами является директором Азиатско-Тихоокеанского центра ответственности по защите, профессором по изучению проблем мира и конфликтов Университета Квинсленда (Австралия), старшим советником-нерезидентом Международного института мира (Нью-Йорк). Он является автором книги «Косово и международное сообщество» [Bellamy 2002], «Сообщества безопасности и их соседи: региональные крепости или глобальные интеграторы?» [Bellamy 2004], «Понимание миротворчества» [Bellamy, Williams, Griffin 2004], «Международное

сообщество и его критика» [Bellamy 2005], «Только войны: от Цицерона до Ирака» [Bellamy 2006], «Борьба с терроризмом: этические дилеммы» [Bellamy 2008], «Ответственность по защите: глобальные усилия по прекращению массовых зверств» [Bellamy 2009], «Ответственность по защите: оборона» [Bellamy 2014], «Обеспечение миротворцев: политика, проблемы и будущее проведения операций ООН по поддержанию мира» [Bellamy, Williams 2013] и «Резня и мораль» [Bellamy 2012].

Алекс Дж. Беллами — один из редакторов журнала «Этика и международные отношения», соредатор журнала «Глобальная ответственность по защите».

В своем интервью профессор Беллами рассказывает об институционализации концепции R2P, которая сможет помочь в предотвращении геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности. Профессор Беллами выделяет три категории ситуаций, в которых очень трудно защитить мирных жителей.

Ключевые слова: ответственность за защиту (R2P), ООН, миротворчество, Азиатско-Тихоокеанский регион, Ближний Восток, сирийский конфликт, геноцид народа рохинджа в Мьянме

Для цитирования: Ответственность по защите (R2P): концепция, желательная норма или принцип? Интервью с профессором Алексом Дж. Беллами, Университет Квинсленда (Австралия) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 955—964. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-955-964.

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-965-972

International Actors' Role in the Syrian Crisis

Interview with Nourhan El Sheikh, Professor of International Relations,
Cairo University, Member of the Egyptian Council for Foreign Affairs

Abstract. Professor Nourhan El Sheikh is a Professor of International Relations, Faculty of Economics & Political Science, Cairo University, Member of the Egyptian Council for Foreign Affairs.

She is the author of *Russian-American Relations from Cold War to Cold Peace* [El Sheikh 2018], *Soviet and Russian Attitudes toward Arab Unity from the Beginning of the 20th Century to the Present* [El Sheikh 2013], *Russian Foreign Policy in the Middle East in the 21st Century* [El Sheikh 2010], *Role of the ruling elite in the restructuring of foreign policy — A study of the Russian situation (1985—1996)* [El Sheikh 2000].

Prof. El Sheikh regularly gives lectures at Nasser Higher Military Academy (Egypt), the Institute of Arab Research and Studies (Arab League), and the Institute of Diplomatic Studies at the Egyptian Ministry for Foreign Affairs, and other institutions and research centers.

In her interview, Prof. El Sheikh talks about influence of non-regional actors such as the United States and Russia in the Syrian crisis. Prof. El Sheikh expresses the constructive role of Russia in the resolution of this conflict and fighting international terrorist groups.

Key words: Syrian conflict, US strategy in the Middle East, Russia, international terrorism, Turkey, the Gulf states

— **Terrorism has become a threat to national, regional and global security. How to win the battle against it? What kind of strategy is needed?**

— Terrorism is absolutely a global challenge that goes beyond Nazism in its gravity and bloodiness. Terrorist attacks target crowds of innocent people. ISIS, for instance, despite its obvious retreatment in Syria, Iraq and Libya, is trying to prove that it is still standing by destabilizing these states, spreading terror and panic among the citizens, and turning them against their governments.

It is not difficult to crush terrorism but we strongly need to unit efforts against it. The world is badly in need to build a strong anti-terrorist alliance. The illusion that ISIS is a Sunni power combating the “Shiite terrorism” should stop, also the support from some countries in the region to ISIS under that illusion.

It is necessary to distinguish between those who really fight terrorism and others who just pretend fighting it. There is no longer any room for maneuvering. States should overcome their narrow interests to move forward in crashing terrorism.

On a country level, it is important to prevent terrorists' return of Syria from entering other countries. Some sources point out that the terrorists who attacked the Egyptian

churches had gone to Syria in 2013 and returned back to Egypt. The Russian approach in that context is the best. The terrorists must be closed out where they are.

Deterrent punishment is also needed. Terrorists feel safe from punishment. Moreover, every suspect should be treated as a potential terrorist until proving not guilty.

In parallel with that, it is urgent to take serious steps regarding the social and cultural incubator with making a special focus on education and media. We are witnessing the spread of extremist teachers instilling their aggressive values to young generation. It means that they are raising terrorists or potential terrorists. In Egypt two third of its population is young, it is really a disaster. Media plays also an important role not only in enlightenment but in disgracing those who support terrorism through spreading the related information and documents.

In sum, the world is at a crossroads now, and decisive steps should be taken on both international and national levels against terrorism and its sponsoring powers to win the battle.

— The Middle East is the richest energy region. Obviously, it attracts the non-regional actors' interests. How do you evaluate the role of energy factor in the Syrian conflict?

— The United States, a major oil and gas producer, is actively competing in the energy market. Washington is trying to re-draw a new world energy map in light of discovering huge reserves of shale oil and gas in the United States. The increased importance of the oil and gas pipelines, that turned from just a way for fuel transfer, to the arteries of life for many countries and a tool to increase its influence, explains the US policy toward several areas rich in energy sources.

Some explains the US policy on Syria and its role in the escalation of conflict with the attempt to extend lines of energy through the Syrian territory. According to the US geologist survey there are about 120 trillion cubic feet of gas recoverable in the eastern basin of the Mediterranean Sea, which includes the coast of Lebanon, Syria, Palestine and Cyprus. In the case of American control on Syria, or even some parts of it, these fields and reserves would become under the American control, preventing Russians and Iranians to work and invest in, where Iran and Russia participated in projects to help Lebanon and Syria in the exploration and development of their fields. Syria also is a key to Asia through the line that runs from Iran through Turkmenistan to China and vice versa from the Caspian Sea region, the proposed line, which may extend from Iran through Iraq, Syria and Lebanon to the sea (New Silk Road).

— How would you characterize the US Middle East strategy at present stage? Has anything changed in the American foreign policy in the Middle East after the election of the new president?

— The American global strategy traditionally includes the political claim of spreading democracy, by force in Iraq, and across the color revolutions in Russia's neighborhood, and what it is called the "Arab Spring" in the Arab region. During that process the United States influenced the national sovereignty of many Arab countries (Libya, Syria, Yemen), which have finally lost their sovereignty and territorial integrity.

Washington is trying to break up the big entities in the Arab world, according to religious, denominational and sectarian lines, and is fueling conflicts and civil wars, which threatens with large-scale regional wars.

Obviously, Trump's administration lost credibility. On March 31, 2017 the White House announced that the United States should accept the political reality and that the future of the Syrian President Bashar al-Assad should be determined by the Syrian people. A week later Washington bombed Syria and confirmed its inability to deal with al-Assad!

American strikes on Syria in 2017 and 2018 took place despite Washington's failure to prove the Syrian government's responsibility on using chemical weapons and without an objective international investigation of what had happened in Khan Sheikhoun and Douma. Damascus, under a Russian-American agreement after the Sarin gas incident in the Eastern Ghouta in 2013, joined the Chemical Weapons Convention and agreed to destroy its stockpiles under the auspices of the Organization for the Prohibition of Chemical Weapons in January 2016.

There was probably a deal between D. Trump and Pentagon supported by other institutions to relieve pressure and charges against him for "his relationship with Moscow" in exchange for allowing the strikes. Trump wanted to create the image of the powerful leader of the Americans. The strikes also should have calmed the Arab Gulf countries worries and confirmed the US commitments toward them.

The United States is moving ahead toward dividing Syria, separating north and south of Syria through three forces affiliated to it. Both Syria's democratic forces and the Turkish one controlling the north, and the Jordanian-backed factions are trying to dominate the south. The strikes, as previous American strikes, weakened the Syrian army in the front of the terrorist groups that had been ravaging the Syrian state for years. We might conclude that Washington rather tends to maintain the terrorist groups in Syria and not to eliminate them completely.

— You have raised a very sensible issue — the United States and the activities of radical groups in the region.

— The United States along the past six decades has allied itself with radical Islamic groups. After D. Eisenhower received a delegation from Muslim Brotherhood in 1950s, Washington and a number of European capitals, especially London, opened their doors and embraced MB members fleeing from Egypt and other countries after committing terrorist attacks.

The alliance between Washington and extremist groups has strengthened due to the Soviet intervention in Afghanistan, where MB cooperated with US intelligence and pushed thousands of followers to fight the Soviets. Washington did not only ally itself with existing terrorist organizations but also created new ones. As Britain supported the rise of Muslim Brotherhood in the 1920s to break up the unity of Egyptian society and to undermine the Egyptian liberation movement, the CIA through its operation, the "Cyclone", created al-Qaeda to challenge the Soviets. Washington and its ally Pakistan have also been behind the formation of Taliban to ensure pro-government authority in Kabul.

Despite the end of the Cold War and 9/11 attacks the American policies have continued toward Islamic movements. United States and European Union refused to consider Muslim Brotherhood as a terrorist organization. Moreover, they allowed it to penetrate their societies and formed pressure groups on decision-makers in Washington and Brussels. Some MB followers have become influential advisers to President Obama and EU bodies. United States brought them to power in Bosnia and Herzegovina, in Central Europe, then in Turkey, and supported their access to power in the Arab countries after 2011.

On the other hand, the West has exploited the instability that is sweeping the Arab countries, especially Syria, and tried to get rid of the European extremists, whose number has increased significantly in Europe and become a worrying phenomenon by encouraging them to “jihad” in Syria. “Free Europe Radio” along the European Union urged young people to “jihad” in Syria and the Middle East. It was a plan to clean up Europe from extremists and move them voluntarily to our region where they would settle forever. The West with the help of some regional partners paved the way to the “Islamic State in Iraq and Syria”¹. Thousands of European extremists were poured into Syrian territory and joined ISIS under the pretext of ousting Bashar al-Assad.

— Being a key expert in the Middle East and representing at the same time the region, how would you assess the Russia’s role in the Syrian crisis and in the fight against terrorism? Your point of view is of a special interest to us.

— In contrast to the US role, Russia has followed very constructive policy. The military operation turned to be a very important pillar for the Russian policy in Syria. Russian air strikes against terrorists started in September 2015. In December 2017 Russia’s Defense Ministry declared Syria “100% free of Islamic State”. This is the harvest of huge Russian efforts over more than two years. Russia’s Aerospace Forces have carried out more than 92,000 air strikes. It managed to destroy around 100,000 terrorists’ command centers, training camps and other sites. As well as eliminate about 54,000 terrorists among them Abu Bakr al-Baghdadi, ISIS founder, and a large number of ISIS senior leaders.

This would be complemented with the peace process. Initiating Astana track in January 2017 has been a vital step toward restoring peace and stability in Syria. For the first time, representatives of what so called “Syrian armed opposition” took part in the direct negotiations with the Syrian government. That was another great achievement. Over eleven rounds of difficult Astana negotiations Russia, in cooperation with other guarantors, Iran and Turkey, managed to move Syria from a state of war to stability through the areas of reducing escalation and the efforts of the National Reconciliation Center in Hmeymim.

For the first time, the Syrian opposition united in one delegation to Geneva. That was an inconceivable achievement in the light of the sharp contradictions among different opposition factions. It was the Russian initiative to gather the three opposition platforms,

¹ Prohibited in Russian Federation.

Moscow, Riyadh and Cairo, in one delegation as an important and necessary step to achieve the peaceful settlement in Syria.

The Congress of the peoples of Syria in Sochi along with Geneva would define the general features of the new Syrian Constitution and the democratic secular Syrian state, and the timetable for the parliamentary and presidential elections. In this context, federalism and the Lebanese model are both not acceptable in Syria as they would devote divisions and fuel sectarian conflicts. But it is still important to think about the Kurds within Syria. The Syrian opposition has an opportunity to change and should exploit this opportunity otherwise they will be bypassed and ignored, especially since they no longer have no power on the ground and Bashar al-Assad remains the legitimate authority.

During his meeting with President V. Putin, Bashar al-Assad expressed optimism concerning the Syrian future and his role in that future. He was deeply grateful for Russia for rescuing Syria from darkness. It seems that al-Assad will continue to be the main player in Syrian political scene, due to the change in the balance of power on the ground in the light of the successes achieved by the Syrian army with Russian support. Moreover, we shouldn't neglect the trend of the continued division and disagreement among Syrian opposition. As well as the inability of the opposition to nominate an alternative represents a real competitor for al-Assad, who still enjoys popularity among Syrians.

President Putin's personal enormous efforts to reach a consensus with other international and regional powers over the upcoming settlement in Syria is notably help to pave the way and overcome many stumbling blocks that hampered peace in Syria. Direct communication from Putin to Trump, King Salman bin Abdulaziz, Egyptian President Sisi, King Tamim and Israeli Prime Minister B. Netanyahu greatly contribute pushing forward a settlement with given agenda. It is logical that the new constitution will come first, followed by the presidential and parliamentary elections.

In light of Putin — Trump Declaration in Vietnam, and the SC Resolution 2254, there is a set of principles and determinants that will govern the political process in Syria. The most important is the secularity of the Syrian state and the integrity of its territory. The Syrian political opposition has a real opportunity to participate constructively in shaping the Syrian future.

Still, there is a need for Russian support to maintain the achievements. The war on terrorism is not yet over as ISIS has changed its tactics and turned to guerrilla warfare and spreading terrorist cells and "lone wolves" all over the world. Russia's role is a vital necessity for the its national security, Syria, and the whole world.

— Conflict resolution is a very difficult and challenging process. After the end of hostilities, the next post-conflict settlement starts. What is the role of the external forces, including Russia, in restoring and strengthening Syria?

— Obviously, Russia will stay the main ally for Syria. Its role will not end with peaceful settlement. It is important to empower the Syrian army and develop its defense capabilities to stand for terrorism. That will go along with a developmental role in reconstruction. Iran will also play an important role in this regard. Uncertainty and

doubt will probably continue to dominate the Turkish position. These suspicions are increasing in the case of the United States and the West. However, the spread of terrorism and its threat to the security of the West and Turkey might be a harsh lesson for both; hopefully they got it, prompting them not to repeat mistakes and not to play with fire of terror again.

Along five years, the Syrian capabilities have deteriorated and Syria seemed breathing last breath in September 2015. At that moment, Russian air strikes represented the “kiss of life” for Syria and the entire Middle East, which turned suddenly into a black-minded “Islamic Caliphate State”, ISIS, radiating violence, extremism and terrorism all over the earth. The Russian operation is successfully completed and fulfilled its main goals. That raises the question on what is beyond?

Syria is the greatest human tragedy since World War II. According to the UN reports, more than 260,000 people have been killed, more than half of the Syrian people has been displaced, infrastructure and entire areas have been destroyed. Civilians have been used by terrorists as human shields, and as hostages, when needed, to make deals on.

Russia devoted great efforts to humanitarian assistance. In December 2016, Russia initiated the establishment of four humanitarian corridors to the eastern neighborhoods of Aleppo to allow aid to enter and evacuate hundreds of emergency medical cases. Moscow has shown effective cooperation with the United Nations to evacuate Syrian civilians from the eastern part of Aleppo controlled by the terrorists.

From February 2018 a humanitarian corridor has been opened in Eastern Gut to release the civilians. Simultaneously, head of the Russian Defense Ministry S. Shoigu proposed to open corridors from the Rukban refugee camp in Al Tanf, controlled by the United States. Ceasefire does not in any way include the strikes against terrorist groups such as ISIS, al-Nusra and all their collaborators.

Although Syrians in Al Tanf and the Rukban refugee camp are badly in need to the Russian initiative for humanitarian assistance, still there are many challenges for its implementation. Among most important is the American resistance and uncooperative policy. The US occupied area, stretches 55 kilometers around Al Tanf, which has become a safe zone for ISIS. The United States is impeding the delivery of humanitarian aid across that region. It has not allowed the humanitarian aid convoys to enter the area and has failed to ensure that United Nations representatives and international humanitarian organizations reach the Rukban refugee camp. There are more than 60,000 women and children from al-Raqqa and Deir al-Zour living in catastrophic circumstances in Rukban camp. Americans block humanitarian assistance to them from the Syrian government, Jordan or even international organizations.

— Conflict settlement in the Middle East is impossible without participation of the regional actors. How do you assess the role of Turkey and the Gulf countries in the process?

— Despite the great Syrian doubts in the Turkish policy and attitudes, Turkey will continue to be a major player in the Syrian scene through its influence on a number of political and armed groups and its occupation of part of the Syrian north, as well as its

presence in Idlib. Perhaps in the future and after a successful political process, tension will come back again to Syrian Turkish relation within the framework of Damascus' demand to withdraw Turkish troops from its territory, considering it as an illegal occupation.

This applies to all illegal foreign troops, including US ones. The confusion in US policy as a result of the tug-of-war between the White House and other institutions, and the escalation of internal contradictions among important segments of American society, will not form an influential American role in Syria.

It is also obvious that humanitarian corridors can only succeed if they are respected by armed groups. Eastern Ghouta is the last stronghold of the armed groups and al-Nusra near Damascus. They hit the humanitarian corridor with Mortar shells, preventing civilians from leaving and assistance from reaching them. This means that fighting may escalate as a result of violations by armed groups and their insistence on hiding themselves behind civilians.

Despite the nobility of the Russian initiative and its humanitarian targets, there are obstacles from other parties that do not care a lot about the Syrian people. The regional ones, Turkey and the Gulf states, should pressure their fellows within armed groups to respond positively to the Russian initiative. The United States must also prove its interest in human rights through real steps and help to open humanitarian corridors to Rukban camp. Both unfortunately seem to be far from reachable and Russia would continue fight alone to save Syrians.

Interviewed by E.M. Savicheva

REFERENCES / БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- El Sheikh, N. (2000). *Dawr al-nukhbat al-hakimat fa i'adat haykalat al-siyasat al-kharijiat — dirasat lil halat al-Rusia (1985—1996)* [Role of the ruling elite in the restructuring of foreign policy — A study of the Russian situation (1985—1996)]. Cairo: Faculty of Economics and Political Science, Cairo University. (in Arabic).
- El Sheikh, N. (2010). *Al-Siyasat al-rusiya tujah al-Sharq al-'Awsat fa al-qarn al-hadaa wal eishrin* [Russian Foreign Policy in the Middle East in the 21st Century]. Cairo: Faculty of Economics and Political Science, Cairo University. (in Arabic).
- El Sheikh, N. (2013). *Mawqif al-Ittihad al-Sufity wa Rusia min al-wahdat al-arabiya munthu matla al-qarn al-eishrin wa hatta alan* [Soviet and Russian Attitudes toward Arab Unity from the Beginning of the 20th Century to the Present]. Beirut: Center for Arab Unity Studies. (in Arabic).
- El Sheikh, N. (2018). *Alealaqat al-Rusiat al-'Amrikiat min al-harb al-baridat 'iilaa al-salam al-barid* [Russian-American Relations from Cold War to Cold Peace]. Cairo: Arab Knowledge Office. (in Arabic).

Received: 01.12.2018

For citations: International Actors' Role in the Syrian Crisis. Interview with Nourhan El Sheikh, Professor of International Relations, Cairo University, Member of the Egyptian Council for Foreign Affairs (2018). *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 965—972. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-965-972.

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-965-972

Роль международных акторов в сирийском кризисе

Интервью с Нурхан Эль-Шейх, профессором международных отношений Каирского университета, членом Египетского совета по иностранным делам

Нурхан Эль-Шейх — профессор международных отношений факультета экономики и политологии Каирского университета, член Египетского совета по иностранным делам.

Она является автором таких монографий, как «Российско-американские отношения от холодной войны до холодного мира» [El Sheikh 2018], «Отношение СССР и России к арабскому единству с начала XX века до настоящего времени» [El Sheikh 2013], «Внешняя политика России на Ближнем Востоке в XXI веке» [El Sheikh 2010], «Роль правящей элиты в перестройке внешней политики. Исследование ситуации в России (1985—1996)» [El Sheikh 2000].

Профессор Эль-Шейх регулярно читает лекции в Высшей военной академии им. Г.А. Насера (Египет), Институте арабских исследований и исследований (Лига арабских государств) и Институте дипломатических исследований при Министерстве иностранных дел Египта, а также в других учреждениях и исследовательских центрах.

В своем интервью профессор Эль-Шейх рассказывает о влиянии нерегиональных игроков, таких как США и Россия, на сирийский кризис. Профессор Эль-Шейх подчеркивает конструктивную роль России в разрешении этого конфликта и борьбе с международными террористическими группировками.

Ключевые слова: сирийский конфликт, стратегия США на Ближнем Востоке, Россия, международный терроризм, Турция, страны Персидского залива

Для цитирования: Роль международных акторов в сирийском кризисе. Интервью с Нурхан Эль-Шейх, профессором международных отношений Каирского университета, членом Египетского совета по иностранным делам // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 965—972. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-965-972.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-973-976

Рецензия на монографию: Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. — М.: Центрполиграф, 2018. — 670 с.

Л.В. Пономаренко, Г.О. Лукьянова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Автор рецензируемой монографии — известный востоковед и африканист, академик А.М. Васильев, посвятивший 60 лет своей жизни изучению Востока.

Монография представляет собой итог многолетнего исследования сложного региона Ближнего и Среднего Востока, в котором Советский Союз / Россия сыграли свою историческую роль и который стал предметом соперничества в противостоянии между СССР и США.

Материал, представленный в рецензируемой работе, достаточно обширный, охватывающий значительный исторический период. В монографии автор вскрывает глубинные процессы, происходившие в регионе, дает понимание государственной политики России и мотивацию при осуществлении политического курса страны в регионе Ближнего и Среднего Востока. Достоинство работы состоит в том, что в ней целостно представлена картина эволюции советской / российской политики на Ближнем Востоке.

Монография не дает хронологического изложения событий, происходивших в регионе, в ней нет событийного описания исторических реалий, однако при этом в ней представлен глубокий анализ процессов, происходивших на Ближнем Востоке в течение полувека.

Автор сумел заглянуть в глубь конфликтов, показать их причины и предпосылки и на стадии незавершенности этих конфликтов, отмечая при этом, что СССР являлся сторонником невмешательства во внутреннюю политику зарубежных стран.

Идеи «арабского социализма» зародились в регионе на почве разочарования арабской интеллигенции в либеральных идеях Запада, и в западной модели политического и экономического развития они быстро получили популярность. «Арабский социализм» отвергает радикальные установки и несет на себе печать ислама, испытывая его влияние. Тем не менее, ни в одной из стран, провозглашавшей социалистический выбор, не использовались исламские модели государственного и общественно-политического устройства. Автор обращает внимание

на то, что лидеры, пришедшие к власти в странах Арабского Востока в постколониальный период, объявили о приверженности социализму. Безусловно, «арабский социализм» испытывал влияние ислама, и арабские лидеры, пришедшие к власти, не могли игнорировать религию и традиционные устои общества. В этой борьбе коммунизм проигрывал, так как он ассоциировался с атеизмом и, следовательно, не мог быть взят на вооружение арабскими политическими элитами. Так, Гамаль Абдель Насер, являясь мусульманином и одновременно противником атеизма, не принимал ислам как инструмент управления государством. Один из биографов египетского лидера Ж. Лакутюр отмечал, что египетский лидер не считал возможным управлять государством на основе Корана [Lacouture 1973: 128]. Насер полагал также, что «арабский социализм» несовместим с диктатурой пролетариата, классовым подходом и ликвидацией частной собственности.

Для СССР сотрудничество с Египтом было приоритетным в регионе. Однако СССР / Россия выстраивали систему сотрудничества с различными странами региона. В работе показаны особенности и специфика отношений России с различными государствами Ближнего и Среднего Востока — от Саудовской Аравии до Египта, включая Израиль, Турцию, Афганистан, Иран.

Отдельную главу автор посвящает Афганистану, «незаживающим ранам России», справедливо отмечая, что эта проблема отзывается болью в исторической памяти нашего народа. Ссылаясь на серьезные источники, он поднимает острейшие вопросы, касающиеся принятия решения о вводе советских войск в Афганистан. По мнению автора, не было и нет военного решения проблемы Афганистана. Это подтверждает и ситуация с вводом американских войск в эту страну [Васильев 2018: 253].

Автор особенно подчеркивает тот факт, что Ближний Восток всегда занимал особое место в советской военной стратегии. Причем отношения в этой сфере всегда выстраивались исходя из взаимных интересов сторон. Например, анализируя советско-египетские отношения после поражения Египта в войне 1967 г., он отмечает: «Заинтересованность была обоюдной. Египет нуждался в присутствии советских военных кораблей, чтобы обезопасить себя от возможного израильского удара... Присутствие в Египте советских частей ПВО и авиации было, очевидно, каким-то подкреплением для советской эскадры в Средиземном море, не имевшей авианосцев» [Васильев 2018: 97—98].

Перед читателем проходит целая галерея портретов деятелей Ближнего и Среднего Востока, а также российских политиков, дипломатов, деятелей науки. Причем это не книжные персонажи, а живые люди, с которыми автору приходилось встречаться, беседовать, обсуждать насущные проблемы региона Ближнего и Среднего Востока. Автор описывает сложную работу дипломатов, непростой процесс принятия политических решений, особые отношения и взаимодействие различных структур в принятии этих решений: Министерства иностранных дел, Международного отдела ЦК КПСС, Комитета государственной безопасности СССР и др. На обширном фактическом материале он показывает, что не существовало целостной концепции политики СССР на Ближнем и Среднем Востоке.

И все же «из взаимодействия всех элементов этой системы рождалось то, что называлось „внешней политикой“», — отмечает автор [Васильев 2018: 112].

В 1990-х гг. в результате распада СССР и внутренних трудностей Россия снизила интенсивность сотрудничества со странами региона и уже не могла конкурировать с Западом, так что практически все позиции в регионе оказались в руках США. И все же по инерции это сотрудничество продолжалось. Говоря об этом периоде, автор затрагивает такую важную тему, как судьба арабских коммунистов после распада СССР, ставшего для большинства из них личной трагедией и крахом всех жизненных ценностей. Он отмечает: «После августа 1991 г. коммунисты остались наедине со своей судьбой, со своим отчаянием. Для многих и крушение коммунистических идеалов, и распад „социалистического содружества“, и кризис советского общества, и потеря реальных, живых контактов с кем-либо в России, других республиках бывшего Советского Союза — все это было страшным ударом, тяжелейшим испытанием в жизни» [Васильев 2018: 197].

Оживление политических контактов с регионом, как справедливо отмечает А.М. Васильев, связано с деятельностью Е.М. Примакова в качестве министра иностранных дел. Он пытался включить сирийско-израильские переговоры в переговорный процесс по арабо-израильскому конфликту.

Судьба Сирии в начале XXI в. могла бы повторить иракский сценарий, если бы не постоянная поддержка Москвы. Стратегическое положение Сирии в Восточном Средиземноморье всегда привлекало Россию, дипломатическая поддержка арабской республики была постоянной. Единственным арабским государством, которое открыто противостояло американской гегемонии в регионе, была Сирия. Нельзя не согласиться с Е.М. Примаковым, который писал, что «Россия заняла позицию с учетом оценки произошедшего в Ливии. И это правильно» [Примаков 2016: 397]. А.М. Васильев, в свою очередь, показывает, как формировалась позиция России, которая привела к решению участвовать в боевых действиях в Сирии, как магнит притягивавшей террористов.

Рассматривая процесс принятия решений по проблемам ближневосточной политики на самом высоком уровне, автор подчеркивает, что будущим дипломатам очень важно понять «дипломатическую кухню».

Безусловно, монография академика А.М. Васильева дает почву для размышлений как исследователям региона Ближнего и Среднего Востока в целом, так и аналитикам, занимающимся двусторонними отношениями России и отдельных стран Востока. Эта книга также полезна для студентов, аспирантов и всех интересующихся проблемами Востока.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Васильев А.М.* От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центр-полиграф, 2018.
- Примаков Е.М.* Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: Центр-полиграф, 2016.
- Lacouture J.* Nasser: a Biography. NY: Knopf, 1973.

Дата поступления статьи: 13.11.2018

Для цитирования: Пономаренко Л.В., Лукьянова Г.О. Рецензия на монографию: Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. — М.: Центрполиграф, 2018. — 670 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 973—976. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-973-976.

Сведения об авторах: Пономаренко Людмила Васильевна — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории и международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: ponomarenko-lv@rudn.ru).

Лукьянова Галина Олеговна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Российского университета дружбы народов (e-mail: lukianova-go@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-973-976

Book Review:

Vasiliev, A.M. (2018). From Lenin to Putin. Russia in the Middle East. Moscow: Tsentrpoligraf publ., 670 p. (in Russian)

L.V. Ponomarenko, G.O. Lukianova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation

REFERENCES

Lacouture, J. (1973). *Nasser: a Biography*. NY: Knopf.

Primakov, E.M. (2016). *Confidential. Middle East on Stage and behind the Scenes*. Moscow: Tsentrpoligraf publ. (in Russian).

Vasiliev, A.M. (2018). *From Lenin to Putin. Russia in the Middle East*. Moscow: Tsentrpoligraf publ. (in Russian).

Received: 13.11.2018

For citations: Ponomarenko, L.V. & Lukianova, G.O. (2018). Book Review: Vasiliev, A.M. (2018). From Lenin to Putin. Russia in the Middle East. Moscow: Tsentrpoligraf publ., 670 p. (in Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 973—976. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-973-976.

About the authors: Ponomarenko Liudmila Vasilievna — PhD, Dr. of Science (History), Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: ponomarenko-lv@rudn.ru).

Lukianova Galina Olegovna — PhD in Philology, Assistant Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: lukianova-go@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-977-980

Рецензия на коллективную монографию:

**Gulfization of the Arab World / Ed. by M. Owen Jones,
R. Porter and M. Valeri. Centre for Gulf Studies,
University of Exeter, Gerlach Press, 2018. 166 p.**

Е.М. Савичева

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Проблема возросшего геополитического влияния стран Персидского залива, среди которых — 6 монархий, входящих в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), а также Иран, Ирак и примыкающее к субрегиону аравийское государство Йемен, оказалась под пристальным вниманием политиков и экспертов по Ближнему Востоку с начала «арабской весны» [Крылов, Федорченко 2017; Савичева 2014]. Эта проблема активно дискутировалась на 28-й ежегодной конференции, организованной Центром изучения стран Персидского залива Эксетерского университета (Великобритания) в августе 2016 г. Доклады и презентации, представленные в рамках данного форума, послужили основой коллективной монографии «Gulfization of the Arab World», увидевшего свет в 2018 г.

Используемый в названии монографии термин «галфизация» (Gulfization, от англ. Gulf — «залив») символизирует растущее влияние аравийских монархий и других государств Залива на арабский мир, в том числе через деятельность крупных негосударственных акторов, военных, научных, политических и религиозных структур, а также крупного бизнеса, причем не только на внутривосточные процессы в отдельных арабских странах, но и на региональную ситуацию в целом [Gulfization of the Arab World 2018: 1—3].

В главе «Лидерство стран Залива в арабском мире: от национализма к гипер-национализму без „политического динамизма“» акцент сделан на усилившемся влиянии «новых арабских центров силы», таких, как Саудовская Аравия, ОАЭ и Катар, на политическую, общественную и культурную жизнь «старых арабских центров» — Египта, Ирака, Сирии и Ливана. В какой-то степени автор ностальгирует по «старым центрам», ведь именно Каир и Бейрут выделялись на Ближнем Востоке своими социокультурными свободами, возможностями самовыражения; туда направлялись многие гонимые в своих странах представители интеллигенции, и именно таких свобод, а также «политического динамизма», по мнению автора, не хватает Саудовской Аравии, ОАЭ и Катару [Gulfization of the Arab World 2018: 8—9].

Суверенитет и безопасность стран Залива, как полагает автор, гарантируются не только крупными инвестициями в военно-промышленный комплекс, но и вло-

жениями в инструментарий «мягкой силы» — деятельность «мозговых центров» и университетов, занимающихся лоббированием национальных интересов стран Персидского залива.

Нельзя не согласиться с мнением, высказанным в главе, что строгие иммиграционные правила и значительный пласт некоренного населения в аравийских монархиях препятствуют формированию у экспатов и иностранных специалистов чувства принадлежности, или идентичности, что, в свою очередь, не позволяет таким городам, как Абу-Даби, Дубай и Доха, в полной мере стать социокультурными и экономическими центрами Ближнего Востока.

Глава «Культурное наследие и поиск ОАЭ и Катаром культурной легитимности в регионе» посвящена анализу усилий двух аравийских монархий — ОАЭ и Катара — по формированию новых культурных и научных центров в регионе. Действительно, практически весь период независимого развития стран Персидского залива их интеллектуальная и культурная сферы находились в фарватере развития традиционных центров арабского мира — Египта, Сирии, Ливана и Ирака. Автор полагает, что возросшие инвестиции Абу-Даби и Дохи в музейные комплексы и центры культурного наследия являются не только попыткой диверсификации экономики, сильно зависимой от экспорта углеводородов, но и одним из источников политики «мягкой силы».

Однако, вопреки мнению автора, нам представляется, что ОАЭ и Катар пока еще не обладают достаточным историко-культурным ресурсом, чтобы стать такими туристическими хабами Ближнего Востока, каковыми являются Египет и Турция.

В главе «„Истинные“ сыны Омана: национальные нарративы, генеалогическая чистота и транснациональные связи в современном Омани» поднимается актуальная для современного Омана проблема идентичности различных этнонациональных групп, проживающих на территории султаната. Для раскрытия темы автор опирается на понятие «ирк» (с арабского — корень, порода, происхождение), на основании которого население Султаната Оман условно делится на три основные группы: первая группа — «истинные» оманцы, чьи предки не покидали страну и не вступали в смешанные браки; вторая группа — оманцы, чьи предки эмигрировали в Восточную Африку, но сохранили «чистоту крови», так как не вступали в смешанные браки; третья этническую группу составляет та часть населения, чьи предки эмигрировали в Восточную Африку и вступили в смешанные браки с танзанийскими или кенийскими женщинами [Gulfization of the Arab World 2018: 45].

Автор проводит детальный анализ мотивов и способов самоидентификации представителей различных этнических групп. Проблема эта совсем не праздная для страны, поскольку среди населения звучат опасения, что после ухода из жизни нынешнего лидера — султана Кабуса бен Саида, объединившего страну и приведшего ее к экономической и политической стабильности и процветанию, но не решившего вопрос о престолонаследии, обострится проблема единства нации, что может привести к непредсказуемым последствиям для султаната [Gulfization of the Arab World 2018: 43].

Следующая глава монографии — «Сохранение устоев: современная динамика „кувейтизации“ и ее исторические перспективы» — фокусирует внимание на процессе «кувейтизации» и политике замещения иностранной рабочей силы местными трудовыми ресурсами. Проблема рассматривается в контексте проводимой в Кувейте экономической и трудовой политики, нацеленной на максимальное сокращение безработицы среди коренных жителей и снижение нагрузки на госбюджет через уменьшение объема социальной помощи, пособий и выплат. Автор высказывает мнение, что политика «кувейтизации» решает целый спектр задач, причем в различных сферах — демографической, социальной, культурной и политической. Однако, несмотря на это, основная цель данной политики — сохранение национальной идентичности [Gulfization of the Arab World 2018: 58].

Марк Оуэн Джонс, один из редакторов рецензируемой монографии, в главе «Противостояние влиянию иранской революции как поворотный момент в противоречивой политике в Бахрейне» большое внимание уделяет воздействию Исламской революции в Иране и провозглашенной затем политики «экспорта революции» на внутривосточную ситуацию в Бахрейне. По мнению автора, концепция «шиитского следа» в протестных выступлениях в странах Аравийского полуострова, и особенно в Бахрейне, используется суннитским правящим меньшинством Бахрейна для оправдания репрессий против оппозиции ради сохранения внутривосточной стабильности и безопасности в условиях надвигающейся транснациональной угрозы со стороны Ирана [Gulfization of the Arab World 2018: 105].

В главе «Импортируя революцию: институциональные изменения и египетское присутствие в Йемене, 1962—1967 гг.» проводится исследование исторической роли «египетской интервенции» в Йемен в 1962—1967 гг. На основе египетских и йеменских архивных материалов дается оценка роли египетских военнослужащих и гражданских советников в создании в Йемене государственных и военных структур по египетской модели.

В заключительной главе монографии («Научные связи Кувейта с Эмиратом аз-Зубайр¹ до начала XX в.») исследуется влияние, оказанное научной элитой Эмирата аз-Зубайр и Багдада на интеллектуальную жизнь Кувейта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Крылов А.В., Федорченко А.В.* Среднесрочный прогноз развития ситуации в регионе Ближнего Востока и Северной Африки // Аналитические доклады Института международных исследований МГИМО. Вып. 1 (47). Апрель 2017. М.: МГИМО МИД России, 2017.
- Савичева Е.М.* К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2014. № 3. С. 14—24.
- Gulfization of the Arab World* / ed. by M. Owen Jones, R. Porter and M. Valeri. Centre for Gulf Studies, University of Exeter, Gerlach Press, 2018.

Дата поступления статьи: 16.10.2018

¹ В османский период аз-Зубайр, расположенный к юго-западу от Басры, был центром самоуправляемого эмирата.

Для цитирования: Савичева Е.М. Рецензия на коллективную монографию: *Gulfization of the Arab World* / Ed. by M. Owen Jones, R. Porter and M. Valeri. Centre for Gulf Studies, University of Exeter, Gerlach Press, 2018. 166 p. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 4. С. 977—980. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-977-980.

Сведения об авторе: Савичева Елена Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: savicheva-em@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-977-980

Book Review:

**Owen Jones, M., Porter, R. & Valeri, M. (Eds.). (2018).
Gulfization of the Arab World. Centre for Gulf Studies,
University of Exeter, Gerlach Press, 166 p.**

E.M. Savicheva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

REFERENCES

- Krilov, A.V. & Fedorchenko, A.V. (2017). *Development of the Situation in the Middle East and North Africa Region: A Medium-Term Forecast*. Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Institute for International Studies. Center of Middle East Studies Analytical Reports, 1(47).
- Owen Jones, M., Porter, R. & Valeri, M. (Eds.). (2018). *Gulfization of the Arab World*. Centre for Gulf Studies, University of Exeter, Gerlach Press.
- Savicheva, E.M. (2014). On the Geopolitical Situation in the Middle East: Interaction between Regional and Global Trends. *Vestnik RUDN. International Relations*, 3, 14—24.

Received: 16.10.2018

For citations: Savicheva, E.M. (2018). Book Review: Owen Jones, M., Porter, R. & Valeri, M. (Eds.). (2018). *Gulfization of the Arab World*. Centre for Gulf Studies, University of Exeter, Gerlach Press, 166 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 977—980. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-977-980.

About the author: Savicheva Elena Mikhaylovna — PhD in History, Associate Professor, Theory and History of International Relations Department, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: savicheva-em@rudn.ru).

© Савичева Е.М., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-981-983

Рецензия на монографию:
Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия.
Глобальные тренды в региональном исполнении. — М.:
Аспект Пресс, 2018. — 224 с.

В.П. Кириченко

Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

В монографии доктора исторических наук, профессора И.Д. Звягельской рассматриваются общие тенденции мирового развития и их влияние на регионы Ближнего Востока и Центральной Азии. Автор анализирует проблемы национализма и становления государственности на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Автор отмечает, что «в целом построение государственности на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, шедшее разными путями и темпами, является свершившимся фактом, хотя модели государственности отличаются по степени устойчивости. При этом этнонационализм стал выражением национализма у народов Центральной Азии, а борьба за национальное освобождение на Ближнем Востоке шла под лозунгами арабского национализма, делавшего упор на этнокультурную общность арабов» [Звягельская 2018: 28].

Также в монографии рассматриваются вопросы государственного суверенитета и факторы, подрывающие его. На Ближнем Востоке к последним можно отнести слабость или отсутствие социальных институтов, социально-экономические проблемы, внутренние конфликты и внешнее вмешательство. Автор справедливо полагает, что «кризисные явления на Арабском Востоке не означают его обреченности, но они маркируют направление развития, результаты которого трудно просчитать» [Звягельская 2018: 50].

Рассмотрев ситуацию в Центральной Азии, автор монографии отмечает, что в этом регионе «также существуют вызовы суверенитету, отражающие как глобальные тренды (межграницный терроризм и преступность, деятельность негосударственных акторов, борьба за влияние различных центров силы), так и специфику собственного развития». При этом автор подчеркивает, что данные факторы не запустили процесс десоверенизации государств региона, а лишь обозначили его перспективу [Звягельская 2018: 50].

Еще одной проблемой, которая рассматривается в монографии, является международный терроризм. Автор рассматривает идеологические основы и деятельность запрещенной группировки «Исламское государство»¹. В работе анализиру-

¹ Организация запрещена в РФ.

ются предпосылки возникновения этой группировки и причины популярности идей джихадизма среди мусульманской молодежи. Также в монографии уделяется внимание проблеме радикализации части общества в Центральной Азии [Звягельская 2018: 64—73].

Особый интерес представляет раздел книги, посвященный гибридизации в войне и политике. Автор отмечает, что «гибридность» войн определяется не только абсолютно новыми факторами, такими как уровень технологий, которые используются в современных вооруженных конфликтах, но и традиционными практиками, такими как использование ведущим войну государством местных оппозиционных сил внутри государства-противника [Звягельская 2018: 82]. Автор анализирует и «гибридизацию» политических режимов на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. «Гибридность» режимов характеризуется сочетанием авторитарной жесткой вертикали власти и элементов демократических институтов. Также «гибридным» является формально демократический режим, который ограничивает права отдельных групп граждан [Звягельская 2018: 89].

В своей работе И.Д. Звягельская уделяет внимание проблеме взаимодействия традиционного и современного в политической системе ближневосточных и центральноазиатских государств. На наш взгляд, автор справедливо полагает, что «при разрушении в ходе конфликтов, возможно, слабых, но все же работавших институтов, обращение к практикам прошлого, позволяющим частично компенсировать утраченную стабильность и социальную уверенность, может обернуться большей фрагментацией общества» [Звягельская 2018: 128].

Говоря о событиях «арабской весны», автор отметил отличия событий 2011 г. от ближневосточных переворотов, происходивших ранее. В XX в. перевороты готовились узкой группой заговорщиков, а народ узнавал о них позже. В XXI в. массовые демонстрации, в конечном счете приводившие к свержению власти, стали играть важнейшую роль. Исследователь отмечает, что «относительная быстрота и легкость процесса, не требующего явных лидеров, обусловили, судя по всему, его воспроизведение во многих арабских государствах» [Звягельская 2018: 142]. И.Д. Звягельская отмечает, что хотя в государствах Центральной Азии не происходило революций, здесь имеются социально-политические и экономические противоречия, которые могут привести к вспышке народного недовольства [Звягельская 2018: 142]. Примерами подобных событий являются волнения в Киргизии в 2005 и 2010 гг. Причины и особенности этих народных выступлений также проанализированы в рецензируемой монографии.

В заключительной главе автор анализирует влияние внутренних и внешних факторов на современные конфликты. На примере «Хезболлы» и ХАМАС показана роль негосударственных вооруженных акторов в столкновениях на Ближнем Востоке. Отдельное внимание уделяется арабо-израильскому конфликту. Автор отмечает, что появление у суннитских монархий и Израиля общего противника, которым стал Иран, привело к смягчению арабо-израильских взаимоотношений. Также автор рассматривает механизмы политического урегулирования межтаджикского конфликта 1992—1997 гг. [Звягельская 2018: 191—195].

Следует отметить, что монография И.Д. Звягельской посвящена чрезвычайно актуальной проблематике. Она может быть полезна как специалистам-политологам, так и широкому кругу читателей, интересующихся современными тенденциями мирового развития и особенностями политических процессов на Ближнем Востоке и в Центрально-Азиатском регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия. Глобальные тренды в региональном исполнении. М.: Аспект Пресс, 2018.

Дата поступления статьи: 14.11.2018

Для цитирования: *Кириченко В.П.* Рецензия на монографию: Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия. Глобальные тренды в региональном исполнении. — М.: Аспект Пресс, 2018. — 224 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 981—983. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-981-983.

Сведения об авторе: *Кириченко Владимир Павлович* — младший научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (e-mail: black-whit@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-981-983

Book Review:

Zvyagelskaya, I.D. (2018). Middle East and Central Asia. Global Trends in Regional Performance. Moscow: Aspect Press, 224 p. (in Russian)

V.P. Kirichenko

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

REFERENCES

Zvyagelskaya, I.D. (2018). *Middle East and Central Asia. Global Trends in Regional Performance*. Moscow: Aspect Press.

Received: 14.11.2018

For citations: Kirichenko, V.P. (2018). Book Review: Zvyagelskaya, I.D. (2018). Middle East and Central Asia. Global Trends in Regional Performance. Moscow: Aspect Press, 224 p. (in Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 981—983. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-981-983.

About the author: *Kirichenko Vladimir Pavlovich* — Junior Researcher, Center for the Study of Common Problems of the contemporary East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: black-whit@yandex.ru).

© Кириченко В.П., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-984-987

Рецензия на монографию:

Prifti B. US Foreign Policy in the Middle East: The Case for Continuity.
Palgrave Macmillan, 2017. 232 p.

О.А. Хлопов

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация

Ближний Восток на протяжении многих столетий притягивает внимание исследователей, политиков, людей разных профессий. Уникальное географическое положение на перекрестке путей из Азии, Европы, Африки, глубокая история, колыбель нескольких цивилизаций, наличие разных общностей, языков и государств — все это придает Ближнему Востоку особое политическое значение для мировой политики.

Для США и их западных союзников Ближний Восток является одним из самых стратегически важных регионов мира, по крайней мере, с конца Второй мировой войны. После окончания холодной войны, ухода СССР, социальных и политических потрясений на Ближнем Востоке многие эксперты стали утверждать, что геостратегическая важность Ближнего Востока угасает.

Однако конфликт в Сирии показал, что это ложное предположение. Во-первых, Ближний Восток по-прежнему остается одним из крупнейших мировых производителей нефти и, несмотря на «сланцевую революцию» в США, стабильность глобальных рынков будет по-прежнему находиться в зависимости от ближневосточной нефти. Во-вторых, ввиду географической близости к Европе при современных средствах транспорта любые политические кризисы, «цветные революции», вооруженные конфликты представляют опасность для большинства европейских стран, угрожая глобальной стабильности и безопасности. Ситуация с ИГ¹ и сирийский кризис привели в движение неконтролируемые иммиграционные потоки в Европу, что является лишь последними примерами такой опасности. В-третьих, важность региона также зависит от стратегического расклада интересов ключевых игроков региона: Израиля, Ирана, Турции, России, Китая. Наконец, от политического развития на Ближнем Востоке зависит судьба радикального исламизма, который носит экспансионистский, воинствующий характер.

В своей монографии молодой американский исследователь Б. Прифти представил всеобъемлющий исторический обзор внешней политики Соединенных Штатов на Ближнем Востоке, начиная со второй половины XX в. до прихода к власти администрации Д. Трампа. В работе подчеркивается значимая роль

¹ Организация запрещена в РФ.

географии и регионального распределения власти и сил в мировой политике. Одно из главных авторских утверждений — Соединенные Штаты на протяжении семи десятилетий преследуют одни и те же геостратегические цели.

В то время как большинство исследователей и экспертов по ближневосточной политике США говорят о ее больших сдвигах и переменах, Б. Прифти утверждает, что на самом деле существует преемственность внешнеполитического курса США в отношении Ближнего Востока. В основе его анализа — классическая геополитика, которая, по мнению Б. Прифти, лежит в основе истории внешней политики США и «оставляет американским политикам мало выбора, кроме как сосредоточиться на предотвращении появления гегемона в этом критически важном регионе» [Prifti 2017: 36].

В работе также представлен сравнительный исторический анализ внешней политики США в отношении Ближнего Востока в контексте проблем национальной безопасности США. При этом автор осознает склонность экспертов утверждать, что внешняя политика США хаотична и беспорядочна, меняется от одной администрации к другой. Однако этот взгляд, по его мнению, ошибочен, если смотреть на действия США в исторической перспективе.

Пожалуй, наибольший интерес при прочтении книги вызывают теоретико-методологические основы рассуждений Б. Прифти о доказательстве роли США как основного государства-гегемона на Ближнем Востоке, изложенные во второй главе «Внешняя политика США с точки зрения развития теории международных отношений». В ней Б. Прифти акцентирует внимание на том, что для любого исследования важны точка зрения и теоретические основы анализа, хотя, как признается автор, ни одна теория не сможет объяснить все.

Весь анализ работы Б. Прифти исходит из двух основных классических теоретических основ международных отношений: *геополитики* и *теории наступательного политического реализма*.

Начиная рассуждения о важности географического фактора во внешней политике государства, автор отмечает значимость работ Х. Маккиндера, Н. Спайкмена, А. Мэхена, Зб. Бжезинского, К. Каплана, Дж. Миршаймера, которые указывали на важность географии в мировой политике, высоко оценивает их вклад в формирование геополитических основ внешней политики США. При этом автор неоднократно цитирует работы американского геополитика Николаса Спайкмена [Spykman 2007].

Развивая тезис о новой роли США в послевоенный период и необходимости сохранения статуса глобального гегемона в начале XXI в., Б. Прифти доказывает важность и раскрывает значение новой геополитической концепции, а точнее, «большой стратегии оффшорного балансирования» (*grand strategy of offshore balancing*), которая лежит в основе современной внешней политики США.

Оффшорное балансирование (offshore balancing) — это концепция стратегического, геополитического анализа. Она описывает стратегию, в которой великая держава использует привилегированные региональные полномочия для сдержки-

вания роста потенциально враждебных государств. Автором этого термина является К. Лайн, который впервые ввел это понятие в своей статье, опубликованной в 1997 г. [Layne 1997].

Наступательный реализм является структурной теорией, одним из теоретических направлений неореализма в международно-политической науке. Согласно этой концепции, конечная цель каждой великой державы — максимизировать свое влияние в мире и в конечном итоге доминировать в системе международных отношений. Впервые эта концепция была сформулирована американских политологом Дж. Миршаймером, который считает, что анархический характер международной системы несет ответственность за агрессивное поведение государств в международной политике [Mearsheimer 2001].

Как отмечает сам Б. Прифти, концепция наступательного реализма дает исчерпывающее объяснение внешней политики США в отношении Ближнего Востока за последние семь десятилетий. «Есть несколько причин, по которым я выбрал наступательный реализм как теоретическую основу для этого исследования. Наступательная внешняя политика — это не вопрос выбора для США. Она просто необходима для того, чтобы избежать возможного окружения Западного полушария и, следовательно, прямого нападения на нашу территорию со стороны других великих держав. Проведение изоляционистской внешней политики или даже опора на континентальную оборону (оборону только Западного полушария) было бы самоубийством для США» [Prifti 2017].

В конечном итоге Б. Прифти приходит к выводу, что конфликтность в мире и стремление трех великих держав — России, Китая, Ирана — бросить вызов гегемонии США заставляют Соединенные Штаты действовать наступательным способом, защищая свой статус в международной системе [Prifti 2017].

Интересен вывод автора относительно будущего внешней политики США в отношении Ирана. Несмотря на существующие ограничения в двусторонних отношениях, США и Иран связывают взаимные геостратегические интересы и склонны к сотрудничеству, а не к конфликту. Дело Иран-контрас, война в Афганистане в 2001 г., война в Ираке в 2003 г. и борьба против ИГ обеспечивают достаточные доказательства в поддержку этого тезиса.

Б. Прифти приходит к выводу, что «до тех пор, пока агрессоры стремятся к установлению своей региональной гегемонии любой ценой, Соединенным Штатам остается только один выбор: предотвращение любой ценой появления другого гегемона, даже ценой развязывания войн в любой части мира. И это трагедия внешней политики США, трагедия, которая сопровождала все предыдущие доминирующие державы и империи» [Prifti 2017: 36].

В целом можно сказать, что книга Б. Прифти — это серьезный, систематизированный теоретический труд. Несмотря на то что книга содержит односторонний анализ политики США в отношении Ближнего Востока, это интересная книга, заслуживающая тщательного изучения. Она дает понять мотивы, истоки и принципы современной внешней политики США и рекомендуется для тех, кто заинтересован в понимании политики США в этом важном регионе мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Layne, C. (1997). From Preponderance to Offshore Balancing, America's Future Grand Strategy. *International Security*, 22(1), 86—124. URL: https://calhoun.nps.edu/bitstream/handle/10945/43144/Layne_Christopher_From_Preponderance_1997.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 12.10.2018).
- Mearsheimer, J. (2001). *The Tragedy of Great Power Politics*. NY: W.W. Norton.
- Prifti, B. (2017). *US Foreign Policy in the Middle East: The Case for Continuity*. Palgrave Macmillan.
- Spykman, N.J. (2007). *American's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power*. New Brunswick: Transaction Publishing.

Дата поступления статьи: 15.11.2018

Для цитирования: *Хлопов О.А.* Рецензия на монографию: Prifti B. *US Foreign Policy in the Middle East: The Case for Continuity*. Palgrave Macmillan, 2017. 232 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 984—987. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-984-987.

Сведения об авторе: *Хлопов Олег Анатольевич* — кандидат политических наук, доцент кафедры американских исследований факультета мировой политики и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: univer619@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-984-987

Book Review:

Prifti, B. (2017). *US Foreign Policy in the Middle East: The Case for Continuity*. Palgrave Macmillan, 232 p.

O.A. Khlopov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Received: 15.11.2018

For citations: Khlopov, O.A. (2018). Book Review: Prifti, B. (2017). *US Foreign Policy in the Middle East: The Case for Continuity*. Palgrave Macmillan, 232 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 984—987. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-984-987.

About the author: *Khlopov Oleg Anatolyevich* — PhD in Political Science, Associate Professor of the Chair of American Studies of the Russian State University for the Humanities (RSUH) (e-mail: univer619@mail.ru).

© Хлопов О.А., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-988-991

Рецензия на монографии:

Non-State Armed Actors in the Middle East. Geopolitics, Ideology, and Strategy / Ed. by M. Yesiltas and T. Kardas. Palgrave Macmillan, 2018. 278 p.; Kapur S. Jihad as Grand Strategy. Islamist Militancy, National Security, and the Pakistani State. Oxford University Press, 2017. 185 p.

О.С. Чикризова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Монография «Негосударственные вооруженные акторы на Ближнем Востоке. Геополитика, идеология и стратегия» написана коллективом турецких авторов, которые поставили перед собой задачу рассмотреть организационную структуру негосударственных вооруженных акторов (НГВА) в ближневосточном регионе, их цели и стратегии, а также методы вербовки новых боевиков.

Авторы монографии критически анализируют новые тенденции развития ситуации на Ближнем Востоке, возникшие после событий «арабской весны», уделяя особое внимание появившимся после нее НГВА и влиянию, которое они оказывают на рост уровня насилия и нестабильности в регионе.

Особую ценность работе турецких исследователей придает наличие в ней анализа малоизученных пока аспектов деятельности НГВА, таких как использование ядерного и радиологического оружия джихадистскими группировками, процесс принятия политических решений в курдской организации «Отряды народной самообороны» (Yekîneyên Parastina Gel, YPG), растущая значимость шиитских милиций (например, «Хашд Шааби») в региональных конфликтах, а также причины устойчивого роста числа иностранных боевиков, воюющих на стороне различных ближневосточных НГВА.

Турецкие аналитики отмечают, что в настоящее время НГВА трансформируются: из «прокси» крупных региональных и внерегиональных акторов они превращаются в самостоятельных игроков, имеющих собственные интересы и собственную повестку дня в ближневосточных делах [Yesiltas, Kardas 2018: 38]. Более того, НГВА фактически осуществляют свою «внешнюю политику», что стало возможным благодаря особой организационной структуре НГВА, четкому военному управлению, а также расширению политического представительства данных организаций на мировой арене. НГВА ставят себя выше той правосубъектности и легитимности, которыми обладают традиционные государства, и пытаются легитимизировать себя посредством идеологии и/или вооруженной борьбы, оправдать свое насилие «легальными» мотивами или моральным правом [Yesiltas, Kardas 2018: 50]. Именно этим объясняется введение «законов» на территориях,

подконтрольных тому или иному НГВА (ярчайший пример здесь — законодательство, внедряемое ИГ¹ на территориях «Халифата»). В свою очередь, для курдских НГВА такой легитимацией служит борьба против ИГ, которую курды ведут вместе с Россией и США. Участвуя (даже неформально) в коалициях по борьбе с ИГ, курды получают так необходимое им политическое признание и представительство.

Важным фактором, приведшим к повышению значимости НГВА на Ближнем Востоке, стал глубокий кризис государственности в регионе, который вызвал целый ряд негативных последствий. Однако в контексте проблемы, которой посвящена рецензируемая монография, наиболее важно то, что государство, которое всегда было призвано быть гарантом стабильности и безопасности человека и общества, в последние годы превратилось в источник нестабильности и опасности. Авторы отмечают, что возникновение НГВА стало естественной реакцией на такую трансформацию института государства: этнические и конфессиональные группы вынуждены в сложившихся условиях создавать собственные механизмы политического управления [Yesiltas, Kardas 2018: 264]. При этом возникновение и деятельность НГВА вызывает к жизни новые, трансграничные формы социального взаимодействия, нарушающие и без того хрупкий региональный баланс сил и создающие новую концепцию территориальности в международных отношениях, а следовательно, разрушающие структуру ныне существующего регионального порядка. Символами формирующегося, нового Ближнего Востока становятся города (Коббани, Идлиб, Мосул и др.) и площади. Лояльность населения той или иной власти также становится трансграничной, что, в свою очередь, ведет к еще более широкому распространению НГВА [Yesiltas, Kardas 2018: 263].

Монография П.С. Капура «Джихад как „Большая стратегия“. Исламистская воинственность, национальная безопасность и пакистанское государство» посвящена анализу «Большой стратегии» Пакистана и оценке ее эффективности.

В отличие от своих турецких коллег, П.С. Капур рассматривает НГВА и их деятельность в контексте их использования в роли «прокси» государств-спонсоров. При этом П.С. Капур не отрицает, что НГВА могут оказывать влияние на интересы данных государств [Kapur 2017: 7].

П.С. Капур называет джихад центральным элементом пакистанской «Большой стратегии». По мнению автора, Пакистан с момента своего возникновения достаточно успешно использует радикальные исламистские организации в своих политических интересах. Это имело место не только в Афганистане, где Пакистан участвовал в «джихаде» против Советского Союза, но и в Кашмире в ходе длительного конфликта с соседней Индией [Kapur 2017: 81—110]. Использование исламистов в качестве «прокси» очень выгодно Пакистану, поскольку это обходится дешевле, чем содержание регулярных вооруженных сил. При этом ведение борьбы с соперником при помощи «прокси» позволяет повысить «уровень» силовой реакции на действия противника, так как снимает всякие ограничения и ответственность международно-правового, а иногда и морального характера в ходе ведения вооруженной борьбы [Kapur 2017: 14].

¹ Организация запрещена в РФ.

Однако в использовании исламистов в качестве «прокси» для Пакистана есть и серьезный минус: если государство слабо — в институциональном ли плане или в экономическом, — то ему будет сложно держать под контролем НГВА-«прокси» [Kapur 2017: 27].

Таким образом, П.С. Капур приходит к выводу, что, вопреки расхожему мнению, джихад в качестве основы «Большой стратегии» для Пакистана оказался отличным решением, поскольку позволяет Исламабаду, во-первых, поддерживать внутривнутриполитическую сплоченность в государстве; во-вторых, частично компенсировать дисбаланс в материальных ресурсах в противостоянии с Индией; в-третьих, продолжать подрывать контроль Индии над Кашмиром; наконец, защищать интересы Пакистана в огромном регионе Южной Азии, в частности, в Афганистане [Kapur 2017: 111]. По мнению автора, эти плюсы перевешивают все возможные минусы; ученый называет данную стратегию «оптимальной» в условиях, когда стране приходится реагировать на огромное количество «геостратегических вызовов» [Kapur 2017: 111].

Рецензируемые монографии, посвященные новой проблеме роли негосударственных вооруженных акторов на Ближнем и Среднем Востоке, проясняя ряд малоизученных аспектов возникновения и функционирования НГВА, ставят перед исследователями целый ряд вопросов, намечая тем самым перспективные направления дальнейших исследований в данной области. Не претендуя на всеохватность анализа, авторы все же смогли под новым углом взглянуть на причины, вызвавшие к жизни распространение НГВА в конкретных регионах мира. Монографии представляют значительный интерес как для ученых, занимающихся проблематикой Ближнего и Среднего Востока, так и для тех, кто на практике взаимодействует с НГВА в ходе урегулирования региональных конфликтов. Обе книги вносят неоценимый вклад в понимание такого нового явления в мировой политике, как НГВА.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Kapur, S. (2017). *Jihad as Grand Strategy. Islamist Militancy, National Security, and the Pakistani State*. Oxford University Press.
- Yesiltas, M. & Kardas, T. (Eds.). (2018). *Non-State Armed Actors in the Middle East. Geopolitics, Ideology, and Strategy*. Palgrave Macmillan.

Дата поступления статьи: 12.12.2018

Для цитирования: Чикризова О.С. Рецензия на монографии: *Non-State Armed Actors in the Middle East. Geopolitics, Ideology, and Strategy* / Ed. by M. Yesiltas and T. Kardas. Palgrave Macmillan, 2018. 278 p.; Kapur S. *Jihad as Grand Strategy. Islamist Militancy, National Security, and the Pakistani State*. Oxford University Press, 2017. 185 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 988—991. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-988-991.

Сведения об авторе: Чикризова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: chikrizova-os@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-988-991

Book Review:

Yesiltas, M. & Kardas, T. (Eds.). (2018). *Non-State Armed Actors in the Middle East. Geopolitics, Ideology, and Strategy*. Palgrave Macmillan, 278 p.; Kapur, S. (2017). *Jihad as Grand Strategy. Islamist Militancy, National Security, and the Pakistani State*. Oxford University Press, 185 p.

O.S. Chikrizova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation

Received: 12.12.2018

For citations: Chikrizova, O.S. (2018). Book Review: Yesiltas, M. & Kardas, T. (Eds.). (2018). *Non-State Armed Actors in the Middle East. Geopolitics, Ideology, and Strategy*. Palgrave Macmillan, 278 p.; Kapur, S. (2017). *Jihad as Grand Strategy. Islamist Militancy, National Security, and the Pakistani State*. Oxford University Press, 185 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 988—991. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-988-991.

About the author: *Chikrizova Olga Sergeevna* — PhD in History, Senior Lecturer, Theory and History of International Relations Department, RUDN University (e-mail: chikrizova-os@rudn.ru).

© Чикризова О.С., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-992-995

Рецензия на монографию: Ныгусие Кассае В.М. Хайле Селассие I — император Эфиопии. — М.: РУДН, 2016. — 424 с.

М.Л. Вольпе

Хайле Селассие I — крупнейший политический деятель, с именем которого связаны практически все события, определившие судьбу Эфиопии первых двух третей XX в. В соответствии с официальной генеалогией он считался 225-м императором так называемой Соломоновой династии и стал последним монархом, свержение которого в 1974 г. ознаменовало конец одной из древнейших монархий в мире. Трудно припомнить имя другого монарха, который при жизни оказал настолько сильное мистическое влияние на своих подданных, что после его смерти вокруг его имени возник бы религиозный культ. С Хайле Селассие I случилось именно это: в мире десятки (если не сотни) тысяч людей исповедуют растафаризм — религию, центральной фигурой поклонения в которой является Рас Тафери (Тефери), как звали Хайле Селассие до восшествия на эфиопский престол.

Монография Ныгусие Кассае Вольде Микаэля, подробно освещающая жизнь и деятельность этого незаурядного правителя, является первым столь обширным исследованием биографии Хайле Селассие I на русском языке. Уже это позволяет говорить о ее несомненной значимости для российской эфиопистики. На основе многочисленных архивных документов, свидетельств современников, публикаций известных специалистов из разных стран автор книги создает впечатляющую картину длительного и противоречивого жизненного пути политика, личность и поступки которого оказали непосредственное влияние на судьбу многомиллионной страны. В течение нескольких десятилетий в середине прошлого века весьма ощутимо было воздействие этого человека также на международную политику, прежде всего на африканском континенте. Материалы, которые использует автор монографии, и суждения, которые он выносит, анализируя столь разнообразные источники, позволяют читателям получить весьма полное представление о том, какой была Эфиопия в период правления этого монарха.

В книге получили освещение все основные этапы деятельности императора Хайле Селассие. Весьма информативен раздел, посвященный начальному этапу, когда молодой, амбициозный губернатор провинции Харарге Тефери Меконнын вступил в борьбу за верховную власть. В то время, в начале XX в., эфиопское государство на региональном уровне представляло собой феодальную империю, которой не без труда удавалось защитить свой суверенитет от посягательств европейских колониальных держав. В то же время эта империя довольно успешно пыталась расширить свою территорию и влияние за счет более слабых соседей, особенно на южных окраинах. Детально, что не часто встречается в публикациях

на эту тему, излагаются перипетии схватки за трон различных группировок, приближенных к умирающему императору Менелику II. События, которые в 1916 г. привели к отстранению от власти признанного наследника престола Лиджа Иясу и воцарению ставленницы шоанской знати Зоудиту, вопреки распространенному мнению, автор монографии не склонен считать государственным переворотом. «Но мы считаем это закономерным, естественным и необходимым исходом: отстранение императора (Лиджа Иясу. — *М.В.*) спасло Эфиопскую империю от распада», — отмечает Ньгусие Кассае В. Микаэль [Ньгусие Кассае 2016: 40, 43]. На наш взгляд, это спорное утверждение, которое требует дополнительных обоснований. Ничто не указывало на то, что, если бы Лидж Иясу остался императором, страна бы вновь распалась на несколько феодальных княжеств. Другое дело, что, если бы Тефери Меконнину, который возглавил заговор против легитимного императора и в итоге стал регентом при новой императрице, а спустя 14 лет сам вззошел на трон под именем Хайле Селассие I, не удалось бы тогда свергнуть Лиджа Иясу, вполне могли появиться другие игроки. Не исключено, что Лидж Иясу все-таки не удержал бы власть, слишком уж непопулярной была его политика (прежде всего, его происламские настроения) в среде традиционной эфиопской элиты.

В конце 1930 г., после кончины императрицы Зоудиту, Тефери Меконнн официально вззошел на трон под именем Хайле Селассие I. Начался новый, длившийся более сорока лет, период его биографии. В последующее десятилетие наиболее драматические события были связаны с военной агрессией фашистской Италии. Б. Муссолини захватил Эфиопию. Император был вынужден покинуть страну и почти до самого освобождения находился вне ее пределов, что уронило его престиж в глазах народа, который не прекращал партизанской войны против захватчиков. Через пять лет при помощи британских войск итальянцы были изгнаны. Эфиопия вновь обрела независимость. В рецензируемой монографии эти события освещены детально и, как представляется, вполне объективно. Было бы желательно, однако, более акцентированно поместить изложение этих событий в контекст надвигающейся Второй мировой войны. По сути, итальянское вторжение в Эфиопию явилось первым ее существенным проявлением.

В 1950—1960-е гг. императору удалось добиться признания Эфиопии в качестве влиятельного участника политических процессов на африканском континенте. Зримым подтверждением этого стал перенос в 1963 г. штаб-квартиры Организации Африканского единства (ОАЕ) в Аддис-Абебу. Вместе с тем становилось все более очевидно, что реформаторский пыл, свойственный молодому Хайле Селассие, с течением времени стал угасать. Внутреннее напряжение в стране, вызванное сохраняющейся социально-экономической отсталостью, отчаянной нищетой подавляющего большинства населения, нерешенностью национальных проблем (например, насильственная амхаризация в ряде провинций, населенных этническими меньшинствами, те же сложности с Эритреей, столкновения в пограничном с Сомали Огадене, возрастающая активность многочисленного, по преимуществу мусульманского народа оромо, который считал себя ущемленным в религиозных и политических правах) — все это не могло не подрывать стабиль-

ность императорского режима. Поначалу с этими трудностями удавалось сладить. Однако первый за длительное время серьезный кризис, не связанный с внешней угрозой, — попытка военного переворота во главе с братьями Менгисту и Гермаме Нывая — произошел в конце 1960 г. Это выступление военных удалось подавить, но оно стало тревожным сигналом для императорской власти, что в государстве не все благополучно.

Несколько странно звучит утверждение автора книги, что к началу 1970-х гг., «несмотря на прогрессивную политику, императору не удалось добиться интеграции эфиопского общества» [Ныгусие Кассае 2016: 325]. В том-то и дело, что к этому времени император словно утратил ощущение реальной почвы под ногами. Его действия вовсе не свидетельствуют о прогрессивности. Похоже, единственное, к чему он стремился в конце жизни, было дальнейшее укрепление личной власти без учета изменившейся реальности. Это привело его к гибели, а его режим к полному краху. Изложение конкретных событий в книге подтверждает этот вывод. Ссылаясь на Дж. Спенсера, американского советника императора по международным вопросам, который в своих воспоминаниях отмечал неадекватность Хайле Селассие в последний период, Ныгусие Кассае В. Микаэль пишет: «Можно согласиться с мнением Дж. Спенсера, поскольку в 1970-е гг. действия Хайле Селассие I в области внешней и внутренней политики были далеки от решения реальных проблем, вставших перед Эфиопской империей» [Ныгусие Кассае 2016: 353]. Такая оценка не вызывает возражений.

Подводя итоги, автор монографии приходит к однозначно положительному выводу о сущности правления этого императора: «От своего предшественника Лиджа Иясу Хайле Селассие I принял страну, которая занимала последнее место в системе мирового хозяйства. Это было государство, где царили хаос и беззаконие, где правили корысть и вопиющая некомпетентность, а войско местных царьков превосходило по оснащению и выучке армию императора» [Ныгусие Кассае 2016: 374]. И далее: «Хайле Селассие I создал сильное централизованное государство, ликвидировав феодальную раздробленность и рабство, объективно содействовал становлению демократических начал, формированию эфиопской нации» [Ныгусие Кассае 2016: 381]. Пожалуй, это категорическая оценка, особенно в части экономического положения страны и прогресса демократии. Ведь в момент краха монархического режима Эфиопия, как и в начале XX в., оставалась одной из самых малоразвитых экономически стран; говорить о становлении демократических начал в жестко абсолютистской системе тоже вряд ли уместно. Военный переворот 1974 г. еще при жизни императора снова вверг страну в хаос и беззаконие.

Книга Ныгусие Кассае В. Микаэля является фактологически весьма насыщенным исследованием, проясняющим многие события и процессы, происходившие в Эфиопии в XX в. Автор глубоко и интересно анализирует обстановку в стране при Хайле Селассие, ярко описывает личность императора и его деятельность. При спорности некоторых оценок в настоящее время это, несомненно, наиболее компетентный труд на данную тему.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ныгусие Кассе В.М. Хайле Селассие I — император Эфиопии. М.: РУДН, 2016.

Дата поступления статьи: 15.10.2018

Для цитирования: *Вольпе М.Л.* Рецензия на монографию: Ныгусие Кассе В.М. Хайле Селассие I — император Эфиопии. — М.: РУДН, 2016. — 424 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 992—995. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-992-995.

Сведения об авторе: *Вольпе Михаил Львович* — кандидат филологических наук, писатель (e-mail: ml511@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-992-995

Book Review:

Nigusie Kassae V.M. (2016). Haile Selassie I — Emperor of Ethiopia. Moscow: RUDN University publ., 424 p. (in Russian)

M.L. Volpe

REFERENCES

Nigusie Kassae, V.M. (2016). *Haile Selassie I — Emperor of Ethiopia*. Moscow: RUDN University publ.

Received: 15.10.2018

For citations: Volpe, M.L. (2018). Book Review: Nigusie Kassae V.M. (2016). Haile Selassie I — Emperor of Ethiopia. Moscow: RUDN University publ., 424 p. (in Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 992—995. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-992-995.

About the author: *Volpe Mikhail L'vovich* — PhD in Philology, writer (e-mail: ml511@yandex.ru).

© Вольпе М.Л., 2018

**КАФЕДРА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РУДН**

**НАУЧНЫЙ СЕМИНАР НА ТЕМУ
«НЕЗАПАДНЫЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.
ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ МО
В СТРАНАХ АЗИИ, АФРИКИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ»**

*Руководитель семинара — доцент кафедры ТИМО, кандидат политических наук
Е.Н. Грачиков*

Проблематика: обсуждаются национальные школы международных отношений и основные концепции и теории мировосприятия в странах «Глобального Юга». В 2018/2019 уч. году акцент будет сделан на Азии. Следующий год — Бл. Восток и Африка, затем — Африка, в 2020—2021 — Латинская Америка

Участники: представители ведущих вузов РФ (РУДН, МГИМО, МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ), институтов РАН (Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН), региональные вузы, представители стран «Глобального Юга» и ведущие западные исследователи (в формате телемостов)

Итог работы: коллективная научная монография на русском языке «Становление национальных школ МО в странах Азии» (Аспект-Пресс) и английском языке (Palgrave Macmillan)

Темы семинаров на 2018/2019 год:

1. **30 октября 2018.** «Может ли евразийство стать основой российской ТМО?»
Российская наука о международных отношениях, неоевразийство
2. **23 ноября 2018.** «Японские, корейские и монгольские концепции мироустройства: перспективы паназиатской модели».
Основные школы и ТМО Японии, Республики Корея, Монголии
3. **Февраль 2019.** Китайская школа ТМО. Часть I
Идеализм, реализм, конструктивизм
4. **Март 2019.** Китайская школа ТМО. Часть II
Международный симбиоз, социальная теория международных отношений
5. **Апрель 2019.** Школы ТМО стран ЮВА
Основные школы и ТМО Малайзии, Индонезии, Вьетнама

Координаты:

Грачиков Евгений Николаевич, grachikov-en@rudn.ru
Кафедра ТИМО РУДН, humanities.ir@rudn.ru